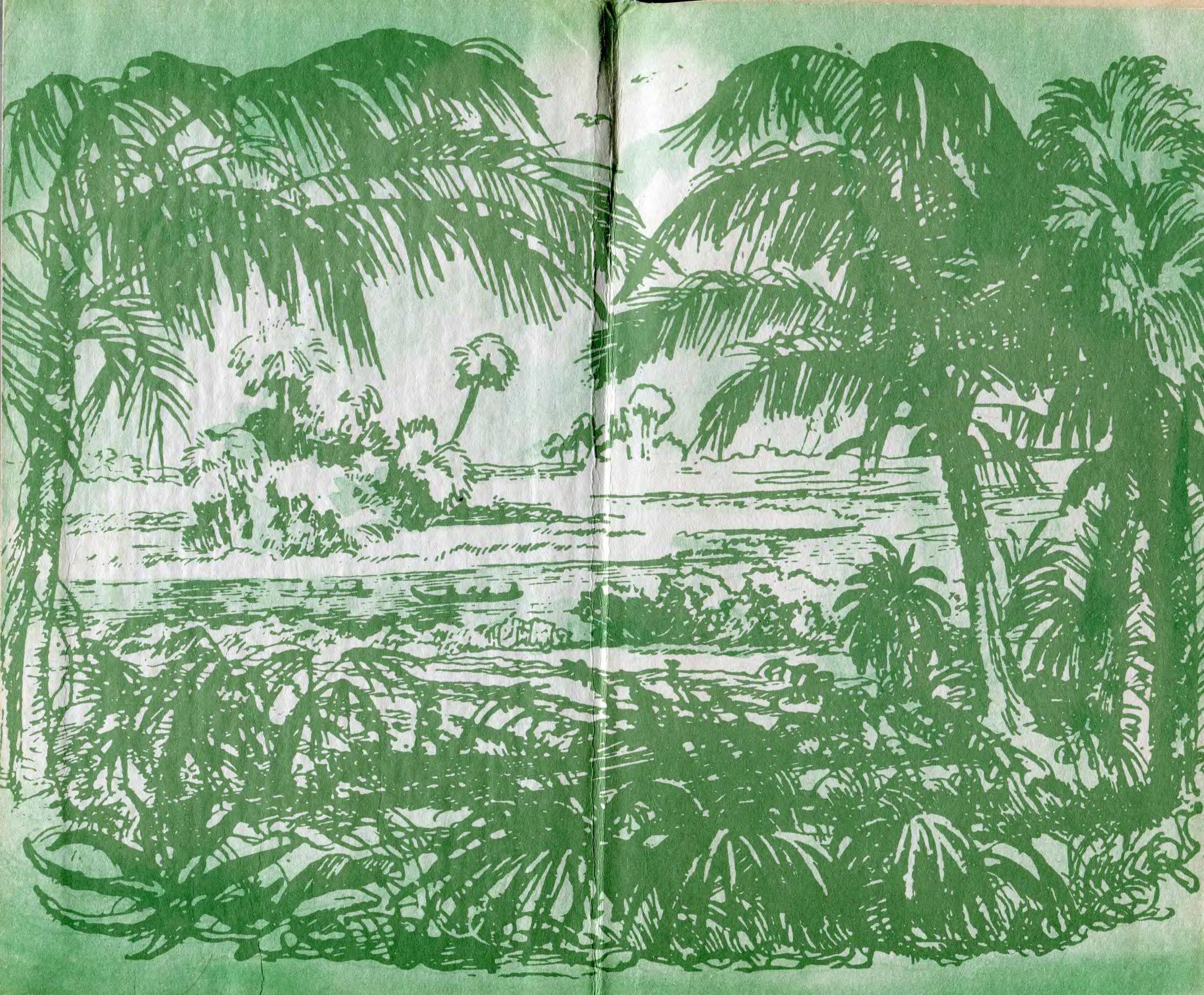

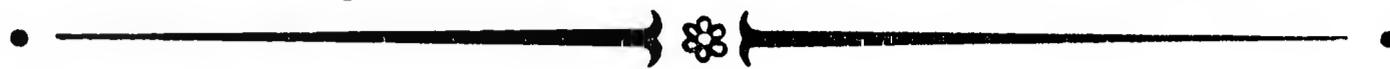

**МАЙН РИД
ОЩЕЛА,
ВОЖДЬ СЕМНОЛОВ**

Q

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

НОВОСИБИРСК ~ 1991

МАЙН РИД

ОЦЕОЛА,
ВОЖДЬ СЕМИНОЛОВ

Повесть о Стране Цветов

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Сибирское отделение
1991

ББК 84. 4 Вл
М 14

Перевод с английского
Б. ТОМАШЕВСКОГО

Послесловие
А. ВАЩЕНКО

Рисунки
И. КУСКОВА

МАЙН РИД

М 14 **Оцеола, вождь семинолов. Повесть о Стране Цветов: Роман/Пер. с англ. Б. Томашевского; Послесл. А. Ващенко; Рис. И. Кускова.— Переиздание.— Новосибирск: Дет. лит., 1991.— 368 с., ил.— (Б-ка приключений и научной фантастики).**

ISBN 5-08-007468-X

Один из известных романов классика английской литературы, созданный накануне Гражданской войны между Севером и Югом. В романе дана широкая картина борьбы индейцев против американских колонизаторов

М **4804010100—018**
М101(03)—91 Без объявл.

ББК 84. 4 Вл

ISBN 5-08-007468-X

© Издательство «Детская литература», 1989

Глава I
СТРАНА ЦВЕТОВ

LINDA FLORIDA! Прекрасная Страна Цветов! Так приветствовал тебя смелый испанец, искатель приключений, впервые увидевший твои берега с носа своей каравеллы¹.

Было вербное воскресенье, праздник цветов, и благочестивый кастилец усмотрел в этом совпадении доброе предзнаменование. Он нарек тебя Флоридой, и поистине ты достойна этого гордого имени.

¹ Флорида была открыта в 1513 году испанским мореплавателем Хуаном Понсе де Леон.

С тех пор прошло триста лет¹. Миновало целых три столетия, но, как и в первый день открытия, ты достойна носить это нежное имя. Ты так же покрыта цветами, как и три века назад, когда Хуан де Леон впервые ступил на твои берега. Да и сейчас ты так же прекрасна, как в дни сотворения мира!

Твои леса все еще девственны и нетронуты, твои саванны полны зелени, твои рощи благоухают ароматами аниса, апельсинового дерева, мирта и магнолии. Голубая иксия сверкает на твоих равнинах, золотистая нимфея отражается в твоих водах. На твоих болотах возвышаются огромные кипарисы, гигантские кедры, эвкалипты и лавры. Сосны окаймляют твои холмы, покрытые серебристым песком, и смешивают свою хвою с листвой пальм. Странная прихоть природы: в этом мягком, благодатном крае встречаются все виды растительности — деревья севера и юга растут бок о бок, сплетая свои ветви.

Прекрасная Флорида! Кто может смотреть на тебя без волнения, кто может отрицать, что ты благословенная страна, кто может, подобно первым путешественникам, не поверить, что из твоего лона бьют волшебные источники, которые возвращают юность и даруют бессмертие?! Неудивительно, что эта сладостная и пленительная мечта овладела умами многих — в нее уверовали. Эта слава, гораздо больше, чем серебро Мексики или золото Перу, привлекала сюда тысячи искателей приключений, стремившихся вернуть себе молодость в твоих прозрачных водах. Не один смельчак, в погоне за призрачными иллюзиями, нашел в этих опасных путешествиях преждевременную старость и даже гибель. Но можно ли удивляться таким безумным поступкам! Даже и в наше время вряд ли можно назвать это иллюзией, а в тот романтический век поверить в эту мечту было еще легче. Если открыт новый мир, почему же не открыть и новый способ жить? Люди увидели страну, где вечно шелестит листва, где не вянут цветы, где неумолчно поют птицы, где никогда не бывает зимы, где ничто не напоминает о смерти. Не эти ли чудеса заставили людей поверить, что, вдыхая ароматы такой благословенной земли, они станут бессмертными?

Эта наивная мечта давно исчезла, но красота, породившая ее, продолжает жить. Прекрасная Флорида, ты осталась

¹ Роман «Оцеола, вождь семинолов» написан Майн Ридом в 1858 году.

все той же Страной Цветов! Твои рощи по-прежнему зеленеют, твое небо безоблачно, твои воды прозрачны, ты по-прежнему блистаешь красотой! И все же здесь что-то изменилось. Природа осталась все той же. А люди?

Где тот народ с медным цветом лица, который был вскормлен и вспоен тобой? На твоих полях я вижу теперь только белых и негров, но не краснокожих; европейцев и африканцев, но не индейцев. Неужели исчез древний народ, который некогда населял эти земли? Где же индейцы? Их нет! Они больше не бродят по тропам, поросшим цветами, их челны не скользят по твоим прозрачным рекам, их голосов не слышно в твоих лесах, полных ароматной прохлады, тетива их луков не звенит больше среди деревьев. Они ушли — ушли далеко и навсегда.

Но не по доброй воле ушли они. Ибо кто покинет тебя добровольно? Нет, прекрасная Флорида, твои краснокожие дети остались верны тебе, и тяжело им было расставаться с тобой. Долго отстаивали они любимую землю, где прошла их юность; долго вели они отчаянную борьбу, прославившую их навеки. Бледнолицым удалось вытеснить их из пределов родной земли только после жестоких битв и ценой гибели целых армий. Да, они ушли не добровольно. Они были насильно оторваны от тебя, как волчата от матери, и отеснены далеко на Запад. Тоска терзала их сердца, медленны были их шаги, когда они удалялись вслед заходящему солнцу. Молча, со слезами на глазах шли они вперед. Среди них не было ни одного, кто отправился бы в изгнание добровольно.

Неудивительно, что им не хотелось расставаться с тобой. Я прекрасно понимаю всю глубину их горя. Я тоже наслаждался красотой Страны Цветов и расставался с тобой, Флорида, с такой же неохотой. Я гулял в тени твоих величественных лесов и купался в твоих прозрачных потоках не с надеждой на возвращение молодости, а с ясным и радостным ощущением жизни и здоровья. Часто я лежал под широкой листвой твоих пальм и магнолий или отдыхал в зеленых просторах твоих саванн. И, устремив взоры в голубой эфир неба, я повторял про себя слова поэта:

О, если существует рай земной,
То вот он здесь, он здесь перед тобой!

ПЛАНТАЦИЯ ИНДИГО

Мой отец был владельцем плантации индиго. Его звали Рэндольф, и меня зовут так же, как и его: Джордж Рэндольф.

В моих жилах есть примесь индейской крови, так как мой отец принадлежал к семье Рэндольф с реки Роанок и вел свое происхождение от принцессы Покахонтас¹. Он гордился своим индейским происхождением — почти кичился этим. Быть может, европейцу это покажется странным, однако известно, что в Америке белые, у которых есть индейские предки, гордятся своим происхождением. Быть метисом² не считается позором, особенно если потомок туземцев имеет приличное состояние. Многие тома, написанные о благородстве и величии индейцев, менее убедительны, чем тот простой факт, что мы не стыдимся признать их своими предками. Сотни белых семейств утверждают, что они происходят от виргинской принцессы. Если их притязания справедливы, то прекрасная Покахонтас была бесценным кладом для своего мужа.

Я думаю, что мой отец действительно был ее потомком. Во всяком случае, он принадлежал к старой гордой колониальной семье. В молодости он владел сотнями черных рабов, но гостеприимство, граничащее с расточительностью, свело на нет его богатое наследство. Он не мог примириться с таким унижительным для него положением, собрал остатки своего состояния и уехал на юг, чтобы начать там новую жизнь.

Я родился еще до этой перемены в жизни отца и моя родина — Виргиния, но впервые я помню себя на берегах прекрасной реки Суони, во Флориде. Здесь протекало мое детство, здесь я узнал первые радости юности, первый

¹ Покахонтас (ок. 1595—1617 гг.) — дочь индейского вождя Поухаттана. Ее настоящее имя было Матоака. «Покахонтас» по-индейски значит «веселая», «шутливая». В 1614 году она вышла замуж за англичанина Джона Рольфа. Брак имел политическое значение, так как с ним связывалось улучшение отношений между англичанами и индейцами. В 1616 году Покахонтас прибыла в Англию. Семейство Рэндольф из Роанока (штат Виргиния) действительно происходит от потомков Покахонтас.

² Метисы — потомки от смешанных браков между белыми и индейцами.

пламень юношеской любви. Мы всегда отчетливо и на всю жизнь запоминаем места, где протекало наше детство.

Я снова вижу перед собой красивый дубовый дом, выкрашенный в белый цвет, с зелеными жалюзи на окнах. Его окружает широкая веранда с крышей, которую поддерживают резные деревянные колонны. Низкая балюстрада с легкими перилами отделяет дом от лужайки с цветником. Направо от дома находится апельсиновая роща, налево раскинулся огромный сад. За лужайкой простирается зеленая поляна, покато спускающаяся почти к самой реке. В этом месте река образует излучину, похожую на большое озеро, с лесистыми берегами и маленькими островками, которые как бы висят в воздухе. Кругом летает и плавает множество птиц. В озере плещутся белые лебеди, а дальше расстилается лес, где также порхают и щебечут самые разнообразные птицы.

На поляне растут большие пальмы с длинными остроконечными листьями и маленькие пальметто с широкими веерообразными листьями. Тут цветут магнолии и благоухающий анис, там — радужная корона юкки. Все это местные растения. На поляне возвышается еще один уроженец этих мест — огромный дуб, с горизонтальными ветками и плотными, как кожа, вечзелеными листьями, бросающими широкую тень на траву.

В тени я вижу прелестную девушку в легком летнем платье. Из-под белой косынки, покрывающей ее голову, выбиваются длинные локоны, сверкающие всеми оттенками золота. Это моя младшая, моя единственная сестра Виргиния. Золотые волосы она получила в наследство от матери, и по ним никак нельзя судить об ее индейском происхождении. Она играет со своими любимцами — с ланью и маленьким пестрым олененком. Она кормит их мякотью сладкого апельсина, и это им очень нравится. Около нее на цепочке сидит еще одна ее любимица — это черная белка с глянцевитой шерсткой и подвижным хвостом. Ее резвые прыжки пугают олененка, заставляя его удирать от белки и прижиматься к матери или искать защиты у моей сестры.

Кругом звенят птичьи голоса. Слышен переливчатый посвист золотистой иволги, гнездо которой находится в апельсиновой роще, а на веранде в клетке ей вторит пересмешник. Веселым эхом откликается он на песни алых кардиналов и голубых соек, порхающих среди магнолий. Он передразнивает болтовню зеленых попугаев, клюющих семена на высо-

ких кипарисах, растущих на берегу реки. Время от времени он повторяет резкие крики испанских кроншнепов, сверкающих серебряными крыльями высоко в небе, или свист ибисов, доносящийся с далеких островков на озере. Лай собак, мяуканье кошек, крик мулов, ржанье лошадей, даже человеческие голоса — самые разнообразные звуки воспроизводит этот несравненный певец.

Позади дома открывается совершенно иное зрелище — может быть, не столь привлекательное, но не менее оживленное. Здесь кипит работа. К дому примыкает обширное пространство, огороженное решеткой. В центре его возвышается огромный навес, занимающий пол-акра земли. Его поддерживают крепкие деревянные столбы. Под навесом виднеются громадные продолговатые чаны, выдолбленные из кипарисовых стволов. Три чана, установленные один над другим, сообщаются между собой посредством кранов. В этих чанах размачивается драгоценное растение — индиго, и из него извлекается краска синего цвета.

Поодаль рядами стоят одинаковые маленькие домики. Это хижины негров. Каждая из них как бы спрятана в роще из апельсиновых деревьев. Спелые плоды и белые восковые цветы наполняют воздух своим ароматом. Здесь, то возвышаясь над крышами домиков, то склоняясь над ними, растут те же самые величественные пальмы, которые украшают лужайку перед домом.

Внутри ограды находятся другие здания. Это постройки, грубо сколоченные из неотесанных бревен, с дощатыми крышами. В них находятся конюшни, зернохранилище и кухня. Последняя сообщается с главным зданием открытой галереей, крыша которой покрыта дранкой и опирается на столбы из ароматного кедра.

За оградой простираются широкие поля, окаймленные темным поясом кипарисовых лесов, скрывающих горизонт. На этих полях и растет индиго. Впрочем, здесь есть и другие культуры: маис, сладкий картофель, рис и сахарный тростник. Но они предназначены не для продажи, а для собственного употребления.

Индиго сеют прямыми рядами с промежутками. Растения развиваются неодновременно: некоторые только что распустились, и их листочки похожи на молодые трилистники; другие уже в полном цвету, более двух футов высотой, и напоминают папоротники. Они отличаются светло-зелеными перистыми листьями, характерными для всех стручковых,—

индиго принадлежит к этому семейству. Иногда распускаются цветы, похожие на бабочку, но им редко дают достигнуть полного расцвета. Их ожидает иная судьба: пурпурные цветы безжалостно срезают.

Внутри ограды и на полях индиго движутся сотни людей. Кроме одного-двух, все они африканцы, все рабы. Большая часть их — негры, хотя они и не все чернокожие. Здесь есть и мулаты¹, и самбо², и квартероны³. Даже у тех, в ком течет чистая африканская кровь, кожа не черного, а бронзового цвета. Некоторые из них довольно уродливы — у них толстые губы, низкие лбы, плоские носы, и они отнюдь не отличаются стройностью. Другие сложены хорошо, иные даже привлекательны. Есть там и почти белые женщины — квартеронки. Многие из них миловидны, а некоторые просто красивы.

Все одеты в рабочее платье. На мужчинах легкие полотняные штаны, ярко окрашенные рубашки и шляпы из пальмовых листьев. Немногие могут похвастаться своим нарядом. Некоторые обнажены до пояса, и их черная кожа сверкает под солнцем, как эбеновое дерево. Женщины одеты более пестро — в полосатые ситцевые платья, на головах у них мадрасские платки из яркой клетчатой ткани. У некоторых платья сшиты со вкусом и очень красивы. Прическа, похожая на тюрбан, придает женщинам особую живописность.

И мужчины и женщины работают на плантации индиго. Некоторые срезают растения и связывают их в снопы; другие тащат эти снопы с полей под навес; там их бросают в верхнее корыто — «бучильный чан», третьи отводят воду и «выжимают». Остальные работники лопатами сгребают осадок в спускные каналы, а несколько человек занято просушкой и формовкой краски. Все выполняют определенную работу и, надо сказать, довольно весело. Люди смеются, болтают, поют, перекидываются шутками, и веселье голоса все время звенят у вас в ушах.

Однако все они рабы — рабы моего отца. Он обращается

¹ Му л а т ы — потомки от смешанных браков между неграми и белыми.

² С а м б о — потомки от смешанных браков между неграми и индейцами или мулатами.

³ К в а р т е р о н ы — дети, родившиеся от смешанных браков белых с терцеронами — детьми белых и мулатов.

с ними хорошо, здесь редко взвивается плеть, и, может быть, поэтому у рабочих веселое настроение и бодрый вид.

Вот какие приятные картины запечатлелись в моей памяти.

Здесь прошло мое детство, здесь началась моя сознательная жизнь.

Глава III

ДВА ДЖЕКА

На каждой плантации есть свой «злой демон», иногда их даже несколько, но один из них всегда самый страшный злодей. Таким демоном у нас был Желтый Джек.

Это был молодой мулат, не очень уродливый, но отличавшийся мрачным и сварливым нравом. Иногда он проявлял самую свирепую злобу и жестокость.

Люди с таким характером чаще встречаются среди мулатов, чем среди негров. Эта психологическая особенность объясняется тем, что мулаты гордятся своей желтой кожей и ставят себя «выше» негров как в умственном, так и в физическом отношении, а потому более остро ощущают несправедливость своего униженного положения.

Что касается чистокровных негров, то они редко бывают бесчувственными дикарями. В трагедии человеческой жизни они жертвы, а не злодеи. Где бы то ни было — в своей родной стране или в чужой, — везде им приходится страдать, но в их душах нет мстительности и жестокости. Во всем мире не найти сердца добрее, чем то, которое бьется в груди у африканского негра.

Желтый Джек всегда отличался жестокостью. Она была врожденной чертой его характера — без сомнения, наследственной. Он был испанским мулатом, то есть испанцем по отцу и негром по матери. Его собственный отец продал его моему отцу!

Если мать рабыня, сын ее тоже раб. Если отец свободный человек, это не имеет никакого значения для его потомства. В Америке, среди краснокожих и черных, ребенок разделяет судьбу матери. Только белая женщина может быть матерью белых детей!

На плантации жил и другой Джек, которого, в отличие от первого, звали Черным Джеком. Между ними не было

ни малейшего сходства, кроме того, что они были одних лет и одинакового роста. Характером они отличались друг от друга еще больше, чем наружностью и цветом лица. У Желтого Джека кожа была светлее, но зато Черный Джек обладал добрым сердцем. Даже в выражении их лиц бросалась в глаза существенная разница: у одного был веселый, довольный вид, а другой смотрел исподлобья. Белые зубы негра всегда сверкали в улыбке, а Желтый Джек улыбался только тогда, когда замышлял какую-нибудь злую проделку.

Черный Джек был уроженцем Виргинии. Он жил у нас еще на старой плантации и приехал оттуда вместе с нами. Он был очень привязан к моему отцу; так нередко складываются отношения между господином и рабом. Он считал себя членом нашей семьи и гордился тем, что носит наше имя. Подобно всем неграм, родившимся в «старой колонии», он гордился и своим местом рождения. Среди наших негров «виргинские» пользовались уважением.

Черный Джек был недурен собой, чертами лица он скорее походил на мулата, чем на негра. Для негров характерны толстые губы, плоский нос, покатый лоб. Никаких этих признаков у Джека не было. Я встречал чистокровных негров с правильными чертами лица. Таков был и Черный Джек. По телосложению он мог вполне сойти за эфиопского Аполлона.

Кроме меня, еще кое-кто у нас считал, что Джек гораздо привлекательнее, чем его желтый тезка. Это была квартеронка Виола, первая красавица на нашей плантации. Оба Джека давно соперничали из-за Виолы. Оба усердно добивались ее улыбок, а завоевать их было не так-то легко, потому что Виола была капризной и ветреной девчонкой. Нечего и говорить, что оба ревновали ее. Наконец она стала оказывать явное предпочтение негру. За это мулат возненавидел своего соперника лютой ненавистью. Не раз обоим Джекам приходилось мериться силой, и всегда негр выходил победителем. Быть может, именно поэтому, а не из-за его наружности Виола награждала его своими улыбками. Во всем мире, во все времена красота преклоняется перед мужеством и силой.

Желтый Джек был нашим дровосеком, а Черный Джек выполнял обязанности конюха и кучера.

В жизни нашей плантации история любви и ревности двух Джеков была самым обыкновенным явлением. Она не представляет особого интереса, и я упомянул о ней толь-

ко потому, что она повлекла за собой целый ряд событий, оказавших важное влияние на мою последующую жизнь.

Вот первое из них. Желтый Джек, видя, каким успехом пользуется его соперник, начал открыто преследовать Виолу. Встретив ее как-то случайно в лесу, вдали от дома, он осмелился сделать ей гнусное предложение. Презрительный отказ Виолы заставил его решиться на отчаянный поступок. Только неожиданное появление моей сестры помешало мулату. Его наказали главным образом по настоянию моей сестры.

Желтый Джек был наказан впервые, хотя и не в первый раз заслуживал кары. Мой отец был очень снисходителен к нему; все говорили, что даже слишком. Он часто прощал ему не только проступки, но и преступления. Отец был человеком по природе очень добрым и с большой неохотой прибегал к плети, но на этот раз моя сестра решительно настояла на наказании. Виола была ее служанкой, и гнусное поведение мулата нельзя было оставить безнаказанным.

Заслуженная кара не излечила его от склонности к злым проделкам.

Вскоре произошло еще одно событие, показавшее, что Желтый Джек был мстителен.

Любимицу сестры, хорошенькую лань, нашли мертвой на берегу озера. Она не могла погибнуть естественной смертью: еще час назад видели, как она прыгала на лужайке. Ни волк, ни аллигатор ее не трогали. На ней не оказалось ни царапин, ни ран — никаких признаков крови!

Как выяснилось вскоре, она была задушена. Ее задушил мулат, а Черный Джек видел это. Он работал в апельсиновой роще и был свидетелем преступления. Желтого Джека второй раз наказали плетью.

Затем случилось и третье событие — ссора между негром и мулатом, перешедшая в настоящее побоище. Желтый Джек решил воспользоваться удобным случаем и сразу отомстить негру и как сопернику в любви и как свидетелю его недавнего преступления.

Столкновение не ограничилось простой дракой. Мулат, руководясь инстинктом, унаследованным от испанских предков, вытащил нож и нанес им опасную рану своему невооруженному противнику.

На этот раз его наказали еще строже. Я просто рассвирепел — ведь Черный Джек был моим «телохранителем» и любимцем.

Благодаря своему веселому нраву и жизнерадостности негр был очень приятным товарищем. В дни моего детства он неотлучно сопровождал меня повсюду — и на реке и в лесу.

Справедливость требовала наказания, и Желтый Джек получил его в полной мере. Но это оказалось бесполезным: мулат был неисправим. В него словно вселился злой дух.

Глава IV

ФЛОРИДСКИЙ КОЛОДЕЦ

За апельсиновой рощей в почве было своеобразное углубление — эта особенность присуща, как я полагаю, только Флориде.

Круглый водоем, имевший форму опрокинутой сахарной головы диаметром ярдов в сорок, уходил на много футов в глубину земли. На дне этого водоема было несколько углублений, или колодцев, правильной цилиндрической формы, отделенных друг от друга скалистыми перегородками. Это было очень похоже на улей с разломанными сотами.

Такие колодцы иногда бывают сухими, но чаще всего там на дне стоит вода, которая порой заполняет всю впадину.

Подобные естественные водохранилища хотя и расположены на равнинах, но всегда окружены холмами или обломками скал, покрытыми вечнозелеными зарослями магнолий, розового лавра, дуба, шелковицы и пальметто. Такие колодцы часто попадают среди сосновых лесов, а иногда, как маленькие островки в океане, они возникают среди зеленых саванн.

Это и есть «хоммоки» — флоридские колодцы, знаменитые в истории индейских войн.

Один из них был расположен как раз за апельсиновой рощей. Рядом полукругом возвышались бурого цвета скалы, покрытые темной листвой вечнозеленых деревьев. Вода в нем была чиста и прозрачна, и в ее кристальной глубине резвились стаи золотых и красных рыбок, лещей и пестрых окуней. Бассейн снабжал нас рыбой, и здесь же мы все купались. В жарком климате Флориды купанье не только удовольствие, но попросту необходимость.

Из дома к водоему через апельсиновую рощу была про

ложена песчаная дорожка и устроено несколько каменных ступенек, по которым было удобно спускаться в воду. Конечно, наслаждаться купаньем разрешалось только белым.

За бассейном простирались возделанные поля, окаймленные вдали высокими кипарисовыми и кедровыми лесами. Вокруг на многие и многие мили тянулась непроходимая трясина.

С одной стороны плантации лежала широкая равнина, поросшая густой травой. Это была саванна — естественный луг, где паслись лошади и домашний скот. Здесь часто появлялись олени и стаи диких индеек.

Я был как раз в таком возрасте, когда юноши увлекаются охотой. Как и у большинства молодежи из Южных штатов, не очень занятой делом, охота была моим главным развлечением. Отец подарил мне свору великолепных гончих.

Моей самой любимой забавой было спрятаться в колодце и ждать приближения оленя или индейки, а затем гнаться за ними по зеленой равнине. Мне уже удалось поймать много оленей и индеек; собаки отлично берут и тех и других. За дикими индейками легко можно охотиться с гончими.

Я обычно уходил из дому рано утром, когда все еще спали. Это самое лучшее время для охоты.

Однажды утром я отправился в свое укрытие у колодца и залез на скалу, где для меня и собак было достаточно места. С этой вышки передо мной открывалась вся равнина, и я мог наблюдать за всем, что там происходило, тогда как меня никто не видел. Широкие листья магнолии образовали над моей головой подобие беседки, а сквозь просветы между листьями я мог вести наблюдения.

В этот день я пришел туда до восхода солнца. Лошади стояли еще в конюшнях, а скот в хлеву. Саванна была совершенно пустынна. На ее широком просторе не виделось ни одного оленя.

Я несколько огорчился. Сегодня мать ждала гостей и просила принести ей к обеду дичи. Я, конечно, обещал и теперь, глядя на пустынную саванну, был сильно разочарован.

Признаться, я очень удивился — настолько это было необычно. Каждое утро на широкой равнине появлялись олени. Но, может быть, здесь охотились раньше меня? Вполне вероятно. Может быть, это молодой Ринггольд с соседней плантации или кто-нибудь из охотников-индей-

цев, которые, кажется, вообще никогда не спят. Ясно только, что кто-то уже побывал здесь и распугал дичь.

Саванна не считалась частным владением и не составляла собственности ни одной из плантаций: каждый мог свободно охотиться на ее просторах. Эта земля принадлежала государству и еще никому не была продана.

Итак, я не принесу к обеду оленины. Правда, я мог еще подстрелить индейку, они обычно появлялись позднее. Я слышал, как они курлыкали на вершинах деревьев. Громкие звуки отчетливо разносились в тихом утреннем воздухе. Но накануне мне удалось убить целый выводок, и наша кладовая была уже забита ими. Теперь мне нужна была оленина.

У меня была при себе винтовка, и я мог отправиться за оленем в лес. Или лучше всего зайти в хижину старого Хикмэна, он мог бы помочь мне. Если он уже охотился сегодня, то у него есть оленина, и я возьму у него немного.

Солнечный диск только что показался над горизонтом, его лучи золотили вершины далеких кипарисов, а их светло-зеленые листья сверкали всеми оттенками золота.

Прежде чем спуститься со своей вышки, я еще раз оглядел саванну и увидел нечто, заставившее меня изменить мое намерение и остаться на скале.

Стадо оленей показалось на опушке кипарисового леса, там, где изгородь отделяет саванну от возделанных полей.

«Ага! — подумал я. — Они сумели пробраться через маисовое поле».

Я взглянул на то место, откуда, как мне казалось, вышли олени. Я знал, что там в углу изгороди был пролом, обычно закрытый досками. Я ясно видел этот пролом, но все доски были на своих местах. Значит, олени пришли не с этой стороны. Вряд ли они могли перепрыгнуть через изгородь. Это был высокий забор со столбами и подпорками; доски закрывали пролом на всю высоту забора. Следовательно, олени появились из лесу?

Я заметил и кое-что другое. Олени не шли, а быстро бежали, как будто потревоженные присутствием врага.

Вероятно, кто-нибудь гонится за ними. Но кто же? Старый Хикмэн или Ринггольд? Я не сводил глаз с лесной опушки, но никого не было видно.

А что, если оленей спугнул медведь или рысь? Тогда они далеко не уйдут, и я с собаками еще смогу их догнать. Быть может...

Мои размышления были прерваны появлением того, кто испугал оленей. Оказалось, что это человек, а вовсе не медведь и не рысь.

Он выступил из густой тени кипарисов. Лучи солнца пока еще озаряли лишь вершины деревьев, но было уже достаточно светло, чтобы рассмотреть человека. Это был не Ринггольд, не Хикмэн и не индеец. На нем были синие холщовые штаны, полосатая рубашка и шляпа из листьев пальметто. По одежде я сразу узнал нашего дровосека. Это был Желтый Джек.

Глава V

МУЛАТ И ЕГО СПУТНИК

Это открытие несколько удивило меня. Что делал мулат в лесу в такой ранний час? Запасливость и бережливость не были свойственны ему; наоборот, стоило большого труда заставить его приняться за обычную дневную работу. По природе он не был охотником. Я никогда не видел, чтобы он гонялся за дичью, хотя, постоянно бывая в лесу, он хорошо знал все укромные места и лазейки, а также повадки и привычки животных. Что же привлекло его сегодня утром в лес?

Я остался на вышке и продолжал наблюдать за ним, в то же время не теряя из виду оленей. Скоро выяснилось, что мулат их не преследовал. Выйдя из лесу, он не пошел за стадом, а повернул совсем в другую сторону, на дорожку, ведущую к маисовому полю.

Я заметил, что он шел медленно, пригнувшись к земле. Мне показалось, что у его ног вертится какое-то животное — по-видимому, маленькая собака или опоссум. Оно было светлое, как опоссум, но на таком расстоянии я не мог отличить опоссума от щенка. Я подумал, что Желтый Джек поймал в лесу зверька и тащит его за собой на веревке.

Ничего странного в его поведении не было. Мулат мог еще вчера найти нору опоссума и поставить там ловушку. Ночью опоссум попался, и теперь он тащил его домой. Меня удивило только, что мулат вдруг стал охотником, но и этому я нашел объяснение. Я вспомнил, что негры очень любят мясо опоссума, и Желтый Джек не был исключением.

Сообразив, что зверька можно легко поймать, он решил раздобыть себе жаркое.

Но почему он не нес свою добычу, а вел ее или, скорее, тащил за собой? Время от времени он нагибался к зверьку, как бы для того, чтобы его погладить. Я недоумевал: значит, это был не опоссум!

Я следил за мулатом, пока он не подошел к пролому в изгороди. Я думал, что он просто перепрыгнет через нее, так как ближайший путь к дому лежал через маисовое поле. Конечно, он пойдет по полю. Но, к моему удивлению, мулат начал снимать одну жердь за другой. Затем он отшвырнул их в сторону и оставил пролом открытым.

Он вошел в пролом, согнувшись пробрался через поле и скрылся за широкими листьями маиса. На некоторое время я совсем потерял его из виду вместе с белым зверьком, которого он волок за собой таким странным образом. Я снова стал следить за оленями, которые уже успокоились и мирно паслись посреди саванны.

Но мысль о странном поведении мулата не оставляла меня, и я снова посмотрел вслед ему. Он все еще не показывался из зарослей маиса. Но тут я заметил нечто такое, что весьма меня удивило. Как раз там, где Желтый Джек вышел из лесу, появилось существо, двигавшееся прямо к саванне. Это была какая-то темная фигура, похожая на человека, ползущего на руках и волочащего ноги по земле.

В первую минуту мне показалось, что это человек, но не белый, а негр или индеец. По ухваткам он напоминал индейца, но с индейцами мы были в мире. С какой же стати мирному индейцу нужно было выслеживать мулата? Я говорю «выслеживать», потому что и поза и движения странного существа ясно говорили о том, что оно идет по следу Желтого Джека.

«Может быть, это Черный Джек?» — подумал я. Я вспомнил вендетту¹, которая существовала между негром и мулатом, и драку, в которой Желтый Джек пустил в ход нож. Конечно, он был наказан, но ведь не самим Черным Джеком. Не пытался ли обиженный сам отомстить обидчику?

Так можно было бы объяснить зрелище, которое приводило меня в недоумение. Но трудно представить себе, что негр способен на это, — он был слишком благороден. Как

¹ Вендетта — обычай кровной мести (итал).

ни пылал гневом Черный Джек против своего низкого врага, я был убежден, что он не способен на коварную и гнусную месть из-за угла. Это не в его характере. Нет, это не мог быть он.

Не он, и никто другой!

В эту минуту золотое солнце озарило саванну. Его лучи скользнули по зелени, освещая деревья от макушки до самых корней. Темное тело выползло из тени и двинулось к маисовому полю. Под солнцем оно сверкало чешуей, похожей на броню. Теперь уже ясно было видно, что это не негр, не индеец и вообще не человек. Это был аллигатор.

Глава VI

АЛЛИГАТОР

Для уроженцев Флориды аллигатор не представляет ничего замечательного и ничего особенно ужасного. Дело в том, что при всем своем безобразии — а из всех животных аллигатор самый отвратительный, — он не внушает особенного страха тем, кто его хорошо изучил. Тем не менее к нему все же приближаются с опаской. Человек, незнакомый с повадками и привычками аллигатора, весь дрожа от страха, убегает от него. И даже местные жители — краснокожие, белые или черные, — живущие вблизи от болот и лагун, с осторожностью приближаются к этой гигантской ящерице.

Некоторые кабинетные ученые-натуралисты утверждают, что аллигатор не нападает на человека. Однако они признают, что он уничтожает лошадей и рогатый скот. То же самое они утверждают и относительно ягуара и летучей мыши — «вампира». Странные утверждения, особенно когда имеются тысячи доказательств, свидетельствующих о противоположном.

Действительно, аллигатор не всегда нападает на человека, когда ему представляется случай. Впрочем, так же поступают и лев и тигр. Но даже и Бюффон¹, который и вообще-то ошибается, едва ли осмелился бы заявить, что аллигатор — безобидное животное. Если сосчитать всех людей, ставших жертвами прожорливости аллигаторов со времен

¹ Б ю ф ф о н Жорж Луи Леклерк (1707—1788) — французский естествоиспытатель, автор «Естественной истории» в 36 томах.

Колумба, то число получилось бы огромное. Оно было бы не меньше, чем количество жертв индийского тигра или африканского льва за тот же период. Гумбольдту¹, во время его короткого пребывания в Южной Америке, рассказали много таких случаев; что же касается меня, то мне известен не один случай гибели от зубов аллигатора, и я видел немало людей, искалеченных этим чудовищем.

В водах тропической Америки встречается много разновидностей кайманов, аллигаторов и настоящих крокодилов. Одни из них более свирепы, другие менее, отсюда и происходят разногласия в рассказах путешественников. Даже одинаковые виды в двух разных реках не всегда абсолютно похожи друг на друга. На аллигаторов, как и на других животных, воздействуют внешние причины. Климат, близость людей, величина животного — все оказывает свое влияние, и, что может показаться еще более странным, на свойства аллигаторов отражается характер той расы людей, которая обитает вблизи них.

На берегах некоторых рек Южной Америки живут плохо вооруженные, апатичные индейцы, и здесь кайманы чрезвычайно смелы, к ним опасно подходить близко. Такими же были и их сородичи, северные аллигаторы, пока отважные жители лесов, у которых всегда в одной руке топор, а в другой — винтовка, не научили их бояться человека — доказательство того, что эти пресмыкающиеся все же обладают известной долей разума. Даже и теперь во многих болотах и потоках Флориды водятся крупные аллигаторы, к которым приближаться далеко не безопасно, особенно в период весенних игр и в местах, отдаленных от человеческого жилья. Во Флориде есть такие реки и лагуны, где у пловца столько же шансов остаться в живых, как если бы он нырнул в море, кишашее акулами.

Можно легко относиться даже к действительной опасности, особенно когда эта опасность становится почти постоянной. Жители болот, поросших кипарисами и белыми кедрами, не слишком тревожатся, когда видят безобразного аллигатора. Его появление не вызывает интереса у обитателей Флориды, он привлекает внимание только негров, которые употребляют в пищу хвост животного, да охотников, для которых его кожа является источником дохода.

¹ Гумбольдт Александр Фридрих Вильгельм (1769—1859) — знаменитый немецкий естествоиспытатель и путешественник. В 1799—1804 годах путешествовал по Центральной и Южной Америке.

Появление аллигатора на краю саванны не возбудило бы во мне никаких подозрений, если бы не его необычные движения, напоминавшие движения мулата. Я не мог отделаться от мысли, что между аллигатором и мулатом существует какая-то связь. Во всяком случае, было несомненно, что отвратительное пресмыкающееся следовало за человеком.

Видело ли оно мулата или следовало за ним, влекомое чутьем,— я не мог сказать. Последнее представлялось мне более вероятным, так как аллигатор появился из леса гораздо позже мулата и вряд ли мог видеть его в маисовом поле.

Аллигатор, пересекая луг, полз вперед прямо по следу к тому месту, где Джек разобрал изгородь. По временам он останавливался, ложился плашмя, прижимаясь к земле, и оставался в таком положении несколько секунд, как бы отдыхая. Затем он приподнимал свое тело приблизительно на ярд от земли и снова начинал ползти, как будто повинаясь силе, влекущей его вперед. По суше аллигатор движется очень медленно — не быстрее, чем утка или гусь. Его настоящая стихия — вода, где он скользит почти с быстротой рыбы.

Наконец он приблизился к изгороди, остановился ненадолго и затем втащил свое длинное темное тело в отверстие. Я увидел, что он появился на маисовом поле как раз в том месте, где исчез мулат.

Я больше не сомневался, что чудовище следовало за человеком и что человек это знал. И то и другое было очевидно. Первое я видел сам, а для второго у меня были убедительные доказательства. Странное поведение и поступки мулата, то, что он снял жерди и оставил свободный пролом, и то, что он постоянно оглядывался назад,— вот доказательства того, что он знал, кто следует за ним. Несомненно, он это знал!

Но моя уверенность ни в какой степени не помогала мне разгадать тайну. Было ясно, что мулат заманивал пресмыкающееся чем-то таким, против чего оно не могло устоять. Что это могло быть? Уж не колдовство ли какое-нибудь?

Суеверная дрожь пробежала по моему телу, когда я задал себе этот вопрос. Я был воспитан среди негров и вскормлен негритянкой — неудивительно, что мой юный ум был полон всяческих суеверий. Я знал, что в болоте, окруженном кипарисами, в самых отдаленных его уголках, водились

аллигаторы — иногда огромных размеров. Но как Желтый Джек ухитрился выманить одного из них из болота и заставил его следовать за собой по суше — вот загадка, которую я был не в силах разгадать. Я не мог найти никакой естественной причины, поэтому мой ум невольно устремился в область таинственного и сверхъестественного.

Я долго стоял, недоумевая, позабыв об оленях. Они продолжали спокойно пастись на лугу. Я был слишком поглощен таинственными действиями мулата и его земноводного спутника.

Глава VII

ЧЕРЕПАШИЙ САДОК

Пока мулат и аллигатор оставались на маисовом поле, я не видел ни того, ни другого. Маис достиг полной высоты, и его высокие стебли и широкие копьевидные листья могли бы скрыть и всадника. Даже чаща вечнозеленых деревьев не была бы столь непроницаемой для взора. Подвинувшись немного вправо, я сумел бы обозреть большее пространство, но тогда вышел бы из укрытия и мулат мог заметить меня. По некоторым причинам мне не хотелось этого, и я продолжал оставаться в своем убежище.

Я был уверен, что мулат идет по маисовому полю и что скоро я увижу его — как только он появится на открытом месте.

Между бассейном и маисовым полем простирался участок, засеянный индиго. Чтобы приблизиться к дому, необходимо было пройти через индиговое поле, где растения возвышались на два фута. Я не мог прозевать мулата и с нетерпением ждал, когда он покажется. Мои мысли все еще блуждали на грани таинственного и сверхъестественного.

Он шел медленно, очень медленно, но я знал, что он движется вперед. Я мог следить за его движениями по колышанию листьев и початков маиса. Утро было тихое, в воздухе — ни дуновения. Колышущиеся листья позади мулата свидетельствовали, что аллигатор не отставал от него.

Я напряженно следил за листьями маиса. Было очевидно, что мулат шел не по рядам, а пересекал их по диагонали. С какой целью? Я никак не мог догадаться. Идя вдоль любой борозды, он попал бы прямо к дому. Зачем же ему идти более трудным путем, пересекая борозды? Но вскоре

я понял, в чем заключалась цель этого зигзагообразного движения.

Он подошел теперь почти к краю поля. Участок индиго был не очень широкий, и мулат находился так близко от меня, что я мог слышать даже шелест раздвигаемых стеблей.

Но теперь до меня донесся и другой звук, напоминавший собачий вой. Я прислушался — это была не взрослая собака; скорее — слабо завывал щенок.

Сперва мне показалось, что такой звук издает аллигатор. Но эти пресмыкающиеся визжат, как щенки, только в младенческом возрасте, а тот, который полз за мулатом, был уже вполне взрослый. Он не мог так визжать. Кроме того, вскоре я выяснил, что визг доносился оттуда, где шел человек. Я вспомнил белое животное, которое Джек тащил за собой. Значит, это был не опоссум, а собака.

Я снова услышал тот же звук — несомненно, скулил щенок. Если слух меня и обманывал, то глаза подтвердили, что я прав. Я увидел, как мулат вышел из маиса. Он тащил за собой на веревке маленького белого щенка. Теперь уже не оставалось никаких сомнений, что это был наш слуга, Желтый Джек.

Прежде чем выйти из маиса, он на минуту остановился, как бы для того, чтобы осмотреться кругом. Он стоял, выпрямившись во весь рост. В маисе ему было нетрудно спрятаться, но индиго не представляло такого хорошего укрытия, и мулат, очевидно, соображал, как ему двигаться дальше незамеченным. Вероятно, он не желал, чтобы его видели. Но почему? Я не мог догадаться.

Этот сорт индиго назывался «ложная Гватемала». На плантации разводили несколько его видов, но этот был самый высокий. Некоторые растения, находившиеся сейчас в полном цвету, возвышались почти на три фута от земли. Когда человек идет по такому полю, его видно. Но если согнуться, то можно проползти незамеченным. Эта же мысль, по-видимому, мелькнула и у мулата. После некоторого раздумья он стал на четвереньки и пополз через индиговое поле. Ему не нужно было перебираться через какую-нибудь изгородь — все возделанное поле было окружено одной оградой, и только небольшое открытое пространство служило границей между двумя рядами индиго. Если бы я находился на одном уровне с полем, то крадущийся вороватый мулат был бы совсем скрыт от меня, но я стоял на вышке и мог следить за всеми его движениями. По време-

нам он останавливался и притягивал к себе щенка, который начинал тогда отчаянно визжать, как от сильной боли. Когда мулат подполз ближе, я увидел, что он дергал щенка за уши.

В пятидесяти шагах от мулата из маиса показалась огромная ящерица и поползла по плантации индиго. В эту минуту меня как будто озарило, и я понял все. Я больше не думал о злых демонах и духах. Тайна была раскрыта: мулат просто приманивал аллигатора щенком!

Я удивился, как эта мысль не пришла мне в голову раньше. Ведь я уже слышал об этом от людей, которым можно было верить, — от самих охотников за аллигаторами. Они часто ловили их с помощью такой приманки и рассказывали, что пресмыкающиеся готовы следовать за визжащей собакой по лесу целыми милями, особенно старые самцы. Хикмэн полагал, что они принимают визг собаки за крик собственного детеныша, которого эти безжалостные родители обычно с удовольствием пожирают.

Но, помимо этой чудовищной особенности аллигаторов, хорошо известно, что их излюбленной добычей являются собаки. У несчастной гончей, которая в пылу погони за дичью отважится поплыть через поток или лагуну, есть все шансы угодить в пасть этого безобразного зверя.

Тайна раскрылась — по крайней мере, стала ясна причина, которая заставляла аллигатора следовать за мулатом. Но одно оставалось неясным: с какой целью мулат проделывал этот странный маневр?

Когда я увидел, как он пополз на четвереньках, я решил, что он хочет добраться до дому незаметно. Но затем у меня мелькнула другая мысль. Я обратил внимание на то, что он часто и с беспокойством оглядывался назад, как будто хотел скрыться от аллигатора.

Я заметил также, что мулат часто менял направление, как будто желая создать преграду из растений между собой и аллигатором.

Ну что ж, просто-напросто ему взбрела в голову какая-то дикая фантазия. Он узнал о забавном способе приманивать аллигаторов — может быть, старый Хикмэн показал ему, как это делается. Или он сам додумался до этого, наблюдая за аллигаторами во время рубки леса вблизи болот. Он вел за собой к дому аллигатора с какой-то странной целью — может быть, он хотел показать его своим товарищам, или просто сыграть с ними шутку, или устроить бой между

аллигатором и собаками, или вообще что-нибудь в этом роде.

Я не мог разгадать его намерения и, вероятно, не стал бы об этом и думать, если бы два-три незначительных обстоятельства не привлекли моего внимания. Меня поразила та особенная настойчивость, с которой мулат стремился к успешному достижению своей цели. Он не щадил ни сил, ни времени. Правда, день был не рабочий, а праздничный, и Желтый Джек мог свободно располагать собой. Но не в обычае мулата было вставать так рано, и к тому же затраченные им усилия отнюдь не соответствовали его обычной беззаботной лени. Что-то важное побуждало его действовать. Но что именно? Я просто терялся в догадках.

Наблюдая за ним, я чувствовал, что мне как-то не по себе. Это ощущение невозможно передать, и я могу объяснить его разве только тем, что мулат был злым, нехорошим человеком. Я знал, что он способен на любую подлость. Но какой вред собирался он причинить с помощью аллигатора? Ведь на суше никто не боится аллигаторов, здесь они никому не опасны.

Если бы не это чувство, я бросил бы наблюдать за ним и снова занялся бы оленями, которые тем временем подошли почти к самому моему укрытию. Но я преодолел искушение и снова стал следить за мулатом.

Вскоре мое недоумение разрешилось. Желтый Джек приблизился к краю бассейна, но не вошел в него. Обогнув заросли, он направился к апельсиновой роще. В этом месте была калитка; мулат вошел в нее и оставил открытой. Время от времени он снова заставлял щенка визжать, хотя в этом не было особой нужды, так как аллигатор теперь находился совсем близко.

Я мог хорошо рассмотреть чудовищного зверя. Он не принадлежал к разновидности крупных аллигаторов, хотя от морды до конца хвоста было футов двенадцать. Продвигаясь, аллигатор цеплялся за землю когтями широких перепончатых лап. Его шероховатая синевато-коричневая кожа была покрыта скользкой слизью, поблескивавшей на солнце, а между ромбовидными чешуйками налипли большие комья болотной тины. Аллигатор был, по-видимому, очень возбужден и при каждом движении собаки обнаруживал явные признаки ярости. Он приподнимался на своих мощных лапах, вскидывал вверх голову, как бы желая разглядеть добычу, рассекал хвостом воздух и раздувался почти вдвое по сравнению со своей обычной толщиной. В то же время он

издавал звуки, напоминавшие отдаленный гром, а запах мускуса, исходивший от него, наполнял воздух душными испарениями. Трудно представить себе что-нибудь более отвратительное, чем это чудовище! Даже легендарный дракон не мог бы выглядеть ужаснее.

Аллигатор, не останавливаясь, проволоч свое длинное тело через калитку, но дальше зеленые листья скрывали от меня омерзительное пресмыкающееся.

Я обернулся в сторону дома, продолжая наблюдать за мулатом. Отсюда я мог видеть почти весь бассейн. Между апельсиновой рощей и большим бассейном находился искусственный пруд, всего несколько ярдов в длину. Дно его покрывала вода, которую накачивали насосом из главного бассейна. Это был так называемый «черепаший садок», где специально откармливали черепах для стола. Мой отец сохранил свое виргинское гостеприимство, а во Флориде такое редкое лакомство раздобыть нетрудно.

Черепаший садок непосредственно сообщался с бассейном. Я видел, как Желтый Джек приближается к пруду. Он держал щенка в руках и все время заставлял его визжать.

Подойдя к ступенькам, ведущим в бассейн, он остановился и оглянулся назад. Я заметил, что он посмотрел сначала в сторону дома, а затем, с видимым удовольствием, в ту сторону, откуда пришел. Несомненно, аллигатор был очень близко от него, так как мулат без колебания швырнул щенка в воду. Затем, пройдя по краю черепашьего садка, он вошел в апельсиновую рощу и скрылся из виду.

Щенок, попав в холодную воду, все время продолжал визжать и отчаянно барахтаться, взбивая воду лапами. Но ему недолго пришлось бороться за жизнь. Аллигатор, привлеченный всплеском воды и собачьим визгом, быстро приближался к пруду. Не колеблясь ни минуты, он бросился в воду, с молниеносной быстротой ринулся на середину и, схватив жертву своими страшными зубами, мгновенно скрылся под водой.

Несколько минут я следил за движениями чудовища в прозрачной воде. Но скоро, руководясь инстинктом, аллигатор нырнул в одну из глубоких ям и исчез.

КОРОЛЕВСКИЕ КОРШУНЫ

«Так вот что ты придумал, мой желтый дружок! Это все-таки в конце концов месть. Но ты за это заплатишься, презренный негодяй! Ты не знаешь, что за тобой наблюдают! Ты пожалеешь об этой дьявольской затее раньше, чем наступит ночь!»

Так рассуждал я, разгадав, как мне казалось, намерение мулата. В пруду плавало много красивых рыбок — золотых и серебряных — и красных форелей. Это были любимцы моей сестры. Обычно она ежедневно навещала их, кормила и смотрела, как они резвятся. Она забавлялась их танцами и прыжками в воде. Они хорошо знали ее, стайкой плыли за ней вокруг всего бассейна и даже брали корм из ее рук. Сестра очень любила сама кормить рыбок.

В этом-то и заключалась месть мулата! Он прекрасно знал, что аллигатор питается рыбой, — это его естественная пища. Он знал, что вскоре все население пруда станет добычей аллигатора. Такое страшное чудовище опустошит весь заповедный пруд и уничтожит сотни бедных созданий. Это доставит большое огорчение владелице рыбок, а Желтому Джеку — радость.

Я знал, что мулат ненавидел мою сестру. Особенно сильно разжигало его ненависть воспоминание о вмешательстве в историю с Виолой, после которой он был наказан плетьюми. Были и другие причины. Виргиния благосклонно относилась к его сопернику, который ухаживал за квартиркой, а Желтому Джеку она запретила даже приближаться к Виоле.

И хотя мулат внешне не выказывал своих чувств — он не осмеливался на это, — я все же знал, что он ненавидит сестру. Убийство лани уже говорило об этом, а то, что произошло сегодня, служило лишним доказательством неукротимой ярости мулата.

Он рассчитывал, что аллигатор изрядно опустошит рыбный садок. Конечно, он понимал, что со временем страшного зверя обнаружат и убьют, но до этого будет уничтожено много красивых рыбок.

Никому и в голову не могло прийти, чтобы кто-нибудь вздумал заманить сюда аллигатора. Уже не раз они заходили в пруд из реки или из соседних лагун, вероятно

привлекаемые сюда необъяснимым инстинктом, который заставляет их направляться прямо к воде.

Таковы были, по моему мнению, замыслы и расчеты Желтого Джека. Впоследствии оказалось, что я угадал только наполовину. Я был еще настолько молод и неопытен, что не мог представить себе, до каких пределов способна пойти человеческая злоба.

Первым моим побуждением было последовать за мулатом домой, объявить там о том, что он совершил, и наказать его, а затем вернуться с людьми к пруду, чтобы уничтожить аллигатора, прежде чем тот успеет произвести опустошение среди рыб.

Но в эту минуту мое внимание отвлекли олени. Стадо, состоявшее из оленя с ветвистыми рогами и нескольких самок, паслось невдалеке от бассейна. Олени находились в двухстах ярдах от меня. Искушение было слишком велико. К тому же я вспомнил, что обещал матери доставить жаркое к обеду. Обещание надо выполнить. Я должен добыть оленину!

Теперь можно было рискнуть. Аллигатор уже позавтракал, проглотив целого щенка. В течение нескольких часов он вряд ли будет тревожить весело плавающих обитателей пруда. А Джек, как я видел, вернулся домой — стало быть, его в любой момент можно будет найти, и он не избежит наказания.

Эти соображения заставили меня отказаться от первоначального плана, и все мое внимание сосредоточилось на оленях. Тем временем они опять несколько удалились, так что я уже не мог стрелять в них. И я терпеливо ждал, надеясь, что олени снова подойдут.

Но я ждал напрасно. Олени боятся прудов. Они считают вечнозеленый островок опасным местом и обычно держатся от него поодаль. И это вполне понятно: именно оттуда оленей чаще всего приветствует звенящий звук индейского лука или похожий на удар бича треск винтовки охотника. Именно оттуда настигает их смертельная стрела или пуля. Видя, что олени не приближаются, а, наоборот, отходят дальше, я решил натравить на них гончих собак и спустился со скалы через рошу в равнину.

Там, очутившись на открытом месте, я сразу спустил с привязи собак и с криком помчался вперед.

Это была великолепная охота! Никогда еще олени не бежали с такой быстротой, как это стадо под предводитель-

ством старого вожака. Собаки почти настигали их. Саванну в милю шириной они пересекли чуть ли не в несколько секунд. Все это я прекрасно видел, так как трава на этом участке прерии была съедена скотом и на всем пространстве не росло ни одного куста. Это было бешеное состязание на скорость между собаками и оленями. Олени мчались так стремительно, что я уже начинал сомневаться в том, что добуду желанную дичь. Мои сомнения, однако, быстро разрешились. На краю саванны охота наконец закончилась. Одна из собак вдруг сделала скачок и впилась в горло самке, другие собаки подоспели и окружили ее. Я поспешил к собакам, и через десять минут самка была прикончена и освежена. Довольный собаками, охотой и своими собственными подвигами, взвалив убитую самку оленя на спину, я с триумфом поспешил домой, радуясь, что сумел выполнить свое обещание.

Внезапно я увидел на залитой солнцем саванне тень от движущихся крыльев. Я поднял голову. Надо мной носились две большие птицы. Они летели не особенно высоко и не стремились подняться выше. Наоборот, они описывали широкие спирали, опускаясь все ниже и ниже с каждым кругом. Сначала солнечные лучи ослепляли меня, и я не мог различить, какие это птицы шумели крыльями надо мной. Повернувшись, я стал против солнца и теперь уже мог ясно рассмотреть ярко освещенное желтовато-белое оперение птиц. По нему я определил, что это были грифы, или так называемые «королевские коршуны», — самые красивые птицы из породы коршунов. Я даже склонен считать, что это красивейшие птицы в мире. Во всяком случае, грифы занимают одно из самых почетных мест в мире орнитологии.

Эти птицы — уроженцы Страны Цветов — не улетают далеко на север. Они обитают в зеленых болотистых низменностях, поросших высокой травой, так называемых «эверглейдз», в диких саваннах Флориды, в льяносах¹ реки Ориноко и в равнинах Апуре. В некоторых местах Флориды они встречаются довольно редко. Появление их вблизи плантаций всегда возбуждает интерес, так же как появление орла; между тем на другую породу коршунов — катартов, столь же обыкновенную, как вороны, — никто не обращает никакого внимания.

¹ Льяносы — равнины, покрытые травой, с отдельными группами деревьев и кустарников.

В доказательство того, что грифы редкость, могу сказать, что моя сестра никогда не видела вблизи ни одного из них, хотя ей было уже двенадцать лет и она родилась во Флориде. Правда, она еще никогда не уезжала далеко от дома и даже редко покидала пределы плантации. Я вспомнил, что сестра не раз выражала желание посмотреть на этих прекрасных птиц вблизи, и решил доставить ей это удовольствие.

Птицы спустились так низко, что ясно были видны их желтые шеи, кораллово-красный гребень на голове и оранжевые складки под клювом. Они находились достаточно близко от меня, на расстоянии прицела моей винтовки. Но они летели так быстро, что нужен был гораздо более меткий стрелок, чем я, чтобы сбить их пулей. Я не решался выстрелить, боясь промахнуться. Тут у меня блеснула другая мысль, и я немедленно выполнил задуманное. Я заметил, что грифов привлекает туша самки, лежавшая у меня на плечах. Вот почему они и кружили надо мной. План мой был весьма прост. Я положил тушу на землю, а сам отбежал к группе деревьев, ярдах в пятидесяти оттуда. Долго ждать мне не пришлось. Ничего не подозревая, грифы стали снижаться. Как только один из них коснулся земли, я выстрелил, и великолепная птица мертвой упала на траву. Другой гриф, испуганный выстрелом, взвился над вершинами кипарисов и скрылся у меня из глаз.

Я снова взвалил самку на плечи и, неся птицу в руках, направился к дому. Сердце мое было полно тайного ликования. Я предвкушал двойное удовольствие — от двойной радости, которую должен был доставить. Я обрадую двоих — тех, кто был мне дороже всех на свете: любимую мать и милую сестру.

Скоро я миновал саванну и очутился в апельсиновой роще. Я не пошел через калитку, а перелез через забор. Я был так счастлив, что мой груз казался мне легким, как перышко. Я радостно шел напрямик, раздвигая сгибавшиеся под тяжестью плодов ветви и сбивая по пути золотые шары. Кто же заботится во Флориде о нескольких сбитых апельсинах!

Когда я подошел к клумбам, мать была на веранде и приветствовала меня радостным восклицанием. Я бросил добычу к ее ногам.

— Что это за птица? — спросила она.

— Это королевский коршун — подарок для Виргинии.

Где она?.. Еще не вставала? Ах, маленькая лентяйка! Я пойду и разбужу ее. Стыдно спать в такое прекрасное утро!

— Нет, Джордж, она уже больше часу как встала, немало поиграла в саду и ушла.

— Но где она? В гостиной?

— Нет, она пошла купаться.

— Купаться?

— Да, вместе с Виолой. А что?

— О мама, мама!..

— Что такое, Джордж?

— Боже мой! Аллигатор!!!

Глава IX

КУПАНИЕ

— Желтый Джек! Аллигатор!

Вот и все, что я мог произнести. Мать умоляла меня объяснить ей, что случилось, но я не в силах был вымолвить ни слова. Охваченный безумным страхом, я бросился бежать, оставив мать в таком же ужасе, в каком находился сам.

Я мчался к бассейну не по извилистой тропинке, а самой краткой дорогой, перепрыгивая через все препятствия, встречавшиеся на пути. Я перемахнул через изгородь и как вихрь понесся через апельсиновую рощу. Слышался только хруст ветвей, да на землю летели сшибаемые мною апельсины. Мои уши чутко ловили каждый звук.

Шум позади меня все усиливался. Я слышал голос матери, полный отчаяния. Ее крики всполошили весь дом, сбегались слуги и служанки. Собаки, встревоженные внезапной суматохой, начали лаять. Домашние и певчие птицы подняли пронзительный крик.

Все эти звуки доносились с плантации. Но не это меня беспокоило, я прислушивался к звукам у бассейна. И вот я услышал всплеск воды и ясный серебристый голосок сестры! «Ха-ха-ха!» — звонко смеялась она. Слава богу, сестра была еще невредима!

Я остановился и громко закричал:

— Виргиния! Виргиния!

Я нетерпеливо ждал ответа. Но ответа не было: может быть, плеск воды заглушал мой голос?

Я позвал еще раз, уже громче:

— Виргиния! Сестра! Виргиния!

На этот раз меня услышали:

— Кто зовет меня? Это ты, Джордж?

— Да, это я, Виргиния.

— Что тебе надо, братец?

— Сестра, выходи скорей из воды!

— А зачем? Разве приехали гости?.. Так рано? Ну, пусть подождут, милый Джордж. Пойди к ним и займи их чем-нибудь. А я еще поплаваю — утро прекрасное и вода просто прелесть!.. Правда, Виола? А ну-ка, поплывем еще раз вокруг пруда!

Снова раздался всплеск и веселый смех сестры и ее служанки.

Я закричал изо всех сил:

— Виргиния, дорогая! Ради бога, выходи скорей!

Вдруг веселые голоса смолкли, послышалось короткое, отрывистое восклицание, а затем, почти мгновенно, отчаянный крик. Я понял, что это не ответ на мой призыв.

Моя просьба могла встревожить сестру, но теперь в ее голосе слышался ужас. Я расслышал слова Виргинии:

— Виола, смотри! Какое чудовище! Боже мой, оно плывет сюда! На помощь! Джордж, на помощь! Спаси, спаси меня!

Я очень хорошо понял смысл этих бессвязных слов и отчаянных воплей и закричал:

— Иду, сестра, иду!

С быстротой молнии я бросился через кусты, отделявшие меня от бассейна. Но не поздно ли? Может быть, это крик агонии и сестра уже в пасти аллигатора?

Десять прыжков, и я выскочил из рощи. Скатившись с берега черепашьего садка, я очутился на краю бассейна. Моим глазам представилась ужасная картина.

Сестра плыла от середины бассейна к берегу, возле которого по колени в воде стояла квартеронка, визжа от ужаса и в отчаянии ломая руки. Позади сестры виднелась гигантская ящерица; ее тело, передние лапы и когти ясно обозначались в прозрачных волнах, из воды выступали чешуйчатая спина и плечи, еще выше торчали морда и хвост. Хвостом аллигатор взбивал на поверхности бассейна белую пену. До намеченной жертвы ему оставалось не более десяти футов. Ужасные челюсти почти касались зеленой шерстяной юбки, которая, как шлейф, тянулась за сестрой по воде.

Каждую секунду аллигатор мог рвануться вперед и схватить ее.

Сестра плыла изо всех сил. Она хорошо плавала, но вряд ли это могло ей помочь. Купальный костюм только мешал ей. Аллигатор мог схватить сестру в любой момент — стоило ему только сделать самое незначительное усилие. Но пока он ее не трогал.

Это до сих пор удивляет меня. Поведение аллигатора так и осталось загадочным. Быть может, он был уверен, что жертва целиком в его власти, и, как кошка, играющая с мышью, наслаждался сознанием своей силы.

Все это я сообразил в одно мгновение — пока взводил курок.

Я прицелился и выстрелил. На теле аллигатора есть только два места, где пуля может оказаться смертельной, — глаз и место около сердца, под передней лапой. Я метил в глаз, но попал в плечо. От жесткой чешуйчатой кожи пуля отскочила, как от гранитной скалы. В ромбовидных чешуйках она оставила только беловатую царапину — вот и все!

Игра надоела чудовищу. Выстрел, по-видимому, причинил ему боль. Во всяком случае, он побудил его к более решительным действиям и заставил сделать последний прыжок.

Ударив по воде широким хвостом, аллигатор ринулся вперед. Его огромная челюсть вертикально поднялась кверху, так что открылась огромная красная глотка, и в следующее мгновение юбка сестры оказалась в его ужасной пасти.

Я кинулся в воду и поплыл с винтовкой в руке. Но она мне мешала. Я отшвырнул ее прочь, и она пошла ко дну.

Я схватил Виргинию как раз вовремя — в тот момент, когда аллигатор готов был утащить ее под воду.

Я изо всех сил старался удержаться вместе с сестрой на поверхности воды. Оружия у меня не было. А если бы и было, я не мог бы пустить его в ход: ведь обе руки у меня были заняты.

Я кричал изо всех сил, надеясь напугать аллигатора и заставить его выпустить добычу. Но все было бесполезно: он крепко держал свою жертву.

О боже! Аллигатор утащит нас обоих под воду, утопит и растерзает!

Но вдруг послышался всплеск. Кто-то с большой высоты смело прыгнул в пруд — смуглое лицо с длинными черными

В руке юноши сверкнул нож...

волосами, грудь, сверкающая яркими блестками, расшитая бусами одежда. Мужчина? Мальчик?

Кто же был этот незнакомый юноша, кинувшийся к нам на помощь?

Он плыл уже около нас и нашего страшного врага. Взор юноши был полон энергии и решимости. Он не произнес ни слова. Одной рукой он уперся в плечо огромной ящерицы и внезапно прыгнул ей на спину. Он сделал это более ловко, чем всадник, вскакивающий в седло.

В его руке сверкнул нож, лезвие которого вонзилось в глаз аллигатора.

Чудовище взревело от боли. Вода вспенилась под ударами его хвоста, и целый фонтан брызг взметнулся над нами. Аллигатор выпустил свою добычу, и я поплыл с сестрой к берегу.

Обернувшись, я увидел невероятное зрелище: аллигатор нырнул на дно вместе с отважным всадником на спине. Этот юноша погиб! Погиб!

С такими горькими мыслями я продолжал плыть. Выбравшись на берег, я положил на землю сестру, находившуюся в глубоком обмороке. Затем... снова оглянулся.

О радость! Незнакомый юноша вынырнул из воды и направился к берегу. На противоположной стороне пруда появилось отвратительное тело чудовища. Аллигатор яростно и неистово бился в предсмертной агонии.

К счастью, сестра оказалась невредимой. Вздувшаяся на воде юбка спасла ее. Лишь незначительные царапины виднелись на нежной коже Виргинии. Теперь она была в заботливых руках, на нее смотрели любящие глаза, ей говорили ласковые слова; ее осторожно подняли и унесли с того места, где она чуть было не погибла.

Глава X

МЕТИС

Аллигатора вскоре доби́ли и, к величайшему удовольствию всех негров плантации, вытащили на берег.

Никто не мог понять, каким образом он попал в пруд, так как я не сказал никому ни слова. Все думали, что аллигатор забрел в пруд из реки или из лагуны, как это иногда случалось и раньше. И Желтый Джек, принявший самое дея-

тельное участие в уничтожении страшного зверя, несколько раз высказал это предположение. Негодяй и не подозревал, что его тайна раскрыта! Я считал себя единственным человеком, знавшим ее. Однако я ошибался.

Слуги вернулись домой, волоча на веревках огромное тело аллигатора и оглашая воздух победными криками. Я остался наедине с нашим храбрым избавителем, желая выразить ему свою благодарность.

Мать, отец — все благодарили его и восхищались его мужеством. Даже сестра, придя в сознание, сказала ему несколько теплых слов, выражая свою признательность.

Он молчал. Лишь улыбкой и легким поклоном отвечал он на благодарность и поздравления. По возрасту он был еще мальчик, но держал себя серьезно, как мужчина.

Он был примерно моего возраста и роста, прекрасно сложен и очень красив. По цвету лица его нельзя было принять за чистокровного индейца, хотя он носил индейскую одежду. Кожа у него была скорее смуглая, нежели бронзовая, — очевидно, это был метис.

Орлиный нос придавал ему сходство с этой птицей — такова отличительная особенность некоторых североамериканских племен. Его глаза, обычно мягкие и кроткие, быстро загорались. Когда он был возбужден, они, как я уже заметил, пылали грозным огнем.

Примесь крови белой расы смягчила его резкие, но совершенно правильные черты индейского типа, хранившие выражение героического величия. Его черные волосы были красивее, чем у индейца, но такие же блестящие и густые. Короче говоря, весь облик странного незнакомца свидетельствовал о том, что этот благородный и обаятельный юноша года через два превратится в мужчину замечательной красоты. Даже сейчас он отличался таким неповторимым своеобразием, что, раз увидев, его уже нельзя было забыть.

Я сказал, что одет он был как настоящий индеец. Но его костюм был сделан не из шкур, добытых на охоте. Штаны из оленьей кожи уже давно исчезли во Флориде. На нем были штаны из красного сукна и рубашка из пестрой хлопчатобумажной материи. Только мокасины были сделаны из дубленой оленьей кожи. Все это было богато украшено вышивками и бисером. Еще на нем выделялся шитый пояс — бампум, а на голове повязка, украшенная тремя перьями грифа, который пользуется у индейцев таким же почетом, как орел. Шею метиса обвивало ожерелье из разноцветных

бус, а на груди сверкали один над другим три серебряных полумесяца.

Вот и весь наряд юноши. Несмотря на то что индеец промок насквозь, вид у него был благородный и живописный.

— Вы уверены, что не ранены? — спросил я его еще раз.

— Конечно, уверен. Ни единой царапины.

— Но вы насквозь промокли. Позвольте предложить вам переодеться. Мне кажется, что мое платье придется вам впору.

— Благодарю. Я не привык к такой одежде. Солнце сильно печет, и я скоро обсохну.

— Зайдите к нам подкрепиться!

— Я недавно ел.

— Может быть, вы выпьете вина?

— Нет, благодарю. Я пью только воду.

Я не знал, что и сказать своему новому знакомому. Он отказывался от гостеприимства, но все еще стоял возле меня. Он не хотел посетить наш дом и в то же время не обнаруживал желания уйти от меня.

Так чего же он ждал? Награды за свою услугу? Чего-нибудь более существенного, чем похвалы и любезности?

Мне это показалось весьма вероятным. Как ни обаятелен юноша, он все же индеец. Он уже достаточно наслушался похвал. Индейцы не любят праздных слов. Может быть, он ждал чего-то еще — вполне естественно. Так же естественно было, что и я подумал об этом.

Я быстро вынул из кармана кошелек и положил ему в руку. Но в следующее мгновение кошелек оказался на дне пруда.

— Я не просил у вас денег! — сказал он, с негодованием швырнув доллары в воду.

Мне было обидно и совестно — главным образом совестно. Я бросился в пруд и нырнул. Но не за кошельком, а за винтовкой, которая, как я видел, лежала на каменистом дне. Я достал ее и, выбравшись на берег, подал метису.

Он как-то особенно улыбнулся, и я понял, что исправил свою ошибку и сломил его своевольную гордость.

— Теперь очередь за мной, — сказал он. — Позвольте мне достать ваш кошелек и попросить прощения за грубость.

И прежде чем я успел помешать ему, он кинулся в воду и нырнул. Вскоре он появился с кошельком и подал его мне.

— Это великолепный подарок, — промолвил он, рас-

смастривая винтовку.— Для того чтобы предложить вам ответный дар, мне надо побывать дома. У нас, индейцев, не много теперь найдется того, что ценят белые люди, кроме нашей земли! (Эти слова он произнес с особым ударением.) Наши изделия,— продолжал он,— по сравнению с вашими ничего не стоят. Для вас это в лучшем случае любопытные безделушки. Но постойте... ведь вы охотник? Может быть, вы возьмете мокасины и патронташ? Маюми делает их очень хорошо.

— Маюми?

— Моя сестра. Вы увидите, что в мокалинах гораздо удобнее охотиться, чем в тяжелых сапогах, которые вы носите. В мокалинах можно двигаться бесшумно.

— Важнее всего то, что я получу мокасины в подарок от вас!

— Я очень рад, что это доставит вам удовольствие. Маюми сделает вам и мокасины и патронташ.

«Маюми! — повторил я про себя.— Прелестное, незнакомое имя! Неужели это она?»

Я вспомнил о прекрасной девушке, которую однажды встретил на тропинке в лесу. Это была мечта, небесное видение — она казалась слишком красивой, чтобы быть земным созданием.

Это видение явилось мне в облике девушки-индианки, когда я бродил в лесах и ароматных, благоухающих рощах. Я увидел ее на цветущей зеленой лужайке. Это было одно из тех мест южного леса, которые природа украсила с особенной щедростью. Девушка казалась неотъемлемой частью этой великолепной картины.

Не успел я взглянуть на нее, как она уже исчезла. Я помчался за ней, но напрасно старался отыскать ее. Как легкий призрак, ускользнула она по запутанному лабиринту тропинок в роще, и больше я ее не видел. Но, скрытый от моего взора, образ ее не изгладился в моей памяти, и с тех пор я все время мечтал о прелестном видении. Не была ли это Маюми?

— Как вас зовут? — спросил я юношу, который уже собрался уходить.

— Белые зовут меня Пауэлл, по имени моего покойного отца. Он был белый. Мать моя жива. Нет нужды говорить, что она индианка... Мне пора идти,— добавил он, помолчав.— Но прежде позвольте мне задать вам один вопрос. Он может показаться вам дерзким, но у меня есть свои при-

чны. Нет ли среди ваших рабов такого, который очень зол и враждебно относится к вашей семье?

— Пожалуй, да. По крайней мере, у меня есть основания подозревать его.

— Сумеете ли вы узнать его следы?

— Думаю, что узнаю.

— Тогда пойдите со мной!

— Не надо. Я догадываюсь, куда вы хотите вести меня. Я знаю все: он заманил сюда аллигатора, чтобы погубить мою сестру.

— Уф! — воскликнул молодой индеец с некоторым удивлением. — Откуда вы могли узнать это?

— Я видел все вон из-за той скалы. А вы как узнали?

— Я шел по следу — человека, собаки и аллигатора. Я охотился на болоте и увидел следы. Я заподозрил что-то неладное и пошел через поле. Добрался до зарослей и услышал крики. И вот подоспел как раз вовремя. Уф!

— Да, в самый последний момент, иначе негодю удался бы его гнусный замысел. Но не беспокойтесь, друг мой, он будет наказан!

— Хорошо. Он должен быть наказан. Надеюсь, что мы еще встретимся с вами!

Мы обменялись еще несколькими словами и простились, крепко пожав друг другу руки.

Глава XI

ОХОТА

Я уже больше не сомневался в виновности мулата. Уничтожение рыбы не могло быть его единственным намерением. Ради такого пустяка он не стал бы прилагать столько усилий. Нет, он замышлял нечто более ужасное, это был глубоко продуманный план мести: он стремился уничтожить мою сестру или Виолу, а может быть, и обеих сразу!

Подобное предположение казалось чудовищным, но сомнений не было: все подтверждало это. И молодой индеец сразу разгадал намерение мулата. В это время года сестра купалась почти каждый день, и все на плантации знали ее привычки. Я забыл об этом, когда увлекся погоней за оленями, иначе, конечно, действовал бы совершенно по-иному. Но кто мог думать о таком ужасном злодеянии? Коварство

мулата соответствовало его злобному нраву. Если бы не нашлось случайных свидетелей, замысел мог бы осуществиться, и сестра стала бы его жертвой. Кто мог бы назвать виновника преступления? Все считали бы, что аллигатор — единственная причина гибели сестры. Никому бы и в голову не пришло подозревать мулата. Ведь желтый негодяй придумал все с дьявольской ловкостью.

Я пылал негодованием. Моя бедная, невинная сестра! Она и не ведала о гнусном замысле, из-за которого ее жизнь подвергалась такой смертельной опасности. Виргиния знала, что мулат недолюбливает ее, но она и не подозревала, что он питает к ней такую сатанинскую ненависть. Я был уже не в состоянии долгие сдерживать свои чувства. Преступника следует покарать, и немедленно! Его надо лишить возможности повторить подобное покушение в дальнейшем. Как нужно его наказать — об этом я сейчас не думал. Этот вопрос пусть решат старшие. Плети не помогли; может быть, его исправят кандалы... во всяком случае, он должен быть изгнан с плантации. Мысль о смертной казни не приходила мне в голову, хотя негодяй и заслужил ее. Воспитанный гуманным отцом, я не мог дойти до такой крайности, хотя был вне себя от ярости. Я считал, что достаточно наказать преступника плетьюми, заковать его в кандалы и отправить в тюрьму, в форт Святого Марка или Святого Августина.

Я знал, что этот вопрос будет решать не только мой отец, что в нем примут участие все окрестные плантаторы и что необходимо скорее собрать их на совет. Рассмотрением этого преступления, безусловно, займутся более строгие судьи, чем снисходительный хозяин мулата. Я больше не раздумывал и решил, что суд должен состояться немедленно. Поэтому я, прямо через чащу, поспешил домой, чтобы все рассказать отцу.

Не успел я сделать и нескольких шагов, как услышал около себя какой-то шелест. Кругом не было ни души, но, очевидно, кто-то пробирался между деревьями. Может быть, кто-нибудь из рабов, пользуясь общим смятением, вздумал полакомиться апельсинами.

Все это показалось мне сущим пустяком по сравнению с тем, что меня заботило, и я не счел даже нужным остановиться. Я только окликнул незнакомца и, не получив ответа, пошел дальше.

Подойдя к дому, я увидел отца и надсмотрщика над ра-

бами под большим навесом. Тут же был и охотник за аллигаторами старик Хикмэн и несколько соседей, случайно заехавших к отцу по делам. Я подробно рассказал об утреннем происшествии. Все стояли как пораженные громом. Хикмэн сразу же объявил, что, вероятно, все так и было, хотя никто и не сомневался в справедливости моих слов. Единственное сомнение могло быть относительно намерений мулата. Неужели он хотел погубить человеческую жизнь? Трудно было поверить в такую неслыханную жестокость. Однако в тот же миг все сомнения были разрешены. Нашелся свидетель, подтвердивший и дополнивший мои показания. Этот свидетель был Черный Джек.

В это утро — всего полчаса назад — он заметил, как Желтый Джек взбирался на один из высоких дубов, откуда хорошо виден пруд. Это было как раз в тот момент, когда «белая мисс» и Виола пошли купаться. Желтый Джек видел, как они вошли в воду.

Возмущенный таким недостойным поведением, негр крикнул мулату, чтобы тот слез с дерева, и пригрозил, что пожалуется на него. Но мулат ответил, что собирает желуди — любимое лакомство всех обитателей плантации. И только после того, как негр повторил свою угрозу, Желтый Джек наконец спустился на землю, но в руках у него не было ни одного желудя.

— Он не за желудями полез туда, масса Рэндольф: этот желтый бездельник замышлял плохое дело, — так закончил свои показания Черный Джек.

Теперь уже нельзя было сомневаться в преступном намерении мулата. Он влез на дерево, желая убедиться, что злодеяние, задуманное им, совершилось; он видел, как девушки вошли в бассейн; он знал об опасности, таящейся в воде, и он даже пальцем не пошевелил, чтобы помочь им или поднять тревогу. Наоборот, он одним из последних прибежал к пруду, когда девушки призывали на помощь. Это подтверждали многие свидетели. Все улики против него были налицо.

Рассказ Черного Джека взволновал всех. Белые и черные, хозяева и рабы — все были одинаково возмущены ужасным преступлением. Со всех сторон раздавались крики: «Где Желтый Джек?»

Негры, белые, мулаты — все бросились на поиски, все жаждали поймать Желтого Джека, чтобы наказать это чудовище.

Но куда же он скрылся? Его громко звали, ему приказывали, ему угрожали. Но все напрасно: ответа не было. Где же он? Обыскали всё: конюшни, пристройки, кухню, хижины негров, даже амбар для зерна, но мулата нигде не оказалось. Куда же он скрылся? Его видели совсем недавно, когда он помогал тащить аллигатора. Люди принесли убитого зверя к загону и бросили на съедение свиньям. Желтый Джек вертелся тут же и усердно помогал в работе, но где он был теперь — никто не знал.

В эту минуту я вспомнил, что слышал шорох в апельсиновой роще. Не там ли прятался Желтый Джек? В таком случае, он, вероятно, подслушал мой разговор с молодым индейцем или, по крайней мере, последнюю часть его и теперь был уже где-нибудь далеко.

Начали искать его в апельсиновой роще и в зарослях вокруг бассейна, но напрасно: мулат как сквозь землю провалился. Тогда мне пришла мысль взобраться на вершину скалы, на мой наблюдательный пункт; и я сразу увидел беглеца, пробиравшегося ползком через плантацию индиго по направлению к маисовому полю. Дальше я не стал следить за ним, прыгнул со скалы и помчался в погоню. Мой отец, Хикмэн и другие последовали за мной.

Погоня велась отнюдь не втихомолку, и по нашим крикам Желтый Джек скоро понял, что его преследуют. Скрываться дальше уже не было никакой возможности, и, вскочив, он пустился бежать со всех ног. Вскоре он достиг маисового поля; крики преследователей раздавались у него за спиной.

Хотя я был еще мальчишкой, но бежал быстрее всех. Я знал, что обязательно догоню его, если только ему не удастся скрыться из виду. По-видимому, он надеялся добежать до болота и там нырнуть в заросли пальметто, где ему уже легко было бы спрятаться так, чтобы его не нашли.

Чтобы помешать этому, я пустился бежать во весь дух и пересек беглецу дорогу как раз у края леса. Мне удалось схватить его за полу куртки.

Это была, конечно, безрассудная попытка. Мной владела только одна мысль: схватить его! Я и не подумал о том, что он будет сопротивляться, хотя от человека, доведенного до отчаяния, этого вполне можно было ожидать. Привыкший к тому, чтобы мне повиновались, я в ослеплении полагал, что, как только схвачу его, он покорно остановится. Но я ошибался. От быстрого бега я совершенно запыхался и настолько ослабел, что был бы не в состоянии удержать даже

кошку. Желтый Джек без труда вырвался у меня из рук. Я думал, что он удерет, но вместо этого он обернулся и, выхватив нож, вонзил его в мою руку. Он метил в сердце, но в этот момент я случайно поднял руку и тем отвратил от себя роковой удар.

Мулат снова занес нож и вторично вонзил бы его в меня, если бы в борьбу не вмешался третий участник. Прежде чем смертоносное лезвие коснулось меня, сильные руки Черного Джека обхранили мулата. Мерзавец яростно отбивался, стараясь вырваться на свободу, но железные объятия его старого соперника не разжимались, пока не подросли Хикмэн и все другие. Вскоре мулат был опутан крепкими ремнями и теперь лежал перед нами — беспомощный и безвредный.

Глава XII

СУРОВЫЙ ПРИГОВОР

Все эти события, само собой разумеется, вызвали большое волнение и за пределами нашего дома. Вдоль реки тянулся ряд плантаций, составлявших один поселок. Весть о том, что произошло у нас, разнеслась с невероятной быстротой, и примерно через час к нам со всех сторон стали съезжаться белые соседи. Некоторые из них — бедные охотники, жившие на окраинах больших плантаций, — пришли пешком, а другие — сами плантаторы и их надсмотрщики — прискакали верхом. Все они были вооружены винтовками и пистолетами. Посторонний наблюдатель принял бы их за отряды милиции, съехавшиеся на сбор, хотя по серьезному выражению их лиц можно было скорее подумать, что они собрались отражать нападение индейцев на границе.

В течение часа прибыло около пятидесяти человек — почти все жители поселка. Для разбора дела Желтого Джека был назначен суд. Судебный процесс проводился не в соответствии со строгими положениями закона, хотя некоторые юридические формальности в очень грубой форме все же соблюдались. Эти люди пользовались здесь полной властью, они были владельцами земли и в случаях, подобных этому, могли без труда организовать своеобразный судебный трибунал. Из своей среды они избрали присяжных и судью — нашего ближайшего соседа, Ринггольда. Мой отец отказался принять участие в суде.

На предварительное следствие много времени не понадобилось — факты говорили сами за себя. Я стоял перед судьями с повязкой на раненой руке. Все было ясно — вина была доказана. Мулат покушался на жизнь белых. Значит, он заслуживал смертной казни.

Но какой смертью его казнить? Одни предлагали повесить; другие находили этот приговор слишком мягким. Большинство одобрили предложение сжечь преступника живым. К этому зверскому приговору присоединился и судья.

Отец мой просил смягчить приговор — по крайней мере, не мучить преступника. Но жестокие судьи его не слушали. У всех плантаторов было много случаев бегства рабов, что объяснялось близостью индейцев. И вот рабовладельцы, обвиняя отца в излишней мягкости, решили, что беглые рабы должны получить жестокий урок. Первой жертвой будет Желтый Джек, которого сожгут живым.

Так они рассуждали, таков был произнесенный ими приговор!

Обычно думают, что североамериканские индейцы всегда пытаются своих пленников. Это явное заблуждение! В большинстве достоверно засвидетельствованных случаев жестокости индейцев была ответом на какую-нибудь вопиющую несправедливость, ранее совершенную по отношению к ним, и попытка пленников являлась лишь возмездием. В любые эпохи человеческая природа поддавалась искушению мести. Белых можно с таким же основанием обвинять в жестокости, как и краснокожих. Если бы индейцы сами писали историю пограничных войн и захватов их территории, то весь мир, вероятно, изменил бы свое мнение об их так называемом «жестокосердии».

Сомнительно, чтобы во всей истории войн между белыми и индейцами можно было найти примеры жестокости, равные тем, с которыми белые относились к неграм. Многие из негров-рабов были искалечены, подвергались пытке, приговаривались к смерти даже за простую обиду, нанесенную словом, и, уж конечно, за оскорбление действием — например, пощечину или удар. Ибо таков был закон, начертанный белыми людьми.

Жестокость индейцев почти всегда была только возмездием. Но когда цивилизованные тираны пытали людей, то месть вовсе не являлась поводом, которым можно оправдать их действия. Если же это даже была месть, то не естествен-

ная жажда отмщения, которая находит себе приют в человеческом сердце в ответ на несправедливость, а просто низменная злоба, которую часто проявляют подлые и трусливые тираны по отношению к слабым созданиям, находящимся в их власти.

Желтый Джек совершил тяжкие преступления и безусловно заслуживал смерти. Но судьи решили еще и пытать его. Мой отец и несколько других соседей протестовали против этого, но большинство голосов одержало верх, и ужасный приговор был утвержден. И те, кто вынес его, сразу же начали готовиться привести его в исполнение.

Владения джентльмена — неподобающее место для казни. Поэтому решили отойти подальше от дома, к озеру. В двухстах ярдах от берега нашли подходящее дерево, и вся толпа направилась туда вслед за осужденным. Желтого Джека привязали к дереву и начали разводить костер.

Отец отказался присутствовать при казни. Из всего нашего семейства один я последовал за толпой. Мулат увидел меня и осыпал градом ругательств, торжествуя, что нанес мне рану. Видимо, он считал меня своим злейшим врагом. Правда, я оказался невольным свидетелем преступления Желтого Джека и его осудили главным образом благодаря моим показаниям, но я не был мстителем и готов был избавиться от ужасной участи, которая ему угрожала, по крайней мере от пыток.

Мы подошли к месту казни. Люди уже суетились там: одни собирали хворост и складывали его вокруг дерева, другие разводили огонь. В толпе раздавались смех и шутки, но слышались и возгласы, в которых ясно сквозила ненависть ко всей расе цветных людей. Особенно усердствовал в этом отношении молодой Ринггольд, необузданный, жестокий юноша, унаследовавший худшие черты своего семейства.

Я знал, что ему нравится моя сестра. Я часто замечал, что он оказывал ей особые знаки внимания и не скрывал своей ревности к ее молодым друзьям. Его отец был самым богатым плантатором во всем поселке, и надменный сынок считал себя повсюду желанным гостем. Я не думаю, чтобы он нравился Виргинии. Впрочем, наверное не могу сказать — вопрос был слишком деликатный, чтобы задать его девочке-подростку, которая только воображала себя взрослой девушкой.

Ринггольд не отличался ни красотой, ни благородством.

Он был, пожалуй, неглуп, но заносчив по отношению к людям, стоявшим ниже его, — обычная черта сыновей богатых родителей. Про него говорили, что характер у него мстительный. Вдобавок он был расточителен, слонялся по кабачкам самого низшего пошиба, устраивал петушинные бои.

Я не любил его и никогда не искал его общества. Он был немного старше меня, но дело не только в этом — мне не нравились его характер и склонности. Но совсем не так относились к нему мои родители. Они приветливо принимали Ринггольда в доме, по-видимому считая его своим будущим зятем. Они не замечали его недостатков — блеск золота часто ослепляет наши взоры.

Этот молодой человек был в числе тех, кто настойчиво требовал смерти мулата. Он принимал самое деятельное участие в приготовлениях к казни. Это объяснялось отчасти и природной бесчеловечностью — молодого Ринггольда и его отца считали жестокими плантаторами, и для всех рабов нашей колонии самой страшной угрозой было обещание продать их «массе Ринггольду».

Однако поведение молодого Ринггольда объяснялось и другой причиной: он воображал, что поступает по-рыцарски, проявляя дружеские чувства к нашей семье — а главное, к Виргинии. Но он ошибался: такая жестокость не могла вызвать у нас одобрения. Да и вряд ли моя добрая сестра наградила бы его за это приветливой улыбкой.

Молодой метис Пауэлл также был здесь. Услышав шум погони, он вернулся и теперь стоял в толпе, но ни в чем не участвовал.

Ринггольд увидел индейца, и странное выражение промелькнуло в его глазах. Он уже знал, что смуглый юноша спас Виргинию, но благодарности к нему отнюдь не испытывал.

Наоборот, в его груди вспыхнуло другое чувство: это было ясно видно по презрительной улыбке, игравшей на его губах.

Это стало еще заметнее, когда он грубо обратился к Пауэллу.

— Эй! Краснокожий! — крикнул он. — А ты не приложил руки к этому делу? Слышишь, ты, краснокожий!

— Это я краснокожий? — с негодованием воскликнул метис, бросив гордый взгляд на обидчика. — Однако цвет моей кожи лучше, чем вашей, трусливый болван!

У Ринггольда цвет лица был несколько желтоватый.

Удар был нанесен метко. Оскорбление дошло до сознания Ринггольда молниеносно, но он был так изумлен подобным обращением со стороны индейца и пришел в такую ярость, что на несколько мгновений утратил дар речи. Прежде чем он мог что-нибудь промолвить, послышались восклицания:

— Черт возьми! Что там болтает этот индеец?

— Повтори, что ты сказал! — закричал, опомнившись, Ринггольд.

— Если угодно, пожалуйста: трусливый болван! — крикнул метис, особенно подчеркнув последние слова.

Едва он успел вымолвить это, как Ринггольд выстрелил, но пуля пролетела мимо метиса. В следующую минуту противники ринулись вперед и сцепились друг другу в горло.

Оба упали на землю, но преимущество оказалось на стороне метиса. Он очутился наверху, нож сверкнул у него в руке, и Ринггольду, наверно, пришлось бы отправиться на тот свет, если бы кому-то из толпы не удалось вышибить нож из рук метиса. Несколько человек бросились к ним и розняли противников.

Некоторые возмущались поведением индейца и требовали для него смертной казни. Но нашлись люди с более благородными представлениями о справедливости, они были свидетелями того, как вызывающе вел себя Ринггольд, и, несмотря на влияние и силу семейства Ринггольдов, стали возражать против этого убийства. Я был исполнен решимости защищать метиса до последней возможности.

Трудно сказать, чем бы все это кончилось... Но вдруг кто-то крикнул:

— Желтый Джек бежал!

Глава XIII

ПОГОНЯ

Я оглянулся. Действительно, мулат бежал!

Люди были поглощены схваткой Ринггольда с индейцем и забыли про мулата. Нож, который кто-то выбил из рук Пауэлла, упал к ногам Желтого Джека. Воспользовавшись суматохой, он поднял его, разрезал веревки, которыми был привязан к дереву, и бросился бежать.

Кое-кто пытался схватить мулата, но он выскользнул из

рук. В несколько прыжков он обогнал толпу людей и помчался к озеру.

Это была безумная попытка. Его или застрелят, или догонят. Да, но пытаться спастись от верной смерти — и какой смерти! — разве это безумие?

Вслед беглецу загремели выстрелы, сначала из пистолетов, потом из ружей. Винтовки лежали в стороне или стояли, прислоненные к деревьям и заборам. Все помчались за ними. Стрелки прицеливались один за другим — слышался сухой треск, похожий на учебную стрельбу отряда пехотинцев. Среди белых было много метких стрелков, но трудно попасть в человека, спасающего свою жизнь и мечущегося из стороны в сторону между пнями и кустами. Ни один выстрел, по-видимому, не попал в цель. По крайней мере, когда дым рассеялся, мы увидели, что мулат бросился в озеро и поплыл.

Некоторые снова принялись заряжать винтовки, другие же, видя, что времени терять нельзя, бросали оружие, поспешно сбрасывали с себя шляпы, куртки, сапоги и прыгали в воду вслед за беглецом.

Через три минуты картина совершенно изменилась. Место казни опустело. Одни толпились на берегу, крича и жестикулируя, а другие — человек двадцать — молча плыли, и только их головы торчали из воды. Далеко впереди — футах в пятидесяти от них — виднелись черные курчавые волосы, желтые плечи и шея одинокого пловца, прилагавшего отчаянные усилия, чтобы спастись от преследователей.

Это была странная сцена! Как будто идет охота за оленем — окруженный со всех сторон, он бросается в воду, а собаки с лаем смело ныряют за ним. Только здесь царило еще большее возбуждение, и люди и собаки охотились не за дичью, а за человеком. Борзые и легавые вместе со своими хозяевами бросились в яростную погоню. Право же, это была очень странная сцена!

С берега продолжали греметь выстрелы: те, кто оставался там, снова зарядили свои ружья. Пули то и дело шлепали по воде недалеко от пловца, но ни одна не настигла его. Он уже находился за пределами попадания.

Все это казалось мне каким-то сном. События сменялись так быстро, что я почти не доверял собственным чувствам и сомневался в действительности всего происходящего. За миг перед этим преступник, связанный и беспомощный, лежал перед грудой хвороста, который собирались поджечь.

Теперь же он был свободен и плыл вперед, а его палачи безнадежно отстали от него. Перемена произошла настолько быстро, что в нее трудно было поверить. А между тем все это совершилось у меня на глазах.

Прошло немало времени. Погоня на воде во многом отличается от погони на суше. Несмотря на то что это был вопрос жизни и смерти, беглец и его преследователи двигались вперед очень медленно. В течение приблизительно получаса мы, оставшиеся на берегу, были зрителями этого необычайного состязания. Ярость первых минут улеглась, но тем не менее интерес зрителей не ослабевал; люди еще продолжали стрелять и волноваться, хотя ни стрельба, ни крики, конечно, не могли привести к желаемым результатам. Никакие поощрительные возгласы не помогали преследователям. Никакие угрозы не нужны были, чтобы беглец плыл скорее...

Пока мы стояли на берегу, у нас было достаточно времени для размышлений. Нам было ясно, почему мулат бросился в воду. Попробуйся он бежать позем, он стал бы добычей собак или его догнали бы те, кто бежал быстрее. В воде же не многие могли состязаться с ним. Поэтому он решил переплыть озеро и добраться до леса.

Однако совершенно скрыться он не мог. Остров, к которому он плыл, находился на расстоянии полумили от берега, но за ним простиралась полоса воды более мили в ширину. Мулат мог спрятаться от преследователей на острове. Но что дальше? Не мог же он рассчитывать на спасение, спрятавшись в чаще! Там всего на нескольких акрах густо росли высокие деревья. Некоторые стояли у самого берега, ветви их были украшены серебристой тилландсией и свисали над водой. Но что из этого? Здесь мог найти укрытие и спасение медведь или загнанный волк, но не преследуемый человек, не раб, который осмелился поднять нож на своего хозяина. Нет, нет! На острове обшут каждый куст, и скрыться нет никакой возможности.

Может быть, мулат только собирался отдохнуть на острове и, переведя дух, снова пуститься вплавь к противоположному берегу? Хороший пловец мог бы рискнуть на это, но для мулата этот путь был отрезан. На реке было много лодок и пирог, люди уже пошли за ними, и, прежде чем мулату удалось бы отплыть от берега, за ним уже погналось бы несколько челноков. Нет, нет, ему не спастись! Куда бы он ни бросился, в воде или на острове, — его схва-

тят везде! Так рассуждали зрители на берегу, наблюдавшие за погоней.

По мере того как пловец приближался к острову, возбуждение все больше усиливалось. Развязка была недалеко, но она оказалась совершенно иной, нежели мы предполагали. Все думали, что беглец, достигнув острова, выйдет на берег и скроется среди деревьев, а за ним по пятам пойдут преследователи и, может быть, изловят его даже раньше, чем ему удастся добраться до леса. Люди были уверены, что все произойдет именно так, — ведь мулат находился уже около самого острова: еще несколько сильных взмахов, и он был бы у берега. Он уже плыл под темной тенью деревьев, ветви как бы склонялись над его головой; казалось, ему достаточно было поднять руки и схватить их. Большинство пловцов все еще отставали от него ярдов на пятьдесят, но некоторые, опередив других, были уже в двадцати пяти ярдах от него. С берега казалось, что они плывут чуть ли не рядом с беглецом и в любой момент могут его схватить.

Развязка приближалась, но не такая, какой мы ожидали. Ни зрители, ни преследователи и не догадывались, чем кончится погоня. Даже сам мулат не подозревал, какая новая страшная опасность ему грозила. Тень деревьев на берегу острова уже падала на пловца, и каждую минуту мы ждали, что он скроется в ней. Но вдруг он круто повернул и поплыл вдоль берега.

Мы с удивлением смотрели на этот маневр, не понимая, к чему он может привести, ибо преследователи как раз плыли по диагонали к беглецу и могли вот-вот настигнуть его. Какова была его цель? Может быть, ему не удалось найти удобное место, чтобы выйти на берег? Даже если это было так, он мог уцепиться за ветви и выбраться на сушу. Но недоумевать нам пришлось недолго: мы заметили, что темный предмет, плававший в воде, оказался вовсе не стволом сухого дерева; бревно было живое и двигалось и скоро приняло очертания огромной ящерицы — отвратительного аллигатора.

Его страшные челюсти были широко раскрыты, чешуйчатый хвост поднялся, только туловище находилось в воде. Он повертывался то в одну, то в другую сторону, время от времени бил хвостом, и брызги летели фонтаном. Его рев отдавался эхом на противоположном берегу, все озеро как бы колебалось от его хриплого голоса. Лесные птицы с кри-

ком порхали кругом, а белый журавль с испуганным курлыканьем взвился в воздух.

Зрители застыли от ужаса, пловцы перестали плыть. Только один мулат прилагал все усилия, чтобы спасти свою жизнь. Аллигатор так и впился в него глазами. Почему он уставился на него, а не на других? Все пловцы были одинаково близко. Может быть, это рука бога поднялась для мщения? Еще одно движение, еще удар мощного хвоста — и громадный аллигатор ринется на свою жертву...

Я забыл о преступлениях мулата — я почти сочувствовал ему: неужели для него нет надежды на спасение? Вот он ухватился за ветку дерева, пытаюсь подняться из воды и избавиться от грозной опасности. Боже, укрепи его руку! Слишком поздно! Уже аллигатор разинул пасть... Вдруг раздался треск — сук обломился! Мулат упал, скрылся под водой и пошел ко дну, а за ним, так и не сомкнув челюстей, нырнула гигантская ящерица. Оба скрылись из виду. Волны вспенились, захлестывая листья обломанного сука.

Затаив дыхание, мы следили за этой сценой. Ни малейшая зыбь на волне не ускользала от нашего взора. Но на поверхности воды не было заметно никакого движения. Из ее глубин не показывались очертания ни человека, ни чудовища, и вскоре озеро снова стало спокойным и гладким. Аллигатор, несомненно, закончил свое дело. Не послужил ли он орудием божьей мести! Так говорили окружавшие меня люди.

Наши пловцы повернули обратно. Никто не рискнул подплыть к берегу острова, под темную тень деревьев. Люди долго находились в воде, и силы оставляли их. Некоторые едва ли могли бы добраться до берега, но на помощь им спешили лодки и пироги. Некоторые пловцы увидели лодки и поплыли медленнее, другие остановились и ждали их приближения. Всех их поспешно подобрали одного за другим. Теперь и люди и собаки были благополучно доставлены на берег.

Решено было продолжать поиски с помощью собак, так как судьба беглеца все еще оставалась неясной. Преследователи высадились, собаки начали рыскать по кустам, а люди пошли вдоль берега к месту, где все это случилось.

Однако на острове не оказалось ни малейших следов мулата. Но зато кое-что обнаружилось в воде: нашли красную пену и решили, что это кровь мулата.

— Все в порядке, ребята! — раздавался чей-то грубый

Раздался треск — сук обломился, и мулат упал .

голос.— Держу пари, что это кровь чернокожего. Он пошел ко дну, в этом нет сомнения. Черт побори эту гадину! Она испортила нам всю забаву.

Эта шутка была встречена взрывом оглушительного хохота. Продолжая беседу в том же духе, охотники за людьми постепенно разошлись по домам.

Глава XIV

МЕСТЬ РИНГГОЛЬДА

Только самые черствые люди среди белых говорили об этом происшествии с неподобающим легкомыслием; другие, более тонкие и благородные, отнеслись к нему с должной серьезностью, а в некоторых оно даже пробудило какой-то страх. Как будто десница божья вмешалась и наказала преступника той самой смертью, которую он готовил другим.

Ужасная смерть, но казнь, назначенная мулату людьми, была еще ужаснее. Небо, смягчив наказание преступнику, оказалось к нему милосерднее, чем земные судьи.

* * * * *

Я оглянулся, ища индейца, и был доволен, что его нет в толпе. Его стычка с Ринггольдом внезапно закончилась, но я боялся, что так просто это не обойдется. Слова метиса разозлили плантаторов, отвлекли их внимание от Джека, и благодаря этому преступник бежал. Если бы мулату действительно удалось спастись, это наверняка повело бы к дальнейшим неприятностям. Но и теперь я не был вполне уверен в том, что индейцу не угрожает опасность. Он находился не на своей земле — владения индейцев простирались по ту сторону реки, и поэтому местные жители могли рассматривать его приход как вторжение. Правда, мы были в мире с индейцами, но, несмотря на это, в глубине души обе стороны относились друг к другу крайне враждебно. Старые раны, полученные в войне 1818 года¹, еще не зажили.

¹ Война 1818 года — захватническая война Соединенных Штатов с Испанией, предпринятая ради присоединения Флориды, принадлежавшей в то время Испании. Предлогом было то, что индейские племена криков и семинолов давали приют бежавшим с плантаций рабам. В 1818 году американские войска вторглись во Флориду и захватили ее. В 1819 году Испания вынуждена была уступить Соединенным Штатам Флориду за денежную компенсацию.

Я знал, что Ринггольд мстителен. Он был унижен в глазах приятелей — в короткой схватке метис одержал верх. Ринггольд не простит этого и, конечно, будет искать случая отомстить ему.

Вот почему я обрадовался, что метис ушел. Быть может, он сам почувствовал опасность и вернулся за реку, где ему уже ничто не могло грозить. Даже Ринггольд не рискнул бы последовать туда за ним, так как договор нельзя было нарушать безнаказанно, и самые отчаянные из скваттеров¹ это знали. Могла снова вспыхнуть война с индейцами, а правительство, вообще не отличавшееся чрезмерной щепетильностью, в настоящее время имело другие планы.

Я собрался было идти домой, как вдруг мне пришла в голову мысль подойти к Ринггольду и сказать ему, что я не одобряю его поведения. Я был так возмущен, что решил выложить ему все, что о нем думал. Ринггольд был старше меня и выше ростом, но я не боялся его. Напротив, я знал, что внушаю ему страх. Ринггольд оскорбил того, кто час назад рисковал ради нас своей жизнью, и я хотел упрекнуть его за это. Я стал искать Ринггольда в толпе, но его нигде не было.

— Вы не видели Аренса Ринггольда? — спросил я старого Хикмэна.

— Он только что уехал, — ответил старик.

— В каком направлении?

— Вверх по реке. Он ускакал с Биллем Уильямсом и Недом Спенсом. У них был такой вид, как будто там их ждет какое-то неотложное дело.

У меня мелькнуло страшное подозрение.

— Хикмэн, — обратился я к охотнику, — не одолжите ли вы мне на часок свою лошадь?

— Мою старушку? С удовольствием! Хоть на целый день, если нужно. Но как же вы поедете с пораненной рукой?

— Ничего! Только помогите мне сесть в седло.

Старый охотник исполнил мою просьбу, и, обменявшись с ним еще несколькими словами, я поехал вверх по берегу реки. Немного выше через реку ходил паром, и там же, вероятно, молодой индеец оставил свой челнок. Следовательно, чтобы вернуться домой, ему надо было идти в этом направлении, между тем как Ринггольду не следовало ехать

¹ С к в а т т е р ы — поселенцы, захватившие свободные, необработанные земли при колонизации.

туда — его плантация лежала в противоположной стороне. Поэтому-то мне и показалось подозрительным, что Ринггольд поехал вверх по реке, да еще в такой компании. Во всех окрестных плантациях не было молодчиков хуже тех приятелей Ринггольда, которых упомянул Хикмэн. Я знал также, что они полностью находились под влиянием своего вожака.

Я подозревал, что они поскакали вдогонку за индейцем и, конечно, не с добрыми намерениями. Подъехав к реке, я убедился в основательности своих предположений. На сыром песке ясно виднелись отпечатки лошадиных копыт и след индейских мокасин, ведущий к переправе. Я знал, что одежда метиса еще не высохла и что его мокасины были пропитаны водой. Я пришпорил лошадь.

Однако, подъехав к переправе, я ничего не увидел, так как от воды меня отделяли деревья. Но я услышал сердитые голоса. Это доказывало справедливость моего предположения.

Я не стал терять времени и прислушиваться, а поехал прямо на звук голосов. На повороте дороги я увидел трех лошадей, привязанных к дереву. Я проскакал мимо и действительно, как и следовало ожидать, увидел у воды трех белых и метиса между ними. Он был у них во власти! Они оставили лошадей у дерева, подкралась к нему незаметно и схватили его как раз в тот момент, когда он собирался прыгнуть в челнок.

Метис оказался безоружным. Винтовка, которую я подарил ему, была еще влажная, а мулат утащил с собой его нож. Вот почему метис не мог оказать им сопротивления и его сразу удалось связать по рукам и ногам.

Не теряя времени, они сняли с индейца охотничью рубашку и привязали его к дереву. Улучив момент излить наконец свою накопившуюся ярость, они собирались исхлестать бичами его обнаженную спину. Если бы я не подоспел вовремя, ему пришлось бы плохо.

— Стыдитесь, Аренс Ринггольд! — крикнул я, подъезжая к ним. — Стыдитесь! Так поступать подло и достойно труса, и я расскажу об этом всем в поселке.

Я появился так внезапно, что Ринггольд был ошеломлен. Он пробормотал какое-то извинение.

— Проклятый индеец заслуживает этого! — проворчал Уильямс.

— За что, мистер Уильямс? — спросил я.

— За то, что он так нагло разевает пасть на белых людей!

— Ему тут нечего делать! — вмешался Спенс. — По какому праву он разгуливает на этом берегу реки?

— А вы не имеете права истязать его ни на этом, ни на том берегу, точно так же как не имеете права трогать меня.

— Хо, хо, хо! Мы и с вами справимся! — насмешливо воскликнул Спенс.

Кровь во мне так и закипела.

— Ну, это не так-то легко! — вскричал я, спрыгнув с коня и подбегая к ним.

Моя правая рука была невредима. Заранее предвидя неприятные осложнения, я взял у Хикмэна пистолет и теперь поднял его и прицелился.

— Ну, джентльмены, — сказал я, став рядом с пленником, — теперь вы можете истязать его! Только предупреждаю вас, что пушу пулю в лоб первому, кто посмеет его ударить.

Хотя все трое были почти мальчишки, но, по обычаю того времени, они носили при себе оружие — ножи и пистолеты. Спенс, казалось, больше всех был расположен выполнить свою угрозу. Но, видя, что Ринггольд, их вожак, отступил, он и Уильямс также последовали его примеру. Ринггольд отступил, так как, ссорясь с нашей семьей, он мог потерять то, чего не могли потерять его приятели. Кроме того, что он боялся за свою собственную шкуру, у него были и другие планы. Все трое в конце концов ушли, недовольные моим непрошеным вмешательством в ссору, которая, как они полагали, меня совершенно не касалась. Пылая злобой, они постыдно оставили поле битвы.

Я немедленно освободил индейца. Он сказал мне всего несколько слов, но его взгляд выразил всю его признательность, когда он на прощанье пожал мне руку:

— Приходите на ту сторону реки, когда вам вздумается. Ни один индеец не тронет вас. Вы всегда будете желанным гостем в наших владениях!

Такое знакомство не могло просто прекратиться. Чем же оно должно было закончиться, как не дружбой! Метис был благородный юноша, со всеми задатками джентльмена. Я решил принять его приглашение и побывать в его лесном домике. Хижина его матери, как он объяснил мне, стояла недалеко отсюда, по ту сторону озера, на берегу небольшой речушки, впадающей в широкую реку Суони.

Я слушал эти указания с затаенной радостью. Я хорошо знал речку, о которой он говорил. Еще недавно я плыл по ней в лодке, и именно на ее берегах я впервые увидел прелестное существо — лесную нимфу, красота которой произвела на меня такое сильное впечатление.

Но была ли это Маяуми? Мне хотелось поскорее увериться в этом. Если бы моя рука зажала настолько, чтобы я мог владеть веслами! Эта задержка мучительно томила меня. Но время шло, и я наконец выздоровел.

Для своей поездки я выбрал чудесное, ясное утро и собрался в путь, захватив собак и ружье. Усевшись в лодку, я уже приготовился отчалить, как вдруг кто-то меня окликнул. Обернувшись, я увидел сестру.

Бедная маленькая Виргиния! В последнее время она очень изменилась, потеряла свою прежнюю веселость и стала гораздо задумчивее. Она еще полностью не оправилась от страшного потрясения после истории с аллигатором.

— Куда ты едешь, Джордж? — спросила она, подходя ко мне.

— Тебе хочется знать, Виргиния?

— Да, скажи мне или возьми меня с собой!

— Как? Взять тебя в лес?

— А почему бы и нет? Я давно не была в лесу. Какой ты нехороший, братец, ты никогда не берешь меня с собой!

— Но раньше, сестричка, ты никогда не просила меня об этом.

— Ну и что же, ты мог бы и сам догадаться, как мне это приятно. А мне так хотелось бы погулять в лесу! Как хорошо было бы стать вольной птицей, или бабочкой, или каким-нибудь другим крылатым существом! Тогда я путешествовала бы одна по этим чудным лесам и не упрашивала бы эгоистичного брата взять меня с собой.

— В другой раз, Виргиния, только не сегодня!

— Отчего же не сегодня? Смотри, какое прекрасное утро!

— По правде говоря, сегодня я держу курс не совсем в лес.

— А куда ты держишь курс, Джорджи? «Держать курс» — так, кажется, говорят о кораблях?

— Я еду к молодому Пауэлли. Я обещал навестить его.

— Ах, вот что! — воскликнула сестра, вдруг меняясь в лице и задумавшись.

Имя Пауэлла напомнило ей об ужасной сцене, и я раскаивался уже, что назвал его.

— Вот что я скажу тебе, братец! — начала она, помолчав. — Больше всего на свете я хотела бы посмотреть индейскую хижину. Милый Джордж, возьми меня с собой!

Просьба была высказана так горячо, что я был не в силах устоять, хотя, конечно, предпочел бы поехать один. У меня была тайна, которой я не мог поделиться даже с любимой сестрой. Кроме того, смутное чувство подсказывало мне, что не следовало бы брать сестру с собой так далеко от дома, в место, с которым я сам был знаком очень мало.

Она снова принялась упрашивать меня.

— Ну ладно, если мама позволит...

— Ничего, Джордж, мама не рассердится. Зачем возвращаться домой? Ты видишь, я готова, даже шляпу надела. Мы успеем вернуться прежде, чем нас хватятся. Ведь это недалеко...

— Ну хорошо, сестренка, садись на корме, у руля. Хэйхо! Мы отваливаем!

Течение было не сильным, и через полчаса мы доехали до устья речки и продолжали плыть по ней вверх. Это была неширокая речка, но достаточно глубокая для лодки или индейского челнока. Солнце стояло высоко, но его лучи не палили нас — им преграждали путь густые деревья, ветви которых как бы сплетались в зеленый свод над волнами реки. В полумиле от устья деревья расступились. Мы увидели возделанные поля, засеянные маисом и засаженные бататом — сладким картофелем, — стручковым перцем, дынями и тыквами. Невдалеке от берега возвышался довольно большой дом, окруженный оградой и группой домиков поменьше. Это было деревянное здание с портиком, колонны которого покрывала примитивная резьба. На полях трудились рабы — негры и индейцы.

Это не могла быть плантация белого — на этой стороне реки белые не жили. Мы решили, что поместье принадлежит какому-нибудь богатому индейцу, владельцу земли и рабов.

Но где же хижина нашего друга? Он сказал, что она стоит на берегу реки, не дальше чем в полумиле от ее устья. Может быть, мы прошли, не заметив хижины, или ее надо было искать где-то дальше?

— Давай-ка пристанем к берегу, Виргиния, и спросим.

— А кто это там стоит на крыльце?

— Ого, ты видишь лучше меня! Ведь это он сам — молодой индеец! Но не может быть, чтобы он жил здесь... Разве это хижина? А знаешь что? Он, наверно, пришел сюда в гости. Смотри-ка, он идет к нам навстречу!

Пока я говорил, индеец вышел из дому и поспешно направился к нам. Через несколько секунд он уже очутился на берегу и показал нам, где пристать. Как и в день нашего знакомства, он был в ярком, богато вышитом платье и с убором из перьев на голове. Его стройная фигура четко вырисовывалась на берегу на фоне неба, он походил на миниатюрную статуэтку воина; метис был еще почти мальчиком и выглядел очень живописно. Я почти завидовал его дикому великолепию.

Сестра смотрела на него, как мне показалось, с восхищением, хотя иногда в ее взгляде проскальзывало что-то вроде страха. Она то краснела, то бледнела; я решил, что облик индейца напоминает ей ту страшную сцену в бассейне. И я снова пожалел, что взял ее с собой.

Наше появление, по-видимому, вовсе не смутило молодого индейца. Он держал себя спокойно и сдержанно, словно ожидал нас. Но он, конечно, не мог предполагать, что мы приедем вдвоем. В его обращении отнюдь не чувствовалось холодности. Как только мы причалили, он схватил нос лодки, подвел ее вплотную к берегу и с вежливостью образцового джентльмена помог нам высадиться.

— Добро пожаловать! — сказал он и, взглянув на Виргинию, добавил: — Надеюсь, что сеньорита поправилась?.. А о вас, сеньор, нечего и говорить: раз вы сумели грести против течения, значит, вы вполне здоровы!

Слова «сеньор» и «сеньорита» указывали на следы испанского влияния, еще сохранившиеся от тех отношений, которые издавна существовали между семинолами и испанцами. И на нашем повом знакомом были надеты вещи, которые носят в Андалузии, — серебряный крест на шее, ярко-алый

шелковый пояс и длинный треугольный клинок за поясом. Даже самый ландшафт напоминал испанский: здесь были экзотические растения — китайские апельсины, великолепные тыквы-папайи, стручковый перец и томаты. Все это характерно для усадеб испанских колонистов. Архитектура дома носила отпечаток кастильского стиля. И резьба на нем была не индейская.

— Это ваш дом? — спросил я, слегка смутившись.

Дело в том, что он приветствовал нас как хозяин, но я не видел никакой хижины. Его ответ успокоил меня. Он сказал, что это его дом, вернее — дом его матери. Отец его уже давно умер, и они жили втроем — мать, сестра и он.

— А это кто же? — спросил я, указывая на работников.

— Это наши рабы, — отвечал он с улыбкой. — Вы видите, что мы, индейцы, тоже постепенно начинаем приобщаться к цивилизации.

— Но ведь не все они негры! Я заметил здесь и индейцев. Неужели они тоже рабы?

— Да, так же как и все остальные. Я вижу, вы удивлены? Это индейцы не из нашего племени. Наш народ когда-то покорил племя ямасси, и многие из пленников остались у нас рабами.

Мы подошли к дому. Мать юноши, чистокровная индианка, встретила нас в дверях. Она была в национальном индейском костюме. В молодости она, по-видимому, была замечательной красавицей и произвела на нас самое приятное впечатление. Особенно привлекало в ней сочетание тонкости ума с нежной материнской заботой.

Мы вошли в дом. Во всем — в обстановке, охотничьих трофеях, конской сбруе — чувствовалось испанское влияние. Мы увидели даже гитару и книги. Эти признаки цивилизации под индейской крышей поразили нас с сестрой.

— Как я рад, что вы приехали! — воскликнул юноша, как бы вспомнив что-то. — Ваши мокасины уже готовы... Где они, мама?.. А где Маюми?

Он как бы облек мои мысли в слова, отразившие эти мысли, как эхо.

— Кто это Маюми? — шепотом спросила меня Виргиния.

— Девушка-индианка. Кажется, это его сестра.

А вот и она сама!

Крохотная ножка в вышитом мокасине, стройный стан

необычайной гибкости, бронзовое лицо с прозрачной кожей, румяные щеки, алые губы, черные глаза, оттененные длинными, загнутыми вверх ресницами, густые брови и прекрасные черные волосы...

Представьте себе девушку, одетую со всем изяществом и изысканностью, на которые способна индейская изобретательность, представьте себе ее походку, соперничающую с неуловимой грацией арабской лошадки, — и вы только в отдаленной степени получите представление о Маюми.

Бедное мое сердце! Это была она — моя лесная нимфа!

* * * * *

Мне не хотелось уходить из этого гостеприимного дома, но сестре было как будто не по себе. Ее словно преследовало воспоминание о злополучном происшествии.

Мы пробыли в гостях около часа. За это короткое время я превратился в мужчину. Когда я взмахнул веслами на обратном пути, я почувствовал, что мое сердце осталось там, позади...

Глава XVI

ОСТРОВ

Мне очень хотелось еще раз побывать у индейцев, и я не замедлил удовлетворить свое желание. Вообще я жил как хотел, пользуясь неограниченной свободой. Ни отец, ни мать не вмешивались в мои дела, и никто не интересовался моими длительными отлучками. Все считали, что я отправляюсь на охоту. Подтверждением этому служили винтовка и собаки, всегда сопровождавшие меня, и дичь, которую я приносил домой.

Мои охотничьи походы всегда увлекали меня только в одном направлении — легко догадаться, в каком! Я переправлялся через большую реку, снова и снова киль моей лодки резал воды маленькой речки — ее притока. Скоро я знал каждое дерево на их берегах.

Наше знакомство с молодым Пауэллом постепенно перешло в тесную дружбу. Мы встречались почти каждый день на озере или в лесу, вместе охотились и подстрелили немало оленей и диких индеек. Мой друг был уже опытным охотником, и я узнал от него много лесных тайн.

Впрочем, охота теперь не так уж привлекала меня.

Я предпочитал тот час, когда она кончалась. На обратном пути я заходил к индейцам и выпивал у них из резной тыквы несколько глотков подслащенного медом «конте». Этот напиток казался мне еще слаще от улыбки той, которая мне его подносила, — от улыбки Маюми!

Несколько недель — как быстро они промелькнули! — я провел будто во сне. Никакая радость в дальнейшей жизни не могла сравниться с этим блаженным временем. Слава и власть дают лишь удовлетворение, одна любовь дарует блаженство — самое чистое и сладостное в ее первом расцвете.

Виргиния часто сопровождала меня в этих прсгулках по диким лесам. Она полюбила леса и говорила мне, что с наслаждением блуждает в зеленых чащах. Иногда я предпочел бы пойти один, но не хватало духу ей отказать. Она привязалась к Маюми, и в этом не было ничего удивительного.

Маюми тоже полюбила сестру, хотя между девушками не было ни малейшего сходства ни по характеру, ни по наружности. Виргиния была блондинка с золотистыми волосами, Маюми — смуглянка с черными косами. Сестра была робка, как голубка; индианка — смела, как сокол. Впрочем, такой контраст, быть может, еще больше укреплял их дружбу. Это часто встречается в жизни.

В моем отношении к обеим девушкам не было никакой логической последовательности: я любил сестру за ее мягкость и нежность, а Маюми, наоборот, привлекала меня своей дерзкой отвагой. Конечно, эти чувства были совершенно различны, как не похожи были и те, кто их вызывал.

Пока мы с Пауэллом охотились, наши сестры оставались дома или гуляли в поле, в роще или в саду. Они играли, пели и читали. Маюми, несмотря на свою одежду, вовсе не была дикаркой. У нее были книги и гитара (вернее, нечто вроде мандолины), оставшаяся после ухода испанцев. Маюми умела читать и играла на гитаре. По своему умственному развитию она была достойной подругой даже для дочери гордого Рэндольфа. Молодой Пауэлл получил такое же, как и я, если даже не лучшее, образование. Их отец не пренебрегал своим родительским долгом.

Ни мне, ни Виргинии и в голову не приходила мысль о каком-нибудь неравенстве. Мы жаждали, мы стремились к дружбе с молодыми индейцами. Мы оба были слишком юны, чтобы иметь хоть какое-нибудь представление о кастовых предрассудках, и следовали только побуждениям своей

неиспорченной природы. Мы и не думали о том, что делаем что-то непозволительное.

Девушки часто ходили с нами в лес, и мы, охотники, не возражали. Не всегда мы гонялись за быстрыми оленями, часто мы охотились на белок и других мелких зверьков. И тогда наши сестры, конечно, могли сопровождать нас. Что касается Маюми, то она была прирожденной охотницей и смелой наездницей. Она любила мчаться на коне сломя голову. Зато моя сестра только еще робко начинала учиться верховой езде.

Увлечшись охотой на белок, я стал часто оставлять собак дома и редко приносил домой дичь. В своих походах мы не ограничивались только лесом: часто и водяная птица на озере — ибисы, цапли и белые журавли становились жертвами нашего охотничьего пыла.

На озере был чудесный островок — не тот, который стал ареной недавней трагедии, а другой, подалее, недалеко от устья реки. Он был довольно большой, холмистый посередине и весь порос вечнозелеными деревьями — дубами, магнолиями, звездчатым анисом и дикими апельсиновыми деревьями. Все это были уроженцы Флориды. Там можно было встретить кусты желтодревника с яркими желтыми цветами, ароматный ярко-красный дёрен и много других благоухающих растений.

Величественные пальмы высоко поднимались над всеми деревьями, и их широкие зонтикообразные кроны как бы создавали второй ярус густой зелени.

Однако, как тесно ни росли деревья, здесь не было непроходимой чащи. Правда, кое-где ползучие лианы и чужеродные растения — эпифиты, или паразиты, — преграждали путь, а между ними вились огромные изглоданные лозы дикого винограда, переплетались кусты хинина и сарсапариллы, цвели бегонии, бромелии и пахучие орхидеи. Но самые большие деревья стояли поодиночке, а между ними расстилались красивые лужайки, усыпанные цветами и покрытые травой.

Чудесный островок лежал как раз на полпути между нашими домами, и мы с Пауэллом часто встречались и охотились именно здесь. В ветвях мелькали белки, взлетали дикие индейки, иногда через прогалины пробегали олени, а с берегов озера мы охотились на водоплавающую дичь, которая беззаботно резвилась на озере. Несколько раз мы встречались на этой нейтральной земле, и наши сестры всегда

сопровождали нас. Они полюбили этот восхитительный уголок. Обыкновенно, взобравшись на пригорок, они скрывались в тени какой-нибудь высокой пальмы, тогда как мы, охотники, бродили внизу, где было больше дичи, и тогда в лесу гремело эхо наших выстрелов. Обычно, когда нам надоело охотиться, мы тоже поднимались на холм, чтобы похвастать перед девушками своей добычей, особенно если нам удавалось подстрелить какую-нибудь редкую птицу, вызывавшую у них любопытство и восторг.

Эта охота — успешная или неудачная — надоедала мне раньше, чем моему другу. Мне больше нравилось отдыхать на мягкой траве возле наших девушек. Голос Маюми звучал для меня слаще винтовочных выстрелов, а любоваться ее глазами было куда приятнее, чем высматривать дичь.

Сидеть возле нее, слушать ее, смотреть на нее — только в этом и проявлялась моя любовь. Мы не обменялись с Маюми ни одним нежным словом, и я даже не знал, любим ли я. Не всегда суждены мне были часы блаженства, не всегда небо любви было окрашено в розовые цвета. Сомнение в любви Маюми было облаком на этом небе и часто тревожило меня.

Вскоре я был огорчен и еще одним обстоятельством. Я заметил, или это мне так показалось, что Виргиния увлеклась братом Маюми и что он отвечает ей взаимностью. Я был удивлен и опечален. Почему все это заставляло меня удивляться и страдать, я и сам не могу объяснить.

Я уже говорил, что мы с сестрой были еще слишком молоды, чтобы разделять предубеждения привилегированных слоев и рас. Однако это было не совсем верно. Хотя и смутно, но я уже, по-видимому, чувствовал, что, дружа с молодыми индейцами, мы поступаем нехорошо. Иначе что бы еще могло омрачать мое настроение? Мне казалось, что это чувство разделяет со мной и Виргиния. Нам обоим было как-то не по себе, а между тем мы ничего не говорили друг другу. Я опасался, что мои мысли станут известны хотя бы даже моей сестре, а она, без сомнения, также неохотно согласилась бы поведать мне свои тайны.

К чему могла бы привести эта юная любовь, если бы ей предоставили свободно развиваться? Погасла ли бы она сама собой, или пережила бы момент пресыщения и измены, или, наконец, перешла бы в вечную привязанность? Кто знает, как дальше расцветало бы это чувство, если бы ничто не

прервало его? Но ему не суждено было расцветать беспрепятственно.

Наша дружба оборвалась совершенно внезапно.

Ни сестра, ни я ни разу не проговорились о нашем знакомстве ни отцу, ни матери, хотя мы не прибегали ни к каким уловкам, чтобы скрыть нашу тайну. Обычно мы во всем советовались с ними. Если бы они спросили нас, куда мы так часто уходим, мы сказали бы правду. Но никому и в голову не приходило удивляться нашим отлучкам, и мы сами не отдавали себе ясного отчета в их значении. Я уходил охотиться, и это было вполне естественно. Немного удивляло родителей то, что Виргиния очень полюбила прогулки в лесу и часто сопровождала меня. Но скоро они к этому привыкли, и мы свободно уходили из дому, пропадали надолго и возвращались, и никто ни о чем нас не спрашивал. Я уже сказал, что мы и не думали скрывать тех, кто были нашими спутниками в странствованиях по диким лесам, но это не совсем верно. Самое наше молчание было своеобразной хитростью. Мы втайне чувствовали, что поступаем нехорошо и что наше поведение не может быть одобрено родителями. Иначе зачем бы мы старались сохранить это в тайне?

Итак, нашему промятежному блаженству не суждено было вечно продолжаться, ему совершенно неожиданно пришел конец.

Однажды мы все четверо были на острове. После охоты Пауэлл и я вернулись к сестрам и болтали с ними. Одновременно мы разговаривали и взглядами на немом языке любви. Кроме глаз Маюми, я не замечал ничего, что делалось вокруг. Я не замечал, что сестра и молодой индеец обмениваются такими же взглядами. В эту минуту для меня, кроме улыбки Маюми, не существовало ничего на свете...

Но нашлись глаза, которые следили за нами, которые подметили наши взгляды, слова и движения. Внезапно наши собаки вскочили и с рычанием бросились в чащу. Хруст ветвей возвестил нам о том, что близко люди. Собаки перестали рычать и, виляя хвостами, повернули обратно. Значит, это были знакомые, друзья... Кто же это?

Из-за деревьев показались отец и мать. При их появлении Виргиния и я вскочили, объятые страхом. Мы предчувствовали что-то злое. Несомненно, мы сознавали, что поступаем неправильно. И отец и мать — оба нахмурились и казались раздраженными и сердитыми. Мать первая подошла к нам, ее губы были презрительно сжаты. Она горди-

лась своим происхождением еще больше, чем потомки Рэндольфов.

— Что это такое? — воскликнула она. — Мои дети в обществе индейцев!

Пауэлл встал, но ничего не ответил. В его взгляде отразились его чувства. Он безошибочно понял намек.

Гордо взглянув на моих родителей, он кивком приказал сестре следовать за собой и удалился вместе с нею.

Виргиния и я словно лишились дара речи и не посмели даже сказать друзьям ни одного слова на прощанье. Мы пошли за родителями к их лодке. В ней, кроме негров-гребцов, оказались и оба Ринггольда — отец и сын.

Виргиния поехала вместе с родителями. Я возвращался домой один в своей лодке. Когда челнок метиса входил в устье маленькой речки, я оглянулся и увидел, что индеец и его сестра тоже смотрят на меня. Они не спускали с меня глаз, но я не осмелился послать им прощальный привет, хотя на сердце у меня было тяжело от предчувствия, что мы расстаемся надолго... может быть, навсегда.

Увы! Предчувствие не обмануло меня. Через три дня я уже ехал на далекий север, в военное училище в Уэст-Пойнте. А Виргинию отправили в одну из женских школ, какие есть почти в каждом городе Северных штатов. Много, много времени прошло, прежде чем мы снова увидели родную Страну Цветов...

Глава XVII

УЭСТ-ПОЙНТ

Военное училище в Уэст-Пойнте — одно из лучших учебных заведений в Соединенных Штатах. Ни руководители государства, ни отцы церкви не властны над ним. Там преподаются подлинные знания, и они должны быть усвоены, иначе грозит исключение. Окончивший это училище выходит оттуда образованным человеком, однако отнюдь не похожим на оксфордского или кембриджского попугая, бойко болтающего на мертвых языках, знающего все стихотворные ритмы и размеры, механического виршеплета идиаллических строф. Нет, окончивший Уэст-Пойнт основательно знает живые иностранные языки. Овладев основами науки, он не пренебрегает искусством, и в то же время он —

ботаник, чертежник, геолог, астроном, инженер, солдат — все, что хотите! Короче говоря, он — человек, способный занимать высшие должности в государстве, способный руководить и командовать и при этом способный к повиновению и точному выполнению порученного дела.

Если бы я даже и не имел особой склонности к наукам, то в этом училище я не мог бы позволить себе отлынивать от ученья. В Уэст-Пойнте нет отстающих и «тупиц», и там не благоволят к знатым или богатым. Даже сын президента был бы исключен из училища, если бы он плохо учился. Под страхом исключения, под угрозой позора я поневоле сделался усердным учеником и со временем выдвинулся в первые ряды кадетов.

Подробности жизни кадетов не представляют особого интереса. Это обычное ежедневное выполнение однообразных военных обязанностей, только в Уэст-Пойнте царит более суровая дисциплина. Все это мало отличается от рабской жизни обычного солдата. Я не могу сказать, чтобы мной владело желание сделать военную карьеру. Нет, это было скорее стремление к соревнованию с товарищами, мне не хотелось быть в числе отстающих. Правда, бывали минуты, когда эта жизнь, так резко отличавшаяся от свободы, которой я пользовался дома, казалась мне тяжелой. Я тосковал о родных лесах и саваннах, а еще больше о покинутых друзьях.

В моем сердце еще продолжала жить любовь к Маюми, и разлука не угасила ее. Мне казалось, что ничто не могло заполнить душевную пустоту, порожденную этой разлукой. Ничто не могло заменить в моем сердце или изгладить из памяти воспоминание о моей юношеской любви. Днем и ночью прелестный образ этой девушки стоял у меня перед глазами: днем — в мечтах, ночью — во сне. Так продолжалось долгое время — мне казалось, что это будет длиться вечно. Никакая радость не принесет мне больше блаженства. Даже Лета¹ не принесет мне забвения. Если бы мне сказал об этом крылатый вестник небес, я не поверил бы ему, я не мог бы ему поверить.

Однако я плохо знал человеческую природу. В этом отношении я был похож на остальных людей. В известный

¹ Л е т а — в древнегреческой мифологии река забвения в подземном царстве. Ее вода заставляла души умерших забывать перенесенные земные страдания.

период жизни большинство допускают подобную ошибку. Увы, это верно! Время и разлука часто уничтожают любовь. Она не живет одними воспоминаниями. Непостоянство человека сказывается и в том, что он, восторгаясь идеалом, все же обычно предпочитает реальное и вещественное. Красивых женщин в мире немного, но нет такой, которая была бы прекраснее их всех. Нет мужчины, который был бы красивее всех остальных мужчин. Но из двух одинаково прекрасных картин все-таки лучше та, на которую вы смотрите в данный момент. Не случайно влюбленные с ужасом думают о разлуке.

То ли учебники, где речь шла только о геометрических линиях, углах, бастионах и амбразурах, то ли вечная муштра днем да мучительно жесткая койка и еще более мучительный караульный наряд ночью, — то ли все это вместе начало постепенно вторгаться в мои воспоминания о Маюми и по временам изгонять их из моих мыслей. Или это были хорошенькие личики девушек из Саратоги и Балльстона, которые иногда появлялись в Уэст-Пойнте с визитом?.. Или это белокурые дочки наших офицеров — ближайшие соседки, которые часто посещали нас и в каждом слушателе, одетом в мундир, видели как бы личинку будущего героя, эмбрион будущего генерала? Может быть, кто-нибудь вытеснил образ Маюми из моей памяти? Не важно кто — важно, что это случилось. Образ юной возлюбленной начал тускнеть в моей памяти. С каждым днем он становился все бледнее и бледнее, пока, наконец, не превратился в туманный призрак прошлого.

Ах, Маюми! По правде говоря, на это потребовалось очень много времени. Эти веселые, улыбающиеся лица долго мельками перед моими глазами, прежде чем затмилось твое лицо. Долго сопротивлялся я обольстительным напевам этих сирен, но я был простым смертным, и мое сердце легко поддавалось соблазну сладостных чар.

Я не хочу сказать, что моя первая любовь совсем исчезла: она застыла, но не умерла. Несмотря на светский флирт в часы досуга, она по временам возвращалась ко мне. Часто воспоминание о доме и прежде всего о Маюми просыпалось во мне, когда я дежурил, среди ночной тишины. Моя любовь к ней оледенела, но не умерла. И будь Маюми здесь, моя любовь, я уверен, вспыхнула бы с прежней силой. Даже если бы я узнал, что Маюми забыла обо мне, отдала свое сердце другому, я уверен, что моя юношеская любовь ожила

бы со всем своим пылом и цельностью. Одна мелодия вытесняет другую, но прекрасные дочери Севера так никогда и не изгладили в моем сердце образ смуглой красавицы Юга.

А я не только не видел Маюми, но за все время своего пребывания в училище даже ни разу не слышал о ней.

Пять лет мы прожили с сестрой вдаль от дома. Время от времени нас навещали отец и мать. Каждый год летом они ездили на дачу, на многолюдные северные курорты — в Балльстон, Спа, Саратогу или Ньюпорт. Они брали нас туда на каникулы, но, несмотря на все просьбы позволить нам провести лето дома, родители оставались непреклонны: мать была сталь, а отец — камень!

Я догадывался о причине их отказа. Наши гордые родители боялись неравного брака: они не могли забыть сцену на острове.

На курорте мы встретились с Ринггольдами. Аренс, как и раньше, ухаживал за Виргинией. Он стал заядлым фатом и широко сорил деньгами, не уступая в этом бывшим портным и маклерам, ныне представителям «первой десятки» финансовых дельцов Нью-Йорка. У меня по-прежнему не лежало к нему сердце, но симпатии матери были явно на его стороне.

Как относилась к нему Виргиния, я не знаю. Сестра стала взрослой девушкой, настоящей светской красавицей, и в совершенстве научилась владеть собой и скрывать свои чувства — один из отличительных признаков хороших манер в наши дни. Иногда она бывала очень веселой, хотя ее оживление казалось мне несколько искусственным и внезапно исчезало. Временами она становилась задумчивой, даже холодной и надменной. Я опасался, что, став такой обаятельной внешне, она утратила то, что казалось мне самым ценным в человеке, — доброе и отзывчивое сердце. Впрочем, может быть, я был неправ.

Мне хотелось расспросить ее о многом, но наша детская доверчивость пропала, а деликатность не позволяла мне грубо вторгаться в ее сердечные дела. О прошлом — то есть об этих вольных прогулках по лесам, о катанье на озере, о встречах на островке под тенью пальм — мы никогда не говорили.

Я часто спрашивал себя: вспоминает ли сестра о прошлом и чувствует ли она то же, что и я? В этом я никогда не был вполне убежден. И хотя мне была свойственна наряду с недоверчивостью некоторая проникательность, я все-таки

оказался невнимательным стражем и беспечным опекуном.

Конечно, мои предположения были справедливыми, иначе почему бы ей молчать о том, чем мы оба так наслаждались? Может быть, ей сковало уста запоздавшее чувство вины перед родителями? Или, кружась в вихре светских удовольствий, она с презрением вспоминала скромных друзей своих детских лет?

Я часто думал: жила ли в ее сердце любовь? И если да, то продолжала ли она жить до сих пор? Вот чего я никогда не мог окончательно понять. Время для взаимных признаний безвозвратно ушло.

«Маловероятно, — рассуждал я, — чтобы чувство нежности к юному индейцу, если оно и было вообще, сохранилось. Оно уже забылось, изгладилось из ее сердца и, может быть, из памяти. Маловероятно, чтобы оно сохранилось в ней теперь, когда ее окружают новые друзья — эти напыщенные и надушенные кавалеры, которые ежечасно ей льстят. Она должна забыть скорее, чем я. А разве я не забыл?»

Нас было четверо, и странно, что я знал только о своей любви. Я не замечал, смотрел ли молодой индеец восторженным взглядом на мою сестру и отвечала ли она ему тем же. Я только предполагал, подозревал это, догадывался. И, что еще удивительнее, я никогда не знал, какое чувство таилось в том сердце, которое интересовало меня больше всех. Правда, в мечтах я представлял себе, что я любим. Доверяясь мимолетным взглядам и жестам, незначительным поступкам, а не словам, я таил в груди сладостную надежду... Но в то же время меня часто одолевали сомнения. В конце концов, Маюми, может быть, вовсе и не любила меня!

Эти горькие мысли заставляли меня немало страдать. Но, как ни странно, именно они чаще всего будили во мне воспоминания о Маюми, и моя любовь вновь вспыхивала с прежней силой.

Уязвленное самолюбие! Оно так же могущественно, как сама любовь. И ранит так же сильно, как муки любви.

Сияние свечей в канделябрах становилось тусклым, хорошенькие лица, мелькавшие передо мною в вихре бала, бледнели... Мои мысли снова уносились в Страну Цветов; к озеру, на остров, к Маюми!

* * * * *

Прошло пять лет, и срок моего обучения в училище Уэст-Пойнт закончился. Я с честью выдержал последние

трудные экзамены и получил высокие отметки и диплом с отличием. Это позволило мне выбрать род оружия для дальнейшей службы. Я всегда отдавал предпочтение винтовке, хотя имел возможность выбирать между пехотой, артиллерией, кавалерией и инженерными войсками. Итак, я выбрал пехоту и был зачислен в стрелковый полк. В газетах было опубликовано, что мне присвоено звание лейтенанта. Вскоре я получил отпуск, чтобы навестить родных.

Сестра тоже окончила курс в женской школе с отличием. Мы поехали домой вместе.

Отец уже не встретил нас, только овдовевшая мать со слезами приветствовала наш приезд.

Глава XVIII

СЕМИНОЛЫ

Когда я вернулся во Флориду, над моей родиной нависли грозовые тучи. Моим первым военным испытанием оказалась защита родного крова. Я уже отчасти был подготовлен к этому. В стенах военного училища война — самая интересная тема, и мы во всех подробностях обсуждали возможности и перспективы будущей войны.

В течение десяти лет Соединенные Штаты жили в мире со всеми остальными странами. Железная рука «старика Хикори»¹ внушала ужас индейцам на границах. Уже более десяти лет, как они перестали мстить, и все было тихо и спокойно. Но в конце концов мирное *status quo*² пришло к концу.

Индейцы еще раз поднялись для защиты своих прав, и притом там, где этого не ожидали, — не на далекой границе Запада, а в самом центре Страны Цветов. Да, Флориде отныне суждено было стать театром военных действий, сценой, на которой разыгралась новая военная драма.

Надо сказать несколько слов о прошлом Флориды, ибо эта повесть основана на подлинных исторических фактах.

¹ «Старик Хикори» — Эндрью Джексон (1767—1845), президент США в 1829—1837 годах. Проводил некоторые прогрессивные мероприятия в интересах мелких фермеров, ремесленников и рабочих. В то же время был ожесточенным врагом индейцев. «Хикори» — сорт американского орешника, отличающийся особой прочностью.

² Существующее положение (лат.).

В 1821 году испанский флаг перестал развеиваться на бастионах фортов святого Августина и святого Марка. Испания отказалась от притязаний на эту прекрасную область — одно из своих последних владений в Америке. Правда, у испанцев во Флориде был лишь плацдарм, за который они продолжали цепляться. Индейцы постепенно вытеснили испанцев из широких просторов страны в крепости. Испанские асиенды¹ превратились в руины. Лошади и коровы одичали и бродили по саваннам; некогда процветавшие плантации поросли сорными травами. В продолжение столетий испанцы владели страной и за это время построили много великолепных зданий. Развалины этих зданий, гораздо более внушительных, чем те, которые пытались строить англосаксы, пришедшие им на смену, и поныне свидетельствуют о прежней славе и силе Испании.

Но индейцам не суждено было долго владеть землей, которую они отвоевали. Другое племя белых людей, равное им по храбрости и силе, наступало с севера. Краснокожие видели, что рано или поздно им придется уступить свои владения.

Уже раз им пришлось столкнуться с бледнолицыми захватчиками, которые шли вперед под предводительством сурового солдата, теперь занимавшего президентское кресло². Тогда они потерпели поражение и принуждены были отступить дальше на юг, в центр полуострова. Здесь, однако, их неприкосновенность была обеспечена договором. Соглашение, заключенное в торжественной обстановке и скрепленное торжественными клятвами, гарантировало им права на землю, и семинолы были удовлетворены.

Увы! Договоры между сильными и слабыми — всегда вещь условная, и нарушаются они по желанию первых. И в этом случае условие было постыдно нарушено.

Белые искатели приключений пришли и поселились около индейской границы. Они бродили по земле индейцев — и неспроста. Они осматривали земли и видели, что земли превосходны, что на них можно выращивать рис и хлопок, сахарный тростник и индиго, оливки и апельсины. В них зажглось непреодолимое желание овладеть этой землей. Более того: они твердо решили, что она будет принадлежать им.

¹ Асиенда — крупное поместье.

² Имеется в виду Э. Джексон (см. примеч. на стр. 72).

Правда, существовал договор, но какое им было дело до договоров! Рыцари легкой наживы, голодные плантаторы из Джорджии и Каролины, торговцы неграми со всех концов Южных штатов — что значил договор в их глазах, особенно договор, заключенный с краснокожими? Договор должен быть расторгнут! От него надо избавиться!

«Великий Отец»¹, едва ли более щепетильный, чем они, одобрил этот план.

«Да, — сказал он, — прекрасно! Землю у семинолов надо отобрать. Они должны уйти в другие места. Мы найдем им новую родину на Западе, на огромных равнинах. Там у них будут широкие просторы для охоты. Эти места останутся за ними навсегда».

«Нет, — отвечали семинолы, — мы не хотим переселяться. Мы довольны своей землей, мы любим нашу родину и не хотим покидать ее. Мы не уйдем!»

«Значит, вы не согласны уйти добровольно? Пусть будет так! Но мы сильны, а вы слабы. Мы заставим вас уйти силой!»

Если это были и не буквальные слова ответа Джексона семинолам, то смысл их был именно таков.

Но в мире существует общественное мнение, и оно должно быть удовлетворено. Даже тираны не любят открыто нарушать договоры. В данном случае интересы политической партии играли даже более важную роль, чем мировое общественное мнение, и необходимо было придать действиям этой партии хотя бы видимость законности.

Индейцы продолжали упорствовать — они любили свою родную землю. Они отказывались покинуть ее — что ж тут удивительного?

Надо было найти повод, чтобы вытеснить индейцев из их страны. Старое оправдание, что индейцы были только праздными лентяями-охотниками и не возделывали свои земли, не годилось. Это была просто ложь. Семинолы были не только охотниками, но и земледельцами. Их способы обработки земли, может быть, и считались грубыми и примитивными, но разве это достаточный повод для того, чтобы изгнать их?

Этот предлог не годился, зато легко нашлись другие. Хитрый уполномоченный, который был послан к индейцам «Великим Отцом», вскоре придумал разные уловки. Это

¹ Одно из прозвищ Э. Джексона.

был один из тех людей, которые в совершенстве изучили искусство «мутить воду», и он применил это искусство самым блестящим образом.

Скоро повсюду пошли слухи о бесчинствах индейцев: о краже скота, лошадей, о разгроме плантаций, об убийствах и ограблении путешественников — все это якобы была работа «диких семинолов».

Продажная пограничная пресса, всегда готовая вызвать всеобщее чувство ярости и ненависти, не упустила случая и сочла своим долгом преувеличить эти слухи. Но кто именно писал в газетах о провокациях, мстительности, несправедливостях и жестокостях, чинимых другой стороной, то есть индейцами? Все эти темные личности тщательно скрывались.

Вскоре в стране были вызваны враждебные чувства к семинолам.

«Уничтожить дикарей!.. Затравить их!.. Выгнать их прочь из страны! Прогнать их на Запад!» — в таких словах выражалось это чувство, так кричали повсюду.

Когда граждане Соединенных Штатов выражают какое-нибудь желание, оно имеет шансы быть быстро выполненным, особенно если это совпадает с точкой зрения правительства. Так было и в данном случае. Само правительство принялось за это дело.

Все полагали, что выполнить общее желание — лишить индейцев права на землю, затравить их, изгнать их — не так уж сложно. Но ведь существовал договор. На Америку были обращены взоры всего мира. А кроме того, существовало еще и мыслящее меньшинство, которым нельзя было пренебречь и которое противостояло этим крикам и воплям. Нельзя же было нарушить договор среди бела дня, на глазах у всех! Так как же все-таки избавиться от этого соглашения?

А вот как! Соберите вместе старейшин племен и постарайтесь уговорить их расторгнуть договор. Вожди племен — тоже люди, они бедны, некоторые из них склонны к пьянству. Тут поможет и подкуп, а еще больше поможет «огненная вода». Составьте им новый договор с двусмысленной аргументацией, и невежественные дикари не сумеют разобраться во всех этих тонкостях. Останется заполнить их подписи — и дело сделано!

Ловкий агент президента, ты создал этот хитроумный план, ты и осуществишь его!

Так и поступили. 9 мая 1832 года вожди семинолов

в полном составе собрались на совет на берегу реки Оклаваха и отдали землю своих отцов!

Так возвестили всему миру газеты. Но это была ложь. Это был не полный совет вождей, а собрание предателей, подкупленных и вероломных, собрание слабых людей, запуганных или поддавшихся хитрой лести. Неудивительно, что семинолы отказались признать этот заключенный тайком договор. Неудивительно, что они не приняли его условий. Надо было собирать еще один совет — для более свободного и полного подтверждения желания народа.

Скоро стало очевидно, что огромное большинство семинолов отвергли договор. Многие из вождей отрицали, что они подписали его. Отрицал это и главный вождь, Онопа. Некоторые вожди признались в том, что подписали акт, но заявили, что они сделали это под влиянием других вождей. Только самые могущественные предводители племен — братья Омата, Черная Глина и Большой Воин открыто заявили, что действительно подписали этот документ.

Все племена отнеслись к ним с недоверием, считали их изменниками, и вполне справедливо. Жизнь этих вождей была в опасности: даже их собственные приспешники не одобряли того, что они совершили.

Чтобы понять положение дел, необходимо сказать несколько слов о политическом строе семинолов. Их форма правления была чисто республиканской, подлинно демократической.

Быть может, ни в каком другом государстве на свете не существовало лучших условий для создания свободного общества. Я мог бы добавить: и счастливого общества, ибо счастье — лишь естественное следствие свободы.

Политическое устройство семинолов сравнивали с шотландскими горными кланами. Эта параллель верна только в одном отношении. Как и гэлы — шотландцы, — семинолы не имели общей государственной организации. Они жили отдельными племенами, далеко друг от друга, политически независимые от своих соседей. И хотя отношения между племенами были вполне дружественными, общей власти, обладающей силой повелевать, у них не существовало. У семинолов был «главный вождь», но его нельзя назвать королем, ибо «мико» — его индейский титул — вовсе не означает «король». Гордый дух семинолов никогда не согласился бы унизиться до этого. Они еще не отказались от естественных прав человека. Только после того как понятие

об этих правах было извращено и человечество подверглось унижению, идея «монархии» стала властвовать над народами.

Глава семинолов — «мико» — только называется главой. Власть его чисто номинальная, он не имеет права распоряжаться жизнью или имуществом семинолов. Иногда вождь принадлежал не к самой богатой, а, напротив, к беднейшей части населения. Более отзывчивый, чем другие, к требованиям благотворительности, он всегда готов был щедрой рукой раздавать блага, принадлежавшие не народу, а ему лично. Поэтому он редко бывал богатым. Он не был окружен свитой, варварской роскошью и великолепием, его не сопровождали подбострастные и льстивые придворные, как это бывает у восточных раджей или у еще более расточительных коронованных властителей Запада. Наоборот, его одежда не бросалась в глаза, часто она была даже хуже, чем облачение тех, кто окружал его. Многие простые воины бывали гораздо более пышно одеты, чем вождь.

Так же обстояло дело и с вождями отдельных племен. Они не имели власти над жизнью и собственностью своих подданных, они не могли налагать наказания. Это право принадлежало только суду присяжных.

Я беру на себя смелость утверждать, что наказания у этих людей находились в более справедливом соотношении с преступлениями, чем те приговоры, которые выносятся высшими судебными инстанциями цивилизованного мира.

Это была система чистейшей республиканской свободы, но без одной идеи — а именно, идеи всеобщего равенства. Почет и авторитет приобретались исключительно заслугами. Собственность не считалась общей, хотя труд частично и был таковым. Но эта общность труда была основана на взаимном согласии. Семейные узы считались самым священным и нерушимым из всего того, что существует на земле.

Таковы были в действительности дикари, краснокожие дикари, которых хотели лишить их прав, которых хотели изгнать из их домов, с их родной земли, которых хотели сослать из их прекрасной страны в дикую, бесплодную пустыню, которых хотели затравить и уничтожить, как хищных зверей!

В буквальном смысле — как хищных зверей, ибо за ними гонялись и их преследовали со сворам охотничьих собак.

ИНДЕЙСКИЙ ГЕРОИ

По ряду причин договор, заключенный на берегах Оклавахи, не мог считаться для семинолов обязательным. Во-первых, он не был подписан большинством вождей: только шестнадцать старших и младших вождей подписали его. Во всем же племени их было в пять раз больше.

Во-вторых, это, собственно говоря, был вовсе не договор, а условный контракт. Условность его заключалась в том, что от семинолов будет послана делегация на земли, отведенные на Западе (на Уайт Ривер), которая осмотрит эти земли и вернется с отчетом к народу.

Самый характер такого условия показывает, что никакое соглашение об уходе семинолов не могло считаться вступившим в силу, пока не будут осмотрены земли.

Итак, обследование началось. Семь вождей в сопровождении правительственного агента отправились на далекий Запад осматривать земли.

Теперь обратите внимание на хитрость агента. Эти семь вождей были избраны из числа тех, кто стоял за переселение семинолов. Среди них были братья Омата и Черная Глина. Правда, там был еще и Хойтл-мэтти (Прыгун) из числа патриотов, но над этим храбрым воином тяготело проклятие многих индейцев — он любил «огненную воду», и эту слабость его хорошо знал Фэгэн, агент, который сопровождал их.

Эта уловка была обдумана и приведена в исполнение. Выборных гостеприимно встретили и угостили в форте Гибсон, на реке Арканзас. Хойтл-мэтти был навеселе. Договор о переселении развернули перед семью вождями, и все они подписали его. Фокус удался!

Но даже и это еще не означало, что договор, заключенный на берегах Оклавахи, полностью вступил в силу. Делегация должна была вернуться с отчетом и узнать волю народа. А для того чтобы народ мог высказаться, надо было еще раз собрать вождей и воинов. Конечно, это была пустая формальность, так как все хорошо знали, что народ не одобряет этих семерых покладистых вождей и не поддержит их. Народ вовсе и не думал переселяться.

Это было тем более ясно, что другие пункты условия ежедневно нарушались. Например, статья о возврате беглых

рабов, которых вожди, подписавшие Оклавахский договор, обязались выдавать их владельцам. Теперь семинолы перестали выдавать их белым. Наоборот, негры находили самое надежное убежище среди индейцев. Агент все это знал. Он созвал новый совет, хотя и считал его лишь пустой формальностью. Может быть, ему удастся убедить индейцев подписать договор; если же нет, то он намерен был запугать их или принудить их к этому с помощью штыков. Так он и заявил. Тем временем правительственные войска стягивались со всех сторон к месту жительства агента — форту Кинг¹, а другие подкрепления ежедневно прибывали в бухту Тампа. Правительство приняло меры, и решено было в случае необходимости применить насилие.

Я знал настоящее положение вещей. Мои товарищи, кадеты военного училища, прекрасно разбирались в делах индейцев. Эти вопросы вызывали у всех живейший интерес, особенно у тех, кто стремился скорее удрать из стен училища. «Война Черного Ястреба»², только что закончившаяся на Западе, уже дала возможность многим отличиться в сражениях, и жаждавшие подвигов юноши обращали свои взоры на Флориду.

Однако мысль добыть себе славу в такой войне почти всем казалась просто смешной. Уж слишком легко достанется победа в этой войне: противник не заслуживает серьезного внимания, утверждали они. Вряд ли горстка дикарей устоит против роты солдат. Индейцы или будут уничтожены, или взяты в плен в первой же стычке — нет ни малейших шансов на то, чтобы они оказали сколько-нибудь длительное сопротивление. К несчастью, на это нет никаких шансов! Таково было убеждение моих товарищей по училищу, и таково же в то время было общее мнение всей страны. В армии разделяли эти взгляды. Один офицер, например,

¹ Форт Кинг назван так в честь одного из офицеров американской армии, отличившегося в боях. Таков был обычай при наименовании пограничных фортов. (Примеч. автора.)

² «Война Черного Ястреба». — В 1830 году при президенте Джексоном был издан закон об изгнании индейцев. Многие индейские племена вынуждены были оставить родные места и направиться на Запад. Но американцы-колонисты, решив захватить территорию, которая еще оставалась у племени саков, воспользовались отсутствием индейских воинов, которые ушли на ежегодную охоту, и заняли принадлежавшую индейцам землю. Вождь индейцев Черный Ястреб в 1832 году возглавил борьбу с белыми и одержал ряд побед. Но в конце концов он вынужден был вместе со своим племенем уйти на Запад.

хвастался, что он может пройти через всю индейскую территорию, имея с собой только одного капрала. Другой высказал пожелание, чтобы правительство дало ему право вести войну на свой счет. Он закончит войну, потратив на нее не более десяти тысяч долларов.

Таково было настроение в те дни. Никто не верил, что индейцы захотят или смогут долго воевать с нами. Очень немногие считали, что они вообще окажут сопротивление. Индейцы только надеются выторговать себе лучшие условия и уступят, как только дело дойдет до вооруженного столкновения.

Что касается меня, то я держался другого мнения. Я знал семинолов лучше, чем большинство тех, кто рассуждал о них. Я лучше знал их страну и, несмотря на неравенство сил и явную безнадежность борьбы, считал, что они не согласятся на позорные условия, а одолеть их будет не так-то легко. Все же это было только мое личное предположение — я мог и ошибаться. Вероятно, я заслужил те насмешки, которыми осыпали меня товарищи, когда я принимался спорить с ними.

Все подробности мы узнавали из газет. Мы также постоянно получали письма от товарищей, окончивших Уэст-Пойнт и теперь служивших во Флориде. От нас не ускользала ни одна деталь, и мы знали имена многих индейских вождей, так же как и внутреннюю политику племен. Повидимому, между ними были разногласия. Партия, возглавлявшаяся одним из братьев Оматла, соглашалась пойти на уступки правительству. Это была партия изменников, и она представляла собой меньшинство. Патриоты были более многочисленны. К ним принадлежал сам главный «мико» и могущественные вожди — Холата, Коа-хаджо и негр Абрам.

Среди патриотов был один, о котором в то время трубила крылатая молва и имя которого стало все чаще и чаще упоминаться в печати и в письмах наших друзей. То было имя молодого воина, одного из младших вождей, который за последние месяцы оказывал сильное влияние на свое племя. Он был одним из самых горячих противников переселения и вскоре стал душой партии сопротивления, увлекаая за собой более старых и могущественных вождей.

Мы, кадеты Уэст-Пойнта, восхищались этим молодым человеком. Ему приписывали все качества, присущие герою, — у него благородный вид, он смелый, красивый, ум-

ный... Вообще о его физических и умственных достоинствах были такие восторженные отзывы, что это казалось преувеличением. Говорили, что он сложен, как Аполлон, что он красив, как Адонис¹ или Эндимион². Он был первым во всем — самым метким стрелком, самым опытным пловцом, самым искусным наездником, самым быстрым бегуном, самым удачливым охотником. Он был выдающимся человеком и в мирное и в военное время — короче говоря, подобен Киру³. И чтобы увековечить его славу, нашлось достаточное количество Ксенофонов⁴.

Народ Соединенных Штатов долго жил в мире с индейцами. Романтические дикари были где-то далеко на границах страны. В поселках редко приходилось видеть индейцев или слышать о них что-нибудь интересное. Депутации от племен давно уже не появлялись в городах. Теперь эти дети лесов возбудили у всех острое любопытство. Недоставало только индейского героя, и вот явился этот молодой вождь Его звали Оцеола.

Глава XX

ПРАВОСУДИЕ НА ГРАНИЦЕ

Мне недолго пришлось наслаждаться жизнью в родном доме. Через несколько дней после приезда я получил приказ отправиться в форт Кинг, где находилось управление по делам семинолов и где помещался главный штаб флоридской армии. Ею командовал генерал Клинч, и меня прикомандировали к его штабу.

Я был крайне огорчен, но пришлось готовиться к отъезду. Грустно было расставаться с теми, кто любил меня так нежно и с кем я так долго был в разлуке. Мать и сестра тоже

¹ Адонис — в древнегреческой мифологии прекрасный юноша, возлюбленный богини любви Афродиты. Погиб на охоте от раны, нанесенной ему кабаном.

² Эндимион — в древнегреческой мифологии юноша, знаменитый своей красотой.

³ Кир — могущественный древнеперсидский царь (царствовал в 558—529 годах до н. э.).

⁴ Ксенофонт (ок. 430—355/4 годов до н. э.) — древнегреческий историк. Среди его сочинений имеется трактат «Киропедия» («Воспитание Кира»).

очень горевали. Они уговаривали меня выйти в отставку и навсегда остаться дома.

Я не прочь был бы послушаться, ибо не сочувствовал делу, которое долг призывал меня выполнять. Но в такой критический момент я не мог последовать их совету: меня заклеямили бы как предателя, как труса. Отечество требовало, чтобы я взялся за оружие. За правое дело или за неправое, добровольно или против воли, но я должен был сражаться с оружием в руках. Это называлось патриотизмом.

Я неохотно расставался с домом и по другой причине. Вряд ли надо объяснять ее. С тех пор как я вернулся, я частенько посматривал на противоположный берег озера, задерживаясь взглядом на чудесном зеленом островке. О, я не забыл Маюми!

Едва ли я сам мог правильно разобраться в своих чувствах — настолько они были противоречивы. Любовь моей юности снова вспыхнула во мне, торжествуя над новыми увлечениями, вспыхнула из-под пепла, под которым она столько времени тлела... Любовь, к которой примешивалось и раскаяние, и угрызения совести, и сомнение, и ревность, и опасения... Все это кипело и боролось в моем сердце.

Со времени приезда я ни разу не осмелился посетить те места, куда меня так влекло. Я видел, что мать постоянно следит за мной, и даже не решился задать ни одного вопроса, чтобы рассеять свои сомнения. Но я не мог отделаться от тяжелого предчувствия, что не все обстоит благополучно.

Жива ли Маюми? Помнит ли она меня? Да имею ли я, собственно, право претендовать на ее верность, если не знаю, любила она меня или нет?

На первый вопрос я мог бы получить ответ. Но я не решился прошептать ее имя даже самым близким мне людям.

Простившись с матерью и сестрой, я собрался в путь. Они жили не одни — наша плантация была под охраной и защитой дяди с материнской стороны. Уверенность, что я скоро вернусь домой, скрашивала мне горечь разлуки. Кроме того, если бы предполагаемая кампания и затянулась, то места военных действий находились так недалеко, что я всегда имел бы возможность побывать дома. Дядя, как и все остальные, полагал, что военных действий вообще не будет. «Индейцы, — говорил он, — сдадутся на условиях, предложенных уполномоченным. А если нет — то поступят очень глупо, пусть пеняют на себя».

Форт Кинг находился недалеко от нас. Он был располо-

жен на индейской территории, в четырнадцать милях от границы и несколько дальше от нашей плантации. До форта было не больше дня пути. В обществе моего веселого Черного Джека дорога не должна была показаться мне долгой. Мы оседлали пару самых лучших лошадей из конюшни и вооружились с головы до ног.

Переправившись через реку, мы вступили в индейские владения, так называемую резервацию¹.

Тропинка шла по лесу вдоль речки, хотя и не по самому берегу, недалеко от поместья матери Пауэлла. Доехав до просеки, я взглянул на развилку тропинок. По одной из них я не раз бродил с волнением в груди. Я остановился в нерешимости. Странные мысли нахлынули на меня. Я то принимал решение, то отказывался от него, то опускал поводья, то снова натягивал их. Несколько раз я собирался пришпорить лошадей, но не делал этого.

«Не поехать ли мне туда и еще раз взглянуть на нее? Еще раз пережить радостное волнение нежной любви! Еще раз... Но, может быть, уже поздно? Может быть, теперь я уже не буду желанным гостем? Может быть, меня встретят враждебно? Что ж, возможно!»

— Что с вами, масса Джордж? Ведь мы едем совсем не по той дороге, — прервал Джек мои размышления.

— Знаю, Джек. Но я хотел ненадолго заехать к госпоже Пауэлл.

— К мэм Пауэлл? Господи! Да неужто вы ничего не слышали, масса Джордж?

— О чем? — спросил я с замирающим сердцем.

— Да уж два года, как никого из Пауэллов здесь больше нет.

— А где же они?

— Никто не знает. Может быть, уехали в другое имение, а может быть, и еще куда-нибудь.

— А кто же сейчас живет здесь?

— Никто. Весь дом пустой.

— Отчего же госпожа Пауэлл уехала отсюда?

— Да это длинная история... Неужто вы ничего не слышали, масса Джордж?

— Нет, ничего не слышал.

¹ Резервация — часть Флориды, отведенная для семинолов по договору в форте Моултри в 1823 году. Это большое пространство занимало центральную часть полуострова. (Примеч. автора.)

— Тогда я вам расскажу. А теперь поедemте. Уже поздно, и ехать ночью по лесу не годится.

Я повернул лошадь, и мы поехали рядом по большой дороге. С болью в сердце слушал я рассказ негра.

— Видите ли, масса Джордж, все это дело затеял старый босс¹ Ринггольд, только я думаю, что и молодой тут приложил руку вместе со стариком. У мэм Пауэлл украли нескольких рабов. Это сделали белые. Говорят, что Ринггольд знал лучше всех, кто тут постарался. Обвиняли еще Неда Спенса и Билля Уильямса. И тогда мэм Пауэлл пошла к адвокату Граббу, который живет немного ниже по реке. А масса Грабб большой друг массы Ринггольда. Вот они вдвоем и сговорились обмануть индейскую женщину.

— Каким образом?

— Не знаю, правда ли это, масса Джордж. Я слышал это только от негров. Белые говорят совсем другое. А я слышал это от негра Помпа, дровосека массы Ринггольда. Вы знаете его, масса Джордж? Он говорил, что они вдвоем решили обмануть бедную индейскую женщину.

— Каким образом, Джек? — нетерпеливо повторил я.

— Видите ли, масса Джордж, адвокат хотел, чтобы она подписала какую-то бумагу. Кажется, «доверенность» или как она там у них называется. Вот Помп и говорил мне, что они заставили ее подписать эту бумагу. Она не умеет читать и подписала. Вуф! А это была вовсе не доверенность, а, как законники говорят, «расписка». Вот и вышло, что мэм Пауэлл продала всех своих негров и всю плантацию массе Граббу.

— Какой мерзавец!

— Масса Грабб потом клялся на суде, что заплатил все наличными долларами, а мэм Пауэлл клялась вовсе наоборот — но ничего не вышло. Суд решил в пользу массы Грабба, потому что масса Ринггольд был свидетелем на его стороне. Люди говорят, что масса Ринггольд теперь сам владеет этой бумагой. Он-то и подстроил все это.

— Презренный мерзавец! О, негодяй! Но скажи мне, Джек, что же было дальше с госпожой Пауэлл?

— Сама мэм Пауэлл, и этот прекрасный молодой человек, которого вы знаете, и молодая индейская девушка,

¹ Босс — хозяин или предприниматель. Это слово употребляется во всех Южных штатах. Оно происходит от голландского «baas» (Примеч. автора.)

В эту минуту я увидел старый дом..

которая слыла здесь такой красавицей,— да, масса Джордж, все они уехали неизвестно куда.

В эту минуту сквозь просвет в лесной чаще я увидел старый дом. По-прежнему великолепный, он стоял среди апельсиновых и оливковых деревьев, но сломанная решетка, густая трава, выросшая у стен, и крыша с кое-где выломанными черепицами — все это говорило об унылом одиночестве и разрушении.

Тоска сжала мне сердце, и я грустно отвернулся.

Глава XXI

РАБЫ-ИНДЕЙЦЫ

Я несколько не сомневался в том, что рассказал мне Черный Джек. То, что говорили негры, всегда оказывалось правдой. Всего этого вполне можно было ожидать от Ринггольдов и адвоката Грабба. Последний был наполовину плантатор, наполовину официальный юрист с весьма сомнительной репутацией.

Далее Джек рассказал мне, что Спенс и Уильямс во время судебного следствия куда-то исчезли. Когда оно окончилось, они снова появились, но уже не было тех, кто мог бы привлечь их к ответственности.

Что касается украденных рабов, то их больше никогда уже не видели в этой части страны. По-видимому, их отправили на рынок рабов в Мобил или Новый Орлеан и там продали за достаточно высокую цену, чтобы вознаградить Грабба за его услуги, а заодно и Уильямса и Спенса. В этом и заключался смысл продажи рабов. Ринггольд только и ждал, когда индейцев выгонят из Флориды, чтобы завладеть землей.

Подобного рода сделка между двумя белыми считалась бы крупным мошенничеством, преступлением. А тут белые сделали вид, что не верят этому. Несмотря на то что нашлись свидетели, всю эту историю расценили лишь как «хитроумную проделку».

У меня не было причин не верить Джеку. Именно так и поступали белые авантюристы на границах с теми несчастными туземцами, с которыми им приходилось сталкиваться.

Но так поступали не только авантюристы. Правительственные агенты, представители флоридских законодатель-

ных органов, генералы, богатые плантаторы вроде Ринггольда — все принимали участие в подобных спекуляциях

Я мог бы назвать их имена. Я пишу правду и не боюсь опровержений. Мое повествование нетрудно подтвердить фактами. Этот случай был одним из двадцати подобных, о которых я сам слышал. Акты о продажи земли, совершённые агентом по индейским делам полковником Гэдом Хемфри, майором Фэгэном, известным похитителем негров Декстером, Флойдом, Дугласом, Робинсоном и Милльбэрном, — все это исторические факты, и все они говорят о насилиях, совершённых над несчастными семинолами. Можно было бы заполнить целый том описанием проделок таких обманщиков, как Грабб и Ринггольд. В конфликте между белыми и индейцами не было надобности прибегать к адвокату можно было заранее определить, какая сторона останется неотомщенной и невознагражденной за понесенную обиду Нет никакого сомнения в том, что жертвами всегда оказывались только индейцы.

Нужно ли добавлять, что они стремились отомстить за это? Иначе и быть не могло!

Приведу один примечательный факт из жизни Флориды того времени. Известно, что украденные у индейцев рабы всегда при первой возможности возвращались к своим хозяевам. Чтобы воспрепятствовать этому, разным декстерам и дугласам приходилось отправлять краденый «товар» на дальние берега Миссисипи — в Натчез или Новый Орлеан

Этот поразительный факт из области социальных отношений можно объяснить только тем, что рабы семинолов, по существу, не были настоящими рабами. Индейцы обращались с ними с мягкостью, которой не знают рабы у белых. Рабы обрабатывали землю, и их хозяин бывал вполне доволен, если они доставляли ему столько хлеба, овощей и фруктов, сколько требовалось для его скромного стола. Рабы жили отдельно, вдали от домов своих господ. Они работали всего несколько часов в день, и вряд ли эти часы можно было считать принудительными. Весь излишек продуктов принадлежал им. В большинстве случаев они богатели и становились гораздо состоятельнее своих собственных владельцев, менее искусных в ведении хозяйства. Откупиться на волю было нетрудно, и большинство рабов фактически являлись свободными людьми. Впрочем, от таких цепей едва ли стоило бежать. Если это можно назвать рабством, то это была самая мягкая его форма из всех известных на земле. Она резко

отличалась от того грубого и жесткого принуждения, в котором сыны Сима и Иафета держат потомков Хама¹.

Возникает вопрос: каким образом приобрели семинолы этих черных рабов? Может быть, это были беглецы из штатов Джорджии, Северной и Южной Каролины, Алабамы и с плантаций Флориды? Несомненно, были и такие, но в небольшом количестве. Не многие из этих негров официально числились «в бегах». Большинство беглых рабов, попав к индейцам, становились свободными. Было время, когда, по жестоким условиям договора в форте Моултри, этих «укрывающихся» рабов следовало возвращать их владельцам. Но, к чести семинолов, надо сказать, что они стремились уклониться от выполнения этого позорного условия. Да и не всегда представлялась возможность выдать беглого негра. В некоторых местах на индейской территории негры создали под начальством собственных вождей свободные и достаточно сильные для самозащиты колонии. Там беглецы обычно находили радушный прием и убежище. Таковы были колонии «Гарри» в болотах Пиз-Крика, «Абрама» в Микосоки, «Чарльза» и «короля мулатов».

Таким образом, рабы семинолов не были беглыми неграми с плантаций, хотя белые всегда старались доказать, что это именно так. Настоящих беглых рабов было очень немного. Большинство рабов семинолов являлись «подлинною собственностью» индейцев, если только раба вообще можно назвать собственностью. Во всяком случае, они были либо юридически законно приобретены ими, либо перешли к индейцам вместе с землей от первых поселенцев — испанцев, либо куплены у американских плантаторов. Каким образом куплены? — спросите вы. Что могло дать дикое племя в обмен на такой ценный товар? Ответить на это очень легко: лошадей и рогатый скот. Семинолы владели большими стадами. После ухода испанцев в саваннах остались табуны одичавших лошадей и стада быков андалузской породы. Индейцы ловили их и снова приручали. Получалось своеобразное *qui pro quo*²: четвероногих обменивали на двуногих.

Главным преступлением, в котором обвиняли индейцев, являлась кража скота, так как белые имели свои стада.

Семинолы не отрицали, что и среди них были плохие

¹ Сим, Иафет и Хам — по библейской легенде, сыновья патриарха Ноя. По Библии, Сим и Иафет являются родоначальниками «белых» народов, а Хам — хамитов, к которым Библия причисляет и негров.

² Путаница, недоразумение; буквально: один вместо другого (лат.).

люди — отщепенцы, которых нелегко обезвредить. Но где вы найдете такое общество, в котором нет бездельников?

Одно было несомненно: когда к индейским вождям обращались с жалобой на похищение скота, они всегда старались сделать все возможное, чтобы возместить утрату, и карали нарушителя закона со строгостью, неслыханной у их соседей по ту сторону границы.

Однако белые вовсе не считались с этим. Уж если собаку решили повесить, значит, надо было признать ее бешеной. Любой грабеж на границе приписывался индейцам. Стоило только белым грабителям вымазать себе лицо коричневой краской, и правосудие не могло разглядеть, кто скрывается под этой краской.

Глава XXII

ХИТРАЯ ПРОДЕЛКА

Таковы были мои размышления, пока я ехал. Их вызвал печальный рассказ негра. И как будто нарочно, чтобы подтвердить мои выводы, с нами произошел следующий случай.

Невдалеке от покинутого дома мы напали на следы рогатого скота. Здесь прошло голов двадцать — по-видимому, в том же направлении, в котором ехали и мы, то есть к индейской резервации. Следы казались почти свежими. Как опытный охотник, я определил, что с того времени, когда здесь прогнали скот, не прошло еще и часа. Хотя я и долго был заперт в стенах военного училища, но все же не забыл науку лесной жизни, которой научил меня молодой Пауэлл.

След домашнего скота, будь он свежий или старый, не произвел бы на меня особого впечатления, в этом не было ничего замечательного. Просто какие-нибудь индейские пастухи гнали домой свое стадо; по отпечаткам мокасин в грязи я видел, что это действительно были индейцы. Правда, и некоторые белые, жившие около границы, носили мокасины, но это были не их следы. Косолапые ступни¹, высокий подъем и другие едва заметные признаки, которые я безошибочно различал и умел объяснить благодаря своей тренировке в ранней юности, — все доказывало, что это были следы индейцев. •

¹ Эта особенность не врожденная, а развитая искусственно, начиная с колыбели. (Примеч. автора.)

И Джек согласился со мной. А в лесу он отнюдь не был разиней и увальнем. Всю жизнь он был искусным охотником на енотов, болотных зайцев, опоссумов и диких индеек. Вместе с ним я охотился на оленей, на серебристых лисиц и диких полосатых кошек. За время моего отсутствия он стал гораздо опытнее. Теперь он был дровосеком вместо своего бывшего соперника, и ему приходилось ежедневно работать в лесу и постоянно наблюдать за привычками и повадками обитателей лесов; благодаря этому он стал еще более искусным охотником. Глубоко ошибаются те, кто думает, что мозг негра не способен мыслить с той остротой, которая необходима для хорошего охотника. Я знавал негров, которые могли ориентироваться в лесу по различным признакам и идти по следу, проявляя такое же чутье и сообразительность, как любой индеец или белый. И Черный Джек обладал этой способностью.

Вскоре я понял, что по этой части он теперь значительно превосходил меня. И почти сразу же мне пришлось удивиться его проницательности.

Я уже сказал, что мы не обратили бы внимания на следы, если бы не одно обстоятельство. Едва мы отъехали в сторону, как вдруг мой спутник придержал коня и вскрикнул каким-то особенным образом — это восклицание свойственно только неграм: что-то похожее на звук «вуф», который можно услышать от испуганного кабана.

Я взглянул на Джека и по выражению его лица понял, что он сделал какое-то открытие.

— Что такое, Джек?

— Господи! Да неужели вы не видите, масса Джордж?

— Да что именно?

— А вот здесь, на земле?

— Я вижу, что прошло стадо, и больше ничего.

— А вот этот большой след?

— Да, правда, один след немного больше остальных.

— Вот те на! Ведь это же след нашего большого быка Болдфэйса. Я узнаю его среди тысячи других. Сколько кипарисовых бревен перетаскал этот бык для старого хозяина!

— Да, я теперь вспоминаю Болдфэйса. Ты думаешь, Джек, что здесь прошло наше стадо?

— Нет, масса Джордж. Я думаю, что это скот адвоката Грабба. Старый масса продал Болдфэйса массе Граббу. Уж я-то знаю следы своей скотины!

— Каким же образом быки мистера Грабба могли забрести на индейскую территорию, так далеко от его плантации, да еще с погонщиками-индейцами?

— Вот этого-то я и не могу в толк взять, масса Джордж.

Обстоятельство действительно странное. Тут было над чем задуматься. Сам по себе скот не мог зайти так далеко, к тому же надо было переплыть реку. По-видимому, он не шел куда глаза глядят, а его, очевидно, гнали, и притом в определенном направлении. Его гнали индейцы. Может быть, это набег? Или быки украдены?

Подозрение возникало само собой, но достаточных улик все же не было. Быков гнали по проезжей дороге, где стадо вскоре могли бы нагнать его владельцы, и грабители — если они были таковыми — не приняли, как видно, никаких предосторожностей, чтобы замести свои следы.

Это было и похоже и не похоже на кражу и так разожгло наше любопытство, что мы решили поехать по следу и выяснить наконец, в чем тут дело.

Примерно на протяжении мили след совпадал с нашей дорогой, но затем, вдруг круто свернув влево, он повернул прямо в лесную чащу.

Мы решили не отказываться от своего намерения. Стадо, по-видимому, прошло так недавно, что догнать его можно было очень быстро. Поразмыслив, мы решили продолжать погону.

Вскоре после того, как мы въехали в чащу, до нас отчетливо донеслись голоса людей и мычанье быков.

Сойдя с лошадей и привязав их к дереву, мы отправились дальше пешком. Мы шли крадучись и молча в том направлении, откуда доносились голоса и рев стада, сливавшиеся в непрерывный гул. Было ясно, что мычали те же самые быки, которые только что прошли по дороге. Но разговаривали не те люди, которые пригнали их сюда.

Речь индейца очень легко отличить от речи белого. Люди, голоса которых доносились до меня, были несомненно белые. Они говорили по-английски, уснащая свою речь непристойными выражениями. Мой спутник узнал даже, кто это такие.

— Господи, масса Джордж, ведь это два проклятых негодяя — Спенс и Билль Уильямс!

Джек был совершенно прав. Мы подошли ближе. Вечно-зеленые деревья скрывали нас, но мы ясно видели все происходящее. На небольшой поляне толпилось стадо, а рядом

стояли два индейца, угнавшие его, и вышеупомянутые достойные личности.

Мы стояли в тени, наблюдая и прислушиваясь. И уже через несколько минут благодаря некоторым намекам, брошенным вскользь Джеком, я полностью уяснил себе, в чем дело.

Когда мы прибыли на место происшествия, сделка была уже закончена и индейцы как раз передавали свою добычу в руки белых. А их хозяева, которые дальше должны были сами гнать стадо, как раз вручали индейцам (безусловно, презренным отщепенцам своего племени) их награду — несколько бутылок виски и горсточку безделушек. Это была плата за ночную работу — угон скота с пастбища адвоката Грабба.

Индейцы, выполнив свое дело, могли удалиться и вволю предаться пьянству у себя дома. Они больше не были нужны. А Спенс и Уильямс теперь могли угнать скот куда-нибудь подальше и продать его за кругленькую сумму. Или, что еще более вероятно, они могли пригнать стадо обратно к Граббу, прихвастнув, что храбро отбили его у шайки индейцев-грабителей. Превосходный рассказ у пылающего камина где-нибудь на плантации!

Это было бы как раз на руку полиции и правительству

О, эти дикие разбойники семинолы — с ними давно пора разделаться, давно пора вышвырнуть их прочь из Флориды!

Так как стадо принадлежало адвокату Граббу, я не стал вмешиваться в эту историю. Я мог рассказать обо всем этом в другом месте и при других условиях. Поэтому, ничем не обнаружив себя, мы с Джеком вернулись к лошадям и продолжали свой путь, углубившись в размышления. Я ничуть не сомневался в том, что пьяные индейцы были наняты Уильямсом и Спенсом. А те, в свою очередь, служили Граббу в этой гнусной проделке. Словом, была круговая порука.

Надо было как-то замутить воду, надо было довести несчастных индейцев до отчаяния..

Глава XXIII

О ЧЕМ Я ДУМАЛ ПО ДОРОГЕ

В училище, да и за его пределами надо мной часто насмеялись за то, что я защищаю индейцев, и попрекали меня, замечая, что кровь древней Покахонтас, после того как она

двести лет смешивалась с кровью белых и должна была едва струиться в моих жилах, внезапно вновь вскипела и забурлила. Утверждали, что я не патриот, поскольку не присоединялся к крику и вою толпы, столь характерному для наций, когда речь заходит об их врагах.

Нации подобны отдельным людям. Чтобы угодить им, вы должны быть такими же порочными, как они сами, испытывать те же чувства или высказывать их, что, в сущности, одно и то же, разделять их любовь и ненависть, — короче говоря, отказаться от независимости взглядов и убеждений и вопить «Распни!» вместе с большинством.

Таков человек, живущий в современном обществе, и он считается патриотом! А тот, кто черпает свои суждения из источника истины и пытается преградить путь бессмысленному потоку человеческих предрассудков, — тот не получит признания в течение всей своей жизни. После смерти, может быть, но не в этой жизни! Такой человек не должен стремиться к «прижизненной славе», которой жаждал завоеватель Перу¹, он не обретет ее. Если подлинный патриот желает получить в награду славу, он должен ждать ее лишь от потомства, когда его скелет превратится в пыль и прах в гробнице.

К счастью, есть и другая награда. Чистая совесть человека — это не пустая фраза. Есть люди, которые высоко ценят ее и которым ее сладостный шепот дарует новые силы и утешение.

Хотя выводы, к которым я вынужден был прийти не только после эпизода, который случайно наблюдал, но и после того, как недавно наслушался многих других историй, были довольно безотрадны, я все же поздравил себя с тем, что избрал такой путь. Ни одним словом, ни одним поступком не добавил я даже перышка на весах несправедливости. У меня не было причин винить себя. Совесть моя была совершенно чиста перед несчастным народом, с которым мне вскоре предстояло встретиться как с противником в войне.

Я недолго раздумывал над этим главным вопросом — скоро на меня нахлынули еще более мрачные мысли, навеянные воспоминаниями о дружбе и любви. Я думал о разоренной вдове, о ее детях, о Маюми. По правде говоря, больше всего о ней, хотя я был привязан ко всей семье. Все

¹ Завоеватель Перу — Франсиско Писарро (1471—1541), знаменитый испанский завоеватель, подчинивший Перу испанской короне

ее родные были мне дороги, но дороже всех была она сама. Я сочувствовал всем, печалился обо всех, но еще более жгучей была печаль об утрате моих самых светлых надежд.

Где теперь эта семья? Куда она уехала? Догадки, опасения, страх все сильнее овладевали моим воображением. Оно рисовало мне самые мрачные картины. Люди, совершившие это преступление, были способны и на любое другое — на самое страшное преступление, когда-либо занесенное в анналы правосудия. Какая судьба выпала на долю друзей моей юности?

Мой спутник ничего не знал об их участи, после того как на них обрушились эти удары судьбы. Он полагал, что они уехали в «какое-нибудь другое индейское поселение, потому что никто из соседей ничего о них потом не слышал». Но это было только предположение.

Быстро меняющиеся картины природы отвлекали меня от тяжелых мыслей и как бы приносили мне некоторое облегчение. Сначала наша дорога шла по сосновому лесу. Около полудня мы выехали на широкое пространство, где справа и слева встречались хоммоки — флоридские колодцы. Дорога шла как раз посередине между ними. Весь ландшафт, как бы по волшебству, совершенно изменился. Все стало совсем иным — и земля под ногами и листва над головой. Сосны сменились зарослями вечнозеленых деревьев с широкими, твердыми, как кожа, глянцевитыми, блестящими листьями. Таковы были, например, магнолии, достигавшие здесь полного роста. Вокруг нас толпились дубы, шелковицы, лавры, железные деревья, а над ними возвышались тыквенные пальмы, гордо покачиваясь и как будто свысока приветствуя своих скромных друзей, шелестящих внизу.

Некоторое время мы ехали в густой тени, которую отбрасывали деревья и паразитические растения, вившиеся вокруг них; огромные виноградные лозы, отягощенные листьями, ползучие лианы, серебряные кустики тилландсии — все это скрывало небо от наших взоров. Извилистая тропинка петляла по лесу; ее преграждали рухнувшие стволы и переплетающиеся шпалеры виноградных лоз. Их ветви перекидывались через дорогу с дерева на дерево, как корабельные тросы.

Ландшафт носил несколько мрачный характер, но зато он производил величественное впечатление. Он как-то удивительно подходил к моему настроению и действовал на меня

более успокоительно, чем открытый, полный воздуха сосновый лес.

Высхав из темного леса, мы очутились на дороге, ведущей к одному из описанных мной выше флоридских колодцев — круглому бассейну, окруженному холмиками и скалами кирпичного цвета. По-видимому, это был кратер когда-то потухшего вулкана. На варварском жаргоне англосаксонских поселенцев они называются «клоаками». Название это абсолютно неподходящее, ибо если в них есть вода, то она всегда кристально прозрачна и чиста. Бассейн, к которому мы подъехали, также был полон прозрачной влаги. И мы сами и наши лошади хотели пить, так как это было самое жаркое время дня. Леса за нами казались теперь не такими густыми и тенистыми. Мы решили сделать привал, чтобы отдохнуть и немного закусить.

У меня с собой был объемистый мешок для провизии, раздувшиеся бока которого — с горлышками двух-трех бутылок, выглядывавших из него, — свидетельствовали о нежной заботливости, которой мы были окружены дома. От верховой езды у меня разыгрался аппетит, а жара вызвала невыносимую жажду. Содержимое мешка быстро насытило нас, а стакан красного вина, смешанного с водой из холодного источника, великолепно утолил жажду. Все это пиршество на открытом воздухе завершила сигара. Закурив ее, я улегся под ветвями тенистой магнолии. Я наблюдал, как синий дымок вьется вверх между глянцевыми листьями и заставляет мошкору разлетаться прочь. Волнение мое утихло, мысли стали расплываться. Сильный запах, струящийся от коралловых шишек и больших белых цветов магнолии, действовали на меня одуряюще, и я уснул.

Глава XXIV

СТРАННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Я пробыл, по-видимому, несколько минут в таком бессознательном состоянии. Но вдруг меня разбудил всплеск воды, как будто кто-то кинулся в бассейн. Я не очень испугался и не только не оглянулся, но даже не открыл глаза.

«Наверно, это Джек нырнул в воду, — решил я. — Превосходная мысль! Я тоже потом выкупаюсь».

Но я ошибся. Негр и не думал прыгать в воду, он стоял

на берегу, недалеко от того места, где улегся спать. Его также разбудил шум, и он вскочил. Я услышал голос Джека:

— Смотрите, масса Джордж, вот так громадина! Вуф!

Я приподнялся и посмотрел в сторону бассейна. Оказалось, что Джек тут ни при чем: это вынырнул огромный аллигатор. Он подплыл к тому месту, где мы лежали, и, выставив вперед свою огромную грудь с мощными лапами, с явным любопытством разглядывал нас. Голова его возвышалась над поверхностью воды, а хвост был лихо задран вверх. Аллигатор производил одновременно и комическое и отвратительное впечатление.

— Дай-ка сюда ружье, Джек, — сказал я шепотом. — Только ступай потише, а то мы спугнем его.

Джек тихонько двинулся вперед, чтобы принести ружье. Но аллигатор как будто разгадал наше намерение. Прежде чем я успел протянуть руку к оружию, он внезапно перевернулся в воде и с быстротой молнии нырнул на дно. Некоторое время с ружьем в руке я ожидал, что он появится еще раз, но напрасно. Видимо, он уже раньше подвергся нападению и распознал в нас опасных врагов. Так как бассейн находился близко от проезжей дороги, то это предположение было весьма правдоподобно.

Конечно, ни мой спутник, ни я не обратили бы внимания на этот эпизод, если бы нам не вспомнилась ужасная сцена, которая произошла в бассейне на нашей плантации. Вся обстановка: бассейн, скалы, деревья вокруг, даже размер, очертания и свирепый, отвратительный вид пресмыкающегося — все напоминало нам того аллигатора, о котором теперь на нашей плантации сложились целые легенды. Я отчетливо вспомнил все дикие и страшные происшествя того знаменательного дня; все подробности возникали у меня в памяти, как будто это было вчера: приманка мулатом чудовищного аллигатора, смертельная схватка в бассейне, погоня, захват мулата в плен, суд и приговор к сожжению на костре, побег, долгое преследование в озере и внезапная страшная развязка. Мне даже почудилось, что я снова слышу отчаянный крик жертвы, когда она скрывалась под водой. Воспоминание было для нас обоих не очень приятным, и вскоре мы совсем прекратили разговор на эту тему. И как бы для того, чтобы отвлечь наши мысли, вблизи послышалось курлыканье дикой индейки. Джек попросил разрешения поохотиться за ней, взял мое ружье и ушел.

Я снова зажег свою «гавану», растянулся на мягкой тра-

ве, наблюдая за круглыми кольцами синеватого дымка, и, поддавшись опьяняющему аромату магнолий, опять заснул. На этот раз я увидел сон, в котором передо мной вновь прошли все события того страшного дня. Однако этот сон отличался от действительности: мне снилось, что мулат снова карабкается из воды на берег острова, что ему удалось удрать невредимым, что он вернулся отомстить за себя, что я попал к нему в руки и он готов убить меня!

В этот критический момент меня вновь разбудил уже не всплеск воды, а выстрел, прогремевший где-то поблизости.

«Ага, значит, Джек вспугнул индейку, — подумал я. — Надеюсь, что он не промахнулся. Я не прочь был бы захватить с собой в форт хотя бы одну индейку. Она очень пригодилась бы нам к столу. Я слышал, что там не слишком-то жирно кормят. Джек — стрелок хороший и вряд ли промахнется. А если...»

Мои размышления были внезапно прерваны вторым выстрелом. По резкому звуку я определил, что он был произведен из винтовки.

«Что же это может быть? — спросил я сам себя с тревогой. — У Джека мое одноствольное ружье, он не мог успеть зарядить его вторично».

Неужели первый выстрел я услышал во сне? Да нет же, я его явственно слышал наяву. Он-то меня и разбудил. Несомненно, прозвучали два выстрела, я не мог ошибиться.

В изумлении я вскочил на ноги. Я беспокоился за своего товарища. Не было никакого сомнения, что выстрелы были сделаны из двух ружей. Кто же этот второй стрелок? Может быть, враг? Мы находились в опасной зоне.

Я окликнул Джека и несколько успокоился, когда он откуда-то отозвался мне. Но в следующее мгновение меня снова охватила тревога, потому что в голосе Джека ясно чувствовался ужас.

Недоумевая и волнуясь, я схватил пистолет и бросился в чашу. Голос негра был отчетливо слышен вблизи, но за густой зеленью я не мог рассмотреть его темное тело. Он продолжал кричать, и теперь я различил слова.

— Боже милостивый, — вопил он с выражением крайнего ужаса, — масса Джордж, вы не ранены?

— Да какой же дьявол мог ранить меня?

Не будь двух выстрелов, я подумал бы, что он стрелял в ту сторону, где я лежал, и ему показалось, что он случайно попал в меня.

— Масса Джордж! Я видел дьявола!

— Вы не убиты? Слава богу, что вы не убиты, масса Джордж!

— Послушай, Джек, что все это значит?

В эту минуту он показался из-за деревьев, и я хорошо разглядел его. Я понял, что случилось что-то страшное. Джек представлял собой воплощение ужаса. Он дико вращал глазами, и белки их сверкали так, что почти не видно было ни зрачка, ни радужной оболочки. Губы его стали бледными и бескровными. Темное лицо посерело, зубы стучали. По его жестам видно было, что он объят паническим страхом.

Увидев меня, Джек побежал ко мне навстречу и схватил за руку, тревожно поглядывая в ту сторону, откуда только что примчался, как будто сзади его подстерегала смертельная опасность.

Я знал, что Джек, вообще говоря, не трус — совсем наоборот! Значит, была какая-то опасность... Какая же? Я напряженно всматривался, но в темной глубине леса мог разглядеть только коричневые стволы деревьев. Тогда я снова начал расспрашивать Джека.

— Господи! Это был... это был он! Я уверен, что он!

— Да кто это он?

— Ах, масса Джордж, значит, вы в самом деле не ранены? Он стрелял в вас. Я видел, как он прице...це... целивался... Я выстрелил в него, он промахнулся, и... он убежал...

— Да кто стрелял? Кто убежал? Объясни ты, ради бога, кто он такой!

— При... привидение убежало.

— Какое привидение? Уж не самого ли дьявола ты увидел?

— Верно, масса Джордж, верно! Я видел дьявола. Это был *Желтый Джек!*

— Желтый Джек?!

Глава XXV

КТО СТРЕЛЯЛ?

— Желтый Джек? — машинально повторил я, конечно отнюдь не веря заявлению моего спутника. — Ты говоришь, что видел Желтого Джека?

— Да, масса Джордж, — ответил мой оруженосец, понемногу оправляясь от страха. — Вот так же ясно, как солнце на небе, я видел его самого или его привидение.

— Какая чушь! Привидений не бывает Тень деревьев застала твои глаза. Это все тебе попросту почудилось.

— Боже ты мой, масса Джордж! — возразил негр с горячей убежденностью. — Клянусь, что я видел его, это мне не почудилось... Я видел — это был Желтый Джек или его дух...

— Да это невозможно!

— Ну и пусть невозможно, только все равно правда. Клянусь евангелием! Желтый Джек стрелял в вас из-за этого эвкалипта. Потом и я пальнул в него. Вы ведь слышали два выстрела?

— Да, я слышал два выстрела, но, может быть, мне это показалось.

— Нет, вам не показалось. Вуф! Проклятый мерзавец! Это он, конечно, стрелял!.. Посмотрите-ка сюда!

Мы подошли к бассейну и остановились возле магнолии, под тенью которой я спал. Джек нагнулся и показал мне на стволе место, где кора, по-видимому, была содрана пулей. Пуля прошла сквозь дерево. Рана была зеленая и свежая, и сок еще струился из нее. Несомненно, кто-то стрелял в меня и промахнулся лишь на какой-нибудь дюйм. Пуля прожужжала как раз над моей головой, когда я отдыхал, положив под голову свой дорожный мешок. Она пролетела почти у самого уха, потому что я вспомнил теперь, что почти одновременно с первым выстрелом я услышал жужжанье пули.

— Теперь вы верите мне, масса Джордж? — спросил негр, весьма довольный собственной сообразительностью. — Вы видите, что это вам не почудилось?

— Да, теперь я понимаю, что в меня кто-то стрелял.

— Желтый Джек, масса Джордж, Желтый Джек! Клянусь богом! — с волнением воскликнул мой спутник. — Я видел желтого негодяя так же ясно, как вижу вот это дерево.

— Ну, кто бы ни стрелял, краснокожий или желтокожий, чем скорее мы отсюда уберемся, тем лучше. Давай-ка мне винтовку. Я покараю, пока ты оседлаешь лошадей.

Пока негр седлал лошадей и укладывал наши вещи, я быстро зарядил ружье и встал за ствол дерева, пристально вглядываясь в ту сторону, откуда могли стрелять. Нечего и говорить, что я ждал с волнением и страхом. Покушение на мою жизнь говорило о том, что против меня ведет борьбу смертельный враг, кто бы он ни был. Предположение негра, что стрелял Желтый Джек, казалось мне просто нелепым, и я посмеялся над ним. Ведь я своими глазами видел, как му-

лат погиб ужасной смертью. Чтобы поверить в появление его призрака или его самого, мне нужны были более веские доказательства, нежели свидетельство Джека. Когда негр увидел неизвестного врага в этой угрюмой лесной чаще, едва освещенной солнцем, фантазия у него разыгралась, и ему почудилось, что стреляет Желтый Джек. Но выстрел-то не был фантазией! И почему именно в эту минуту я видел во сне мулата? И почему такой сон? Мне пригрезилось то же самое, что почудилось негру.

Мороз пробежал у меня по коже и кровь застыла в жилах, когда я подумал об этом странном совпадении. В нем таилось нечто ужасное и столь дьявольски вероятное, что я начал склоняться к мысли, что в торжественных уверениях негра действительно была какая-то доля правды. Чем больше размышлял я обо всем этом, тем скорее готов был поверить в то, что сначала показалось мне абсолютно неправдоподобным.

Почему, например, индейцу без всякого видимого повода вздумалось бы избрать меня своей мишенью? Правда, между индейцами и белыми отношения были враждебные, но война-то все-таки не началась. До этого дело пока не дошло. Совет старейшин еще не собирался, он был назначен на следующий день. Пока решения его не станут известны, вряд ли с какой-нибудь стороны начнутся враждебные действия. Это могло бы серьезно повлиять на будущие решения совета. Индейцы были так же заинтересованы в сохранении мира, как и их противники, и даже в гораздо большей степени. Они не могли не знать, что неуместная и несвоевременная демонстрация такого рода отнюдь не пойдет им на пользу. Наоборот, это могло бы оказаться подходящим предлогом для партии сторонников переселения. Мог ли индеец при таких условиях посягать на мою жизнь?

А если целился не индеец, то кто же тогда пытался убить меня и почему? Я не припоминал ни одного случая, когда бы я кого-нибудь обидел настолько, что это могло бы вызвать ко мне смертельную ненависть. Вдруг мне пришли на память пьяные погонщики быков. Какое было им дело до договоров или решений совещания? Лошадь, седло, ружье, любая безделушка могли иметь для них большее значение, чем судьба целого племени. По-видимому, оба они были настоящими бандитами. Грабители встречаются и среди индейцев, так же как среди белых.

Но нет, это не погонщики. Они не видели нас, когда мы

проезжали мимо, а если даже и видели, то вряд ли могли так быстро добраться сюда. Мы скакали на лошадях, а они шли пешком и, значит, не могли догнать нас.

Что касается Спенса и Уильямса, которые ехали верхом и, судя по рассказам Джека, были негодяями, то ведь они тоже не видели нас. Кроме того, они не могли отлучиться от стада.

Ага! Наконец мне показалось, что я нашел объяснение. Наверно, в меня выстрелил какой-нибудь беглый раб, поклявшийся вечно мстить белым и изливший свою ненависть на первого, кто попался ему на пути. Может быть, это был мулат, имевший некоторое сходство с Желтым Джеком (все люди с желтым цветом кожи, как и негры, очень похожи друг на друга). Вероятно, это и ввело в заблуждение моего спутника. На том я пока и успокоился.

Между тем у Джека уже все было готово. Оставив попытки разгадать эту тайну, мы вскочили на лошадей и по-скакали. Некоторое время мы неслись во весь опор. Дорога шла редким лесом, где все было хорошо видно впереди и позади нас, но ни белый, ни черный, ни красный, ни желтый враг не появлялся ни перед нами, ни с тыла. Мы не встретили ни одного живого существа, пока не добрались до форта Кинг. Мы въехали в форт как раз в ту минуту, когда солнце скрылось за темными вершинами леса на горизонте.

Глава XXVI

ПОГРАНИЧНЫЙ ФОРТ

Слово «форт» вызывает у нас представление о массивной постройке с выступами и амбразурами¹, бастионами и зубчатыми стенами, валами, казематами и гласисом² — одним словом, о мощном укреплении. Испанцы действительно строили такие форты во Флориде и в других местах. Многие из этих фортов еще существуют, а развалины остальных свидетельствуют о величии и славе тех времен, когда флаг с изображением леопарда гордо развевался над

¹ Амбразура — отверстие для стрельбы в оборонительных сооружениях: крепостных стенах, башнях и казематах.

² Гласис — насыпь впереди наружного рва укрепления. Возводилась для маскировки и для облегчения обстрела местности, лежащей впереди укрепления.

их стенами. Но между колониальной архитектурой испанцев и других европейских народов есть большое различие. В Америке испанцы строили свои укрепления, не обращая внимания на труды и денежные затраты, как будто они думали, что их владычество будет продолжаться вечно. Им и в голову не приходило, что во Флориде их господство будет столь кратковременным и что им скоро предстоит изгнание.

В конце концов, эти огромные крепости сослужили им хорошую службу. Без них смуглые ямасси, а потом победоносные семинолы уже давно вытеснили бы испанцев с цветущего полуострова, задолго до того, как индейцев передали под власть другой страны¹.

У Соединенных Штатов во Флориде есть свои большие каменные крепости, но упоминаемые в истории пограничных войн «форты» совсем не похожи на них. Эти постройки как бы гигантской цепью опоясывают всю территорию Соединенных Штатов. Здесь мы не увидим зубчатых стен, высеченных в скалах, дорогостоящих казематов и ненужных архитектурных украшений. Это большей частью грубые временные деревянные постройки, которые стоят дешево и которые не жаль покинуть, когда в период стремительного отступления линия границы все время изменяется.

Чтобы создать надежную защиту против враждебно настроенных индейцев, надлежит действовать следующим образом: найдите несколько сотен деревьев, срубите их и распилите на балки в восемнадцать футов длиной, расщепите их посередине, установите четырехугольниками вплотную одна к другой, плоской стороной внутрь, сколотите их поперечными досками вместе, заострите их верхние концы, устройте бойницы на высоте восьми футов от земли, под бойницами установите леса и подмости, снаружи выройте ров, постройте на противоположных углах бастионы и на них разместите ваши пушки, навесьте крепкие ворота — и вы постройте пограничный форт!

Это может быть треугольник, или четырехугольник, или любой другой многоугольник, который наилучшим образом будет соответствовать условиям данной местности.

Далее вам нужны помещения для солдат и запасов про-

¹ Здесь имеется в виду захват Флориды Соединенными Штатами у Испании (см. примеч. к стр. 54).

вианта. Внутри ограды постройте крепкие блокгаузы; если угодно, на углах у них тоже возведите бойницы — на тот случай, если наружная ограда будет взята приступом. Когда все это будет закончено, можете считать, что форт готов.

Сосны — наилучший строительный материал. Их высокие стволы без ветвей легко срубить и распилить на балки нужной длины. Но во Флориде есть порода деревьев, еще более пригодная для постройки форта, — это тыквенная пальма. Плотная древесина ее не так легко раскалывается от обстрела, и пули попросту застревают в ней. Из таких деревьев и был построен форт Кинг.

Представьте себе подобный укрепленный форт и населите его несколькими сотнями солдат; одни из них в полинялых голубых мундирах с грязными белыми отворотами (пехота), другие — в темно-синих мундирах с красными кантами (артиллерия), третьи — в темно-зеленых мундирах (карабинеры), некоторые облечены в более эффектные мундиры желтых оттенков (драгуны). Представьте себе, как эти неряшливо одетые солдаты слоняются по форту или стоят группами в неуклюжих позах; и лишь у немногих опрятный вид: ремни начищены белой глиной, штыки прикнуты — это часовые на посту. Среди них бродят неряшливо одетые женщины — их жены и прачки, в их числе несколько смуглых скво¹, тут же пронзительно визжат младенцы. Иногда торопливо проходят офицеры, которых легко узнать по темно-синим тужуркам. А рядом джентльмены в штатском — это приезжие или вольнонаемные служащие форта. Далее следует менее благородная публика — маркитанты², торговцы быками, погонщики, мясники, проводники, охотники, игроки или просто бродяги и бездельники. Кое-где мелькают слуги — негры и дружественно настроенные индейцы. Наконец, вы можете натолкнуться на важного правительственного агента... Вообразите, что над всем этим развевается американский флаг — белые звезды на голубом поле, — и перед вами предстанет картина, которую я увидел, когда въехал в ворота форта Кинг.

* * * * *

¹ С к в о — вошедшее в английский язык название индейских женщин.

² М а р к и т а н т ы — продавцы съестных припасов и предметов солдатского обихода, сопровождавшие армию в походе.

За последнее время я отвык от верховой езды, и поездка очень утомила меня. Хотя я и слышал сигнал побудки, но так как еще не приступил к своим служебным обязанностям, то не обратил на него никакого внимания и проспал. Вторично меня разбудили доносившиеся в открытое окно звуки труб и барабанный бой. Я узнал мелодию парадного марша и сразу вскочил с постели. В это время вошел Джек помочь мне одеться.

— Смотрите-ка, масса Джордж! — воскликнул он, показывая на окно. — Кажется, собрались семинолы со всей Флориды! Вуф, сколько их тут!

Я выглянул в окно. Зрелище было живописное и внушительное. Внутри ограды форта со всех сторон сбегались солдаты и строились в роты, готовясь к параду. Теперь все они были аккуратно одеты и в своих наглухо застегнутых мундирах, лихо сдвинутых набок шапках, с начищенными до снежной белизны ремнями, с винтовками, штыками и пуговицами, сверкавшими на солнце, представляли собой великолепное зрелище военной мощи. Среди солдат расхаживали офицеры в роскошных мундирах и блистающих эполетах. Поодаль стоял генерал, окруженный офицерами штаба. Их можно было отличить по черным шляпам с красными и белыми петушиными перьями. Тут же находился и уполномоченный в чине генерала, одетый в полную парадную форму.

Весь этот парад был рассчитан на то, чтобы произвести впечатление на индейцев. Кроме военных, здесь присутствовало и несколько штатских в хороших костюмах. Это были окрестные плантаторы; среди них я увидел Ринггольдов — отца и сына. Но за оградой форта зрелище было куда живописнее.

На обширной равнине, которая простиралась на несколько сот ярдов перед фортом, небольшими группами расположились индейские воины в своем великолепном военном одеянии. Все они были в головных уборах из перьев и украшены татуировкой. Хотя в их военном облачении и чувствовался некий общий стиль, но все они были одеты по-разному. На одних — охотничьи рубашки, штаны и мокасины из оленьей кожи, богато расшитые бахромой, бусами и блестками. На других — одеяния из пестрого ситца, полосатого или цветного, и суконные штаны — синие, зеленые или красные, застегнутые ниже колена; концы украшенных бусами гетр, вышитых блестками и мишурой, свисали с ног.

Вампумы¹ самой яркой расцветки охватывали талии, за них были заткнуты длинные ножи, томагавки, а у некоторых и пистолеты, сверкавшие богатой серебряной оправой, — все это предметы, доставшиеся индейцам в наследство от испанцев. Иные вместо пояса обмотали испанский шарф из алого шелка, и его обшитые бахромой концы спускались спереди, придавая особое изящество костюму. Не меньшее разнообразие представляли и головные уборы: на некоторых были диадемы из пестрых перьев, на других — похожие на каски шапки из меха черной белки, рыси или енота. При этом морда зверя часто самым фантастическим образом красовалась над лицом индейца. У многих головы были украшены широкими лентами из вышитой ткани, из которых торчали перья грифа или тончайшая паутина журавлиных перьев. Кое-кто из воинов был украшен перьями самой большой птицы Африки — страуса.

Все индейцы были вооружены длинными охотничьими ружьями; у каждого на ремне, перекинутом через плечо, висели рог с порохом и патронташ. Лук и стрелы были только у юношей, которые пришли сюда вместе со взрослыми.

Дальше виднелись палатки, раскиданные по опушке леса, — там индейцы разбили свой лагерь. Развевавшиеся над палатками флаги обозначали различные племена, которым принадлежали эти палатки. Женщины в длинных платьях бродили между палатками, а их темнокожие младенцы возились в траве.

Я увидел индейцев, когда они уже собрались перед оградой форта. Одни стояли небольшими группами и разговаривали, другие переходили от группы к группе и, видимо, советовались. Мне бросилась в глаза горделивая осанка этих людей. Я любовался их свободными и смелыми движениями, столь не похожими на скованную поступь вымуштрованного солдата. Сравнение было явно в пользу индейцев. Когда я смотрел на стоявших плечом к плечу, нога к ноге солдат, как бы застывших в строю, а затем на украшенных перьями индейских воинов, гордо шагавших по своей родной земле, я не мог отделаться от мысли, что мы сумеем победить их только благодаря своему численному превосходству.

¹ В а м п у м — мелкие бусы, вытачивавшиеся из раковин. Употреблялись в качестве украшения, а также служили вместо монет в торговых сношениях. Из вампума, переплетая его поперек нитями, делали пояса и перевязи.

Меня подняли бы на смех, если бы я вздумал высказывать подобные мысли. Это противоречило опыту, основанному, впрочем, главным образом на хвастливых легендах о подвигах белых на границе. До сих пор индейцы всегда уступали белым, но разве они уступали потому, что белые превосходили их силой и храбростью? Нет, неравенство заключалось в численности и еще чаще в оружии. В этом таился секрет нашего превосходства. В самом деле, как можно защищаться стрелами, пущенными из лука, от смертоносных пуль, вылетающих из винтовки? Но теперь это неравенство исчезло, теперь у индейцев было огнестрельное оружие, и они владели им так же искусно, как и белые.

Индейцы расположились полукругом перед фортом. Вожди уселись впереди на траву, за ними заняли места младшие вожди и наиболее прославленные воины, а еще дальше стояли все остальные представители племен. Даже женщины и дети подошли поближе, столпились и молча, но со жгучим интересом следили за движениями мужчин.

Индейцы были необычно серьезны и молчаливы. Вообще говоря, это не соответствовало их характеру, так как семинолы любят и посмеяться и поболтать. Даже беззаботные негры вряд ли могут по веселости сравниться с ними. Но теперь они держали себя иначе. Вожди, воины и женщины, даже ребята, забывшие свои игры, — все выглядели необыкновенно торжественно. Да это и понятно: предстояло не обычное собрание, где обсуждались повседневные дела, а совет, на котором решалась их судьба, решалось то, что было для них дороже всего на свете, — совет, который мог навеки разлучить их с родной землей. Неудивительно, что сегодня они не были такими жизнерадостными, как обычно.

Однако нельзя сказать, что у всех был мрачный вид. Некоторые вожди смотрели на дело иначе и не возражали против переселения. Это были подкупленные и развращенные белыми вожди, изменники своему племени и своей нации. Их оказалось немало, и они представляли собой определенную силу. Некоторых из могущественных вождей удалось уговорить, и они согласились предать права своего народа. Но семинолы подозревали их в измене, поэтому-то и были так озабочены представители противоположной партии. Не будь раскола среди вождей, партия патриотов легко могла бы восторжествовать и добиться решения вопроса в интересах народа. Но теперь патриоты опасались отступничества предателей.

Оркестр заиграл марш, и войска парадным строем прошли через ворота. Я быстро надел мундир и поспешил присоединиться к штабу генерала. Через несколько минут мы уже стояли лицом к лицу с вождями индейцев. Войска построились. Впереди них около знамени стоял генерал, а рядом с ним — правительственный агент. Далее толпились офицеры штаба, письмоводители, переводчики, а также некоторые плантаторы покрупнее. Тут же были оба Ринггольда. Их из любезности пригласили принять участие в совете.

Офицеры обменялись рукопожатием с вождями, трубка мира обошла все ряды, и наконец совет был торжественно объявлен открытым.

Глава XXVII

СОВЕТ

Первым выступил с речью правительственный агент. Она была слишком длинна, чтобы приводить ее во всех подробностях. Прежде всего он призывал индейцев мирно подчиниться условиям Оклавакского договора, уступить белым свои земли во Флориде, переселиться на Запад, в Арканзас, в местность, отведенную им на Уайт Ривер, — одним словом, согласиться на все требования, которые он предъявлял индейцам по поручению правительства. Он прилагал все усилия, убеждая индейцев в том, что переселение принесет им только пользу, расписывал их новое местожительство, как настоящий земной рай: в прериях полно дичи, там водятся лоси, антилопы и буйволы, там реки, изобилующие рыбой, прозрачные, как хрусталь, источники, вечно безоблачное небо!

Если бы семинолы поверили ему, то могли и вправду вообразить, что те благословенные места для охоты, которые, по их религиозным представлениям, находятся на небе, в действительности можно найти и на земле.

Затем он указал индейцам на те последствия, какие повлечет их отказ: белые быстро заселят все пограничные зоны, худшие из них будут вторгаться во владения индейцев. Начнутся стычки, и польется кровь. Краснокожие будут отвечать перед судом белых людей, где, согласно закону, клятва индейца не признается, и поэтому им придется терпеть всякие несправедливости.

Таковы были соображения господина правительственного агента Уайли Томпсона, изложенные им на совете в форте Кинг в апреле 1835 года¹. Я приведу его подлинные слова, их стоит процитировать как образец «честной» и «прямой» политики белых по отношению к индейцам. Вот что он сказал:

— Допустим невозможное, а именно, что вам будет разрешено остаться здесь еще на несколько лет. В какое положение вы попадете? Земля будет вскоре размежевана, продана и заселена белыми. Уже теперь туда посланы землемеры. Вскоре вы подпадете под власть правительственных законов. Ваши законы будут отменены, ваши вожди перестанут быть вождями. Нехорошие белые люди будут предъявлять к вам денежные иски и свои права на ваших негров, и дело может дойти даже до обвинений в убийстве. Вам придется предстать перед судом белых людей. Судебные процессы будут решаться по законам белых. Свидетелями против вас будут выступать белые. А индейцам не будет разрешено выступать в качестве свидетелей. Через несколько лет вы начнете бедствовать и окажетесь в безвыходном положении. Вы будете доведены до ужасающей нищеты. А когда голод заставит вас выпрашивать корку хлеба — может быть, у того, кто разорил вас, — вас обзовут «индейским псом» и выгонят, вышвырнут вон. Вот почему ваш Великий Отец (!), чтобы спасти вас от всех этих страшных бедствий, желает вашего переселения на Запад!..

И такого рода речи произносились вскоре после договора, заключенного в форте Моултри, который гарантировал семинолам их право оставаться во Флориде! Третья статья этого договора гласила: «Соединенные Штаты возьмут флоридских индейцев под свою защиту и покровительство и будут ограждать их от любых посягательств любых лиц».

О tempora! О mores!²

Вся речь представляла собой смесь запутанных ухищрений и скрытых угроз, высказанных то просительным тоном, то высокомерно и дерзко. Это никоим образом не было умно — и в том и в другом случае агент хватал через край.

Сам он не питал вражды к семинолам. Он негодовал только на тех вождей, которые уже высказались против его планов. Одного из них он просто ненавидел. Но главной целью,

¹ Соответствует историческим фактам. (Примеч. автора.)

² О времена! О нравы! (лат.)

которая вдохновляла его, было желание как можно лучше выполнить поручение, возложенное на него правительством, и таким способом завоевать себе авторитет и славу опытного дипломата. На этот алтарь он был готов, как и большинство других государственных чиновников, принести в жертву свою личную независимость, свободу убеждений и честь. Дело не в том, чтобы обязательно служить королю. Поставьте вместо «короля» слово «конгресс», и вот перед вами девиз нашего агента!

Хотя его речь не отличалась особой глубиной, но все-таки она произвела некоторый эффект и оказала влияние на слабых и колеблющихся. Условия жизни на новых землях показались им заманчивыми, особенно по сравнению с устрашающей перспективой, которая предстояла им здесь, так что картина, нарисованная агентом, на некоторых произвела впечатление.

Когда раздался призыв к войне, семинолы посеяли очень мало зерна, пропустив удобное для сева время. Значит, не будет хорошего урожая — не будет ни маиса, ни риса, ни батата. И последствия подобной непредусмотрительности начинали сказываться. Уже теперь семинолы собирали корни китайского шиповника¹ и желуди. А что же будет зимой? Неудивительно, что многие были озабочены; на их лицах я заметил страх. Даже вожди-патриоты как будто опасались за исход совета.

Однако они не теряли присутствия духа. После короткой паузы слово взял Хойтл-мэтти, один из самых решительных противников переселения. У индейцев в таких случаях не соблюдается никакой очередности выступлений по старшинству. У каждого племени есть свои признанные ораторы, которым обычно позволяет выразить мысли и чувства всех остальных. Здесь находился и верховный вождь Онопа. Он сидел в центре круга, и на голове его красовалась британская корона — память об американской революции². Но Онопа не был красноречив и отказался от своего права, предоставив говорить своему зятю Хойтл-мэтти, который

¹ Из корней китайского шиповника семинолы готовят «конте» — нечто вроде желе, вкусное и питательное блюдо. (Примеч. автора.)

² Американская революция — война за независимость английских колоний в Северной Америке в 1775—1783 годах, закончившаяся подписанием 3 сентября 1783 года мирного договора, по которому Англия признала независимость Соединенных Штатов. Во время войны за независимость часть индейцев соблюдала нейтралитет, часть выступала на стороне восставших, но большинство сражалось на стороне англичан.

считался не только мудрым советником и храбрым воином, но и славился как лучший оратор среди семинолов. Он был «премьер-министром» у Онопы, а заимствуя сравнение из античной эпохи, его можно было бы назвать Одиссеем¹ своего народа. Это был высокий, худощавый, смуглый человек с резкими, орлиными чертами и несколько зловещим выражением лица.

Он происходил не из племени семинолов и сам считал себя потомком одного из тех древних племен, которые населяли Флориду еще в раннюю эпоху испанского владычества. Возможно, что он принадлежал к племени ямасси; его смуглая кожа вполне подтверждала такое предположение.

Об ораторском таланте Хойтл-мэтти можно судить по его речи. Он заявил:

— Договор в Моултри установил, что мы будем мирно жить на земле, которая признана нашей собственностью двадцать лет назад. Все спорные вопросы были улажены, и нас уверили, что мы будем умирать естественной смертью, а не от насилия, чинимого белыми людьми. Не молния должна расколоть и погубить дерево, а холод старости должен высушить в нем жизненные соки, и тогда листья увянут и облетят, а ветки отпадут от мертвого, полусгнившего ствола.

Совет в Оклавахе послал наших выборных затем, чтобы только *посмотреть* землю, куда нас хотят переселить, и потом рассказать о ней народу. Мы дали согласие и прошли по этой земле. Она приносит ароматные и вкусные плоды и воздух в ней здоровый, но она окружена злыми и враждебными соседями, а плоды плохого соседства — это война и пожары. Кровь оскверняет землю, а огонь иссушает источники. Индейцы из племени поуни украли у нас несколько лошадей, и нашим всадникам пришлось тащить свои вьюки на спине. Вы хотите поселить нас среди плохих индейцев, которые никогда не дадут нам покоя.

Когда мы смотрели земли, мы ничего не сказали, но агенты Соединенных Штатов заставили нас подписать бумагу, и теперь вы говорите, что в ней выражено наше желание переселиться! А мы только заявили, что земля нравится нам, но

¹ О д и с с е й (Улисс) — герой древнегреческого эпоса, мифический царь острова Итака, участник похода греков на Троию. В «Одиссее» Гомера описаны приключения Одиссея на его пути на родину после Троянской войны. Одиссей прославился своей отвагой, умом и особенно хитростью.

решать должен народ. На большее мы не были уполномочены.

Ваша речь прекрасна, но мой народ не может сейчас сказать, что он будет переселяться. Одни думают так, а другие иначе, и надо дать людям время, чтобы поразмыслить. Наш народ не может уйти, он не хочет уходить! Если их уста говорят «да», то их сердца восклицают «нет» и называют их лжецами. Нам не нужно чужих земель. Зачем они нам? Мы любим нашу родную землю, мы счастливы здесь! Если мы внезапно оторвем наши сердца от земли, с которой мы сроднились, то оборвутся струны нашего сердца. Мы не можем согласиться на переселение, мы не уйдем!

После Хойтл-мэтти выступил один из вождей партии, стоявшей за переселение. Это был Оматла, один из самых могущественных вождей племени, которого подозревали в том, что он вступил в тайный союз с агентом. Речь его носила умиротворительный характер, и он советовал своим краснокожим братьям не чинить никаких препятствий, а поступить честно и согласиться с условиями Оклавахского договора.

Было ясно, что этот вождь находился под чужим влиянием. Вместе с тем он, видимо, боялся открыто стать на сторону правительственного агента, опасаясь мести патриотов. Когда он встал и начал говорить, воины-патриоты смотрели на него неодобрительно, а их вожди — Арпиуки, Коа-хаджо и другие — часто прерывали его. В том же духе, но более смело говорил Луста Хаджо (Черная Глина). Он привел мало новых доводов в своей необычайно дерзкой речи, но несколько ободрил партию изменников и успокоил агента, который уже начал проявлять нетерпение и волноваться.

Вслед за ним поднялся Холата-мико, индеец с мягкими манерами джентльмена, один из самых уважаемых вождей. Он был нездоров, и поэтому его речь, против ожидания, носила более мирный характер — ведь он слыл решительным противником переселения.

— Мы собрались сюда сегодня, чтобы посоветоваться друг с другом, — сказал он. — Все мы сотворены Великим Духом, все мы его дети, все произошли от одной матери и вскормлены одной и той же грудью. Значит, мы все братья, а братья не должны враждовать между собой и проливать кровь друг друга. Если кровь одного из нас прольется на землю от удара его брата, то окровавленная земля будет громко взывать о мщении и на нас падет гнев Великого Духа.

Я болен. Пусть другие, кто крепче меня, выскажут свои мысли.

Затем один за другим поднялись несколько вождей и высказали свое мнение. Сторонники переселения говорили в таком же духе, как Оматла и Черная Глина. Это были Охала (Большой Воин), братья Итолассе, Чарльз Оматла и еще несколько менее значительных вождей.

В противовес им выступили патриоты: Акола, Яха Хаджо (Безумный Волк), Эха Матта (Водяная Змея), Пошалла (Карлик) и негр Абрам. Последний когда-то бежал из Пенсаколы, а теперь был вождем негров, живших с племенем микосоки, и одним из советников Онопы, на которого он имел неограниченное влияние. Он свободно говорил по-английски и на совете, как и на совещании в Оклавахе, выступал главным переводчиком с индейской стороны. Он был чистокровным негром. Об этом свидетельствовали толстые губы, выдающиеся скулы и другие физические особенности, присущие его расе. Он был храбр, хладнокровен и проныцателен и оказался до конца верным другом народа, который удостоил его своим доверием. Он говорил сдержанно и скромно, но тем не менее проявил твердую решимость оказать сопротивление планам агента.

Главный вождь пока еще не высказался, и наконец агент обратился к нему.

Онопа, грузный мужчина высокого роста, казалось, не блистал особым умом, но при этом и не был лишен чувства собственного достоинства. Он не отличался ораторским талантом и хотя был главным «мико» народа, однако пользовался меньшим влиянием среди воинов, чем некоторые младшие вожди. Его мнение поэтому никоим образом не могло рассматриваться как решающее или обязывающее остальных, но, именуясь «мико-мико» (вождем вождей) и будучи, по существу, главой крупнейшего племени микосоки, он все-таки мог перетянуть чашу весов на ту или другую сторону. Если бы он высказался за переселение, патриоты могли бы считать свое дело проигранным.

Все затаили дыхание. И белые и краснокожие устремили взгляды на главного вождя. Образ мыслей его был известен очень немногим, и большинство не знали, какое мнение он выскажет. Поэтому понятно, с какой тревогой все ожидали его речи.

Но в этот критический момент среди воинов, стоявших за Онопой, началось какое-то движение, и они расступились,

дав дорогу новому вождю, по-видимому пользовавшемуся большим уважением.

Через минуту он оказался впереди. Это был молодой воин в богато украшенном одеянии и с благородными чертами лица. Он носил отличительные знаки вождя. Но и без них, по одному виду его, чувствовалось, что он рожден для того, чтобы вести за собой людей.

Он был в богатой, но не яркой и не пестрой одежде. Рубашка, схваченная у талии разноцветным поясом вавпум, ниспадала красивыми складками, а стройные ноги были обтянуты гетрами из красного сукна. Он был прекрасно сложен, его фигура казалась удивительно пропорциональной. На голове у него была пестрая повязка с тремя черными страусовыми перьями, спускавшимися почти до плеч. На шее висели различные украшения. Одно из них привлекло особое внимание: круглая золотая пластинка, висевшая у него на груди. На пластинке были выгравированы лучи, радиусами идущие из одного центра. Это было изображение восходящего солнца.

Лицо его было раскрашено красной краской, но, несмотря на это, все черты выступали совершенно отчетливо: красиво очерченный рот и подбородок, тонкие губы, нижняя часть лица, свидетельствующая о твердости характера, орлиный нос, высокий широкий лоб и глаза, как у орла, способные смотреть, не жмурясь, на ослепительное солнце.

Словно электрический ток пронзил всех, когда появился этот замечательный человек. Так бывает в театре, когда на сцене появляется трагический актер, выхода которого все ожидали с нетерпением.

Сам молодой вождь держался очень скромно. Не по его манерам, а по волнению других я решил, что вижу настоящего героя.

Действующие лица, которые выступали до сих пор, оказались лишь второстепенными актерами. А этот молодой вождь и был тот, кого ожидали все семинолы!

По рядам индейцев прошло движение, пронесся шепот, затем гул голосов; толпа вздрогнула в едином порыве, и затем одновременно, как бы вырвавшись из одной груди, прозвучало имя: «Оцеола!»

ВОСХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ

Да, это был Оцеола, что означает на языке семинолов «Восходящее Солнце», тот самый Оцеола, слава которого достигла самых отдаленных уголков страны, тот самый Оцеола, который возбуждал такое жгучее любопытство и у нас в училище, и на улицах городов, и в аристократических салонах. Это он так внезапно появился в кругу вождей.

Скажем несколько слов об этом необыкновенном юноше.

Сначала он был простым воином, потом — младшим вождем, почти не имея приверженцев, и вдруг, как бы по волшебству, приобрел доверие целого народа. Теперь патриоты возлагали на него все свои надежды. Его мужество воодушевляло их, и его влияние с каждым днем возрастало. Как нельзя лучше подходило к нему и его имя. Можно было бы подумать, что он избрал его умышленно, а не случайно, если бы это не было его настоящим именем. В нем было нечто пророческое, символическое, ибо сейчас он действительно был «восходящим солнцем» для семинолов.

Чувствовалось, что Оцеола произвел большое впечатление на воинов. Вероятно, он уже был здесь давно, но до сих пор не выходил в первые ряды вождей. Робкие и колеблющиеся с его приходом ободрились и вздохнули свободнее, а вожди-изменники съезжились от страха под его взором. Я заметил, что братья Оматла и даже свирепый Луста Хаджо поглядывали на него с нескрываемой тревогой.

Приход Оцеолы поразил не только индейцев, но и еще кое-кого. Со своего места я видел лицо агента. Он побледнел и смутился. Было ясно, что появление Восходящего Солнца его совсем не устраивало. Я стоял рядом с генералом Клинчем и не мог не услышать того, что агент торопливо шептал генералу.

— Вот не повезло! — говорил он раздраженным тоном. — Если бы не он, мы безусловно одержали бы победу! Я надеялся прибрать их к рукам до его прихода. Нарочно сказал ему не тот час — так вот не помогло же! Черт бы его побрал! Теперь он испортит нам все дело... Вот он нашептывает что-то Онопе, а старый дурень уставился на него, как ребенок... Ба, теперь он и будет повиноваться ему во всем, словно младенец! Да он и есть не что иное, как взрослое дитя. Теперь все кончено, генерал! Нам не избежать войны!

Услышав этот разговор, я еще раз внимательно взглянул

Осеола стоял позади короля и шептал ему что-то.

на Оцеолу. Он стоял позади Онопы, слегка нагнувшись к нему, и я слышал, как он шептал ему что-то на своем родном языке. Только переводчики могли бы понять, что он говорил, но они стояли слишком далеко, чтобы разобрать его слова. По серьезному и взволнованному виду Оцеолы, по гневным взглядам, которые он бросал на агента, можно было понять, что он отнюдь не намерен уступить и то же самое совсует своему вождю.

На несколько секунд водворилась тишина. Только шепот агента, с одной стороны, и шепот Оцеолы — с другой, нарушали ее. Но скоро оба умолкли. Наступила минута напряженного ожидания. Решение Онопы было важно для всех, от этого решения зависели мир или война, жизнь или смерть. Даже солдаты в строю, прислушиваясь, вытянули шеи. Индейские мальчики и женщины с младенцами на руках толпились за кругом воинов. Чувствовалось, что они с большой тревогой ожидают решения главного вождя.

Агент начал терять терпение, его лицо побагровело. Я видел, что он взволнован и сердит, хотя всеми силами старается сохранить спокойствие. Он делал вид, будто не замечает Оцеолу, хотя не было сомнений, что в этот момент он только о нем и думает. Продолжая беседовать с генералом, он искоса поглядывал на молодого вождя.

Это продолжалось недолго. Агент окончательно потерял терпение и обратился к переводчику:

— Скажите Онопе, что совет ждет его решения.

Переводчик выполнил приказание.

— Скажу только одно, — ответил молчаливый вождь вождей, не соизволив даже подняться с места. — Я доволен местом, где живу, и не покину родные края.

В ответ на это заявление раздался взрыв одобрительных восклицаний со стороны патриотов. Быть может, это была самая зажигательная речь, когда-либо произнесенная старым Онопой. С этой минуты он действительно стал королем и мог неограниченно повелевать своим народом.

Я взглянул на вождей. Улыбка осветила мягкие черты Холата-мико, угрюмое лицо Хойтл-мэтти сияло радостью, Аллигатор, Облако и Арпиуки пришли в неистовый восторг, и даже толстые губы негра Абрама поднялись над деснами, открыв двойной ряд белых, как слоновою костью, зубов в торжествующей усмешке. Братья Оматла и их партия стали чернее тучи. Мрачные взоры выдавали их недовольство, было очевидно, что все они сильно встревожились. И не без

основания: до сих пор их только подозревали в измене, теперь же их предательство стало очевидно. Счастье их, что форт Кинг находился рядом, что все это произошло на глазах вооруженных солдат. Американские штыки могли понадобиться изменникам для защиты от разгневанного народа!

Агент окончательно вышел из себя. Он утратил всякое достоинство официального представителя и разразился яростными восклицаниями, угрозами и язвительными насмешками. Он называл вождей по именам и обвинял их во лжи и коварстве. Онопу он обвинял в том, что тот подписал Оклавахский договор. Когда же Онопа стал отрицать это, агент заявил, что он лжет. Даже дикарь не счел нужным отвечать на столь грубое обвинение, а отнесся к нему с молчаливым презрением. Излив изрядное количество желчи на многих вождей, агент обратился к одному из воинов, стоявших впереди, и пронзительно, яростно заорал:

— Это все вы натворили, вы, Пауэлл!

Я вздрогнул и огляделся кругом, чтобы узнать, к кому относились эти слова, кого агент назвал этим именем.

Взгляд и жест агента помогли мне. Угрожающе вытянув руку, он указывал на молодого вождя Оцеолу. Меня как будто осенило. Смутные воспоминания уже всплывали в моем сознании. Мне показалось, что через слой ярко-красной краски я различал черты, которые видел когда-то раньше.

Теперь я припомнил все. В молодом индейце-герое я узнал друга детства, спасителя сестры, брата Маюми!

Глава XXIX

УЛЬТИМАТУМ

Да, Пауэлл и Оцеола — это одно и то же лицо. Как и следовало ожидать, мальчик превратился в цветущего мужчину, в героя! Под влиянием нахлынувших чувств — дружбы в прошлом и восхищения в настоящем — я готов был броситься к нему в объятия, но удержался, сознавая, что сейчас не место и не время для излияния дружеских чувств. Этикет и чувство долга не позволяли сделать этого. Я изо всех сил старался не показать вида и сохранить хладнокровие, хотя не мог оторвать глаз от того, кем восхищался теперь еще больше.

Размышлять было некогда. Тишина, наступившая после окрика агента, была нарушена, и нарушил ее сам Оцеола. Видя, что все взгляды устремлены на него, молодой вождь выступил шага на два вперед и встал перед агентом. Испытующий взор его был не суров, но тверд.

— Вы, кажется, обратились ко мне? — спросил он тоном, в котором не чувствовалось ни волнения, ни гнева.

— А к кому же еще? — резко возразил агент. — Я назвал вас по имени — Пауэлл.

— Но меня зовут не Пауэлл.

— Как — не Пауэлл?

— Нет! — ответил индеец, возвышая голос и вызывающе глядя на агента. — Вы можете называть меня Пауэллом, если вам это нравится, вы, генерал Уайли Томпсон, — продолжал он, медленно и с насмешкой произнося полное военное звание агента. — Но знайте, сэр, что я презираю имя, данное мне белыми. Я — сын своей матери¹, и мое имя Оцеола.

Агенту потребовалось большое усилие воли, чтобы сдержать свою ярость. Насмешка над его плебейской фамилией задела его за живое: Оцеола достаточно хорошо знал английский язык, чтобы понять, что «Томпсон» имя отнюдь не аристократическое. Его сарказм попал прямо в цель.

Агент был настолько взбешен, что, будь это в его власти, он приказал бы тут же на месте казнить Оцеолу. Но такой властью он не обладал. Кроме того, рядом стояли триста вооруженных индейцев — целый отряд, и каждый из них держал в руках винтовку. Агент понимал, что американское правительство не очень-то похвалит его за такую неуместную раздражительность. Даже Ринггольды — хотя они и были его близкими друзьями и советчиками и лелеяли в глубине души злобные планы догубить Восходящее Солнце — оказались достаточно разумными для того, чтобы не поощрять подобного образа действий. Не отвечая Оцеоле, Томпсон снова обратился к вождям.

— Хватит разговоров! — сказал он тоном начальника, умиряющего подчиненных. — Мы уже достаточно все обсудили. Вы рассуждаете, как дети или как глупцы. Я больше не желаю вас слушать! А теперь узнайте, что говорит ваш Великий Отец и что он поручил мне передать вам. Он велел

¹ Ребенок разделяет судьбу своей матери. Этот обычай существует не только у семиолов, но вообще у всех американских индейцев. (Примеч. автора)

положить перед вами эту бумагу.— Тут агент вынул свернутый в трубку пергамент и развернул его.— Это Оклавахский договор. Многие из вас уже подписали его. Я прошу их подойти сюда и снова подтвердить свою подпись.

— Я не подписывал договора и не подпишу его! — заявил Онопа, которого незаметно подтолкнул Оцеола, стоявший позади.— Пусть другие делают как хотят. Я не оставляю своего дома! Я не уйду из Флориды!

— И я не уйду! — решительно заявил Хойтл-мэти.— У меня пятьдесят бочонков пороха. Пока в них останется хоть одна не вспыхнувшая пламенем крупинка, я не расстанусь со своей родной землей!

— Он высказал и мое мнение! — промолвил Холата.

— И мое! — воскликнул Арпиуки.

— И мое! — откликнулись Пошалла, Коа-хаджо, Облако и негр Абрам.

Говорили одни патриоты; изменники не сказали ни слова. Подписать договор еще раз было бы для них слишком тяжким испытанием. Они не смели подтвердить то, на что дали свое согласие в Оклавахе, и теперь, когда здесь находились все семинолы, боялись защищать договор. И они молчали.

— Довольно! — воскликнул Оцеола. Он еще не высказал своего мнения, но его речь ожидалась всеми. Взоры всех устремились на него.— Вожди сказали, что они думают, они не хотят подписать договор! Они выразили волю всей нации, и народ поддерживает их. Агент назвал нас детьми и глупцами. Ругаться не так уж трудно. Мы знаем, что среди нас есть и глупцы и дети. А что еще хуже: среди нас есть *изменники!* Но зато есть и мужчины, которые по своей храбрости и преданности не уступают самому агенту. Он больше не хочет говорить с нами — пусть будет так! Да и нам нечего больше сказать ему, он уже получил наш ответ. Он может оставаться или уходить... Братья! — продолжал Оцеола, повернувшись к вождям и воинам и как бы не обращая внимания на белых.— Вы поступили правильно. Вы высказали волю нации, и народ одобряет это. Это ложь, что мы хотим оставить нашу родину и уйти на Запад! Те, кто говорит так, — обманщики! Они повторяют чужие слова. Мы вовсе не стремимся в ту *обетованную* землю, куда нас собираются отправить. Она далеко не так прекрасна, как наша земля. Это дикая, бесплодная пустыня. Летом там пересыхают ручьи, трудно найти воду, и охотники умирают

от жажды. Зимой листья опадают с деревьев, снег покрывает землю, и она промерзает насквозь. Холод пронизывает тела людей — они дрожат и погибают в страданиях. В этой стране вся земля как будто мертвая. Братья! Мы не хотим жить на этой ледяной земле, мы любим нашу родину. Когда нас опалает зноем, мы находим прохладу в тени дуба, высокого лавра или благородной пальмы. Неужели мы покинем страну пальм? Нет! Мы жили под защитой ее тени, под ее тенью мы и умрем!

С первой минуты появления Оцеолы и до этих заключительных слов волнение среди слушателей все возрастало. Действительно, вся сцена производила такое сильное впечатление, что трудно передать его словами. Только художник мог бы воспроизвести эту картину.

Поистине это было волнующее зрелище: взбешенный агент, с одной стороны, и спокойные вожди — с другой. Это был яркий контраст чувств. Женщины предоставили своим голым младенцам прыгать на траве и забавляться цветами, а сами вместе с воинами столпились вокруг совета, прислушиваясь с напряженным, хотя и скрытым интересом. Они ловили каждый взгляд, каждое слово Оцеолы. Он смотрел на них спокойно и серьезно — мужественный, гибкий, статный воин. Его тонкие, крепко сжатые губы свидетельствовали о непреклонной решимости. Его осанка была уверенной и благородной, но не надменной. Держался он спокойно и с достоинством. Говорил он кратко и выразительно и, окончив речь, стоял в молчаливом спокойствии, высоко подняв голову и сложив руки на груди. Но он сразу загорался, как от удара электрического тока, когда агент высказывал какую-нибудь мысль, которую Оцеола считал лживой или сознательно извращающей правду. В такие моменты словно молния сверкала в его гневном зоре, презрительная улыбка кривила губы, он яростно топал ногой, жестикулировал, сжимал кулаки. Грудь его тяжело вздымалась, словно бурные волны океана, когда бушует ураган. А затем он снова погружался в меланхолическое безмолвие и застывал в той позе спокойствия и безмятежности, которую античные скульпторы любили придавать богам и героям Греции.

После речи Оцеолы положение стало критическим. Терпение агента истощилось. Пришло время предъявить ультиматум, на который его уполномочил президент. Не смягчая своего грубого тона, он перешел к угрозам:

— Вы не хотите подписать договор, вы не желаете уйти?

Прекрасно! В таком случае, я заявляю, что вы *должны* будете уйти! Иначе вам будет объявлена война! На вашу землю вторгнутся войска! Штыки заставят вас покинуть ее!

— Вот как! — воскликнул Оцеола с презрительным смехом. — Тогда пусть будет по-вашему. Пусть нам объявят войну! Мы любим мир, но не боимся войны! Мы знаем, что вы сильны, что вы превосходите нас численностью на целые миллионы! Но даже будь вас еще больше, вы все равно не заставите нас примириться с несправедливостью. Мы решили лучше умереть, чем вынести этот позор! Пусть нам будет объявлена война! Пошлите свои войска в нашу страну, но не думайте, что вам удастся вытеснить нас отсюда так легко, как вы воображаете. Против ваших винтовок у нас есть ружья, от ваших штыков мы будем защищаться томагавками, вашим накрахмаленным солдатам придется лицом к лицу встретиться с воинами семинолов! Пусть будет объявлена война! Мы готовы к ее бурям! Град сбивает со стеблей цветы, а крепкий дуб поднимает свою крону к небу, навстречу буре, несокрушимый и неодолимый!

При этих пламенных словах из груди индейцев вырвался крик, в нем ясно чувствовался вызов. Совет пришел в смятение — все было на грани катастрофы. Некоторые вожди, возбужденные призывом Оцеолы, вскочили и стояли опустив глаза, гневно и угрожающе поднимая руки.

Офицеры заняли свои места и тихо отдали солдатам приказ приготовиться. Между тем видно было, как артиллеристы встали у орудий и на бастионах уже показался голубой дымок зажженных фитилей. Однако подлинной опасности еще не было. Ни та, ни другая сторона не приготовилась к вооруженному столкновению. Индейцы явились на совет без враждебных намерений, иначе они оставили бы дома жен и детей. Пока семьи были с ними, они не напали бы на белых, а белые не решились бы напасть первые без серьезного повода. То, что происходило сейчас, было лишь результатом мгновенно вспыхнувшего волнения, которое, однако, быстро улеглось, и вновь наступило спокойствие.

Агент сделал все, что было в его силах, но ни угрозы, ни лесть не оказали никакого воздействия. Он видел, что планы его рушились.

Но не все еще было потеряно. Нашлись умные головы, которые понимали это: то были пронизательный, старый воин Клинч и хитрые Ринггольды. Они подошли к агенту и посоветовали ему прибегнуть к иной тактике.

— Дайте индейцам время подумать,— предложили они.— Назначьте еще одно совещание на завтра. Пусть вожди тайно соберутся и обсудят все дела между собой, а не так, как сейчас, в присутствии всего племени. После более спокойного обсуждения они, не опасаясь воинов, может быть, и примут иное решение. Особенно теперь, когда они знают, что их ждет.

— А может быть,— добавил Аренс Ринггольд, который, при всех своих отрицательных качествах, обладал способностями ловкого дипломата,— враждебные нам вожди и не останутся на завтрашнее совещание. Но вам ведь и не нужны все подписи!

— Правильно,— сказал агент, ухватившись за эту мысль.— Правильно. Так и следует поступить.

После этого краткого заключения он снова обратился к совету вождей.

— Братья! — заговорил он прежним льстивым тоном.— Ибо, как сказал храбрый Холата, все мы братья. Зачем же нам ссориться и расставаться врагами? Ваш Великий Отец огорчится, узнав, что мы так расстались. Я вовсе не хочу, чтобы вы поспешно решали этот важнейший вопрос. Вернитесь в свои палатки, соберите собственный совет и обсудите дело между собой, свободно и дружелюбно. Давайте снова встретимся завтра — один лишний день для обеих сторон ничего не значит. Тогда вы мне и сообщите ваше решение, а пока мы останемся друзьями и братьями!

На это предложение некоторые из вождей ответили, что это «хорошие слова» и что они согласны. Затем все начали расходиться. Однако я заметил, что единодушия у них не было. Согласились главным образом вожди из партии Оматлы. Патриоты же до всеуслышание заявляли, что они уйдут и больше не вернутся.

Глава XXX

РАЗГОВОР ЗА СТОЛОМ

За офицерским столом во время обеда я узнал много нового. Когда льется вино, языки развязываются, а под влиянием шампанского самый благоразумный человек превращается в болтуна.

Агент не скрывал ни собственных планов, ни намерений президента. Впрочем, большинство уже догадывались о них.

Неудачи сегодняшнего дня несколько омрачали его настроение. Больше всего агента огорчала мысль, что померкнет его слава дипломата. Прослыть искусным дипломатом — вот чего страстно домогаются все агенты правительства Соединенных Штатов! Кроме того, агент был уязвлен пренебрежительным отношением к нему Оцеолы и других вождей. Ибо хладнокровные, сдержанные индейцы презируют вспыльчивых и необдуманно действующих людей, а он как раз и проявил эти качества на сегодняшнем совете и дал индейцам повод презирать его за эту слабость. Он чувствовал себя побежденным, униженным, и в груди у него кипела ненависть ко всем краснокожим. Но он льстил себя надеждой, что завтра заставит их почувствовать силу своего гнева. Он покажет им, что может быть твердым и смелым даже в порыве ярости. Все это он заявил нам хвастливым тоном, когда вино подняло его настроение и он развеселился.

Что касается офицеров, то они мало интересовались подробностями этого дела и почти не принимали участия в обсуждении. В своих догадках они касались только возможности вооруженного столкновения. Будет или не будет война? Этот вопрос вызывал жгучий интерес у рыцарей меча. Я слышал, как многие хвалились нашим превосходством, пытаясь при этом умалить мужество и храбрость своего будущего противника. Им возражали ветераны войн с индейцами, но их было мало за нашим столом.

Нечего и говорить, что предметом оживленных споров являлся и сам Оцеола. Мнения, высказанные о молодом вожде, были столь же противоположны, как порок и добродетель. Некоторые называли его «благородным дикарем», но большинство держались другого взгляда, что меня удивило. Слышались такие эпитеты, как «пьяный дикарь», «вор», «обманщик».

Я рассердился, ибо не мог поверить этим обвинениям. Тем более что многие из тех, кто обвинял Оцеолу, сравнительно недавно прибыли в наши края. Они-то уж, во всяком случае, не могли знать прошлое человека, которого так чернили.

Ринггольды, конечно, присоединились к клеветникам.

Они хорошо знали молодого вожда, но я понял их тайные побуждения. Я чувствовал, что должен сказать что-нибудь в защиту того, о ком шел разговор, по двум причинам: во-первых, его здесь не было, а во-вторых, он спас мне жизнь. Несмотря на то что за столом собралось высокопоставленное общество, я не в силах был промолчать.

— Господа! — начал я достаточно громко, чтобы меня услышали все присутствующие. — Есть ли у вас какие-нибудь доказательства, которые подтвердили бы справедливость ваших обвинений против Оцеолы?

Наступило неловкое молчание. Доказать, что Оцеола занимался пьянством, кражей скота и обманом, никто не мог.

— Ага! — наконец воскликнул Аренс Ринггольд своим резким, скрипучим голосом. — Значит, вы, лейтенант Рэндольф, защищаете его?

— Пока вы не приведете мне более веских доказательств, чем голословное утверждение, что он недостоин защиты, я буду стоять за него.

— Их нетрудно найти! — крикнул один из офицеров. — Всем известно, что он занимается кражей скота.

— Вы заблуждаетесь, — возразил я самоуверенному оратору. — Мне, например, об этом ничего не известно. А вам?

— Да нет, я лично, признаюсь, тоже этого не наблюдал, — ответил офицер, несколько сконфуженный моим внезапным допросом.

— Если уж речь зашла о краже скота, господа, то я могу рассказать вам забавный случай, имеющий непосредственное отношение к теме нашего разговора. Если разрешите, я расскажу вам.

— О, конечно, безусловно мы готовы послушать!

Я кратко изложил эпизод с кражей скота адвоката Грабба, опустив, конечно, все имена.

Мой рассказ вызвал некоторую сенсацию. Я видел, что он произвел впечатление на генерала; агент же был явно раздражен. Я чувствовал, что его гораздо больше устроило бы, если бы я держал язык за зубами.

Самое большое впечатление мой рассказ произвел на Ринггольдов — отца и сына. Оба побледнели и встревожились. Кроме меня, пожалуй, никто не заметил этого, но мне стало ясно, что они знают больше, чем я.

Затем все начали говорить о том, сколько беглых негров может скрываться между индейцами и может ли их помощь оказаться существенной в случае вооруженного столкновения. Это был серьезный вопрос. Все знали, что в резервации обосновалось много негров и мулатов: одни в качестве земледельцев, другие в качестве скотоводов. Немало их бродило по саваннам и лесам с винтовкой в руке, целиком отдавшись настоящей жизни вольного индейского охотника. Были высказаны различные мнения: одни предполагали, что их наберется около пятисот человек, а другие считали, что не меньше тысячи. Негры все до единого человека будут против нас — с этим все согласились единодушно. Здесь не могло быть двух мнений!

Некоторые считали, что негры будут драться плохо, другие — что храбро. Последнее предположение было гораздо ближе к истине. Все соглашались, что негры окажут большую помощь противнику и доставят нам уйму хлопот. А некоторые даже утверждали, что мы должны больше опасаться «беглецов» черных, чем красных. Это был своеобразный каламбур¹.

Не могло быть сомнений, что в предстоящей борьбе негры возьмутся за оружие и что они будут решительно действовать против нас. Знание «обычаев» белых делало их опасными противниками. Кроме того, негры не трусы, им часто представлялся случай доказать свою храбрость. Поставьте негра лицом к лицу с настоящим врагом — из плоти, кости и крови, вооруженным винтовкой и штыком, — и он не будет уваливать от опасности. Другое дело, если враг бестелесный и принадлежит к миру злого бога Обае. В душе необразованных детей Африки очень сильны суеверия. Они живут в мире призраков, вампиров и домовых, и их ужас перед этими сверхъестественными существами есть подлинная трусость.

Во время этого разговора о неграх я не мог не обратить внимание на то озлобление, которое проявляли мои собеседники, особенно плантаторы, в штатском облачении. Некоторые выражали свое негодование грубыми ругательствами, угрожая беглецам всеми возможными видами нака-

¹ Семинолы принадлежали сначала к огромному племени мускоги (крики). Отделившись от них по неизвестным причинам, семинолы ушли на юг, во Флориду, и получили от своих прежних родичей имя, которое они носят сейчас и которое на их языке означает «беглец». (Примеч. автора)

зания в случае, если захватят их в плен. Они упивались возможностью захватить их в свои лапы и картинами близкой мести. Множество самых изощренных и страшных наказаний угрожало тому несчастному беглецу, которому довелось бы попасться в плен.

Вы, которые живете так далеко от этого мира страстей, не можете понять отношений, существующих в Америке между белыми и цветными. В обычных условиях между ними нет острой враждебности — наоборот! Белый довольно добродушно относится к своему цветному «брату», но только до тех пор, пока последний ни в чем не проявляет своей воли. При малейшем же сопротивлении в белом мгновенно вспыхивают враждебные чувства, правосудие и милосердие перестают существовать, и остается одна неукротимая жажда мести.

Это общее правило. Все рабовладельцы ведут себя именно так. В отдельных же случаях отношения складываются еще хуже. В Южных штатах есть белые, которые довольно дешево ценят жизнь негра — как раз по его рыночной стоимости.

Наглядной иллюстрацией этого положения является случай из биографии молодого Рингольда, рассказанный мне накануне моим «оруженосцем» Черным Джеком. Этот юноша вместе с несколькими такими же беспутными друзьями охотился в лесу. Собаки умчались неизвестно в каком направлении и так далеко, что их уже не было слышно. Погоня была бесполезна; всадники остановились, соскочили с седел и привязали лошадей к деревьям. Лая гончих долго не было слышно, и охотникам стало скучно. Они начали раздумывать, как бы им повеселее провести время.

Неподалеку от них колот дрова мальчик-негр, один из рабов с соседней плантации. Все они знали мальчика очень хорошо.

— Давайте устроим забаву с этим черномазым, — предложил один из охотников.

— Какую забаву?

— Да возьмем и повесим его ради шутки!

Предложение, конечно, вызвало общий смех.

— Шутки в сторону! — заметил первый. — Я давно хотел узнать, как долго может негр висеть, не умирая. Это очень интересно.

— И я тоже, — присоединился другой.

— Ну и я не прочь! — добавил третий.

Предложение понравилось всем и показалось весьма занятным.

— Давайте только сначала устроим над ним суд! Лучше начать с этого, — предложил кто-то.

Итак, стали судить негра. Я рассказываю подлинное происшествие!

Несчастливого мальчика схватили, накинули ему на шею петлю и вздернули на сук. В этот момент свора гончих выгнала на поляну оленя. Охотники бросились к лошадям и в суматохе забыли перерезать веревку, на которой висела жертва их дьявольской забавы. Один надеялся на другого, и все, в общем, забыли это сделать. Когда охота кончилась и они вернулись назад, негр все еще висел на суку — он был мертв!

Было произведено судебное следствие, скорее настоящая пародия на следствие! Судьи и присяжные были родственниками преступников. И приговор гласил: уплатить стоимость негра. Владелец негра остался вполне доволен ценой, а правосудие было, или, по-видимому, было, удовлетворено. Сам Джек слышал, как сотни белых христиан, узнавших об этом подлинном факте, от души потешались над такой замечательной шуткой. Об этом часто рассказывал и сам Аренс Ринггольд.

На другом берегу Атлантического океана вы воздеваете руки к небу и восклицаете: «Какой ужас!» Вы убеждены в том, что у вас нет рабов и нет подобных зверств. Вы жестоко ошибаетесь! Я рассказал вам исключительный случай, где речь шла об одной жертве. Страна рабочих домов и тюрем!¹ Имя твоим жертвам — легион!

Христианин, ты улыбаешься! Ты выставляешь напоказ свое сострадание. Но ведь ты сам создал нищету, которая вызывает в тебе это сострадание к ближнему. Ты всецело поддерживаешь и с легким сердцем приемлешь систему общества, которая порождает человеческие страдания. И хотя ты пытаешься успокоить себя, объясняя преступления и нищету естественными законами природы, но против природы нельзя выступать безнаказанно.

Напрасно вы будете пытаться ускользнуть от личной ответственности! Вы ответите перед лицом высшей спра-

¹ Майн Рид имеет в виду Англию, где 14 августа 1834 года был принят закон о рабочих (рабочих) домах, в которых с призреваемыми безработными обращались как с каторжанами.

ведливости за каждую пролитую слезу, за каждую язву на теле ваших жертв!

* * * * *

Разговор о беглых рабах, естественно, заставил меня вспомнить о другом, более таинственном происшествии, случившемся со мной накануне. Я упомянул о нем, и все попросили меня рассказать подробнее. Я выполнил их просьбу, конечно не допуская и мысли, чтобы покушаться на мою жизнь мог Желтый Джек. Многие из участников обеда знали историю мулата и обстоятельства его смерти.

Но меня удивило одно: почему, когда я произнес его имя и при этом рассказал о торжественном заверении моего черного оруженосца, — почему же Аренс Ринггольд вдруг побледнел, вздрогнул и, наклонившись к отцу, шепнул ему что-то на ухо.

Глава XXXI

ВОЖДИ-ИЗМЕННИКИ

Вскоре после этого я вышел из-за стола и отправился прогуляться по форту.

Солнце уже зашло. Был отдан приказ не покидать пределов форта, но это относилось только к солдатам. Поэтому я решил выйти за ворота.

Тайный зов сердца увлекал меня вперед. В индейском лагере были жены вождей и воинов, их сестры и дочери... Почему бы и ей не прийти сюда вместе с остальными?

Внутренний голос говорил мне, что она здесь, хотя я и напрасно искал ее в течение целого дня. Ее не было среди женщин, которые толпились на совете: я внимательно вглядывался во все женские лица и не пропустил ни одного.

Я решил отправиться в лагерь семинолов. Там я найду палатку Оцеолы, там могу встретить и Маюми!

Пойти в индейский лагерь сейчас неопасно, так как даже враждебные вожди еще были с нами в мире, а Пауэлл, разумеется, по-прежнему оставался моим другом. Он защитил бы меня от всех опасностей и оскорблений. Я испытывал страстное желание пожать руку молодому воину — причина сама по себе достаточная, чтобы искать с ним встречи.

Мне хотелось пробудить в нем дружеское доверие прошлых лет, поговорить о милых сердцу временах, вспомнить счастливые дни безмятежной юности. Я надеялся, что суровый долг вождя и полководца еще не ожесточил его мягкое и отзывчивое сердце. Несправедливости, причиняемые белыми, несомненно озлобили и восстановили его против нас (и совершенно заслуженно!), но все же я не боялся, что гнев его обрушится на меня. Как бы то ни было, я решил отыскать его и еще раз протянуть ему руку дружбы.

Я собирался уже тронуться в путь, как вдруг вестовой передал мне приказание генерала немедленно явиться в штаб.

Я был огорчен, но делать нечего — приказу надо повиноваться!

В штабе находились агент и высшие офицеры, а также Ринггольды и еще несколько штатских, которые считались важными лицами.

Вождя, я увидел, что у них происходило совещание, на котором обсуждался разработанный ими план действий.

— План превосходный, — сказал генерал Клинч, обращаясь к остальным, — но как нам встретиться с Оматлой и Черной Глиной? Если мы пригласим их сюда, то это вызовет подозрение: они не могут проникнуть в форт незамеченными.

— Генерал Клинч, — сказал Ринггольд-старший, самый хитрый дипломат из присутствующих, — а что, если бы вы и генерал Томпсон встретились бы с дружественными вождями за пределами форта...

— Совершенно верно, — прервал его агент, — и я уже позаботился об этом. Я послал человека к Оматле, чтобы узнать, где мы можем встретиться с ним тайно. Конечно, удобнее всего встретиться на нейтральной почве... Но вот он вернулся, я слышу его шаги.

В этот момент вошел один из переводчиков, участвовавших в совещании. Он прошептал на ухо агенту несколько слов и удалился.

— Все в порядке, господа! — объявил агент. — Оматла встретит нас через час вместе с Черной Глиной. Местом свидания они назначили Болотистый овраг, к северу от форта. Мы можем пройти туда незаметно. Итак, идем, генерал?

— Я готов, — ответил Клинч, накидывая на плечи плащ. — Но как быть с переводчиками, генерал Томпсон?

Можно ли доверить им такую важную военную тайну?

Агент, видимо, колебался.

— Это, может быть, и неразумно,— ответил он как бы в раздумье.

— Ничего, ничего,— успокоил его Клитч.— Я думаю, что мы обойдемся и без них... Лейтенант Рэндольф,— обратился он ко мне,— вы свободно владеете языком семинолов?

— Не вполне свободно, генерал, но объясниться могу.

— Переводить сможете?

— Думаю, что да, генерал.

— Отлично. Тогда вы отправитесь с нами.

Это нарушало все мои планы. Однако, подавив чувство досады, я молча повиновался и последовал за агентом и генералом, который скрыл свои знаки различия под плащом и надел простую офицерскую фуражку.

Мы вышли из ворот и, минуя форт, повернули к северу. Лагерь индейцев находился на юго-западе. Их палатки были разбросаны вдоль края широкой полосы леса, простиравшейся на север. Другой лес был отделен от него саванной и прогалинами, поросшими высокими соснами. Здесь-то и находился Болотистый овраг. Он был в полумиле от форта. Благодаря темноте мы дошли туда никем не замеченные. Когда мы прибыли, вожди уже ожидали нас. Они стояли под тенью деревьев у края пруда.

Я приступил к своим обязанностям, даже и не подозревая, что они окажутся столь неприятными.

— Спросите Омаглу о численности его племени, племени Черной Глины и других вождей, стоящих на нашей стороне.

Я перевел этот вопрос.

— Эти племена составляют одну треть всех семинолов,— последовал ответ.

— Скажите, что дружественно настроенным вождям будет выдано десять тысяч долларов по прибытии на Запад. Эту сумму они могут разделить между собой как пожелают. Она будет уплачена независимо от денежного пособия, которое получит все племя.

— Хорошо,— одновременно проворчали вожди, когда им разъяснили сущность этого предложения.

— Как думают Омагла и его друзья: будут ли завтра на совещании все вожди?

— Нет, не все.

— А кого же не будет?

Вожди уже ожидали нас.

— Мико-мико не придет.

— Вот как! Уверен ли Омата в этом?

— Да, уверен. Онопа свернул свои палатки и уже покинул лагерь.

— Куда он ушел?

— Назад, в свое поселение.

— А его люди?

— Большинство из них ушли с ним.

Несколько минут оба генерала шепотом переговаривались между собой, но я не слышал их разговора. По-видимому, они были весьма удовлетворены этими важными сведениями.

— А какие еще вожди могут завтра не явиться?

— Только вожди племени Красные Палки.

— А Хойтл-мэтти?

— Нет, он здесь, и он останется.

— Спросите их, как они думают: будет ли завтра на совещании Оцеола?

По тому, с каким напряжением оба генерала ожидали ответа, я понял, что это интересовало их больше всего.

— Что? Оцеола? — воскликнули вожди. — Конечно, Восходящее Солнце придет непременно. Он хочет знать, чем все это кончится.

— Отлично! — невольно вырвалось у агента, и он снова принялся шептаться с генералом.

На этот раз я расслышал, о чем они говорили.

— По-видимому, само провидение помогает нам. Я почти уверен, что мой план осуществится. Одно слово может довести неосторожного индейца до вспышки гнева, а может быть, и похуже... И я легко найду предлог арестовать Оцеолу. Теперь, когда Онопа со своими приверженцами удался, мы можем смело глядеть в глаза любым неожиданностям. Примерно половина вождей стоит за нас, так что остальные мерзавцы вряд ли окажут сопротивление.

— О, этого нечего бояться! — заявил генерал Клинч.

— Ну и прекрасно! Раз он окажется в наших руках, всякое сопротивление будет сломлено. Остальные сразу уступят. Ведь именно он запугивает их и не дает подписать договор.

— Верно, — задумчиво произнес Клинч. — Но как правительство? Как вы думаете, одобрит ли оно подобный образ действий?

— Полагаю, что да. Должно одобрить, во всяком случае.

В последней инструкции президента есть намеки в этом роде. Если вы согласны действовать, я принимаю весь риск на себя.

— Тогда я готов подчиняться вашим распоряжениям,— отвечал командующий, который, по-видимому, был склонен одобрить план агента, но отнюдь не склонен был разделить с ним ответственность.— Мой долг — выполнять волю правительства! Я готов сотрудничать с вами.

— Значит, все ясно. Все будет, как мы хотим... Спросите вождей,— обратился Томпсон ко мне, — не побоятся ли они подписать договор завтра?

— Подписать они не боятся, но боятся того, что последует дальше.

— А что последует дальше?

— Они боятся нападения со стороны враждебной партии. Они опасаются за свою жизнь.

— Что же мы можем сделать для их защиты?

— Оматла говорит, что они спасутся, если вы дадите им возможность уехать к их друзьям в Таллахасси¹. Там они пробудут до самого переселения. Они дают слово явиться к вам в Тампу² или туда, куда вы их вызовете.

Два генерала снова начали шепотом совещаться. Это неожиданное предложение необходимо было обсудить.

Оматла тем временем добавил:

— Если нам нельзя будет отправиться в Таллахасси, мы не можем... мы не смеем оставаться здесь, среди своих. Тогда мы должны искать убежища в форте.

— Что касается вашего отбытия в Таллахасси,—ответил агент,— то мы рассмотрим этот вопрос и дадим вам ответ завтра. А пока что вам нечего опасаться. Это главный военный вождь белых, он защитит вас!

— Да,— сказал Клинч, приосанившись.— Мои воины многочисленны и сильны. Их много в форте и еще больше в пути сюда. Вам нечего бояться.

— Это хорошо,— ответили вожди.— Если нам придется плохо, мы будем искать у вас защиты. Вы обещали ее нам — это хорошо!

— Спросите вождей,— обратился ко мне агент, которого осенила новая мысль, — не знают ли они, явится завтра на собрание Холата-мико?

¹ Т а л л а х а с с и — город во Флориде, столица штата. Первое поселение белых на этом месте было основано в 1818 году.

² Т а м п а — порт на западном побережье Флориды.

— Сейчас мы этого не знаем. Холата-мико не открыл своих намерений. Но скоро мы это узнаем. Если он собирается остаться, то до восхода солнца его палатки не будут свернуты. Если нет — то они будут убраны до заката луны. Луна заходит, и мы скоро узнаем, уйдет он или останется.

— Палатки вождей видны из форта?

— Нет. Они скрыты за деревьями.

— Вы сможете сообщить нам о Холата-мико?

— Да, но только на этом же месте. В форте наш посланец будет замечен. Мы можем вернуться сюда сами и встретить одного из вас.

— Правильно, так будет лучше,— ответил агент, довольный ходом событий.

Прошло несколько минут. Оба генерала продолжали шепотом совещаться. Вожди стояли в стороне, неподвижные и молчаливые, как статуи. Наконец генерал Клинч обратился ко мне:

— Лейтенант! Вы подождете здесь возвращения вождей. С ответом явится прямо ко мне в штаб.

Последовал обмен поклонами. Два американских генерала отправились к себе в форт, а индейские вожди исчезли в противоположном направлении.

Я остался один.

Глава XXXII

ТЕНИ НА ВОДЕ

Я остался наедине со своими мыслями. Мысли эти были окрашены чувством горечи. Виною тому было несколько причин. Мои радужные планы были разрушены, мое сердце жаждало вернуться к светлым и тихим радостям дружбы, но меня раздирали сомнения, меня мучили неопределенность и неизвестность.

Смятение мое усугублялось и другими чувствами. Роль, которую мне надо было играть, казалась мне отвратительной. Я сделался орудием коварства и зла, мне пришлось начинать свою военную карьеру с участия в заговоре, основанном на подкупе и измене. И хотя я действовал не по своей воле, я чувствовал всю постыдность своих обязанностей и выполнял их с непреодолимым отвращением.

Даже прелесть тихой ночи не успокаивала меня. Мне казалось, что к моему настроению больше подошла бы буря.

И все-таки это была удивительная ночь! Земля и воздух застыли в безмолвном покое. Порой по небу проносились белые перистые облачка, но они были так прозрачны, что закрывали лунный диск лишь легкой серебряной дымкой, и он лил на лес свой яркий свет, не теряя ни одного ослепительного луча. Блистательное великолепие лунного света, отражаясь от глянцевиных листьев лавров, преображало весь лес, в нем как будто сверкали миллионы зеркал. Особый эффект этой картине придавали светляки. Они целыми тучами летали под тенью деревьев и освещали темные своды леса разноцветными искрами — алыми, синими, золотыми... Они носились то вверх, то вниз, то прямо, то кружась, как бы двигаясь в лабиринте какого-то сложного танца.

Среди этого сверкающего великолепия лежало маленькое озеро, тоже блиставшее, как зеркало, в резной прямоугольной оправе.

Воздух был напоен сладчайшими благоуханиями. Ночь была довольно свежая, но не холодная. Многие цветы не закрыли свои венчики — не все они были помолвлены с солнцем, некоторые из них дарили свои ароматы луне. Кругом цвели сассафрас и лавры, и их запах, смешиваясь с запахом аниса и апельсина, наполнял воздух восхитительным ароматом.

Всюду царила тишина, но это не было безмолвие. Южные леса ночью никогда не бывают безмолвны. Древесные лягушки и цикады начинают свой пронзительный концерт вскоре после захода солнца, а прославленный певец американских лесов — пересмешник лучше всего поет при лунном свете. Один из них сидел на высоком дереве у края озера и как будто старался развеять мою грусть самыми разнообразными мелодиями.

Я слышал и другие звуки: гул солдатских голосов из форта, сливавшийся с отдаленным шумом в индейском лагере. Иногда кто-то громко нарушал монотонную тишину бранью, восклицанием или смехом.

Не знаю, сколько времени прождал я возвращения индейцев — час, два или больше. Я определял время по движению луны. Индейцы сказали, что Холата либо покинет лагерь раньше, чем зайдет сияющий диск луны, либо останется. Часа через два все выяснится, и я буду свободен. Мне

пришлось весь день пробыть на ногах, и я устал до полусмерти. Среди обломков скалы у самого озера я отыскал камень поудобнее и опустился на него.

Я устремил взгляд на озеро. Половина его лежала в тени, а на другую падали серебряные лунные лучи и, пронизывая прозрачную воду, освещали ее так, что видны были белые раковины и светлая галька на дне. Вдоль линии, где встречались свет и тьма, вырисовывались силуэты благородных пальм. Их высокие стволы и пышные кроны, казалось, уходили далеко вниз, к самым глубинам земли, как будто они принадлежали к другому, более блистательному небосводу, лежащему у моих ног. Пальмы, отраженные в воде, росли на холмистом гребне, который простирался вдоль западного берега озера и заслонял лунный свет.

Некоторое время я сидел, глядя на это подобие небосвода, и глаза мои машинально следили за огромными веерообразными верхушками пальм. Вдруг я вздрогнул, заметив на поверхности воды чье-то отражение. Этот образ, или, скорее, тень, внезапно появился среди стволов пальм. Это была, очевидно, человеческая фигура, хотя и увеличенная в размерах... да, без сомнения, человеческая, но не мужская.

Маленькая, ничем не покрытая голова, изящная покатошь плеч, мягкие, округлые очертания стана и длинная широкая одежда, складками ниспадавшая на землю, — все это убедило меня, что передо мной женщина. Когда я впервые заметил ее, она шла между рядами пальм. Вскоре она остановилась и несколько секунд стояла неподвижно. Тогда-то я и заметил, что это женщина. Моим первым побуждением было повернуться и взглянуть на ту, чье отражение было так привлекательно. Я находился на западной стороне озера, и холмы простирались позади меня, так что я не мог видеть ни их вершин, ни пальм. Даже поднявшись с места, я все равно ничего не мог заметить, потому что огромный дуб, под которым я сидел, заслонял мне весь вид. Я быстро сделал несколько шагов в сторону и увидел вершины холмов и пальмы. Но женщина скрылась. Я пристально оглядывал холмы, но там никого не было. Я видел только веерообразные кроны пальм. Затем я снова вернулся на свое место и стал глядеть на воду. Пальмы так же отражались в воде, но отражение женщины исчезло.

В этом не было ничего удивительного. Я решил, что это не галлюцинация. Просто кто-то был на холме — очевидно,

женщина — и сошел вниз, под тень деревьев. Это было естественное объяснение, и я им удовлетворился.

В то же время безмолвный призрак не мог не возбудить во мне любопытства, и вместо того чтобы сидеть, отдаваясь мечтательным размышлениям, я встал, озираясь кругом и напряженно прислушиваясь.

Кто могла быть эта женщина? Конечно, индианка. Белая женщина не могла очутиться в таком месте в такое время. Да и по одежде это, несомненно, была индианка. Что же делала она здесь одна, в этом уединенном месте?

На этот вопрос нелегко было ответить. Впрочем, тут не было ничего странного. У детей лесов время движется по-иному, не так, как у нас. Ночь, так же как и день, может быть заполнена делами и развлечениями. Ночная прогулка индианки могла иметь свою цель. Может быть, она просто вздумала выкупаться... А может быть, это влюбленная девушка, которая под сенью уединенной рощи назначила свидание своему возлюбленному...

Внезапно боль пронзила мое сердце, как отравленная стрела: «А вдруг это Маюми?»

Трудно передать словами, как неприятно подействовала на меня эта мысль. Уже весь день я находился под впечатлением тяжелого подозрения, возникшего у меня после нескольких слов, брошенных в моем присутствии одним молодым офицером. Они относились к красивой девушке-индианке, по-видимому хорошо известной в форте. В тоне молодого человека я уловил хвастливость и торжество. Я внимательно слушал каждое слово и наблюдал не только за выражением лица говорившего, но и его слушателей. Я должен был решить, к какой из двух категорий — хвастунов или победителей — я должен его отнести. Судя по собственным словам офицера, его тщеславию был нанесен удар, а его слушатели, или, во всяком случае, большинство из них, допускали, что он достиг полного счастья.

Имени девушки названо не было. Не было никаких явных намеков, но слов «индианка» и «красавица» уже было достаточно, чтобы сердце мое тревожно забилося. Конечно, я мог бы легко успокоить себя, задав офицеру простой вопрос. Но именно этого-то я и не решился сделать. Поэтому весь день я терзался неизвестностью и подозрениями. Вот почему я был вполне подготовлен к той мучительной догадке, которая промелькнула у меня, когда я увидел отражение в воде.

Но терзания мои продолжались недолго. Облегчение наступило быстро, почти мгновенно. По берегу озера проскользнула темная фигура; она появилась в ярком озарении лунного света, шагах в шести от меня. Я мог ясно рассмотреть ее. Это была женщина-индианка. Но не Маюми!

Глава XXXIII

ХАДЖ-ЕВА

Я увидел перед собой высокую женщину средних лет, которая когда-то была красавицей, а потом подверглась бесчестию и поруганию. Она сохранила следы былой красоты, которые не могли совершенно изгладиться. Так статуя греческой богини, разбитая руками вандалов, даже в осколках сохраняет свою величайшую ценность.

Она еще не совсем утратила свое обаяние. Есть люди, которые восхищаются зрелой красотой, для них она еще могла казаться привлекательной. Время пощадило благородные очертания ее груди, ее полных, округлых рук. Я мог судить об этом, ибо весь ее стан, обнаженный до пояса, как в пору ее детства, предстал передо мной, облитый ярким лунным светом. Только черные волосы, в диком беспорядке рассыпавшиеся по плечам, немного прикрывали ее тело. Время пощадило и их: в роскошных косах, черных, как вороново крыло, не виднелось ни одной серебряной нити. Время не тронуло и ее лица. Все сохранилось — и округлость подбородка, и овал губ, и орлиный нос, с тонким, изящным изгибом ноздрей, и высокий, гладкий лоб, но глаза... Что это? Почему в них такой неземной блеск? Почему в них такое дикое, бессмысленное выражение? Ах, этот взор! Милосердное небо! Эта женщина безумна!

Увы, это было верно! Передо мной стояла сумасшедшая. Ее взгляд мог убедить даже случайного наблюдателя, что разум здесь был низвергнут с трона. Но мне не надо было смотреть ей в глаза — я знал историю всех ее несчастий. Не раз мне приходилось встречаться с Хадж-Евой¹, сумасшедшей королевой племени микосоков.

¹ Буквально: безумная женщина; от *Нажо* — безумный и *Ева*, или *Авах*, — женщина. Филологи обратили внимание на сходство этого слова племени микосоков с еврейским именем, означающим «мать человечества». (Примеч. автора.)

При всей ее красоте нетрудно было испугаться, даже больше того — прийти в ужас: вместо ожерелья у нее на шее была зеленая змея, а пояс вокруг талии, ярко блиставший в лунном свете, тоже оказался телом огромной извивающейся гремушей змеи.

Да, оба пресмыкающихся были живые существа: голова маленькой змеи опустилась на грудь женщине, а более опасная змея обвилась вокруг ее талии; ее хвост с погремушками висел сбоку, а между пальцами безумная держала голову змеи, глаза которой сверкали, как брильянты.

Голова Хадж-Евы не была ничем покрыта, но густые черные волосы защищали ее от солнца и ливня. На ногах у нее были мокасины, скрытые длинной «хунной», спускавшейся до земли. Это была ее единственная одежда, богато вышитая бисером, украшенная перьями зеленого попугая и отороченная перьями дикой утки и мехом хищных животных.

Я мог испугаться, если бы встретил ее первый раз в жизни. Но я видел все это раньше: зеленую змею и гремучую змею — кроталус, и длинные пряди волос, и дикий блеск безумных глаз. Все это было безопасно, безвредно — по крайней мере, для меня.

— Хадж-Ева! — позвал я, когда она подошла.

— Ие-ела!¹ — воскликнула она с изумлением. — Молодой Рэндольф! Вождь бледнолицых! Ты не забыл бедную Хадж-Еву?

— Нет, Ева, не забыл. Кого вы здесь ищите?

— Тебя, мой маленький мико.

— Меня?

— Да, тебя. Не ищю, а нашла.

— А что вам от меня надо?

— Только спасти твою жизнь, твою молодую жизнь, милый мико! Твою прекрасную жизнь, твою драгоценную жизнь... Ах, драгоценную для нее, бедной лесной птички! Ах, кто-то был драгоценным и для меня давно, давно! Хо, хо, хо!²

Зачем я поверила нежным словам
И с белым бродила по темным лесам?
Хо, хо, хо!

¹ Восклицание удивления, обычно произносимое протяжно. (Примеч. автора.)

² Буквально. «Да, да, да!» (Примеч. автора.)

Зачем обманул меня лживый язык
И ядом в невинное сердце проник?
Хо, хо, хо!

Тише, читта-мико!¹ — воскликнула она, прерывая песню и обращаясь к змее, которая, завидев меня, вытянула шею и начала проявлять явные признаки ярости. — Тише, король змей! Это друг, хотя и в одежде врага! Тише, а не то я разможжу тебе голову!.. Ие-ела! — снова воскликнула она, как бы пораженная новой мыслью. — Я теряю время на старые песни! Он исчез, он исчез, и его не вернуть! А зачем я пришла сюда, молодой мико? Зачем пришла?

Она провела рукой по лбу, как будто стараясь что-то вспомнить.

— А, вспомнила! Халвук!² Я напрасно теряю время! Тебя могут убить, молодой мико, тебя могут убить, и тогда... Иди, беги, беги назад в форт и запишись там, оставайся со своими людьми, не уходи от своих синих солдат... Не разгуливай по лесам! Тебе грозит опасность.

Серьезность ее тона поразила меня, и, вспоминая вчерашнее покушение на мою жизнь, я почувствовал смутную тревогу. Я знал, что у безумной бывали моменты просветления, когда она рассуждала и действовала вполне разумно и даже с удивительной ясностью сознания. Вероятно, сейчас и был один из таких моментов. Узнав о готовящемся на меня покушении, она пришла предупредить меня.

Но кто мог быть моим смертельным врагом и как могла она узнать о его замыслах?

Решив выяснить это, я сказал ей:

— У меня нет врагов. Кто может желать моей смерти?

— Говорю тебе, мой маленький мико, что у тебя есть враги. Ие-ела! Разве ты не знаешь этого?

— Но я ни разу в жизни не причинил зла ни одному индейцу!

— Индейцу? Разве я сказала — индейцу? Нет, милый Рэндольф. Ни один краснокожий во всей стране семинолов не тронет и волоска на твоей голове. А если бы такой и нашлся, то что сделал бы Восходящее Солнце? Он сжег бы

¹ Читта-мико — «король змей»; так семинолы называют гремучую змею, самую удивительную змею в их стране. Они испытывают суеверный страх перед этим пресмыкающимся. (Примеч. автора.)

² Халвук — плохо.

его, как сжигает лесной пожар. Не бойся краснокожих. Твои враги — люди другого цвета.

— Ах, вот что! Не красные? Так кто же это?

— Есть белые, а есть и желтые.

— Что за чушь, Ева! Я не причинил вреда ни одному белому!

— Дитя! Ты ведь только маленький олененок. Видно, мать не рассказала тебе о хищных зверях, которые рыскают по лесу. Бывают такие злые люди, они становятся твоими врагами без всякой причины. Тебя хотят убить те, кому ты никогда в жизни не сделал зла.

— Но кто они? И за что?..

— Не спрашивай, дитя! Сейчас на это нет времени. Скажу тебе только одно: ты владелец богатой плантации, где негры делают для тебя синюю краску. У тебя красивая сестра, очень красивая. Разве она не похожа на лунный луч? И я когда-то была красива... так говорил он. Ах, как плохо быть красивой! Хо, хо, хо!

Зачем я поверила нежным словам,

Хо, хо, хо!

И с белым бродила...

Халвук! — воскликнула она и опять внезапно перестала петь.— Я сумасшедшая, но помню... Иди, уходи! Говорю тебе, уходи! Ты ведь олень, и охотники гонятся за тобой. Ступай в форт, беги, беги!

— Я не могу, Ева. У меня здесь есть дело. Я должен ждать, пока кто-нибудь не придет сюда.

— Пока кто-нибудь не придет сюда? Плохо! Скоро сюда придут *они*!

— Кто?

— Твои враги, те, которые хотят убить тебя. А бедная лань умрет, ее сердце изойдет кровью. Она сойдет с ума и станет такой же, как Хадж-Ева!

— О ком ты говоришь?

— Тише, тише! Поздно! Они идут! Они идут! Видишь их тени на воде?

Я взглянул в том направлении, куда указывала Ева. Действительно, над озером, там, где я раньше увидел Еву, показались какие-то тени. Это оказались мужчины, их было четверо. Они шли между пальмами вдоль холмов. Через несколько секунд тени исчезли. Видимо, люди спустились по склону и вошли в лес.

— Слишком поздно! — прошептала сумасшедшая, сознание которой в этот миг как будто окончательно прояснилось. — Тебе нельзя выходить на прогалину. Они заметят тебя... Ты должен скрыться в чаще... Сюда! — продолжала она, хватая меня за руку. Затем сильным движением она подтолкнула меня к стволу дуба. — Это твоя единственная надежда на спасение. Быстрее вверх! Спрячься там! Ни слова, пока я не вернусь! Хинклас!¹

Сказав это, моя странная советчица отступила в тень деревьев, проскользнула в чащу и скрылась из виду. Я последовал ее указанию, влез на дуб и, примостившись на огромном суку, спрятался для безопасности за гирляндами серебристой тилландсии. Свисая с ветвей, они образовали вокруг подобие прозрачного занавеса, который делал меня совершенно невидимым. А сам я сквозь густую листву видел озеро — по крайней мере, ту часть, которая была освещена луной.

Сначала мне показалось, что я играю очень нелепую роль.

Вся эта история с врагами, угрожающими моей жизни, могла быть просто безумной фантазией помраченного сознания. А люди, чьи тени я видел, может быть, и были теми индейцами, которых я ожидал. Не найдя меня на условленном месте, они, пожалуй, уйдут обратно. С каким же докладом я явлюсь тогда к генералу? Все это было и смешно и нелепо, но для меня могло кончиться весьма печально. Поразмыслив, я уже готов был спуститься на землю и рискнуть показаться пришельцам, кто бы они ни были, но вдруг сообразил, что вождей было только двое, а теней четыре! И я решил пока остаться в укрытии.

Конечно, вождей могли сопровождать их воины для охраны, что было не лишним, принимая во внимание предательский характер их миссии. Но, несмотря на то что тени двигались быстро, я успел рассмотреть, что это не индейцы. На них не было ни длинных одежд, ни уборов из перьев на голове. Мне даже показалось, что на них надеты шляпы, которые носят белые. Последнее соображение заставило меня подчиниться приказанию Хадж-Евы. Да и другие обстоятельства укрепляли меня в этом решении: странные утверждения индианки, ее осведомленность в событиях, таинственные намеки на хорошо известных мне лиц и на вчерашнее

¹ Х и н к л а с — хорошо.

происшествие. Обдумав все это, я решил остаться на своей наблюдательной вышке еще хотя бы несколько минут.

Меня могли обнаружить скорее, чем я ожидал. Не двигаясь, едва дыша, я зорко следил за тем, что происходило кругом, и чутко ловил каждый звук.

Терпение мое не подверглось долгому испытанию. Я увидел и услышал нечто такое, отчего мороз прошел у меня по коже, а кровь застыла в жилах. Через пять минут мне пришлось убедиться, что в человеческом сердце может таиться такое безграничное зло, о котором я никогда в жизни не слышал и даже не читал в книгах.

Передо мной один за другим прошли четыре демона. Без сомнения, это были демоны, потому что их взгляды, слова, движения и намерения — все, что я видел и слышал, полностью оправдывало это название. Они обошли вокруг озера. Я рассмотрел их лица, озаренные лунным светом: бледное, худое лицо Аренса Ринггольда, зловещие, орлиные черты Спенса, круглую зверскую рожу забияки Уильямса...

Но кто же был четвертый?

Неужели я брежу? Или мои глаза обманывают меня? Неужели все это происходит в действительности? Или чувства изменили мне? Или это только случайное сходство? Нет! Нет! Нет! Это не призрак — это живой человек. Эти черные курчавые волосы, эта желто-коричневая кожа, эта фигура и походка — все, все его! Милосердный боже! Это он — Желтый Джек!

Глава XXXIV

ДЬВОВЬСКИЙ ЗАГОВОР

Оспаривать это — значило сомневаться в достоверности собственных чувств. Передо мной стоял мулат, такой, каким я его помнил, только он был в другом платье и, пожалуй, немного потолстел. Но черты лица и общий облик были те же — передо мной стоял Желтый Джек, бывший дровосек с нашей плантации.

Но неужели это был он? Да еще в обществе Ринггольда, одного из своих самых активных и жестоких преследователей и мучителей. Нет, это невероятно, невозможно! Или я заблуждался и мои глаза обманывали меня?

Но нет! Ибо как достоверно то, что я видел человека, так

же неоспоримо было и то, что этот человек — мулат Джек. Он стоял не более чем в двадцати футах от того места, где я притаился в ветвях, луна освещала его почти как днем. Я мог уловить давно знакомое мне злобное выражение его глаз, его омерзительные гримасы. Да, это был Желтый Джек!

Вдобавок я вспомнил, как вчера Черный Джек, несмотря на все мои убеждения и насмешки, не хотел сдаваться и признать, что это был человек, только похожий на мулата. Негр стоял на своем: он видел самого Желтого Джека или его призрак и был так твердо убежден в этом, что я не мог его поколебать.

Я вспомнил и о другом обстоятельстве — о странном поведении Ринггольдов во время послеобеденного разговора. Уже тогда оно привлекло мое внимание. А сейчас я совсем был сбит с толку. Здесь передо мною стоял человек, которого все считали мертвым, и с ним трое деятельных пособников его гибели, причем один из них был его самым жестоким палачом. Теперь же все четверо, по-видимому, стали закадычными друзьями. Как объяснить это чудесное восхождение из мертвых и примирение с врагами?

Я терялся в догадках. Тайна была слишком сложна, чтобы разрешить ее в течение одной минуты. И мне так и не удалось бы разгадать ее, если бы сами заговорщики не помогли мне в этом.

Мне удалось подслушать их беседу. И то, что я услышал, убедило меня не только в том, что Желтый Джек все еще живет на этом свете, но и что Хадж-Ева сказала правду, утверждая, что жизнь моя в опасности.

— Ах, черт побери! Его здесь нет. Куда же он мог провалиться? — воскликнул Ринггольд. По тону его голоса чувствовалось, что он и раздражен и удивлен.

Как выяснилось из слов его собеседника, этот вопрос касался меня. Уильямс, голос которого я сразу узнал, спросил:

— Вы уверены, Аренс, что он не вернулся в форт вместе с генералами?

— Совершенно уверен. Я стоял у ворот, когда они вернулись. Их было только двое — генерал и агент. Но вопрос вот в чем: не ушел ли он от озера вместе с ними? Какого дурака мы свалили! Напрасно мы не последовали за ними, когда они шли сюда. Поспей мы вовремя, мы узнали бы, где они расстались. Но кто же мог подумать, что он отстанет от

них? Если бы я только знал... Ты говоришь, Джек, что идешь прямо из индейского лагеря. Он не мог заметить тебя?

— Карахо! ¹ Конечно, нет, сеньор Аренс!

Этот голос, это старое испанское богохульство были мне знакомы с детских лет. Если у меня еще оставались какие-то сомнения, теперь они исчезли. Слух подтвердил то, чему не верили глаза. Это был Желтый Джек! Он продолжал:

— Я иду прямо из лагеря семинолов. Я встретил только двух вождей. Я спрятался под пальмами, и они меня не заметили. Уверен, что не заметили.

— Черт его дери, куда он провалился? И след его простыл. Я знаю, что у него могли быть основания отправиться в индейский лагерь, — да, это я знаю. Но как он сумел ускользнуть и не попался на глаза Джеку?

— А может быть, он пошел в обход другой дорогой? — предположил Уильямс.

— Через открытую равнину?

— Нет, это маловероятно, — ответил Ринггольд. — Одно только и остается теперь думать: что он расстался с генералами, не дойдя до ворот форта, и пошел вдоль ограды к дому маркитанта.

Все это Ринггольд произнес, как бы разговаривая сам с собой.

— Дьявол! — воскликнул он нетерпеливо. — Второго такого случая и не дождешься.

— Не бойтесь, мистер Аренс, — успокоил его Уильямс. — Не бойтесь. Скоро начнется война, и такие удобные случаи нам еще подвернутся.

— Мы постараемся их найти! — энергично вмешался Спенс, который заговорил впервые.

— Но решающую роль здесь должен сыграть Джек, господа! Нам ввязываться в это дело нельзя. Это может выплыть наружу, и тогда нам придется туго. А для Джека нет никакой опасности. Ведь он умер — и закон его не изловит!.. Ведь так, Джек, мой желтый мальчик?

— Да, сеньор! Не беспокойтесь, масса Аренс! Я скоро найду подходящий случай. Джек уберет его прочь с дороги, и вы никогда больше о нем не услышите. Я его заманю в ловушку. Вчера я промахнулся. Ружье плохое, дон Аренс. Нельзя с таким ружьем выходить на охоту!

¹ К а р а х о — испанское ругательство.

— В форт он не вернулся, я это знаю, — пробормотал Ринггольд. — Стало быть, он где-то в лагере. Но должен же он когда-нибудь возвратиться домой! Наверно, появится, когда зайдет луна. Он захочет прокрасться домой в темноте... Ты слышишь, Джек, что я говорю?

— Да, сеньор! Джек слышит.

— Ты сумеешь воспользоваться случаем?

— Да, сеньор! Джек понимает.

— Ну прекрасно! Теперь нам пора отправляться. Слушай меня внимательно, Джек... Если...

Тут голос Ринггольда перешел в шепот, и я мог слышать только отдельные слова. Часто упоминались имена моей сестры и квартирки Виолы. До меня доносились такие обрывки фраз: «один только он стоит нам поперек дороги», «мамашу будет легко уломать», «когда я стану хозяином на их плантации», «заплачу тебе двести долларов...».

Такого рода высказывания убедили меня, что эти два мерзавца еще раньше сговорились убить меня. И этот невнятный разговор был только повторением условий гнусной сделки. Шла торговля о цене за мою жизнь. Неудивительно, что на висках у меня выступил холодный пот и каплями покатился по лбу. Неудивительно, что я сидел на своей вышке, дрожа, как осиновый лист. Я дрожал не столько за свою жизнь, сколько от ужаса и отвращения, которые внушало мне это чудовищное злодеяние. Я дрожал бы еще сильнее, но страшным усилием воли мне удалось сдержать негодование, закипавшее у меня в груди.

У меня хватило самообладания притаиться и замереть. И я поступил весьма благоразумно: если бы в этот момент я обнаружил себя, я не вернулся бы домой живым. Я знал это наверняка и поэтому старался не производить ни малейшего шума, чтобы не выдать тем самым своего присутствия.

А как омерзительно было слушать разговор четырех негодяев, хладнокровно обсуждавших вопрос об убийстве человека! Как будто речь шла о какой-нибудь торговой сделке. И при этом каждый из них предвкушал, какую именно он извлечет прибыль из предстоящей спекуляции.

Не знаю, какое чувство бушевало во мне сильнее — гнев или страх. Но врагов было четверо, и все они вооружены. Я располагал шпагой и пистолетами, но этого оружия недостаточно для борьбы в одиночку с четырьмя отъявленными негодьями. Будь их только двое — скажем, мулат и Ринггольд, — я, вероятно, не стал бы сдерживать своего не-

годования и рискнул бы на открытую встречу с ними, лицом к лицу, а там уж будь что будет! Но я сдержал себя и продолжал тихо сидеть на дереве, пока они не ушли. Я заметил, что Ринггольд и его приспешники отправились в форт, а мулат побрел по направлению к индейскому лагерю.

Глава XXXV

СВЕТ ПОСЛЕ ТЬМЫ

После того как они скрылись, я долго еще сидел не шевелясь. Хаос и смятение царили в моей голове. Я не знал, что думать, как поступить, и сидел как прикованный к дереву. Наконец я попытался спокойно обдумать все, что видел и слышал. Неужели это был фарс, разыгранный, чтобы напугать меня? Нет, ни один из четырех не походил на персонаж из фарса. А дикое и сверхъестественное появление Желтого Джека из загробного мира было слишком драматично, слишком серьезно, чтобы стать эпизодом в комедии.

Пожалуй, скорее, я только что слышал пролог к предполагаемой постановке трагедии, в которой должен был сыграть роль жертвы. Эти люди бесспорно готовили покушение на мою жизнь. Их было четверо, и ни одного из них я никогда ничем серьезно не обидел. Я знал, что все четверо никогда не любили меня. Впрочем, у Спенса и Уильямса не было причин для обиды, разве что давнишняя мальчишеская ссора, давно забытая мной. Но они действовали под влиянием Ринггольда. Что касается мулата, то я понимал причину его вражды ко мне — это была вражда не на жизнь, а на смерть!

Но каков Аренс Ринггольд! Он явно был главой заговора и замышлял убить меня. Образованный человек, равный мне по положению в обществе, джентльмен!

Я знал, что он всегда недолюбливал меня, а за последнее время возненавидел еще больше. Мне известна была и причина. Я стоял преградой на пути к его браку с моей сестрой. По крайней мере, так думал он сам. И он был прав: с тех пор как умер отец, я стал принимать гораздо большее участие в семейных делах. Я открыто заявил, что с моего согласия Ринггольд никогда не будет мужем моей сестры. Я понимал, что он разозлен, но не мог даже представить себе, что гнев способен толкнуть человека на такой дьявольский замысел.

Выражения: «он стоит нам поперек дороги», «мамашу будет легко уломать», «когда я стану хозяином их плантации» — ясно говорили о намерении заговорщиков устранить меня, убить из-за угла.

— Хо! Хо! Молодой мико теперь может сойти, — вдруг раздался голос. — Плохие люди ушли. Хорошо! Скорей спускайся вниз, хорошенький мико, скорей!

Я поспешно повиновался и снова очутился перед безумной королевой.

— Теперь ты веришь Хадж-Еве, молодой мико? Видишь, что у тебя есть враги, целых четыре врага, что твоя жизнь в опасности?

— Ты спасла мне жизнь, Хадж-Ева! Как мне отблагодарить тебя?

— Будь верен ей... верен... верен...

— Кому?

— Великий Дух! Он уже забыл ее! Вероломный молодой мико! Вероломный бледнолицый! Зачем я спасла тебя? Зачем я не позволила твоей крови пролиться на землю?

— Ева!

— Плохо! Плохо! Бедная лесная птичка! Самая красивая из всех птичек! Ее сердце изойдет кровью и умрет, а разум покинет ее!

— Ева, объясни же, в чем дело?

— Плохо! Пусть он лучше умрет, чем бросит ее! Хо, хо! Неверный бледнолицый, о, если бы он умер, прежде чем разбил сердце бедной Евы! Тогда Ева потеряла бы только свое сердце. А голова, голова — это хуже! Хо, хо, хо!

Зачем я поверила нежным словам
И с белым бродила...

— Ева! — воскликнул я с таким жаром, что это заставило ее прервать свою безумную песню. — Скажи, о ком ты говоришь?

— Великий Дух, послушай, что он говорит! О ком? О ком? Здесь больше, чем одна. Хо, хо, хо! Больше, чем одна, а верный друг забыт. Что может сказать Ева? Какую историю может она рассказать? Бедная птичка! Ее сердце изойдет кровью, а разум помешается. Хо, хо, хо! Будут две Хадж-Евы, две безумные королевы микосоков!

— Ради всего святого, не томи ты меня! Милая, добрая Ева, скажи, о ком ты говоришь? Неужели о...

Заветное имя было готово слететь у меня с языка, но я все не решался произнести его.

Я страшился задать вопрос, страшился получить отрицательный ответ.

Но долго колебаться я не мог: я зашел слишком далеко, чтобы отступить, и я слишком долго терзал свое тоскующее сердце. Дольше ждать я был не в силах. А Ева могла рассеять мои сомнения, и я решился спросить ее:

— Не говоришь ли ты о Маюми?

Несколько мгновений безумная молча глядела на меня.

Я не мог проникнуть в тайну ее глаз: последние пять минут в них блистали упрек и презрение. Когда я произнес эти слова, ее лицо выразило крайнее изумление, а затем глаза ее пристально устремились на меня, будто пытаюсь угадать мои мысли.

— Если это Маюми,— продолжал я, не ожидая ее ответа, увлеченный вновь вспыхнувшим чувством,— то знай, что я люблю ее — люблю Маюми!

— Ты любишь Маюми? Все еще любишь ее? — быстро спросила Хадж-Ева.

— Клянусь жизнью...

— Нет! Нет! Не клянись! Это его клятва. А он изменил! Скажи еще раз, мой молодой мико, скажи, что ты говоришь правду, но не клянись...

— Я говорю правду, чистую правду!

— Хорошо! — радостно воскликнула безумная.— Мико сказал правду. Бледнолицый мико правдив, и красавица будет счастлива...

Мы юной любви вспоминаем дни
Под пальмами вдвоем...
Ты вновь на свою голубку взгляни,
На дикую птичку взгляни,
На нежную птичку взгляни!
Она вместе с другом в прохладной тени,
И нежно лепечут в чаше они,
И нет никого кругом!!!

Тише, читта-мико! — воскликнула она, снова обращаясь к гремучей змее.— И ты, окола-читта¹. Успокойтесь вы обе. Это не враг. Спокойно, или я размозжу вам головы...

— Добрая Ева!

¹ Окола-читта — зеленая змея.

— А, ты называешь меня доброй Евой! Но, может быть, наступит день, когда ты назовешь меня злой.— Затем, возвысив голос, она продолжала очень серьезно: — Выслушай меня, Джордж Рэндольф! Если и ты когда-нибудь окажешься злым, если ты изменишь, как он, то знай, что Хадж-Ева станет твоим врагом и читта-мико уничтожит тебя!.. Ты сделаешь это, мой змеинный король, не правда ли? Хо, хо, хо!

Змея как будто поняла ее. Она вдруг подняла голову, ее блестящие глаза василиска замерцали, как будто излучая огненные искры, ее раздвоенный язык высунулся из пасти и чешуйчатые кольца загремели, издавая звук, похожий на «ски-ррр».

— Тихо, тихо! — сказала Ева, успокаивая змею и ловким движением пальцев заставляя ее снова свернуться клубком.— Это не он, читта, не он! Слышишь, ты, король ползучих гадюк! Тише, говорю я!

— Почему ты угрожаешь мне, Ева? Ведь нет причины...

— Хорошо! Я верю тебе, милый мико, мой храбрый мико!

— Но, добрая Ева, объясни, скажи мне...

— Нет! Не теперь, не сегодня вечером. Сейчас нет времени. Взгляни туда, на запад! Нетле-хассе¹ собирается улечься спать. Ты должен уйти. Тебе нельзя бродить в темноте. Ты должен добраться назад в форт, прежде чем зайдет луна. Иди, иди, иди!

— Но я уже сказал тебе, что не могу уйти, пока не закончу своего дела...

— Тогда это опасно... Какое дело? А! Я догадываюсь! Вот идут те, кого ты ждешь.

— Да, я думаю, что это они,— прошептал я.

На противоположном берегу озера появились высокие тени двух вождей.

— Тогда скорей делай свое дело и не теряй времени! — торопила меня Хадж-Ева.— В темноте тебе грозит опасность. Хадж-Ева должна уйти. Доброй ночи, молодой мико, спокойной ночи!

Я тоже пожелал ей спокойной ночи и обернулся к приближавшимся вождям. Тем временем моя странная собеседница скрылась.

Индийцы вскоре вышли на берег и коротко сообщили

¹ Нетле-хассе — «ночное солнце», то есть луна. (Примеч. автора.)

мне ответ для генерала. Оказалось, что Холата-мико снял свои палатки и покинул лагерь!

Два изменника были настолько противны и омерзительны, что мне не хотелось ни одной лишней минуты оставаться в их компании. Получив необходимые сведения, я тут же поспешил избавиться от них.

Предупрежденный Хадж-Евой и учитывая сказанное Аренсом Ринггольдом, я, не тратя времени, направился к форту. Луна стояла все еще над горизонтом, и в ее ярком свете я был огражден от опасности внезапного нападения.

Я шел быстро, из предосторожности выбирая открытые поляны, стараясь держаться подальше от таких мест, где в засаде мог скрываться убийца.

Я никого не увидел ни по пути, ни около форта. Но у самых ворот, недалеко от лавки маркитанта, я заметил человека, притаившегося за сложенными бревнами. Мне показалось, что я узнал мулата.

Я хотел было кинуться на него и разделаться с ним. Но часовой уже отозвался на мой оклик, а мне не следовало поднимать тревогу главным образом потому, что я получил приказ действовать, соблюдая военную тайну. Я решил, что этот «воскресший из мертвых» встретится мне в другой раз, когда я буду не так занят, и тогда мне легче и удобнее будет свести счеты и с ним и с его дьявольскими сообщниками. С этой мыслью я вошел в ворота и отправился с докладом в штаб к генералу.

Глава XXXVI

НУЖЕН ВЕРНЫЙ ДРУГ!

Нельзя назвать особенно приятной перспективу провести ночь под одной крышей с человеком, который собирает вас укокошить. Об отдыхе тут нечего было и думать. Я спал очень мало, да и эти жалкие обрывки сна были полны беспокойных кошмаров.

Я не видел Ринггольдов — ни отца, ни сына. Правда, я знал, что оба они в форте, так как они собирались погостить здесь еще денек-другой. Они или легли спать до моего возвращения, или развлекались у какого-нибудь знакомого офицера.

Не пришлось мне увидеть также ни Спенса, ни Уильямса. Эти достойные молодые люди если даже и торчали где-то

в пределах форта, то, вероятно, помещались вместе с солдатами, и я не стал их разыскивать.

Я пролежал без сна большую часть ночи, раздумывая о странных событиях, или, вернее, о встрече со своими смертельными врагами. В течение целой ночи я ломал себе голову над тем, как мне следует поступить. И когда утренний свет стал проникать через ставни, я все еще не пришел ни к какому решению.

Первой моей мыслью было рассказать обо всем в штабе и потребовать назначения следствия и наказания преступников. Но по зрелом размышлении я решил, что этот план никуда не годится. Какие доказательства мог я привести в подтверждение таких серьезных обвинений? Только мои собственные утверждения, ничем не подкрепленные и даже маловероятные. Кто поверил бы в такое неслыханное злодеяние? Хотя я не сомневался, что задумали убить именно меня, но утверждать этого не мог, так как даже имя мое не называлось. Меня подняли бы на смех, а то и еще хуже. Ринггольды были могущественными людьми, личными друзьями генерала и правительственного агента, и хотя все знали об их тайных, темных делишках, тем не менее они считались джентльменами. Для обвинения Аренса Ринггольда в убийстве надо было найти более веские доказательства. Я предвидел все трудности, связанные с этим, и решил пока сохранить тайну.

Другой план казался мне гораздо более осуществимым: открыто, при всех, бросить Ринггольду в лицо обвинение и вызвать его на смертный бой. Это, по крайней мере, доказало бы правоту моих обвинений.

Но дуэль была запрещена законом. Если начальству станет известно, что я намерен драться, то мне не миновать ареста, и тогда рухнут все мои планы. У меня было свое мнение об Аренсе Ринггольде. Я знал, что мужество этого человека весьма сомнительно. Скорее всего, он струсит. Но, так или иначе, обвинение и вызов на дуэль сыграют свою роль в его разоблачении.

Я склонялся к тому, чтобы избрать именно этот второй путь, но прежде чем я пришел к какому-либо решению, наступило утро. В эту минуту для меня особенно тяжело было не иметь друга — не просто секунданта (такого я мог бы легко найти среди офицеров гарнизона), но закадычного, верного друга, с которым можно было бы говорить обо всем откровенно и который помог бы мне дельным советом.

К несчастью, все офицеры форта были мне совсем незнакомы. Одних только Ринггольдов я знал раньше.

Положение было затруднительное, и тут я вспомнил об одном человеке, который мог дать мне полезный совет. Я решил обратиться к моему старому другу, Черному Джеку.

Утром я вызвал его к себе и рассказал ему всю историю. Джек совсем не удивился. У него самого уже зародились кое-какие подозрения, и он собирался на рассвете поделиться ими со мной. Меньше всего его удивило появление Желтого Джека. Негр даже объяснил, как именно произошло его чудесное спасение. Все это было довольно просто. В тот момент, когда аллигатор схватил мулата, он успел ловко всадить ему нож в глаз, и аллигатор выпустил свою жертву. Желтый Джек последовал примеру молодого индейца и даже воспользовался тем же самым оружием. Все это произошло под водой, так как мулат превосходно нырял. Аллигатор укусил его за ногу, и от этого вода окрасилась в красный цвет, но рана была не страшная и не очень задержала побег мулата. Он плыл некоторое время под водой, стараясь не показываться на поверхности, пока не достиг берега, а затем выбрался на сушу и вскарабкался на дуб, где густая листва скрыла его от взоров мстительных преследователей. Так как он был совершенно голый, обрывки одежды не могли послужить обличающей приметой для охотников за живой дичью. А кровь на воде оказала ему даже дружескую услугу — она окончательно убедила его преследователей, что он сделался жертвой аллигатора, и они прекратили дальнейшие розыски. Таков был рассказ Черного Джека. Он услышал эту историю накануне вечером от одного дружественного индейца в форте, а тот клялся, что слышал это от самого мулата.

Во всей этой истории не было ничего неправдоподобного. И сразу же тайна, тревожившая мой ум, рассеялась. Кроме того, мой верный негр сообщил мне еще и другие интересные сведения. Оказывается, беглый мулат нашел себе пристанище среди одного племени полунегров, обитавшего в болотах у истока реки Амазуры. Он постепенно завоевал у негров популярность и стал пользоваться большим влиянием. Они избрали его вождем, и теперь он именовался у них «Мулат-то-мико».

Одно только оставалось неясным: каким образом сумел он войти в соглашение с Аренсом Ринггольдом?

Впрочем, и тут не скрывалось никакой тайны. У планта-

тора не было особых оснований ненавидеть беглого мулата. Бурная деятельность Ринггольда во время несостоявшейся казни Желтого Джека оказалась искусным притворством. У мулата было гораздо больше оснований для недовольства. Но любовь и ненависть у людей подобного сорта отбрасываются прочь, когда дело идет о шкурных интересах. Эти чувства в любое время могут быть обменены на золото. Без сомнения, белый негодяй пользовался услугами желтого в разных темных делах и, в свою очередь, сам оказывал услуги. Во всяком случае, было очевидно, что оба они, как говорится, «закопали свои томагавки в землю» и теперешние их отношения были самыми дружескими.

— Как ты думаешь, Джек,— спросил я,— не следует ли мне вызвать Аренса Ринггольда?

— Вызвать? А зачем его вызывать, он уже давно шатается по улице. Видно, совесть не дает спать.

— Да я говорю совсем не об этом.

— А что хочет масса сказать?

— Я хочу заставить его драться со мной.

— Вуф! Масса Джордж хочет драться на дуэли... пистоле-том или шпагой?

— Шпаги, пистолеты, винтовки — оружие для меня безразлично.

— Боже милостивый! Не говорите таких страшных вещей, масса Джордж. У вас мать, сестра... Господи! А вдруг вас пуля убьет? Бык иногда убивает мясника. Кто защитит Виргинию, Виолу, всех нас от злых людей? Нет, масса, бросьте это! Не надо его вызывать!

В эту минуту меня самого вызвали. Снаружи раздались звуки горна и бой барабана. Они возвещали сбор на совет. Спорить с Джеком у меня теперь не было времени. Я поспешил туда, куда меня призывал мой долг.

Глава XXXVII

ПОСЛЕДНЕЕ СОВЕЩАНИЕ

Перед нами снова предстала вчерашняя картина: с одной стороны — войска, стоявшие сомкнутыми рядами в синих мундирах, со сверкающим оружием, офицеры в полной форме, с блистающими эполетами; в центре — офицеры штаба, сгруппировавшиеся вокруг генерала, застегнутые на все

пуговицы, в полном блеске военной формы; с другой стороны — полукруг индейских вождей, а за ним толпа воинов, в уборах из перьев, татуированных и живописных. Невдалеке от них ржали уже оседланные кони, другие были привязаны к колышкам и мирно щипали травку. Тут же бродили женщины в длинных хуннах.

Подростки и малыши играли в траве. Флаги, знамена и вымпелы развевались над нашими солдатами, вождями и воинами краснокожих. Били барабаны, трубили трубы. Это была яркая, красочная картина!

Однако, несмотря на все это великолепие, картина была далеко не столь внушительна, как накануне; сразу бросалось в глаза, что многих вождей здесь нет; не хватало примерно и половины всех воинов. Это была уже не вчерашняя несметная толпа, а просто довольно большое скопление людей. Теперь все могли вплотную придвинуться к участникам совета.

Онопы не было. Британская медная корона — блистающий символ королевской власти, — еще вчера красовавшаяся в центре, теперь исчезла. Не было и Холата-мико. Ушли и некоторые другие, менее значительные вожди. Поредевшие ряды воинов показывали, что эти вожди увели с собой людей своего клана.

Большинство оставшихся были из кланов Омата, Черной Глины и Охала. Среди них я увидел также Хойтл-мэтти, Арпиуки, негра Абрама и Карлика-Пашалла с их воинами. Но эти, конечно, остались совсем не для того, чтобы подписать договор.

Я искал глазами Оцеолу. Найти его было нетрудно: лицом и осанкой он заметно выделялся среди прочих. Оцеола стоял с краю, на левой стороне теперь уже небольшого полукруга — может быть, он встал там из скромности — это качество признавалось за ним единодушно. Действительно, среди вождей он был одним из младших и по рождению не имел таких прав, как они. Но, глядя на него, — хотя он стоял последним в ряду, — невольно думалось, что именно он должен главенствовать над всеми.

Как и накануне, в его манерах не было ничего вызывающего. Его осанка была полна величия, хотя держался он свободно. Оцеола скрестил руки на груди в позе отдыхающего человека. Лицо его было спокойно, иногда оно становилось даже мягким и добродушным. Он походил на благовоспитанного человека, ожидающего начала церемонии, в

которой он играет только роль зрителя. Пока еще не произошло ничего такого, что могло бы взволновать его; не было произнесено слова, способного разбудить его ум, который только казался дремлющим.

Но этому покою не суждено продолжаться долго. Скоро эта мягкая улыбка превратится в саркастическую усмешку. Глядя на это лицо, трудно было представить себе, что такое превращение возможно. И, однако, внимательный наблюдатель мог бы это уловить. Молодой вождь напоминал мирное небо перед грозой, спокойный океан, на котором вот-вот разыграется шторм, спящего льва, который, если его тронуть, поднимется в порыве неукротимой ярости.

В последние минуты перед началом совещания я не сводил глаз с молодого вождя. Впрочем, не я один — он был центром, на котором сосредоточилось всеобщее внимание. Но я смотрел на него с особым интересом.

Я смотрел на Оцеолу, ожидая, что он сделает мне какой-нибудь знак, показывающий, что он узнал меня. Но этого не случилось: он не кивнул мне, не бросил даже мимолетного взгляда. Раз или два его взор безучастно скользнул по мне, но сейчас же обратился на кого-то другого, как будто я был лишь одним из толпы его бледнолицых врагов. Он, видимо, не помнил меня. Или был так занят какими-то глубокими мыслями, что не обращал ни на что другое внимания.

Я взглянул на равнину, туда, где виднелись палатки, возле которых группами бесцельно бродили женщины. Я внимательно вглядывался в них. Мне показалось, что в центре одной из групп я заметил безумную Хадж-Еву. Я надеялся, что та, чьи интересы она отстаивала так горячо, окажется рядом с нею, но ошибся. Ее не было!

Даже под длинной хунной я узнал бы ее прелестный облик... если она не изменилась.

Если... Это предположение вызывает у вас естественное любопытство. Почему она могла измениться? — спросите вы. Она стала взрослой, развилась, превратилась в зрелую женщину. Ведь в южных странах девушки рано развиваются.

Чего же я боялся, какие были к тому причины? Может быть, ее изменили болезни, истощение или горе? Нет, совсем не то.

Трудно передать все те сомнения, которые терзали меня, хотя они возникли вследствие случайного разгово-

ра. Глупый болтун-офицер, который так весело щебетал вчера о своих «победах», влил яд в мое сердце. Но нет, это не могла быть Маюми! Она была слишком чиста и невинна. Но почему я так сильно волнуюсь? Ведь любовь — не преступление!

Но если все это верно... если она... Но нет, все равно она не виновата! Он один виной тому, что произошло!

Целый день я терзал себя. И все только потому, что я так неудачно подслушал чужой разговор. Этот разговор явился для меня источником жестоких страданий в течение всего предшествующего дня. Я чувствовал себя в роли человека, который слышал слишком многое, но знает слишком мало. Неудивительно, что после встречи с Хадж-Евой я воспрянул духом, ее слова рассеяли недостойные подозрения и оживили мои надежды. Безумная, правда, не произнесла заветного имени, пока я сам не сказал его, но к кому же иначе могли относиться слова «бедная лесная птичка» и «ее сердце изойдет кровью»?

Она говорила о Восходящем Солнце — это был Оцеола. Но кто мог быть красавицей — кто, кроме Маюми?

Но, с другой стороны, это могло быть только отблеском давно прошедших дней, воспоминанием, еще не вполне угасшим в безумном мозгу. Хадж-Ева знала нас в дни юности, не раз встречала во время прогулок в лесу и даже бывала с нами на острове. Безумная королева прекрасно гребла, искусно управляла своим челноком, могла бешено мчаться на диком коне — могла отправиться куда угодно, проникнуть повсюду. И, может быть, только воспоминание об этих счастливых днях побудило ее заговорить со мной. Ведь в ее помраченном рассудке настоящее слилось с прошедшим и все понятия о времени перепутались. Да будет небо милосердно к ней!

Эта мысль огорчила меня, но ненадолго. Я все-таки продолжал таить в душе светлую надежду. Сладостные слова Хадж-Евы были целительным противоядием от страха, который чуть не охватил меня, когда я узнал, что против моей жизни существует заговор. Зная, что Маюми когда-то любила и все еще любит меня, я не побоялся бы выступить против опасностей в сто раз более грозных, чем эта. Только малодушные не становятся храбрыми под влиянием любви. Даже трус, вдохновленный улыбкой любимой девушки, может проявить чудеса храбрости.

Аренс Ринггольд стоял рядом со мной. Мы столкнулись с ним в толпе и даже перемолвились несколькими словами. Он говорил со мной не только вежливо, но чуть ли не дружески. В его словах почти не ощущалось свойственного ему цинизма; но стоило мне только пристально посмотреть на него, как глаза его начинали бегать, и он опускал их.

А ведь Ринггольд не имел ни малейшего представления о том, что я знаю все его планы, знаю, что он лелеет мысль убить меня!

Глава XXXVIII

НИЗЛОЖЕНИЕ ВОЖДЕЙ

В этот день агент действовал гораздо решительнее. Он вел рискованную игру, но твердо был убежден в успехе и смотрел на вождей взором повелителя, заранее уверенного в их полном повиновении.

По временам его взгляд с каким-то особенным выражением останавливался на Оцеоле. В глазах агента таилось злое торжество. Я знал, что значили эти взгляды, и понимал, что они не предвещают для молодого вождя ничего хорошего. Если бы в эту минуту я мог незаметно подойти к Оцеоле, я шепнул бы ему несколько предостерегающих слов.

Я укорял себя, что раньше не подумал об этом. Хаджева могла бы передать ему вчера ночью мое письмо. Почему я не послал его? Я был озабочен своими бедами и не подумал об опасности, которая грозила моему другу. Я все еще продолжал считать Пауэлла своим другом.

Я не имел точного представления о том, что замышлял агент, хотя из разговора, который мне удалось подслушать, я догадывался о его дальнейших целях. По тому или иному поводу Оцеола должен быть арестован!

Но ведь это грубое нарушение законности, его нельзя осуществить без подходящего предлога. Даже опрометчивый агент не мог решиться на такой смелый шаг — превысить свою власть без серьезных оснований. Какой же найти предлог?

Уход Онопы и «враждебных» вождей, в то время как Омата и «дружественные» вожди оставались, — вот что

создавало благоприятные возможности для агента. Он решил, что повод к аресту должен дать сам *Оцсола*.

О, если бы я мог шепнуть хоть одно слово на ухо моему другу! Но было уже поздно. Сети расставлены, ловушка готова, и редкостная дичь должна вот-вот попасться. Нет, предупреждать его было уже поздно! Мне оставалось теперь только играть роль безмолвного свидетеля при совершении акта величайшей несправедливости, при вопиющем нарушении законных прав индейцев.

Там, где находился генерал и его штаб, поставили стол с чернильницей и перьями. Агент встал сзади. На столе расстелили огромный лист пергамента, сложенный в несколько раз. Это и был договор в *Оклавахе*.

— Вчера,— начал агент без дальнейших предисловий,— мы только занимались разговорами. Сегодня наступило время перейти к действиям. Вот...— продолжал он, указывая на пергамент,— вот договор о переселении по плану *Пэйна*. Надеюсь, что вы как следует обсудили все, что я говорил вам вчера, и теперь готовы подписать?

— Да, мы обсудили,— сказал *Оматла* за себя и за свою партию,— и готовы подписать.

— *Онопа*, главный вождь,— заявил агент,— должен подписать первым... Где же он? — добавил хитрец, глядя вокруг с притворным удивлением.

— Вождя вождей здесь нет.

— Почему его нет? Он должен быть здесь. Почему он отсутствует?

— Он болен и не может быть на совете,— ответил зять вождя, *Хойтл-мэтти*.

— Это ложь, *Прыгун*! *Онопа* только притворяется больным. И вы прекрасно знаете это.

При этом оскорблении угрюмое лицо *Хойтл-мэтти* стало еще угрюмее, и он весь задрожал от ярости. Но вождь сдержал свой гнев и, с презрительным восклицанием скрестив руки на груди, принял прежнюю спокойную позу.

— *Абрам* ты был советником *Онопы* и должен знать его намерения. Почему его нет сегодня?

— Ах, масса генерал,— ответил негр на ломаном английском языке, не выказывая особого уважения к допрашивающему,— откуда старый *Эйб* может знать, что хочет сделать король *Онопа*? Он не говорит мне, куда и зачем

уходит. Он великий вождь и никому не сообщает своих планов.

— Но он подпишет договор? Говори: да или нет?

— Нет! — ответил негр твердо, как будто ему было поручено так ответить. — Это я хорошо знаю. Он не подпишет договор. Не подпишет. Нет!

— Довольно! — закричал агент. — Довольно! Так слушайте же меня, вожди и воины семинолов! Я имею полномочия от вашего Великого Отца, президента Соединенных Штатов, который является вождем всех нас. Эти полномочия дают мне право наказывать за неповиновение и измену. Я применяю их сейчас по отношению к Онопе. Отныне он больше не вождь семинолов!

Это неожиданное заявление произвело на всех потрясающее впечатление, подобное действию электрического тока. Вожди и воины — все привстали, тревожно впившись глазами в агента. Одни разгневались, другие изумились. Некоторые, по-видимому, были довольны, но большинство встретили это сообщение явно недоверчиво.

Конечно, агент шутит. Какое право имел он низлагать вождя семинолов? Как сам Великий Отец мог отважиться на это? Семинолы — свободный народ, они даже не платят белым дани, у них нет никаких политических обязательств. Они они могут свободно избрать главного вождя или свергнуть его.

Но нет! Скоро всем пришлось убедиться, что он говорил серьезно. Как ни нелеп был план низложения короля Онопы, агент решил выполнить его во что бы то ни стало, и раз уж он сделал такое заявление, то дальше надо было действовать, не теряя времени. Он обратился к Оматле:

— Оматла! Ты был верен своему слову и своей чести. Ты заслужил право стать повелителем храброго народа. Отныне ты будешь королем семинолов! Великий Отец и весь народ Соединенных Штатов приветствуют тебя и не признают никого другого! Итак, приступим к подписанию договора!

По знаку агента Оматла выступил вперед, подошел к столу, взял перо и написал на пергаменте свое имя.

Глубокое молчание царило среди зрителей. Внезапно его нарушило одно слово, произнесенное гневным, задыхающимся голосом. Это слово было: «Изменник!»

Я оглянулся, чтобы узнать, кто это сказал, и увидел,

что губы Оцеолы еще не успели сомкнуться, а глаза его были устремлены на Оматлу с невыразимым презрением.

После Оматлы взял перо Черная Глина и поставил под договором свою подпись. Один за другим подходили Охала, Итолассе и другие вожди — сторонники переселения.

Вожди патриотов случайно или намеренно стояли отдельной группой на левом крыле полукруга. Теперь наступил их черед. Первым должен был подойти Хойтл-мэтти. Агент не знал, подпишет ли он договор. Наступила пауза, полная напряженного ожидания.

— Твоя очередь подписывать, Скакун! — обратился к нему агент, переводя его индейское прозвище на английский язык.

— Вы, того гляди, и обскачете меня! — отвечал находчивый и остроумный индеец. В его шутке скрывался серьезный ответ.

— Как, ты отказываешься подписать?

— Хойтл-мэтти не умеет писать.

— В этом нет надобности — твое имя уже обозначено здесь. Тебе достаточно приложить к договору свой палец.

— А вдруг я приложу палец не на то место?

— Ты можешь подписать, поставив крест, — продолжал агент, все еще надеясь уломать вождя.

— Мы, семинолы, не любим креста. Он уже достаточно надоел нам во времена владычества испанцев.

— Значит, ты наотрез отказываешься подписать?

— Да! Господин агент, разве это вас удивляет?

— Пусть будет так. Теперь слушай, что я скажу тебе!

— Уши Хойтл-мэтти открыты, так же как и рот агента, — последовал язвительный ответ.

— Прекрасно! Тогда я лишаю Хойтл-мэтти сана вождя семинолов.

— Ха-ха-ха! — засмеялся в ответ Хойтл-мэтти. — Вот как! Вот как! А скажи мне, — саркастически спросил он, продолжая хохотать и явно издеваясь над торжественным заявлением агента, — чьим же я буду вождем, генерал Томпсон?

— Я уже объявил свое решение, — сказал агент, видимо задетый насмешливым тоном индейца. — Ты больше не вождь. Мы не признаем тебя вождем.

— Но мой народ! Как же он? — продолжал Хойтл-

мэтти с тонкой иронией.— Разве моим людям нечего сказать по этому поводу?

— Твой народ будет действовать благоразумно. Он послушается совета Великого Отца. Он не будет больше повинаться вождю, который поступает как изменник.

— Вы не ошиблись, господин агент! — воскликнул вождь, на этот раз уже серьезно.— Мой народ будет действовать разумно, он останется верен своему долгу. Не обольщайтесь могуществом совета Великого Отца! Если это будет действительно совет отца, они выслушают его и примут; если нет — они заткнут себе уши. Что же касается вашего приказа о моем низложении, то я могу только улыбнуться, видя, как нелепо вы поступаете. Я презираю и этот приказ и агента! Я не боюсь вашего могущества. Я не боюсь, что утрачу преданность моего народа. Сейте между нами раздоры как вам угодно! Кое-где в других племенах вам удалось найти изменников...— Здесь оратор метнул яростный взгляд на Оматлу и его воинов.— Но я презираю ваши козни! Во всем племени не найдется ни одного человека, который отрекся бы от Хойтл-мэтти,— слышите, ни одного!

Хойтл-мэтти умолк и скрестил на груди руки, снова приняв позу молчаливого протеста. Он видел, что разговор окончен.

Затем агент обратился к негру Абраму. Но и тот отказался подписать договор. Он просто сказал: «Нет!» Когда же агент стал настаивать, негр добавил:

— Нет, черт возьми! Я никогда не подпишу эту проклятую бумагу, никогда! Этого достаточно, не так ли, босс Томпсон?

Уговоры кончились. Абрам был вычеркнут из списка вождей.

Арпиуки, Облако, Аллигатор и Карлик-Пошалла — все они один за другим отказались подписаться и были, в свою очередь, низложены. Так же поступили с Холат-мико и другими неявившимися вождями.

Большинство вождей только смеялись, когда шла речь о таком массовом низложении. Смешно было смотреть, как незначительный офицер, получивший временные полномо-

мочия, объявлял свои указы с таким видом, как будто он по меньшей мере был императором¹.

Пошалла, последний из лишенных своего сана, смеялся вместе с другими.

— Скажи-ка толстому агенту, — крикнул он переводчику, — что я все еще буду вождем семинолов, когда его долговязый скелет уже зарастет зловонными сорными травами! Ха, ха, ха!

Переводчик не передал эту шутку, она не дошла до ушей агента. Он даже не слышал презрительного смеха, который сопровождал ее, ибо все его внимание было поглощено последним из оставшихся вождей — Оцеолой.

Глава XXXIX

ПОДПИСЬ ОЦЕОЛЫ

До этого момента юный вождь молчал, и только когда Чарльз Оматла взял перо, у него вырвалось слово «изменник».

Оцеола не оставался безучастным зрителем того, что происходило вокруг. В его взглядах и жестах не было скованности, он не прикидывался равнодушным стойком. О нет, это было не в его характере! Он искренне смеялся остроумным шуткам Прыгуна, одобрительно приветствовал патриотизм Абрама и других вождей и грозно хмурился, когда видел, как подло вели себя изменники.

Теперь наступила его очередь высказать свое мнение. Он стоял, скромно ожидая, пока назовут его имя. Всех вождей называли по имени, все имена были хорошо известны агенту и его переводчикам.

Царила напряженная тишина. И вот наступило мгновение, когда в рядах американских солдат и в толпе индейских воинов все затаили дыхание, как будто каждый был полон ощущения надвигающейся грозы.

Я тоже чувствовал, что готовится взрыв, и, как все остальные, неподвижно замер на месте, ожидая дальнейшего развития событий.

¹ Правительство Соединенных Штатов впоследствии неодобительно отнеслось к этому необдуманному низложению вождей. Однако не подлежит сомнению, что Томпсон действовал в соответствии с тайными указаниями президента. (Примеч. автора.)

Наконец агент прервал молчание:

— Теперь ваша очередь, Пауэлл! Но прежде всего отвечайте мне: признаны ли вы вождем?

Тон, манеры, слова — все здесь было крайне оскорбительно. Выражение лица агента явно доказывало, что это все было заранее обдуманно и намечено, как прямой разящий удар. В глазах его проскальзывали злоба и предвкушение предстоящего триумфа. Вопрос был совершенно излишний, не относящийся к делу, он безусловно был задан с провокационной целью. Томпсон прекрасно знал, что Пауэлл был вождем — правда, младшим, но все же военным вождем самого воинственного из племен семинолов — племени Красные Палки. Агент хотел вызвать вспышку гнева у пылкого, горячего юноши.

Но этой цели достигнуть ему не удалось: казалось, что оскорбление не задело вождя. Оцеола ничего не ответил; странная улыбка промелькнула на его лице, не гневная и не презрительная. Это была улыбка молчаливого, величественного пренебрежения, взгляд, который порядочный человек бросает на негодяя, когда тот оскорбляет его. Казалось, молодой вождь считает агента недостойным ответа, а оскорбление слишком грубым (так оно в действительности и было), чтобы возмущаться им. Такое же впечатление было и у меня и у большинства присутствующих.

Если бы агент был чутким человеком, взгляд Оцеолы мог бы заставить его замолчать, или, по крайней мере, изменить тактику. Но грубой душе чиновника было чуждо чувство деликатности и справедливости, и, не обращая внимания на отпор, данный ему Оцеолой, он продолжал еще более оскорбительным тоном:

— Я вас спрашиваю: вождь ли вы? Имеете ли вы право подписать?

Тут же сразу десяток голосов ответил за Оцеолу. Вожди в кругу и войны, стоящие за ними, закричали:

— Вождь ли Восходящее Солнце? Конечно, он вождь! Он имеет полное право подписать!

— Почему его право подвергается сомнению? — спросил Прыгун. — Когда наступит время, — добавил он с усмешкой, — Оцеола сумеет доказать свои права. А сейчас он, может быть, и не собирается этого делать.

— Нет, собираюсь! — воскликнул Оцеола, обращаясь к оратору и подчеркивая каждое слово. — Я имею право подписать, и я подпишу!

Трудно передать впечатление, произведенное на всех этим неожиданным ответом. И белые и индейцы были одинаково изумлены; все они задвигались, зашумели; недоуменные возгласы слились в один сплошной гул.

Каждый выражал удивление по-своему — в зависимости от своих политических убеждений. В голосе одних слышались радость и ликование, в тоне других звучали горечь и гнев. Неужели это сказал Оцеола? Не слышались ли они? Неужели Восходящее Солнце так быстро скроется за облаками? После всего того, что он совершил, после всего того, что он обещал, — неужели он окажется изменником?!

Такие вопросы занимали умы всех вождей и воинов — противников переселения. В то же время партия изменников едва могла скрыть свой восторг. Все знали, что подпись Оцеолы решает дело, что отныне они обречены на переселение. Братьям Оматла теперь нечего опасаться. Пусть теперь продолжают сопротивляться враждебные белым воины, все те, кто поклялся не уходить. У них больше нет вождя, который мог бы сплотить патриотов, как Оцеола. После его отступничества дух сопротивления неизбежно ослабеет, и дело патриотов можно считать безнадежно проигранным.

Прыгун, Облако, Коа-хаджо, Абрам, Арпиуки и Карлик-Пошалла — все были ошеломлены. Оцеола, которого они облекли полным доверием, смелый инициатор и вдохновитель сопротивления, непримиримый враг всех тех, кто до сих пор ратовал за переселение, истинный патриот, в которого все так верили, на которого все возлагали надежды, — теперь собирался уйти от них, покинуть их в последнюю, решающую минуту, когда его предательство окажется роковым для их общего дела!

— Он продался за деньги! — слышались голоса. — Его патриотизм — притворство!.. Его борьба, его сопротивление — обман!.. Он подкуплен агентом, он все время действует по его указке!.. Негодяй!.. Эта измена еще чернее измены Оматлы!

Так бормотали вожди, бросая на Оцеолу яростные взгляды. Я и сам не знал, что подумать об отступничестве Оцеолы. Он объявил свое решение подписать договор — что могло быть яснее?

Молодой вождь, по-видимому, был готов подтвердить делом свое слово и только ждал знака агента, для кото-

рого заявление Оцеолы было, очевидно, столь же неожиданным, как и для всех остальных. Любому, кто взглянул бы в этот момент на лицо агента, сразу стало бы ясно, что он совершенно непричастен к тому, что произошло. Он явно был так же ошеломлен заявлением Оцеолы, как и все остальные, а может быть, даже еще больше. Он так растерялся, что не сразу смог прийти в себя и обрести дар речи. Наконец он промямлил:

— Отлично, Оцеола! Подойдите сюда и подпишите.

Теперь Томпсон изменил свой тон — он говорил елеяно и вкрадчиво. Он рисовал себе радужную картину: Оцеола подпишет и, таким образом, даст согласие на переселение. Дело, которое поручено ему, Томпсону, правительством, будет выполнено с блеском, и это значительно укрепит его положение в дипломатических кругах. «Старый Хикори» будет доволен! А что дальше? Дальше последует не скромное назначение во Флориду, к жалкому племени индейцев, а дипломатическая миссия в каком-нибудь крупном, цивилизованном государстве. Может статься, он будет назначен послом — например, в Испанию...

Ах, генерал Уайли Томпсон, твои воздушные замки мгновенно развеялись, как дым! Они рухнули так же внезапно, как возникли, — рухнули, как шаткие картонные домики.

Оцеола подошел к столу и нагнулся над документом, как бы для того, чтобы лучше разобрать слова. Он пробежал глазами подписи, словно отыскивая чье-то имя.

Наконец он нашел его и прочел вслух: «Чарльз Оматла!» Затем он выпрямился и, пристально взглянув на агента, иронически спросил, все ли еще агент желает, чтобы он, Оцеола, подписал договор.

— Вы дали обещание, Оцеола!

— Тогда я сдержу свое обещание!

При этих словах он вытащил свой большой испанский нож и, высоко подняв его над головой, воткнул в пергамент с такой силой, что лезвие глубоко вонзилось в дерево стола.

— Вот моя подпись! — воскликнул он, извлекая нож. — Ты видишь, Оматла, я пронзил твое имя. Берегись, изменник! Откажись от своих слов, или это лезвие так же пронзит и твое сердце!

— А, так вот что он задумал! — завопил агент, поднимаясь с места и весь дрожа от ярости. — Хорошо! Я был готов к этой наглости, к этому надругательству над

Оцеола пробежал глазами подписи.

законом. Генерал Клинч, я обращаюсь к вам и вашим солдатам! Немедленно схватите его и арестуйте!

Эта отрывистая речь долетела до меня среди невообразимого шума, который поднялся кругом. Клинч быстро сказал несколько слов стоящему рядом офицеру. Я видел, как поддюжины солдат вышли из рядов, кинулись на Оцеолу и окружили его.

Оцеола сдался не сразу. Несколько солдат в синих мундирах были опрокинуты на землю, и ружья выбиты у них из рук. Но десяток дюжих парней вцепились в Оцеолу мертвой хваткой. Только тогда молодой вождь прекратил отчаянное сопротивление. И, уступив силе, он стоял суровый и неподвижный, как статуя, отлитая из бронзы.

Это была развязка неожиданная и для белых и для индейцев, совершенно неоправданный акт насилия. Это был не суд, где судья имел право арестовать виновного за неуважение к власти. Это был совет, и даже оскорбительное поведение отдельного лица не могло караться без согласия обеих сторон. Генерал Томпсон превысил свои полномочия, он деспотически и незаконно воспользовался своей властью.

Трудно описать сцену, которая последовала за этим, — возникло невероятное смятение. Воздух огласили громкие крики солдат и женщин, плач и визг детей, боевой клич индейских воинов — все слилось в один общий гул. Никто не попытался освободить Оцеолу — это было невозможно при наличии стольких солдат и стольких предателей. Но вожди-патриоты, поспешно удаляясь, издали свой дикий клич: «Йо-хо-эхи!» — призывный военный клич семинолов, который предвещал расплату и месть. Солдаты потащили Оцеолу в форт.

— Тиран! — воскликнул он, устремив на агента сверкающий взор. — Ты одержал победу, поступив вероломно. Но не думай, что это конец! Ты можешь швырнуть Оцеолу в тюрьму, даже повесить его, если хочешь, но не надейся, что его дух умрет! Нет, он будет жить и взывать к мести! Его голос звучит уже сейчас! Ты слышишь эти звуки? Знаешь ли ты боевой клич Красных Палок? Запомни его получше! Не последний раз он звучит в твоих ушах! Слушай его, тиран! Это твой похоронный звон!

Таковы были угрозы молодого вождя, пока его вводили в форт. Когда я шел за толпой, кто-то дотронулся до моего плеча. Это была Хадж-Ева.

— Сегодня вечером у ви-ва¹, — шепнула она. — На воде будут тени... несколько теней. Может быть...

Толпа разъединила нас. Когда я пробился через нее, безумная королева уже исчезла.

Глава XL

ЗАБИЯКА ГАЛЛАХЕР

Пленника заключили в крепкий каземат без окон. Доступ к нему получить было легко, особенно офицеру. Я собирался навестить его, но по некоторым причинам решил не делать этого днем. Мне хотелось увидеться с ним, но, по возможности, тайно, и я решил подождать наступления ночи.

У меня были и другие причины: я стремился закончить свое дело с Аренсом Ринггольдом. Я не мог сообразить, как мне действовать. Противоречивые чувства боролись во мне, мешались в каком-то хаосе: ненависть к заговорщикам, возмущение несправедливостью агента к Оцеоле, любовь к Маюми — полная нежности и доверия и в то же время полная сомнений и ревности. Как мог я ясно мыслить в таком смятении чувств?

Одно чувство преобладало над всеми остальными — гнев на того негодяя, который собирался отнять у меня жизнь в тот момент, когда страстная любовь пылала в моей груди. Такое бессердечие, такая беспричинная смертельная ненависть ко мне со стороны Ринггольда наполнили меня острой жаждой мести, и я решился во что бы то ни стало наказать его.

Только тот, на чью жизнь покушался убийца, может понять, как возненавидел я Аренса Ринггольда. Можно уважать противника, который, чувствуя себя оскорбленным или под влиянием гнева и ревности, открыто действует против вас. Даже на двух белых негодяев и желтого беглеца я глядел только с презрением, как на орудия, слепо действующие в чужих руках. Но самого дьявольского заговорщика я и ненавидел и презирал. Я чувствовал себя настолько оскорбленным, что не мог успокоиться, пока не попытаюсь наказать врага, пока не отомщу ему. Но как?

¹ Ви - ва — источник, пруд или вода. (Примеч. автора.)

Вот в этом и заключалась задача. Дуэль! Ничего другого я не мог придумать. Преступник был все еще под защитой закона, и я мог отомстить ему только с помощью собственного оружия.

Я хорошо взвесил слова Черного Джека, однако мой верный слуга тщетно увещевал меня. Я решил действовать наперекор его советам. Будь что будет! Я пошлю Ринггольду вызов на дуэль.

Только одно удерживало меня: ведь я должен еще найти повод для вызова. Это заставляло меня колебаться. Если мне удастся ранить Ринггольда или он ранит меня, то что же дальше? Я открою ему свои карты, и он воспользуется этим. А сейчас я могу легко расстроить его планы, потому что знаю их, а он моих планов пока не знает.

Эти соображения вихрем пронеслись в моем мозгу, хотя я и рассуждал с хладнокровием, которое впоследствии удивляло меня самого. Злобная ненависть этого негодяя и все, что случилось со мной за последнее время, прямо-таки ожесточили меня.

Мне необходим был друг, с которым я мог бы посоветоваться. Но кому мог я открыть эту страшную тайну?..

Что это? Неужели мой слух обманывает меня? Нет, это действительно голос Чарльза Галлахера, моего старого товарища по училищу. Я узнал его веселый, звонкий смех. Отряд стрелков под его командованием вступил в форт, и через минуту мы уже обнимали друг друга.

Может ли выпасть более удачный случай? В училище Чарльз был моим закадычным другом, он вполне заслуживал доверия, и я тут же рассказал ему обо всем. Пришлось многое объяснить ему, прежде чем он мне поверил. Чарльз склонен был считать все это шуткой, он никак не думал, что кто-то действительно мог покушаться на мою жизнь. Но свидетель Черный Джек подтвердил все, что я рассказал, и Чарльзу наконец пришлось взглянуть на дело серьезно.

— Не везет мне! — сказал он с ирландским акцентом. — Это самый страшный случай в жизни, с которым я, бедняга, когда-либо встречался. Матерь божия! Этот парень, должно быть, воплощенный дьявол! Джордж, мальчик мой, ты не заметил у него раздвоенных копыт?

Несмотря на свое имя и диалект, Чарльз был ирландцем только по отцу. Он родился в Нью-Йорке, и, если хотел,

мог прекрасно говорить по-английски. Но ему была свойственна некоторая манерность, стремление прослыть оригиналом, у него вошло в привычку, беседуя с друзьями, прибегать к диалекту и уснащать свою речь чисто ирландскими выражениями. Он был немножко чудаковатый парень, но с благородной и чистой душой, с беззаветно преданным сердцем. К тому же Чарльз был далеко не глуп и не позволил бы так легко «наступить себе на ногу». За ним уже числились две или три дуэли, в которых он выступал и в качестве основного участника и в качестве секунданта. За его воинственность ему дали прозвище «забияка Галлахер». Я заранее знал, что он мне посоветует: «Вызови мерзавца на дуэль во что бы то ни стало!» Я объяснил ему, по каким причинам мне трудно вызвать Ринггольда на дуэль.

— Верно, мой мальчик! Ты прав. Но дело это не такое уж трудное.

— Как так?

— Заставь его вызвать тебя. Так будет лучше. Кроме того, ты получишь возможность сам выбрать оружие.

— Но как это сделать?

— О мой невинный цыпленок, это так же легко, как выбить пробку из бутылки. Назови его лжецом, а если он не очень обидится, щелкни его по носу или выплюнь табачную жвачку в его противную рожу. Ручаюсь, что он выйдет из себя. А я буду твоим секундантом... Ну пойдем, мой мальчик,— продолжал мой приятель, направляясь к двери.— Где его искать, этого мистера Ринггольда? Найди мне этого мерзавца, а я уж научу тебя, как поцарапать ему пуговицы. Ну, пошли вместе!

Этот план мне не особенно нравился, но у меня не хватило духу сопротивляться ему и я поплелся за неистовым сыном кельтской расы.

Глава XLI

ПОВОД К ДУЭЛИ

Не успели мы выйти из дверей, как сразу наткнулись на того, кого искали. Ринггольд стоял недалеко от порога и разговаривал с группой офицеров. Среди них находился один франт, о котором я уже говорил, по прозвищу Красавчик Скотт. Он состоял адъютантом при глав-

нокомандующем и к тому же приходился ему родственником.

Я указал моему товарищу на Ринггольда.

— Вот этот, в штатском,— сказал я.

— Тебе не надо даже и указывать на него. Его змеиные глаза сами говорят за себя. Клянусь душой, не очень приятный взгляд! Ну, ему нечего бояться воды: кому суждено быть повешенным, тот не утонет! Послушай, Джордж, мой мальчик,— продолжал Галлахер серьезным тоном,— последуй в точности моему совету: наступи ему на ногу, и посмотрим, что он запоет. У него, наверно, мозоли — видишь, какие тесные сапоги он носит... Да ты с ним не деликатничай! Он, конечно, потребует, чтобы ты извинился, иначе ведь нельзя. А ты не захочешь, вот и все, никаких церемоний. Ну, а коли так не выйдет, тогда, черт побери, дай ему пинка.

Мне не понравился этот план.

— Нет, Галлахер,— сказал я,— это никуда не годится.

— Ну вот еще, пустяки! А почему же нет? Неужели ты собираешься так просто уйти отсюда? Подумай, мальчик мой, ведь это же негодяй, который хочет убить тебя! И в один прекрасный день, если ты дашь ему ускользнуть, он тебя укукошит!

— Это верно... но...

— Ба! Какие там «но»? Марш вперед! Послушаем, о чем они там чирикают. Уж я-то найду, к чему прицепиться, не будь я Галлахер!

Не зная, на что решиться, я последовал за своим товарищем, и мы подошли к группе офицеров. Конечно, я не собирался поступить по совету Галлахера и не терял надежды, что мне не придется прибегнуть к грубой уловке, предложенной им. И я не обманулся в своих надеждах. По-видимому, Аренс Ринггольд испытывал свою судьбу. Едва мы приблизились, как повод к дуэли уже нашелся.

— Ну, коли речь зашла об индейских красавицах,— сказал Ринггольд,— то никто не добился такого успеха, как Скотт. Он тут все время разыгрывает Дон Жуана с того самого момента, как появился в форте.

— Да что ж тут удивительного! — заметил один из только что подошедших офицеров.— Насколько мне известно, он неотразим и всегда покорял сердца всех красавиц в Саратоге. Как же индейская девушка может устоять перед ним?

— Не говорите этого, капитан Робертс. Лесные нимфы очень боятся нас, бледнолицых мужчин. Наверно, теперешняя возлюбленная стояла лейтенанту долгой осады, прежде чем он добился победы... Не так ли, лейтенант?

— Чепуха! — возразил франт, самодовольно ухмыляясь.

— Но ведь она наконец уступила? — спросил Робертс, обращаясь к Скотту.

Лейтенант не ответил, но его дурацкая улыбка, очевидно, должна была означать утвердительный ответ.

— О да! — вставил Ринггольд. — Теперь она его «фаворитка», как принято говорить.

— А имя? Как ее имя?

— Пауэлл. Мисс Пауэлл.

— Как! У нее не индейское имя?

— Нет, джентльмены, эта юная леди не дикарка, уверяю вас. Она играет на лютне, поет, читает и пишет такие миленькие любовные записочки... Не так ли, лейтенант?

Прежде чем лейтенант успел ответить, другой офицер спросил:

— Да ведь так же зовут и того молодого вождя, которого только что арестовали?

— Верно, — ответил Ринггольд. — Его тоже так зовут. Я забыл сказать, что это его сестра.

— Как! Сестра Оцеолы?

— Ни больше ни меньше. Они метисы. Среди белых они известны как Пауэллы. Так звали почтенного, старого джентльмена — их отца. Оцеола значит «Восходящее Солнце» — это имя, под которым он известен у семинолов. А ее настоящее имя... ах, это очень красивое имя!

— Какое же? Скажите нам, мы рассудим сами.

— Ее зовут Маюми.

— Действительно, прелестное имя.

— Очень красивое! Если сама девица так же хороша, как ее имя, то Скотт просто счастливец.

— О, она настоящее чудо красоты! Глаза влажные и блистающие пламенем любви, длинные ресницы, полные и сладкие, как мед, губы, высокий рост, стройна, как сама богиня Киприда¹, ножки крошечные, как у Золушки. Одним словом, она совершенство!

¹ Киприда — в древнегреческой мифологии богиня любви Афродита. Слово «Киприда» означает «родившаяся на Кипре». Остров Кипр был центром культа Афродиты.

— Чудеса, да и только! Скотт — счастливейший из смертных! Но скажите, Ринггольд, неужели вы говорите серьезно? Действительно ли он покорил это индейское божество? По чести, удалось ли ему победить? Вы понимаете, что я имею в виду?

— Безусловно! — был мгновенный ответ.

До сих пор я не вмешивался. С самого начала этого разговора я стоял как вкопанный, словно меня заколдовали. Голова у меня кружилась, кровь прилиwała к сердцу, как расплавленный свинец. Столь дерзкое утверждение так ошеломило меня, что прошло некоторое время, прежде чем я мог собраться с силами. Некоторые из офицеров заметили, что этот разговор произвел на меня сильное впечатление. Но уже через несколько минут я успокоился. Отчаяние, овладевшее мной, заставило меня собрать всю свою волю, и как раз в тот момент, когда Ринггольд произнес эти дерзкие слова, я подошел к нему вплотную.

— Лжец! — крикнул я, и не успел он покраснеть от стыда, как я ударил его по щеке тыльной стороной руки.

— Чистая работа! — воскликнул Галлахер. — В значении этого жеста не может быть никакого сомнения!

Так оно и вышло. Мой противник воспринял пощечину, как полагалось, то есть как смертельное оскорбление. В таком обществе он не мог поступить иначе. Пробормотав несколько нечленораздельных угроз, он удалился в сопровождении своего друга — «покорителя женских сердец» и еще двух или трех офицеров.

После этого не только не собралась толпа любопытных, а, напротив, рассеялась и та небольшая группа офицеров, которые были свидетелями происшествия. Офицеры разошлись по домам, обсуждая между собой причины дуэли и строя предположения о том, когда и где «дело чести» может состояться.

Мы с Галлахером тоже отправились ко мне на квартиру и стали готовиться к поединку.

Глава XLII

ВЫЗОВ НА ДУЭЛЬ

В ту пору, к которой относится мой рассказ, дуэли в армии Соединенных Штатов не были редким явлением даже в военное время, как показывает опыт, хотя это

явное нарушение устава американской армии,— да, я полагаю, и каждой армии цивилизованного мира,— тем не менее на них смотрели сквозь пальцы и не наказывали виновных, а относились к ним снисходительно. Я могу утверждать, что любой офицер американской армии, который получил вызов, считает для себя более почетным нарушить устав, нежели соблюсти его.

После всего того, что было сказано и написано о дуэлях, протест против них — просто жалкое притворство, образец настоящего лицемерия, по крайней мере в Соединенных Штатах Америки. И хотя дуэли осуждаются всеми, я не хотел под этим предлогом уклоняться от нее. Я хорошо знаю, что никакой довод не защитил бы меня от омерзительной клички «трус». Я не раз замечал, что газеты, выступая с громовыми статьями против дуэлей, тем не менее первые готовы швырнуть позорное слово «трус» в лицо тому, кто отказывается сражаться.

Именно так и обстоит дело. В Америке стойкость убеждений хотя и вызывает похвалу, но не пользуется всеобщим признанием. Если вас вызвали на дуэль и вы отказались, то будут говорить, что вы уваливаете, что вы боитесь. И тот, кто отклонил вызов, пусть лучше не показывается на глаза любимой девушке.

Зная распространенный взгляд на дуэли, я был уверен, что Аренс Рингольд примет мой вызов, и радовался, что мне удалось добиться этого, не открывая моей тайны. Но будь он даже величайшим трусом на свете, он не мог бы чувствовать себя таким несчастным, каким чувствовал я себя, когда вернулся домой.

Мой жизнерадостный товарищ не мог развеселить меня, хотя я не боялся предстоящей схватки — не это омрачало мою душу. Наоборот, я почти забыл о дуэли и думал о Маюми — о том, что я только что услышал. Она была неверна, неверна, предала меня, предала себя, погибла, погибла навеки!

Поистине я был несчастен. Еще несчастнее могла бы сделать меня только одна вещь на свете — препятствие к дуэли, помеха моей мести. Теперь я надеялся только на дуэль. Она должна была облегчить мое сердце, охладить мою пылающую кровь. И не только Аренс Рингольд вызывал во мне такую ненависть, а еще и тот, кто был виновен в моих страданиях, — соблазнитель Маюми. Если бы я мог найти предлог вызвать на дуэль и его!

Почему же тогда я не ударил этого франтика за его глупую улыбку? Я мог бы драться с ними обоими; сначала с одним, потом с другим... Так я неистовствовал, а Галлахер наблюдал за мной. Мой друг не знал всей глубины моей тайны. Он спросил, что я имею против адъютанта.

— Скажи только слово, Джордж, мальчик мой, и мы устроим забаву вчетвером. Клянусь святым Патриком!¹ Мне бы очень хотелось сбить спесь с этого павлина.

— Нет, Галлахер, нет. Это не твое дело. Это не удовлетворяет меня. Подождем, когда узнаем больше. Я не могу поверить! Я не могу поверить!

— Поверить чему?

— Не теперь, мой друг. Когда наступит время, я все объясню.

— Ну ладно, мой мальчик. Чарльз Галлахер не такой человек, чтобы выпытывать чужие тайны. А теперь пойдем посмотрим, здорово ли лают наши бульдоги. Надеюсь, что этот бездельник не разболтает о дуэли в штабе, а то нам придется разочароваться.

Именно этого я и боялся. Я знал, что, если бы мой противник пожелал, я мог бы очутиться под арестом. Тогда все дело провалилось бы и я попал бы в еще худшее положение. Отец Ринггольда уехал — это приятное обстоятельство было мне известно, но все-таки... главнокомандующий друг их семьи — достаточно было шепнуть ему хотя бы одно слово. Я боялся, что адъютант Скотт, по наущению Аренса Ринггольда, шепнет генералу Клинчу это слово.

— В конце концов, он не посмеет,— говорил Галлахер.— Ты прямо-таки пригвоздил его к позорному столбу! Он ни за что не посмеет прибегнуть к такому гнусному маневру. Об этом могут узнать, и тогда на него же будут вешать всех собак. Кроме того, моя малютка, ведь он же хочет во что бы то ни стало тебя убить! Зачем же ему упускать такой случай? Говорят, что он неплохой стрелок. Не бойся, он будет драться. На этот раз он не улизнет: он должен драться и будет драться... Ага! Что я говорил? Смотри, сюда идет сам Аполлон Бельведерский!² Святой Моисей! Он сияет, как Феб!³

¹ Святой Патрик — легендарный покровитель Ирландии.

² Аполлон Бельведерский — знаменитая статуя бога Аполлона, изваянная древнегреческим скульптором Леохаром.

³ Феб — одно из наименований бога Аполлона.

У дверей раздался стук, и адъютант Скотт в полной форме вошел в комнату.

«Вероятно, он сейчас арестует меня»,— подумал я, и сердце у меня упало.

Но я ошибался. Записка, принесенная им, заключала в себе нечто иное. Я облегченно вздохнул: это был вызов.

— Лейтенант Рэндольф, если не ошибаюсь? — обратился ко мне адъютант.

Я молча указал на Галлахера.

— Следует ли это понимать так, что капитан Галлахер ваш друг?

В знак подтверждения я слегка поклонился.

Оба офицера взглянули друг на друга и сейчас же любезно и хладнокровно приступили к обсуждению дуэли. Я сделал следующее наблюдение: учтивость секундантов во много раз превосходит любезность самых учтивых придворных в мире.

Переговоры между секундантами продолжались недолго. Галлахер хорошо знал все формальности, да и адъютант тоже, по-видимому, разбирался в этих делах. Через пять минут все было определено — время, место, оружие и расстояние. Я слегка кивнул. Галлахер размашистым жестом отдал честь, и адъютант, в свою очередь отвесив чопорный поклон, удалился.

* * * * *

Не стану утомлять вас ни рассказом о том, что я думал перед дуэлью, ни подробностями самой дуэли. Описания этих грозящих смертью поединков часто попадают в книги, и их однообразие послужит мне извинением за то, что я их не повторяю.

Наша дуэль отличалась только родом оружия. Мы выбрали винтовки, а не шпаги или пистолеты. Это был мой выбор, на который я как вызванный имел право. Но и противник также хорошо владел этим оружием. Я выбрал винтовку как наиболее смертоносное оружие.

Мы решили встретиться за час до заката солнца. Я стоял на такой ранней встрече, боясь, что нам кто-нибудь может помешать. Местом был избран берег озера, где я разговаривал с Хадж-Евой. Расстояние определили в десять шагов.

Мы встретились, встали на места спиной друг к другу

и ждали рокового сигнала. Прозвучало: «Раз, два, три!» Мы быстро обернулись и выстрелили.

Я услышал, как пуля просвистела у моего уха, но она не задела меня. Когда дым рассеялся, я увидел, что противник лежит на земле. Ринггольд был жив, он корчился и стонал от боли. Секунданты и несколько офицеров подбежали к нему. Я не двинулся с места.

— Ну что? — спросил я, когда Галлахер вернулся.

— Попал, клянусь Юпитером! Ты лишил его возможности владеть правой рукой — перелом кости выше локтевого сустава.

— И только-то?

— Ну, клянусь душой, неужели тебе этого мало? Разве ты не слышишь, как скулит этот пес?

Я чувствовал себя, как тигр, отведавший крови, хотя теперь сам не могу объяснить себе своей жестокости. Ринггольд замышлял убить меня — в отместку я жаждал его крови. Все эти мысли сводили меня с ума. Я, конечно, не стал извиняться перед ним, да и моему противнику было совсем не до того. Он умолял скорее унести его домой, и тем это дело пока и окончилось.

Это была моя первая дуэль в жизни, но не последняя.

Глава XLIII

СВИДАНИЕ

Наши противники и зрители молча удалились, и мы с Галлахером остались вдвоем.

Я собирался подождать у озера Хадж-Еву, которая должна была скоро прийти. Взглянув на запад, я увидел, что солнце зашло за вершины деревьев. Сумерки в это время года продолжаются недолго, и в небе уже показался молодой месяц. Хадж-Ева могла появиться с минуты на минуту. Мне не очень хотелось, чтобы Галлахер присутствовал при нашем свидании, и я попросил оставить меня одного.

Мой товарищ был несколько удивлен и смущен подобной просьбой. Но он был слишком хорошо воспитан, чтобы возражать.

— Право, Джордж, мальчик мой, с тобой происходит что-то неладное,— заявил он, собираясь уходить.—

И все это из-за какой-то ерундовой дуэли? Разве ты недоволен ее исходом? Или ты очень огорчен, что не ухлопал его? Клянусь небом, у тебя такой меланхоличный и подавленный вид, как будто это он уколошил тебя.

— Оставь меня ненадолго одного, дорогой мой. Когда я вернусь, я расскажу тебе о причинах моей меланхолии и объясню, почему сейчас вынужден лишиться твоего приятного общества.

— Ну, об этом-то я догадываюсь,— сказал он, многозначительно улыбаясь.— Там, где мужчины обмениваются выстрелами, всегда замешана юбка. Ну ладно, мой мальчик! Можешь не сообщать мне своей тайны, у меня слишком болтливый язык. Надеюсь, что ты проведешь время веселее с той, кого ждешь, чем со мной. Но смотри не попади в какую-нибудь неприятную историю, а это, клянусь душой, вполне возможно — после того, что я узнал от тебя. Возьми-ка этот свисток, ты ведь знаешь, что я любитель собак.

Он вынул из петлицы и протянул мне серебряный свисток.

— Если произойдет какое-нибудь затруднение или неприятность, то стоит тебе только свистнуть, и Чарльз Галлахер очутится рядом с тобой скорее, чем ты успеешь повернуться. Да поможет тебе Амур! А я пока пойду убивать время за стаканом пунша.

Сказав это, мой задушевный друг предоставил меня моей собственной судьбе.

Не успел он скрыться из виду, как я совершенно забыл о нем и даже о кровавой схватке, в которой только что участвовал. Маюми и ее измена — вот что всецело занимало мои мысли.

Сначала мне и в голову не приходило сомневаться в истине того, что я слышал. Как я мог сомневаться, располагая такими доказательствами — свидетельством тех, кто знал об этом скандальном происшествии, свидетельством главного действующего лица, чья молчаливая улыбка говорила больше, чем любые слова, улыбка, таившая в себе наглое торжество!.. Почему я позволил уйти ему безнаказанно, почему я тут же не вызвал его на дуэль? Впрочем, еще не поздно. Я заставлю его высказаться откровенно, на чистоту. Да или нет? Если да, то последует вторая дуэль, еще более жестокая, чем первая, — дуэль не на жизнь, а на смерть!

Я не сомневался более в жестокой истине. Я целиком отдавал себя во власть этой страшной пытки. Я долго терзался, но мало-помалу в моей душе вновь затеплилась надежда. Я вспомнил слова Хадж-Евы, сказанные прошлой ночью. Неужели в этот момент она смеялась надо мной? Но ведь она находилась в полном сознании, это не было игрой ее болезненной фантазии, воспоминанием о минувшем, давно забытом эпизоде. Нет, ее рассказ не был выдумкой, ее мысли не были бредом, ее слова не были насмешкой.

Как утешительно было надеяться на это! Но, с другой стороны, сейчас же на смену этим успокоительным мыслям являлись другие, отгоняли их, затемняли, как облака затемняют солнце. Я вспоминал легкомысленные фразы, сказанные многозначительным тоном: «Он добился успеха!», «Она его возлюбленная!», «Несомненно!». Эти слова были для меня хуже смерти.

Я жаждал ясности, правды и ясности — ничто так не мучает, как неизвестность. Я стремился узнать правду с безрассудной прямолинейностью и опрометчивостью — только бы выяснить все, что случилось с Маюми, и убедиться, что прошлое ее было позором, а будущее — хаосом беспредельного отчаяния.

Я стремился узнать правду и с нетерпением ждал прихода Хадж-Евы. Я не знал, чего хотела от меня эта безумная женщина. Я полагал, что дело идет о пленнике. Начиная с полудня я совсем не думал о нем.

Сумасшедшая королева бывала везде, знала всех. Она должна знать и понимать все, что произошло. Она тоже когда-то испытала, что такое измена. Я направился к тому месту, где мы встретились с ней прошлой ночью. Между пальмами шла тропинка — это была кратчайшая дорога к тенистому берегу озера. Я спустился по откосу и вышел к развесистому дубу. Хадж-Ева уже была там. Яркие лучи луны, пробиваясь сквозь листву, освещали ее величественную фигуру. А змеи, обвинившиеся вокруг ее шеи и пояса, сверкали своей металлической чешуей, как драгоценные камни.

— А, маленький мико, ты пришел? Мой храбрый мико! Где же были твои глаза и твоя рука? Почему ты не убил этого негодяя?

За оленем в час ночной
Шел с винтовкой зверобой.

Был он трус, а не герой!
Вдруг из чащи вышел волк,
Злой, худой, голодный волк,
Скалит зубы страшный волк!
Задрожал наш зверолов,
Ну а волк без лишних слов
Прыг в кусты — и был таков!
И теперь он жив-здоров!

Ха-ха-ха! Разве это не так, мой храбрый мико?

— Нет, Ева, не страх помешал мне. А кроме того, ведь волку не удалось убежать невредимым.

— Ах, ты ранил его в лапу! Но он залижет свою рану и будет опять так же крепок, как и раньше. Нехорошо! Тебе нужно было убить его, иначе, мой милый мико, он натравит на тебя целую стаю волков!

— Ну что ж поделаешь! Значит, мне не везет!

— Нет, молодой мико, ты должен быть счастливым, ты будешь счастлив, друг семиолов! Подожди, и ты увидишь...

— Что я увижу?

— Терпение, дитя! Сегодня ночью под этим деревом ты увидишь красоту, ты оценишь прелесть, и, может быть, Хадж-Ева будет отомщена!

Последние слова она произнесла торжественно и гневно. Я не мог понять, на кого она гневалась и кому хотела отомстить.

— Его сын... да... — продолжала безумная, говоря сама с собой. — Это, должно быть, его глаза, его волосы, его облик, его походка, его имя — его сын и ее. О, Хадж-Ева будет отомщена!

Не мне ли она угрожает? Я подошел к ней и спросил.

— Добрая Ева, о ком ты говоришь?

Услышав мой голос, она вздрогнула и взглянула на меня бессмысленным взглядом, а затем затянула свою обычную песню:

Зачем я поверила нежным словам
И с белым бродила по темным лесам?

Внезапно оборвав песню, она, казалось, снова пришла в себя и попыталась дать разумный ответ на мой вопрос:

— О ком, молодой мико? О нем... о красавце... о

злом! Это злой дух! Смотри, он идет... Видишь его отражение в воде? Скорей полезай наверх, спрячься в листве, так же как вчера, и жди, пока Ева вернется. Слушай так, чтобы все услышать, и смотри так, чтобы все увидеть. Но заклинаю тебя собственной жизнью: не шелохнись, пока я не дам тебе знака. Вверх, вверх, живо!

Подтолкнув меня к дубу, сумасшедшая, как и в прошлую ночь, скользнула в тень деревьев и исчезла. Не теряя времени, я взобрался на дуб и стал молча ждать.

Тень стала короче, но мне удалось рассмотреть, что это был мужчина. Затем тень исчезла. Еще секунда — и над водой показалась вторая тень. Она двигалась по холму, как бы следуя за первой, хотя, по-видимому, эти люди пришли не вместе. Я разглядел и вторую тень. Это была молодая стройная женщина с непринужденной походкой, со свободными движениями. Неужели это Хадж-Ева? Может быть, она прошла через заросли пальм и теперь возвращалась, следуя за мужчиной?

Так мне показалось сначала, но скоро я убедился в своей ошибке.

Мужчина подошел к дереву, и лунный свет озарил его черты. Я узнал адьютанта. Он остановился, вынул часы, поднял циферблат к свету и посмотрел, который час. Но я уже не обращал на него внимания — под серебряными лучами луны появилось другое лицо, обманчивое и ослепительное, как сама луна. Это было лицо, которое казалось мне самым красивым на свете, — лицо Маюми!

Глава XLIV

ВСЕ СТАЛО ЯСНО

Так вот про какие тени говорила Хадж-Ева! Это были черные тени, лежавшие на моем сердце!

Безумная королева микосоков, чем я заслужил эту пытку? И ты тоже стала моим врагом! И вряд ли для самого смертельного врага ты могла изобрести более страшные муки!

Маюми стояла лицом к лицу со своим возлюбленным, обольщенная — со своим обольстителем. Я не сомневался в том, что это они. Лунный свет озарял обоих, но это был уже не мягкий серебристый свет, а пылающий, наглый и алый. Может быть, мне это только показалось?

Может быть, это фантазия, порожденная моим воспаленным мозгом? Я был уверен, что это свидание заранее условлено. Да и как можно было думать иначе? Ни он, ни она не высказали ни малейшего изумления. Они встретились так, как будто сговорились об этом, как будто и прежде часто встречались.

Очевидно, они ожидали друг друга. В их встрече не было ничего необычного.

Я переживал ужасные минуты. Если собрать воедино все страдания, какие могут выпасть на долю человека за целую жизнь, и испытать их за одно мгновение — это было бы менее тяжело. Кровь как будто сжигала мое сердце. Я испытывал такую страшную боль, что едва удерживался, чтобы не застонать. Но, сделав усилие, непомерное усилие, я овладел собой и, ухватившись за ветви, застыл на своем месте, полный решимости узнать все до конца.

Это была счастливая мысль: если бы я теперь дал волю своим нервам и безрассудно попытался мстить, то, вероятно, дело кончилось бы для меня очень печально. Терпение оказалось моим ангелом-хранителем, и развязка получилась совершенно иная. Я замер на своей ветке и затаил дыхание. Что они скажут? Что сделают?

Я чувствовал себя так, как будто надо мной был занесен меч. Хотя если вдуматься, то это сравнение и верное и неверное — меч уже опустился, сильнее он не мог меня поразить. И душа моя и тело как будто застыли, отныне я был нечувствителен к любой боли.

Итак, я сидел неподвижно, затаив дыхание. Что они скажут? Что сделают?

Свет луны падал на Маюми, озаряя ее с головы до ног. Как она выросла! Теперь это была уже вполне сложившаяся женщина, и ее красота не отставала от ее развития. Она была еще красивее, чем раньше. Демон ревности! Неужели ты недоволен тем, что уже натворил? Разве я мало страдал? Почему ты представил мне ее теперь в таком восхитительном облики? О, если бы она была уродливой, страшной ведьмой, это доставило бы мне наслаждение, исцелило бы мою израненную душу!

Однако, как и прежде, выражение ее прекрасного лица было кротким и невинным. Ни одной черточки, изобличавшей вину, нельзя было заметить на этом спокойном лице, ни отблеска зла не мелькало в этих огромных глазах. Небесные ангелы прекрасны, но они добродетельны.

Кто бы мог поверить, что под этой ангельской внешностью таилось зло? Я ожидал, что ее лицо отразит всю ее лживость, но мои ожидания не оправдались. И в этом, может быть, скрывался луч надежды.

Все эти мысли вихрем промчались у меня в голове, ибо мысль быстрее, чем молния. Я ждал первого слова, которого, к моему изумлению, мне пришлось прождать несколько секунд. Будь я на месте Скотта, я не мог бы встретиться с ней так хладнокровно. Все, что было у меня на сердце, высказал бы мой язык. Теперь я понял: первый порыв страсти прошел, прилив любви отхлынул, эта встреча больше не представляла для него прелести новизны. Может быть, девушка уже успела надоесть ему? Посмотрите-ка, как сдержанно они оба ведут себя. В их отношениях чувствуется какая-то холодность... может быть, даже произошла любовная ссора.

Как ни горьки были такие мысли, однако я чувствовал некоторое облегчение, наблюдая за влюбленными. В их отношениях мне почудилась какая-то враждебность. Ни одного слова, ни одного жеста, они как бы затаили дыхание. О чем они будут говорить? Что последует дальше?

Но моему тревожному удивлению был положен предел. Наконец адъютант заговорил:

— Милая Маюми, значит, вы сдержали свое обещание?

— А вот вы не сдержали своего. Нет... я читаю это в вашем взоре. До сих пор вы еще ничего для нас не сделали.

— Маюми, поверьте, что у меня не было подходящего случая. Генерал был так занят, и я не мог его беспокоить. Потерпите немного. Я уверен, что мне удастся убедить его, и ваша собственность будет вам возвращена. Скажите матери, чтобы она не беспокоилась: ради вас, Маюми, я не пожалею никаких усилий. Поверьте, что я так же озабочен этим, как и вы. Но вы ведь знаете, какой крутой нрав у моего дяди. Да к тому же он находится в самых дружеских отношениях с семьей Ринггольдов. Вот в чем самое главное затруднение, но я надеюсь преодолеть и его.

— Ваши речи прекрасны, сэр, но они мало чего стоят. Мы давно ждем, что вы исполните свое обещание помочь нам. Мы хотим только справедливого судебного следствия, и вы легко могли бы это устроить. Теперь мы уже больше не заботимся о своих землях, ибо нам нанесено еще более

страшное оскорбление. Оно заставляет забыть другие, меньшие беды. Неужели вы думаете, что я пришла бы сюда ночью, если бы не это несчастье с моим братом? Вы уверяете, что хорошо относитесь к нашей семье. Теперь, когда я обращаюсь к вам с просьбой, вы можете доказать это. Добейтесь освобождения моего брата, и мы поверим вашим сладким речам, которые слышим так часто. Не говорите, что это невозможно. Это даже нетрудно для вас — ведь вы пользуетесь таким влиянием среди белых вождей. Мой брат, может быть, был резок, но он не совершил никакого преступления, за которое его нужно было бы наказать. Одно слово великому военному вождю — и Оцеола будет свободен! Идите и произнесите это слово!

— Милая Маюми! Вы даже не отдаете себе отчета в сложности поручения, которое вы на меня возлагаете. Ваш брат арестован по приказанию правительственного агента и главнокомандующего. У нас не то, что у вас, индейцев. Я только подчиненный, и если бы я обратился к генералу и посоветовал ему исполнить вашу просьбу, он мог бы не только сделать мне выговор, но даже, может быть, вздумал бы и наказать меня.

— О, вы боитесь выговора за справедливый поступок! А еще толкуете мне здесь о дружбе! Ну хорошо, сэр! Мне остается только сказать вам вот что: мы больше вам не верим. И вам больше незачем приходить в нашу скромную хижину!

Она отвернулась от него с презрительной улыбкой. Каким восхитительным показалось мне это презрение!

— Пойдите, Маюми! Дорогая Маюми! Не расставайтесь со мной так! Не сомневайтесь, я сделаю все, что от меня зависит.

— Выполните мою просьбу: освободите брата и позвольте мне вернуться домой.

— И если я это сделаю...

— Ну, сэр...

— Знайте, Маюми, что, пытаясь исполнить вашу просьбу, я рискую многим. Меня могут лишить офицерского чина, разжаловать в солдаты, предать позору... Меня могут заключить в тюрьму, даже худшую, чем та, куда они собираются отправить вашего брата. И на все это я готов пойти, если...

Девушка молча ждала, что он скажет дальше.

— И я готов вынести все это, даже рисковать жиз-

нюю, если вы... — здесь в голосе его послышалась страстная мольба, — если вы согласитесь...

— На что?

— Милая Маюми, неужели мне надо говорить вам об этом? Неужели вы не понимаете, что я хочу сказать? Неужели вы не видите моей любви, моего преклонения перед вашей красотой...

— На что же я должна согласиться? — спросила она мягким тоном, в котором как будто послышалась снисходительность.

— Только любить меня, прелестная Маюми... Стать моей возлюбленной!

Несколько мгновений царило молчание. Благородная девушка стояла неподвижно, как статуя. Она даже не вздрогнула, услышав это наглое предложение. Она как будто окаменела.

Ее молчание ободрило пылкого влюбленного. По-видимому, он принял его за согласие. Он не мог видеть ее глаз, иначе он уловил бы в них то, что мгновенно заставило бы его замолчать. Он, наверно, не заметил взгляда, брошенного девушкой, иначе он вряд ли совершил бы такую ошибку. Он продолжал:

— Обещайте мне это, Маюми, и ваш брат уже сегодня будет свободен, а вы получите все свои...

— Наглец! Наглец! Ха-ха-ха!

Никогда в жизни не слышал я ничего более восхитительного, чем этот смех. Это были для меня самые сладостные звуки. Ни свадебный звон колокола, никакие лютни, арфы и кларнеты, никакие трубы и фанфары в мире не могли бы прозвучать для меня более пленительной музыкой, чем этот смех.

Казалось, что луна льет серебро с неба, звезды стали крупнее и ярче, ветерок повеял чудесным ароматом, как будто благоухание пролилось с небес, и весь мир для меня внезапно превратился в земной рай.

Глава XLV

ДВЕ ДУЭЛИ В ОДИН ДЕНЬ

Теперь я мог бы спуститься вниз, но меня охватило чувство невыразимого блаженства, и я застыл в каком-то оцепенении. Как будто из моего сердца извлекли отравлен-

ную стрелу... Кровь быстрее заструилась в моих жилах, сердце забилось ровнее и свободнее, а душа ликовала. Я готов был кричать от радости и с трудом сдерживал себя, дожидаясь того момента, когда можно будет сойти вниз. Между тем свидание внизу еще продолжалось. Я услышал голос Маюми.

— Возлюбленной... вот оно что! — презрительно воскликнула гордая красавица. — Так вот в чем заключается ваша дружба? Негодяй! За кого вы меня принимаете? За продажную женщину? За доступную всем индианку из племени ямасси? Знайте, сэр, что я не ниже вас по происхождению. Хотя ваши бледнолицые друзья отняли у меня все состояние, но есть одна вещь на свете, которую никто никогда у меня не может отнять: это мое доброе имя. «Возлюбленной»! Глупец! Я не согласилась бы стать даже вашей женой. Я готова лучше нагой бродить по дебрям диких лесов и питаться желудями, чем продаться вам, отдаться во власть вашей низменной любви! И мой брат скорее согласился бы всю свою жизнь томиться в цепях, чем купить свободу такой ценой! О, если бы он был здесь! Если бы он был свидетелем этого гнусного оскорбления! Негодяй, он переломил бы тебя, как тростинку!

Ее глаза, поза, решительная поступь, бесстрашные манеры — все это напоминало мне Оцеолу в момент ареста. Ее неудачливый поклонник смутился и отступил перед этими разящими упреками и в течение нескольких минут стоял жалкий и пристыженный. Еще минуту назад он, может быть, подавил бы свою досаду и позволил бы девушке уйти беспрепятственно. Но презрение, с которым она встретила его домогательства, пробудило в нем дерзость отчаяния и довело до того, что он решил применить силу.

Я думаю, что ничего подобного он не замышлял, когда отправлялся на свидание. Хотя адъютант был человек развращенный, но все же не рискнул бы на такое отчаянное предприятие. Этот напыщенный, тщеславный франт все-таки не мог быть дерзким по отношению к девушке; только упреки индианки вынудили его решиться на такую крайность.

Маюми отвернулась от него и пошла прочь.

— Куда ты спешишь, моя смуглая красавица? — кричал он, бросаясь за ней и хватая ее за руку. — Не думай, что ты так легко от меня отделаешься. Я выслеживал тебя целые месяцы, и теперь, клянусь, настала минута, когда тебе

придется расплатиться за все твои коварные улыбки! Твое сопротивление ни к чему не приведет. Мы здесь одни, и, прежде чем мы расстанемся, я...

Дальше я не слушал. Я стал быстро спускаться со своей вышки, спеша к ней на помощь. Но кто-то другой опередил меня.

Хадж-Ева, сверкая глазами и заливаясь безумным смехом, кинулась вперед. В руках ее извивалась гремучая змея. Змея выставила голову; видно было, что она разъярена и готовится к нападению. Я слышал шипенье и резкий звук «скирр-рр» ее погремущек.

Через секунду сумасшедшая стояла уже рядом с незадачливым соблазнителем. Он испугался, выпустил девушку и, отскочив, стоял, задыхаясь, ошеломленно глядя на женщину, которая так внезапно появилась перед ним.

— Хо! хо! — пронзительно завопила безумная. — Его сын! Его сын! И он такой же, как его изменник-отец в тот день, когда погубил доверчивую Еву! Да и случилось это в тот же час, и месяц был в той же четверти, такой же рогатый и злой. Он с усмешкой глядел сверху на преступление. Хо! хо! Час, когда совершился грех, будет часом мести! Преступление отца должно быть искуплено сыном. Великий Дух! Дай мне силу отомстить! Читта-мико, отомстим!

Взывая к духу и произнося заклинания, она бросилась к испуганному офицеру, протянув руку вперед, чтобы змея ужалила его.

Адъютант машинально выхватил свою шпагу, как бы охваченный единственным побуждением защитить себя, и закричал:

— Чертова колдунья! Если ты сделаешь еще хоть один шаг, я прокалю тебя насквозь! Прочь! Назад, или, клянусь, я заколю тебя!

По его решительному тону чувствовалось, что он не шутит. Однако Ева не испугалась. Она продолжала наступать, не обращая внимания на сверкающее лезвие, направленное прямо на нее.

В этот момент подоспел и я и также выхватил свою шпагу, чтоб отпарировать роковой удар и спасти Еву, которая безрассудно наступала на адъютанта. Но мне так и не пришлось нанести удар. То ли пораженный диким, странным видом безумной женщины, то ли боясь, что она швырнет в него змею, адъютант в паническом страхе вдруг стал пятиться назад. Сделав два шага, он очутился на самом

краю каменистого берега, зацепился ногой за камень, поскользнулся и полетел в воду. Озеро было глубокое, и он сразу скрылся под водой. Быть может, это падение и спасло ему жизнь. В следующий момент он снова показался на поверхности и быстро стал карабкаться на берег. Теперь он не помнил себя от ярости и, выхватив шпагу, ринулся на Хадж-Еву. Его гневные проклятия свидетельствовали о его решимости убить ее тут же на месте. Но его шпага не вошла в нежное тело женщины и не поразила змею. Сталь ударилась о такую же твердую блестящую сталь.

Я бросился между адъютантом и его жертвой. Мне удалось удержать Хадж-Еву от свершения ее мстительного замысла. До сих пор адъютант не видел меня. Ярость, больше чем вода, ослепила его, и только когда наши клинки встретились, он заметил мое присутствие.

Последовала небольшая пауза. Все молчали.

— Это вы, Рэндольф? — удивленно воскликнул он.

— Да, лейтенант Скотт, это я, Рэндольф. Простите за непрошеное вмешательство, но, услышав, что ваша нежная любовная беседа вдруг перешла в ссору, я счел своим долгом вмешаться...

— Вы подслушивали? А позвольте узнать, сэр, разве это вас касается? Кто дал вам право шпионить за мной и вмешиваться в мои дела?

— Право? Это долг каждого честного человека — защитить слабую невинную девушку от посягательств такого хищника, как вы. Вы еще хуже, чем Синяя Борода!

— Вы раскаетесь в этом! — взвизгнул адъютант.

— Теперь — или когда?

— Когда вам будет угодно!

— Сейчас удобнее всего. Начинайте!

Не говоря ни слова больше, мы скрестили наши шпаги, и началась ожесточенная игра клинков.

Схватка была короткой. Сделав выпад в третий или четвертый раз, я ранил своего противника в плечо, и он больше не мог владеть правой рукой. Его шпага со звоном упала на гальку.

— Вы ранили меня! — закричал он и добавил, указывая на упавшую шпагу: — Я безоружен! Довольно, сэр, я удовлетворен...

— А я буду удовлетворен только тогда, когда вы на коленях попросите прощенья у той, которую вы так грубо оскорбили.

Скотт поскользнулся и полетел в воду.

— Никогда! — отвечал он. — Никогда! — И, произнеся это слово, которое, по-видимому, должно было выразить его непреклонное мужество, он вдруг обернулся и, к величайшему моему изумлению... бросился бежать.

Я помчался за ним и вскоре догнал его. Я мог бы всадить шпагу ему в спину, но теперь я уже не жаждал его крови и ограничился тем, что дал ему хорошего пинка ногой в то место, которое Галлахер назвал бы «задним фасадом». Удовольствовавшись этим прощальным приветом, я предоставил адъютанту возможность продолжать свое постыдное бегство.

Глава XLVI

МОЛЧАЛИВОЕ ПРИЗНАНИЕ

Мы юной любви вспоминаем дни

Под пальмами вдвоем...

Ты вновь на свою голубку взгляни...

Это Хадж-Ева напевала одну из своих любимых мелодий. Затем я услышал другой, более нежный голос, назвавший меня по имени:

— Джордж Рэндольф!

— Маюми!

— Хо-хо! Оба наконец вспомнили... Это прекрасный остров, но он хорош для вас, а для Хадж-Евы мрачный... Не стану больше думать... нет, нет!

Мы юной любви вспоминаем дни

Под пальмами вдвоем...

Ты вновь на свою голубку взгляни...

Когда-то это был мой остров, теперь он стал твой, мой милый мико, и твой, моя красавица. Дорогие мои! Оставляю вас одних наслаждаться, вам не нужна старая, сумасшедшая королева. Я уйду — не бойтесь ни шороха ветерка, ни шепота деревьев. Никто не подкрадется к вам, пока Хадж-Ева караулит, и читта-мико тоже будет охранять вас. Хо, читта-мико!

Мы юной любви вспоминаем дни ..

Безумная снова запела свою песню и ушла, оставив меня наедине с Маюми. Мы оба несколько смутились.

Ведь мы никогда не обменивались с нею ни одним признанием, ни одним словом любви. Хотя я любил Маюми со всем пылом своего юного сердца и теперь уверился в том, что и она любит меня, но мы еще до сих пор не сказали этого друг другу. У нас обоих точно язык отнялся.

Но в эту минуту слова были бы излишни. Между нами как будто прошел электрический ток, наши души и сердца слились в счастливом единении, мы без слов понимали друг друга. Никакие речи не могли бы убедить меня сильнее в том, что сердце Маюми принадлежит мне.

Очевидно, и она чувствовала то же самое. Нас волновали одни и те же мысли. По всей вероятности, Хадж-Ева уже рассказала ей о том, как я пылко изливал свои чувства. По веселому, спокойному взгляду Маюми я догадался, что и она не сомневается во мне. Я раскрыл объятия. И моя любимая, как бы поняв мой призыв, спрятала личико у меня на груди.

Мы не произнесли ни слова. Тихий, нежный возглас сорвался с ее губ, когда она прильнула к моей груди и самозабвенно обвила мою шею руками.

Несколько мгновений мы простояли молча, только наши сердца как бы шептались между собой. Затем смущение растаяло, как легкое облачко под лучами летнего солнца, и мы наконец признались во взаимной любви. Я не стану пересказывать здесь наши любовные речи. Эти самые священные слова в передаче часто звучат пошло, поэтому я воздержусь от подробностей.

В этот сладостный миг оба мы испытывали невыразимое блаженство. Немного спустя мы опомнились и, отвлекшись от настоящего, заговорили о прошлом и о будущем.

Я расспросил Маюми, и она правдиво рассказала мне все, что произошло в мое отсутствие. Она призналась без всякого кокетства, что с первой же нашей встречи полюбила меня и в течение всех этих долгих лет разлуки ей никто не нравился. Она простодушно удивлялась, что я не догадывался об этом. Я напомнил ей, что она никогда не говорила мне о своей любви. Маюми сказала, что это верно, но добавила, что она и не думала скрывать ее. Она оказалась проницательнее меня и догадалась, что я люблю ее. Маюми говорила так свободно и откровенно, что мои подозрения рассеялись. Она оказалась благороднее меня: ни-

когда Маюми и не подумала бы сомневаться во мне. Только один раз, совсем недавно, она поддалась этому чувству. Выяснилась и причина: оказывается, ее неудачливый поклонник пытался отравить ее слух клеветой на меня. Поэтому и было дано поручение Хадж-Еве.

Увы! История моей любви была не столь безупречной. Я мог открыть Маюми только часть истины. Но я чувствовал угрызения совести, когда мне приходилось, чтобы не огорчить девушку, умалчивать о том или ином эпизоде из моего прошлого.

Но прошлое оставалось прошлым, и в нем уже ничего нельзя было изменить. Зато более светлое будущее открывалось передо мной, и я дал себе клятву искупить свою вину. У этого чудесного создания, которое я теперь держал в своих объятиях, никогда больше не будет повода упрекать меня.

Я испытывал чувство гордости, когда слушал чистосердечное признание Маюми в любви, но, как только мы заговорили о ее семье, во мне снова закипела кровь от гнева. Она рассказала мне о судебных процессах, несправедливостях и оскорблениях, перенесенных ими от белых, и особенно от их соседей — Ринггольдов.

Она рассказала мне все, что я уже прекрасно знал. Но были еще обстоятельства, известные только Маюми. Ринггольд, этот презренный лицемер, пытался ухаживать за нею. Только страх перед ее братом вынудил его оставить ее в покое.

Другой вздыхатель, Скотт, пытался вкрасься в доверие к ней под видом дружбы. Он знал, как и все остальные, в каком положении находилось судебное дело о плантации Пауэллов, и, пользуясь своими родственными связями с влиятельными лицами, обещал добиться возвращения им земли. Это было сплошное притворство, он и не думал сдерживать свое обещание, но его сладкоречивые уверения обманули благородное, доверчивое сердце Оцеолы. Вот почему этот бездушный негодяй получил доступ в семью Пауэллов и сделался там почти близким человеком. Несколько месяцев он уже бывал у них, стараясь улучшить удобный момент и поговорить с Маюми откровенно. Все это время он осаждал ее признаниями в любви. Впрочем, не особенно дерзко, потому что он боялся хмурого взгляда ее грозного брата. Но все его домогательства остались безуспешными. Ринггольду это было хорошо известно, но

он преследовал единственную цель — уязвить меня. Трудно было выбрать для этого более подходящий момент. Оставалось еще одно обстоятельство, которое мне хотелось выяснить. Конечно, умная и проникательная Маюми могла мне помочь в этом: ведь она дружила с моей сестрой, и девушки поверяли друг другу свои заветные тайны.

Мне очень хотелось узнать, каковы отношения между моей сестрой и братом Маюми. Но я стеснялся спросить ее об этом, хотя был уверен, что она могла бы сообщить мне много интересного.

И, однако, мы говорили об обоих, особенно о Виргинии... Маюми с нежностью вспоминала о моей сестре и засыпала меня вопросами о ней. Она слышала, что Виргиния стала еще красивее, чем раньше, и затмила своей красотой всех подруг. Маюми спросила, помнит ли Виргиния наши прогулки, счастливые часы, проведенные на острове.

«Может быть, слишком хорошо помнит!» — подумал я, но мне было как-то тяжело говорить об этом.

Наши мысли обратились к будущему. Прошедшее было ясно, как голубое небо, а горизонт будущего закрывали облака.

Прежде всего мы заговорили о том, что нас больше всего волновало и что было самым страшным: об аресте Оцеолы. Скоро ли его выпустят? Что мы должны предпринять, чтобы ускорить его освобождение?

Я обещал сделать все, что в моих силах, и намеревался выполнить свое обещание. Я твердо решил не оставить камня на камне, но добиться для узника свободы. Если нельзя будет достигнуть справедливости законным путем, я готов был даже прибегнуть к хитрости, хотя бы даже ценой увольнения из армии, даже рискуя тем, что мое имя будет покрыто позором. Готов был даже рискнуть жизнью, чтобы освободить молодого вождя. Мне не нужно было ни клясться, ни божиться, мне верили и без того. Поток благодарности струился из этих влажных глаз, а нежное прикосновение пылающих губ было слаще любых слов признательности.

Настало время расставаться. Судя по положению луны, было уже около полуночи. На вершине холма, как бы отлитая из бронзы, на фоне бледного неба вырисовывалась фигура безумной королевы. Она подошла к нам. Я обнял Маюми и горячо поцеловал ее, затем мы расстались. Страшная, но верная защитница девушки увела

ее по незаметной тропинке, а я остался один и молча стоял несколько минут, вспоминая все, что было пережито на этом священном месте.

Луна опускалась все ниже и ниже к горизонту. Это было предупреждение о том, что пора идти. Спустившись с вершины холма, я быстро пошел обратно в форт.

Глава XLVII

ПЛЕННИК

Несмотря на поздний час, я решил навестить пленника. Я должен был спешить, так как мне самому угрожало лишение свободы. Две дуэли в один день, два раненых противника — и оба друзья генерала. А ведь сам я не имел никаких друзей: вряд ли я мог избежать наказания. Я ожидал ареста... может быть, даже военного суда, а в перспективе мне могло угрожать увольнение из армии.

Несмотря на свой оптимизм, я все же задумался о том, чем все это кончится. Я не очень беспокоился об увольнении — я мог прожить и без офицерского чина. Но любой человек, будь он прав или виноват, не может равнодушно подвергнуться осуждению своих товарищей и носить клеймо позора. Можно быть отчаянным человеком, но нельзя не считаться с последствиями, когда дело касается родственников и семьи.

Однако Галлахер придерживался на этот счет иного мнения.

— Ну и пусть они тебя арестуют и даже велят подать в отставку. Черт с ними! Наплевать тебе на все это! Не обращай никакого внимания. Будь я в твоей шкуре и владей я такой великолепной плантацией и целым полком негров, я плюнул бы на эту военную службу и стал бы разводить сахар да табак. Клянусь святым Патриком, я ак бы и поступил!

Однако утешительные речи друга не совсем успокоили меня, и я не в слишком веселом настроении отправился разыскивать пленника.

Я нашел молодого вождя в камере. Как только что пойманный орел, как пантера в ловушке, Оцеола в бешенстве метался по камере и время от времени выкрикивал дикие угрозы.

В помещении без окон было совсем темно. Сопровождавший меня капрал не взял ни свечи, ни факела; он пошел за ними и оставил меня одного в темноте.

Я услышал шаги, легкие, как поступь тигра — наверно, шаги человека, обутого в мокасины, — и резкий звон цепей. Затем слух мой уловил бурное дыхание и гневные возгласы. В полумраке я различил фигуру пленника, ходившего взад и вперед большими шагами. Значит, ноги у него не были скованы.

Убедившись, что пленник один, я тихо вошел к нему и встал у двери. Мне казалось, что, погруженный в свои мысли, он не замечает меня. Но я ошибся. Внезапно Оцеола остановился и, к моему удивлению, назвал меня по имени. Он, должно быть, прекрасно видел во мраке.

— И вы, Рэндольф, оказались среди моих врагов! — произнес он тоном упрека. — Вы вооружены, в военной форме, при полном снаряжении — и готовы помочь им выгнать нас из наших домов!

— Пауэлл!

— Не Пауэлл, сэр. Мое имя Оцеола!

— Для меня вы всегда останетесь Эдуардом Пауэллом, другом детства, человеком, который спас мне жизнь. Я помню вас только под этим именем...

Наступила короткая пауза. Мои слова, по-видимому, как-то примирили его со мной. Может быть, они вызвали в нем воспоминания о давно ушедших временах. Оцеола сказал:

— Зачем вы здесь? Вы пришли сюда как друг или, подобно всем остальным, для того, чтобы терзать меня пустыми разговорами? Здесь перебивало много народу — лицемерных болтунов, которые старались склонить меня к бесчестным поступкам. Неужели и вас прислали с подобным поручением?

Из этих слов я заключил, что Скотт уже побывал у пленника — по-видимому, с каким-то поручением.

— Нет, я пришел по собственной воле, пришел как друг, — сказал я.

— Я верю вам, Джордж Рэндольф! Еще в ранней юности у вас было честное сердце. А прямые побеги редко вырастают в искривленное дерево. Я не думаю, чтобы вы изменились, хотя враги уверяли меня в этом. Нет! Дайте руку, Рэндольф! Простите, что я усомнился в вас.

Вплотьмах я схватил пленника за руку и понял, что

обе его руки скованы, и все же рукопожатие наше было крепким и искренним.

Я не стал расспрашивать Оцеолу о врагах, очернивших меня. Главное, чтобы пленник поверил в мои дружеские чувства, — это было так важно, чтобы план его освобождения увенчался успехом. Я рассказал ему только часть того, что произошло у озера, остальное я не рискнул бы доверить даже родному брату.

Я ожидал яростного взрыва гнева, но был приятно разочарован: молодой индеец привык к неожиданным ударам судьбы и научился сдерживать свои порывы. Я почувствовал, что мой рассказ произвел на него глубокое впечатление. В темноте я не мог видеть его лица, он только заскрежетал зубами и что-то прошипел, стараясь подавить гнев.

— О глупец! — наконец воскликнул он. — Каким слепым дураком я был! Ведь с самого начала я подозревал этого сладкоречивого мерзавца. Спасибо, благородный Рэндольф! Я в неоплатном долгу перед вами за вашу преданную дружбу. Теперь вы можете требовать от Оцеолы все на свете!

— Ни слова больше, Пауэлл! Вам незачем думать об этом — наоборот, я ваш должник, но сейчас нам нельзя терять ни минуты. Я пришел сюда, чтобы дать вам совет. Это план, с помощью которого вам удастся освободиться. Но нам надо спешить, иначе меня могут застать здесь.

— В чем же заключается ваш план?

— Вы должны подписать Оклавахский договор!

Глава XLVIII

ВОЕННЫЙ КЛИЧ

Однако только восклицание «вуф», в котором звучало удивление и презрение, было ответом на мои слова. Далее наступило глубокое молчание.

Я повторил свое предложение:

— Вы должны подписать этот договор!

— Никогда! — ответил он самым решительным тоном. — Никогда! Пусть лучше я заживо сгнию в этих стенах! Лучше я брошусь грудью на штыки моих тюремщиков и погибну, чем стану изменником своему народу! Никогда!

— Терпение, Пауэлл, терпение! Вы не поняли меня. Помоему, вы, вместе с другими вождями, не уяснили себе точного смысла этого договора. Вспомните, что он связывает вас только условным обещанием: уступить ваши земли белым и переселиться на Запад лишь в том случае, если большинство народа согласится на это. Сегодня стало известно, что большинство народа не согласно. Ваше согласие не изменит этого решения большинства!

— Это верно,— согласился пленник, начиная улавливать мою мысль.

— В таком случае, вы можете подписаться и не считать себя связанным этим, раз главные условия не выполнены. Почему бы вам не пойти на эту хитрость? Никто не назовет ваших действий бесчестными. Мне думается, что любой человек оправдает ваш поступок, а вы вернете себе свободу.

Может быть, мои доводы плохо согласовались с правилами поведения честного человека, но в тот момент они были продиктованы искренним волнением, а взоры дружбы и любви порой не замечают погрешностей против морали.

Оцеола молчал. Я понял, что он задумался над моими словами.

— Ну, вот что, Рэндольф,— наконец сказал он.— Вы, должно быть, жили в Филадельфии, знаменитом городе юристов. Ничего подобного никогда не приходило мне в голову. Вы правы — эта подпись, конечно, не свяжет меня. Но не думаю, чтобы агент остался доволен, если я подпишу договор. Он ненавидит меня — я знаю это и знаю причины его ненависти. Я тоже ненавижу его и тоже по многим причинам. Уже не в первый раз он оскорбляет меня! Удовлетворится ли он моей подписью?

— Полагаю, что да. Если можете, сделайте вид, что вы смирились. Подпишите, и вас немедленно освободят.

Я не сомневался в этом. Из всего того, что я слышал после ареста Оцеолы, я пришел к заключению, что Томпсон уже раскаивался в своем поступке. Все считали, что он действовал слишком опрометчиво и что эта опрометчивость могла привести к пагубным последствиям. Эти толки дошли до агента, и, услышав от узника о посещении адъютанта, я решил, что Скотт приходил по его поручению. Было ясно, что агенту самому хотелось как можно скорее развязаться со своим пленником и он был

бы рад освободить его даже на самых приемлемых для Оцеолы условиях.

— Мой друг! Я последую вашему совету и подпишу договор. Можете сообщить агенту о моем намерении.

— Я скажу ему об этом, как только увижу его. А теперь уже поздно, прощайте!

— Ах, Рэндольф! Как тяжело расставаться с другом, единственным другом, оставшимся у меня среди белых! Как мне хотелось бы поговорить с вами о давно минувших днях! Но здесь не место и не время для этого.

Молодой вождь оставил свой сдержанный тон, и его голос зазвучал мягко, как в былые времена.

— Да, единственный друг среди белых, которого я ценю и уважаю,— задумчиво повторил он,— единственный, кроме...

Он вдруг замолк, словно опомнившись, что чуть не выдал тайны, которую не считал благоразумным открывать. С некоторым беспокойством я ожидал признания, но так и не услышал его. Оцеола снова заговорил, но уже совершенно иным тоном.

— Много зла причинили нам белые! — сказал он с гневом. — Столько несправедливостей, что даже трудно их перечислить... но, клянусь Великим Духом, я отомщу! До сих пор я не давал такой клятвы, но события последних дней превратили мою кровь в пламя. Еще до вашего прихода я поклялся убить двух своих злейших врагов. Вы не заставили меня изменить мое намерение — напротив, укрепили меня в нем, и я прибавил к числу моих недругов третьего врага. Теперь я еще раз клянусь Великим Духом, что не буду знать покоя, пока листья в лесу не обагрятся кровью этих трех белых негодяев и одного краснокожего предателя! Недолго тебе торжествовать, изменник Оматла! Скоро тебя настигнет месть патриота, скоро тебя поразит меч Оцеолы!

Я молчал, ожидая, пока уляжется его гнев. Через несколько секунд молодой вождь успокоился и снова заговорил дружеским тоном:

— Еще одно слово, прежде чем мы расстанемся. Кто знает, когда еще нам придется встретиться! Разные обстоятельства могут помешать нам. А если и встретимся, то, как враги, на поле битвы. Я не скрываю от вас, что вовсе не собираюсь помышлять о мире. Нет, никогда! У меня есть к вам просьба, Рэндольф. Дайте мне слово, что вы исполните ее, не требуя объяснений. Примите от

меня этот дар и, если вы цените мою дружбу, не таясь всегда носите его на груди. Вот и все!

Говоря это, он снял с шеи цепочку с изображением восходящего солнца, о котором я уже упоминал. Он надел его на меня, и заветный символ заблестал на моей груди. Я принял его дар, не отказываясь, обещал выполнить его просьбу, а взамен подарил ему свои часы. Затем, сердечно пожав друг другу руки, мы расстались.

* * * * *

Как я и предполагал, добиться освобождения вождя семинолов не представляло особого труда. Хотя агент и ненавидел молодого вождя по причинам, мне неизвестным, но он не осмелился перенести свои личные отношения на официальные дела. Он уже и так поставил себя в затруднительное положение. И когда я сообщил ему о решении пленника, я убедился, что Томпсон очень рад так легко от него отделаться. Не теряя времени, он отправился на свидание с пленником.

Оцеола держал себя весьма тактично. Если вчера он дал волю своему гневу, то сегодня был уступчив и сдержан. Ночь, проведенная в заключении, как будто укротила этот гордый дух. Голодный и закованный в цепи, он теперь готов принять любое условие, которое возвратит ему свободу. Так представлял себе положение агент.

Принесли договор. Оцеола подписал его, не проронив ни слова. С него сняли цепи, дверь тюрьмы распахнулась, и ему позволено было беспрепятственно удалиться. Томпсон торжествовал, но это был лишь самообман. Если бы он, как и я, заметил ироническую усмешку на губах Оцеолы, вряд ли он так безоговорочно уверовал бы в свой триумф. Но Томпсону недолго пришлось пребывать в приятном заблуждении.

На глазах у всех молодой вождь гордой поступью направился к лесу. Но, дойдя до опушки, он обернулся к форту, вынул из-за пояса сверкающий клинок, взмахнул им над головой и вызывающе крикнул: «Ио-хо-эхи!» Этот военный клич трижды донесся до нашего слуха, а затем Оцеола повернулся и одним прыжком скрылся в лесной чаще.

Было совершенно ясно, что это значит. Даже сам торжествующий агент сообразил, что этот клич означает призыв к войне не на жизнь, а на смерть. Немедленно

в погоню по следам пленника были отправлены вооруженные солдаты. Но погоня оказалась бесплодной, и после целого часа напрасных поисков усталые солдаты вернулись назад в форт.

* * * * *

Мы с Галлахером все утро провели дома, ожидая приказа об аресте. Но, к нашему великому удивлению, такового не последовало.

Позднее выяснилось, что Ринггольд не вернулся в форт. После ранения он был отправлен к знакомому, жившему в нескольких милях от форта. Это отчасти сгладило скандальное происшествие. Второй противник, адъютант Скотт, вернувшись с рукой на перевязи, заявил, что его сбросила лошадь и он ударился о дерево. Вполне понятно, что раненый щеголь не рассказывал об истинных причинах своего ранения. А я мог только одобрить его молчание и, со своей стороны, не сказал никому ни слова о случившемся — никому, кроме своего друга. Вся эта история стала известна только гораздо позже. Впоследствии мы часто встречались с адъютантом Скоттом по делам службы, но, само собой разумеется, наши беседы носили чисто официальный характер и мы оба вели себя крайне сдержанно.

Вскоре, однако, обстоятельства разлучили нас. И я был рад больше не встречаться с человеком, которого глубоко презирал.

Глава XLIX

ВОЙНА

В течение нескольких недель, протекших после совета в форте Кинг, в стране, по-видимому, царило полное спокойствие. Переговоры закончились, и начало военных действий было уже не за горами. Белые беседовали между собой главным образом о том, как поступят индейцы. Будут ли они сражаться или пойдут на уступки? Большинство считало, что они покорятся.

Семинолам был дан некоторый срок, для того чтобы подготовиться к переселению. Ко всем племенам были посланы гонцы, чтобы объявить день, когда индейцы должны пригнать весь скот и лошадей в форт. Был назначен аукцион под наблюдением агента. Вырученную сумму предпо-

лагали раздать владельцам скота, когда они придут на новое местожительство на Западе. Так же собирались поступить и с их плантациями и усадьбами.

Наступил день аукциона, но, к великому огорчению правительственного агента, стада не прибыли. Аукцион пришлось отложить.

Индейцы не пригнали скот — значит, дальше можно было ожидать и худшего. Вскоре их намерения обнаружались еще более явно.

Спокойствие, царившее в последние недели, оказалось только зловещим затишьем перед бурей. Подобно глухим раскатам отдаленного грома, стали возникать мелкие конфликты — безусловные предвестники вооруженного столкновения.

Как обычно, зачинщиками были белые. Трех индейцев поймали на охоте за пределами их территорий. Группа белых связала их веревками и заперла в хлев, в усадьбе одного из белых. Пленных продержали там три дня и три ночи, пока другие воины племени, узнав об этом, не пришли их освободить. Произошла схватка, несколько индейцев были ранены, но белые бежали, и пленники получили свободу. Когда их вывели из заточения, глазам их друзей предстало страшное зрелище. Веревки, которыми бедняги были связаны, врезались в тело и не давали им возможности двинуть ни рукой, ни ногой. Они потеряли много крови, и за все время плена их ничем не кормили. Можно себе представить, какое это произвело впечатление! Заметьте, что я привожу только достоверные факты.

Еще один случай. Шесть индейцев находились в своем лагере около Канафа-Понд, когда партия белых напала на них, отобрала у них ружья, обыскала мешки и начала хлестать их бичами. В это время подоспели еще двое индейцев; они увидели, что происходит, и начали стрелять в белых. Белые стали отстреливаться, причем убили одного индейца и тяжело ранили другого.

Естественно, что среди индейцев вспыхнули волнения и они начали мстить. Газеты сообщали:

«11 августа, Дальтон. Почтальон по дороге из форта Кинг в форт Брук натолкнулся на группу индейцев. Они схватили лошадь за поводья, стащили всадника с седла и убили. Изуродованное тело почтальона через несколько дней было найдено в лесу».

«Группа в 14 человек верховых ехала на разведку в

направлении Вакахонта, к плантации капитана Габриэля Приста. Они подъехали к маленькому водоему, находившемуся за милю от места назначения. Некоторые решили не переходить этот водоем вброд. Четверо, однако, рискнули на переправу. В это время внезапно из засады выскочили индейцы и открыли огонь. Двое, оказавшиеся впереди других, были ранены. Одному из них, мистеру Фольку, пуля попала в шею; его подобрали и увезли домой. У другого, сына капитана Приста, была сломана рука, а его лошадь убита. Он пустился бежать, бросился в болото, и только таким образом ему удалось скрыться от преследования индейцев».

«Примерно в это же время партия индейцев атаковала несколько человек, которые рубили деревья в дубовой роще на островке озера Джордж. Белым удалось спастись в лодках, но двое из них были ранены».

«В Нью Ривер, в юго-восточной части Флориды, индейцы напали на дом мистера Кули, убили его жену, детей и домашнего учителя. Они угнали тридцать свиней, три лошади, захватили двенадцать ящиков с провизией, бочонок с порохом, свыше двухсот фунтов свинца, семьсот долларов серебром и двух негров. Самого мистера Кули не было дома. Вернувшись, он увидел, что жена его лежит мертвая с младенцем на руках — ее убили выстрелом в сердце; двое старших детей также убиты. Девочка еще держала книгу в руках, мальчик лежал рядом с нею. Весь дом был охвачен пламенем».

«В Спринг-Гардене, около Сент-Джонса, обширная плантация полковника Риса была разгромлена и все здания сожжены дотла. Запас сахарного тростника, достаточный для того, чтобы наполнить сахаром девяносто бочек, был уничтожен, сто шестьдесят два негра, все мулы и лошади были уведены».

«Те же индейцы разгромили плантации мистера Деппейстера, с неграми которого они оказались в союзе. Раздобыв лодку, они переплыли реку и сожгли усадьбу капитана Дэммета. Плантация майора Хэриота была разгромлена, и восемьдесят его негров ушли с индейцами. Затем индейцы двинулись вперед по направлению к Сан-Августино, где огромные плантации генерала Эрнандеса были обращены в руины. Такая же участь постигла и усадьбы Бюлова, Дюпона в Буэн-Ретирос, Денхема, Мак-Рея в Токока Крик, плантации Бейеса, генерала Хэрринга, Барталоне Солано и

так далее — почти все плантации к югу от Сан-Августино».

Таковы простые исторические факты. Я привожу их как иллюстрацию событий, предшествовавших войне с семиполами.

Хотя действия индейцев и были варварскими, но они явились лишь актами возмездия, дикими вспышками долгожданной мести, ответом на несправедливость и притеснения, столь терпеливо переносившиеся в течение многих лет...

Пока еще настоящие военные действия не начинались, но группы индейцев, опустошавшие владения белых, одновременно появлялись в разных местах. Для многих, кто чинил насилия над индейцами, настал час расплаты; другим едва удалось ускользнуть и спасти свою жизнь. Вспышка следовала за вспышкой, пока вся страна не была объята пламенем.

Все, кто жил внутри страны и на границе с индейской резервацией, покидали свои поля, бросали имущество, сельскохозяйственные орудия, мебель, ценные вещи и искали убежища в фортах и окрестных селениях, которые теперь для большей безопасности были специально укреплены.

Оматла и другие вожди с четырьмя сотнями приспешников покинули свои поселения и бежали в форт Брук искать защиты.

Теперь больше не приходилось гадать, будет ли война. Она началась, и воинственный клич «Ю-хо-эхи!» день и ночь гремел в окрестных лесах.

Глава L

ПОГОНЯ ЗА СТРАННЫМ ВСАДНИКОМ

Пока что во Флориду прибыло сравнительно мало американских войск. Но отряды уже двигались из Нового Орлеана, из форта Моултри, Саванны, Мобила и других военных лагерей, где обычно размещались войска Соединенных Штатов. В больших городах штатов Джорджия и Каролина, а также в самой Флориде поспешно набирались отряды добровольцев. На каждый поселок была дана разверстка для участия в военной кампании. В моем родном поселке Суони было также решено сформировать отряд. С этой целью туда был командирован мой друг Галлахер, а я, в звании лейтенанта, был назначен его помощником.

Я очень обрадовался, получив этот приказ. Однообразная жизнь в гарнизоне форта мне надоела. Кроме того, меня прельщала возможность провести несколько дней дома.

Галлахер ликовал не меньше меня. Он был завзятый охотник. Мой друг жил главным образом в городе или в фортах на атлантическом побережье, и ему редко выпадал случай насладиться охотой на лису или оленя. Я обещал доставить ему удовольствие поохотиться и за зверем и за дичью, так как леса Суони изобиловали всякой живностью.

Итак, мы оба, получив полномочия вербовать добровольцев, попрощались с товарищами по форту и с легким сердцем пустились в путь, предвкушая приятное развлечение. Нас сопровождал верный Черный Джек, который тоже радовался возвращению на старую плантацию.

Индейцы еще не совершали набегов на округ Суони. Он находился вдали от поселений, где жили наиболее враждебные нам племена. Чувствуя себя в безопасности, жители спокойно оставались в своих домах. Однако отряды добровольцев были уже сформированы, и кругом постоянно разъезжали патрули.

Я часто получал письма от матери и Виргинии, но в них не чувствовалось особенной тревоги. Сестра, например, считала, что индейцы вообще не тронут их. Несмотря на это, у меня было беспокойно на душе, и я с величайшей готовностью встретил приказ отправиться в родные края.

Мы мчались галопом по лесной дороге и вскоре приблизились к местам, где протекало мое детство. На этот раз я не опасался засады, ибо мы путешествовали, приняв меры предосторожности. Нам был дан приказ собраться в течение часа. И мы сразу же пустились в путь, так что мои враги-убийцы не успели бы узнать о моей поездке. Впрочем, рядом со мной был храбрый Галлахер, а позади меня ехал мой верный оруженосец, и я не боялся открытого нападения со стороны белых.

Я опасался только, что дорогой мы можем наткнуться на группу индейцев — теперь уже наших врагов! Это была реальная опасность, и поэтому мы приняли все меры предосторожности.

В нескольких местах нам попадались свежие следы мокасин и лошадиных копыт. А однажды мы наткнулись на догорающий костер, вокруг которого были следы индейцев. Здесь находился их лагерь. Ни одного белого или цветного

мы не встретили, пока не подъехали к одной из заброшенных плантаций на берегу реки. Здесь мы в первый раз наткнулись на человека.

Это был всадник — по-видимому, индеец. Он находился слишком далеко от нас, чтобы мы могли рассмотреть цвет и черты его лица. Но по его одежде, посадке, красному поясу и штанам и особенно по страусовым перьям на голове мы узнали в нем семинола. Он ехал на черном коне и только что показался на просеке в лесу, куда мы направлялись. Он, очевидно, увидел нас в то же мгновение, как мы заметили его, и, наверно, хотел избежать встречи с нами. Взглянув на нас, он повернул коня и снова скрылся в лесу.

Пылкий Галлахер пришпорил своего коня и пустился в погоню за всадником. Я хотел удержать его, но мне показалось, что этот всадник Оцеола. Тогда никакой опасности не было. Мне хотелось встретиться с молодым вождем и дружески поговорить с ним, поэтому я поскакал за Галлахером, а Джек последовал за нами.

Я был почти уверен, что этот странный всадник — Оцеола. Мне показалось, что я узнал страусовые перья, а Джек рассказывал мне, что молодой вождь ездит на великолепном черном коне. По всей видимости, это был он. Чтобы окликнуть его и заставить остановиться, я пришпорил своего коня и обогнал Галлахера.

Вскоре мы въехали в лес, где скрылся всадник, но здесь, кроме свежих следов, мы ничего не увидели. Я окликнул Оцеолу, громко назвал себя, но ответом мне было только лесное эхо. Некоторое время я ехал по следу, продолжая звать Оцеолу, но не добился никакого ответа. Всадник или не хотел отозваться на мой призыв, или отъехал слишком далеко, чтобы услышать меня. Конечно, было бессмысленно догонять его, если он сам, по доброй воле, не остановился. Мы могли бы гнаться за ним по следу целую неделю и все-таки не догнать его. Видя бесполезность наших усилий, мы с Галлахером отказались от намерения мчаться за всадником и вернулись на дорогу, чтобы скорее закончить наше путешествие.

Я хорошо помнил боковую тропинку, которая сильно сокращала дорогу, и мы повернули на нее. Мы проехали довольно далеко и затем снова попали на свежий лошадиный след, который вел от реки, куда мы направлялись. Мы осмотрели след и увидели, что он еще влаж-

ный. Рядом на сухих листьях деревьев блистали капли воды. Значит, всадник переправлялся через реку вплавь!

Это открытие заставило меня задуматься над целым рядом вопросов. Зачем индейцу понадобилось ехать на ту сторону? Если это Оцеола, то что ему там было нужно? При таком напряженном положении в стране индеец, подъехавший к поселку белых, рисковал жизнью. Если бы его заметили и взяли в плен, ему угрожала бы неминуемая гибель. Чтобы решиться на такой отважный шаг, надо было иметь серьезные причины. Если это Оцеола, то какие у него причины? Единственным приемлемым объяснением было то, что Оцеола отправился туда в качестве разведчика. Что ж тут зазорного со стороны индейца?

Хотя в этом предположении не было ничего невероятного, но оно почему-то не убеждало меня. Как будто какое-то облако внезапно окутало мою душу, неясное предчувствие томило меня, и какой-то демон, казалось, нашептывал мне: «Это не так!» Всадник, безусловно, переплыл реку. А ну-ка, проверим!

Мы подъехали к реке и убедились в справедливости нашего предположения: след действительно выходил из самой воды. Значит, всадник переплыл реку. Мы сделали то же самое и на другом берегу снова увидели следы черного коня.

Не останавливаясь, я поехал по следу. Галлахер и Джек не отставали от меня. Ирландец был очень удивлен моей настойчивостью. Но я не в силах был даже отвечать на его расспросы. Мрачное предчувствие с каждой минутой все сильнее томило меня. Сердце так и трепетало в груди, сжимаясь от боли.

След привел нас к небольшой поляне в роще магнолий. Дальше ехать было незачем: мы оказались у цели. Я машинально взглянул на землю и замер в седле. Мрачное предчувствие исчезло, но зато появились еще более мрачные мысли. На всей поляне виднелись следы лошадиных копыт, как будто здесь была стоянка. Большие следы принадлежали черному коню. Но рядом виднелись другие, поменьше. Это были легкие следы подков маленького пони.

— Господи! Масса Джордж! — пробормотал Джек, опередив Галлахера и впившись взглядом в землю.— Взгляните, ведь это следы маленькой Белой Лисички. Мисс Виргиния была здесь! В этом нет никакого сомнения!

КТО БЫЛ ВСАДНИК?

Мне стало нехорошо, и я чуть не свалился с седла. Но необходимость скрыть свои чувства заставила меня держать себя в руках. Иногда появляется подозрение, которое неохотно выскажешь даже лучшему другу. Именно так было со мной, если это вообще можно назвать «подозрением». К несчастью, оно уже почти перешло в уверенность.

Я понял, что не столько следы на земле, сколько мое поведение заинтересовало Галлахера. Он заметил, с каким волнением я отыскивал след. Он не мог не заметить этого волнения. И теперь, выехав на поляну, он увидел, как я побледнел и как дрожали мои губы от непонятного ему смятения.

— Что с тобой, Джордж, мой мальчик? Ты полагаешь, что индеец замышляет какую-то подлость? Ты думаешь, что он приехал на твою плантацию шпионить?

Этот вопрос помог мне найти ответ, который, как я полагал, был довольно далек от истины.

— Весьма возможно,— ответил я, стараясь не выдать своего смущения.— Вероятно, шпион-индеец вступил в сношения с кем-нибудь из негров. Это следы одного из пони с нашей плантации... Очевидно, негры ездили сюда и встречались с индейцем, но для какой цели, сказать трудно...

— Нет, масса Джордж,— вмешался мой черный оруженосец,— у нас никто не ездит на Белой Лисичке, кроме...

— Джек,— резко перебил я его,— мчись домой и скажи, что мы сейчас будем. Скорее, мой милый!

Приказ был отдан так решительно, что Джеку пришлось быстро подчиниться. Не закончив фразы, он пришпорил свою лошадь и поскакал. Такую уловку я применил из предосторожности. За минуту до того у меня и в мыслях не было посылать курьера вперед, чтобы известить о нашем прибытии. Я знал, что простодушный негр хотел сказать: «У нас никто не ездит на Белой Лисичке, кроме мисс Виргинии». И я придумал эту хитрость, чтобы не дать ему возможности договорить. Когда негр уехал, я взглянул на своего товарища. Галлахер был человек открытой души, говоривший всегда прямо и не способный ничего утаивать. Глядя на его приятное, цветущее лицо, я ясно видел, что Галлахер озадачен, и мне стало как-то не по себе. Однако мы оба

промолчали и свернули на тропинку, по которой уехал Черный Джек.

Это была узкая дорожка для скота, по которой рядом ехать было нельзя, и мы ехали молча: я впереди, а Галлахер за мной.

Мне не надо было направлять свою лошадь, она и без меня хорошо знала, куда ей идти, — это была все та же дорога. Теперь я уже не высматривал следов на земле. Раза два мне попались следы маленького пони, но я не обращал на них внимания: я знал, откуда и куда они вели.

Я был слишком поглощен своими мыслями, чтобы замечать что-нибудь вокруг себя. Кто же мог ехать на пони, кроме Виргинии? Да, мне было ясно, чье имя хотел назвать Черный Джек: на Белой Лисичке ездил только сестра, никому другому на плантации не позволялось садиться на ее любимую маленькую лошадку. Впрочем, было одно исключение. Я видел на пони и Виолу. Не ее ли имя назвал бы Джек, если бы я дал ему договорить? Может быть, это была Виола?

Но зачем же четверонке встречаться с Оцеолой? Совершенно незачем. Меня долго не было, и многое изменилось в мое отсутствие. Кто знает... может быть, Виоле надоел ее черный поклонник и она обратила благосклонное внимание на блистательного вождя. Вероятно, она часто видела его здесь. Ведь после моего отъезда на север прошло несколько лет, прежде чем у семьи Пауэллов отобрали их плантацию. И тут мне вспомнился один случай из времен нашего первого знакомства с Пауэллом — правда, не слишком существенный. Виола стала восхищаться красивым юношей, и Черный Джек очень рассердился. Сестра начала бранить Виолу за то, что она терзает своего верного поклонника. Виола была красавицей и, как большинство красивых девушек, кокеткой. Мои предположения могли оказаться правильными... Эта мысль меня утешала, но зато, увы, бедный Джек!..

Еще одно незначительное обстоятельство подкрепляло мою догадку. За последнее время я заметил в своем слуге большую перемену: он не казался мне таким веселым, как раньше, он был задумчив, серьезен и рассеян.

Скоро у меня мелькнуло еще одно предположение. Хотя на Белой Лисичке никому не разрешалось ездить, но кто-нибудь из слуг мог тайком нарушить этот запрет и, взяв пони с лужайки, отправиться на свидание с индейцем. Все это было весьма вероятно. На нашей плантации, как и на всякой

Галлахер с любопытством стал рассматривать ленту.

другой, могли быть недовольные рабы, которые поддерживали связь с враждебными индейцами. Место свидания находилось примерно в одной миле от дома. Ехать было приятнее, чем идти пешком, а взять пони с пастбища можно совершенно спокойно, не боясь, что тебя заметят. Дай-то бог, чтобы это было так...

Едва успел я мысленно помолиться, как заметил предмет, сразу рассеявший все мои предположения, и снова острая боль пронзила мне сердце.

У дороги рос куст белой акации, и на одном из его шипов болтался обрывок ленты, колеблемый ветерком. Это была лента из тонкого шелка, которой отделяют женское платье; очевидно, она зацепилась за шип и оторвалась. Для меня это был печальный знак: все мои фантастические надежды сразу рухнули при виде этой ленты. Ни один негр, даже Виола, не мог оставить после себя такого следа. Я вздрогнул и быстро проехал мимо.

Я надеялся, что мой спутник не заметит этого обрывка, но напрасно. Лента слишком бросалась в глаза. Обернувшись, я увидел, что он протянул руку, схватил ленту и с любопытством стал ее рассматривать.

Боясь, что он подъедет ко мне и начнет задавать вопросы, я пришпорил коня и поскакал галопом, крикнув Галлахеру, чтобы он не отставал от меня.

Через десять минут мы въехали в аллею, которая вела к дому. Мать и сестра вышли на веранду встречать нас и радостно приветствовали наш приезд. Но я почти не слушал их. Я так и впился глазами в Виргинию, разглядывая ее костюм. Она была в амазонке и еще не успела снять свою шляпу с перьями.

Моя сестра никогда еще не казалась мне такой красивой, как в этот миг. Золотые локоны обрамляли ее раздумывавшееся от ветра лицо. Но я не радовался, глядя на ее красоту. Виргиния казалась мне падшим ангелом...

Сходя с лошади, я взглянул на Галлахера и догадался, что он понял все. Больше того! На его лице отражалось душевное страдание, почти такое же острое, как мое. Мой верный, испытанный друг заметил мое горе еще раньше. Теперь он знал причину, и в его взгляде я прочел глубокое сочувствие.

ХОЛОДНАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ

Как и полагалось сыну, я сердечно обнял мать. Приветствие же сестры принял молча, почти холодно. Мать удивилась, заметив это. Галлахер также очень сдержанно поздоровался с Виргинией. И это обстоятельство тоже было замечено матерью. Но сестра не проявляла никаких признаков смущения. Она непринужденно болтала, и глаза ее весело блестели, как будто она действительно была рада нашему приезду.

— Ты ездила на лошади, сестра? — спросил я ее как бы невзначай.

— На лошади? Нет, на пони. Моя маленькая Белая Лисичка вряд ли заслуживает, чтобы ее величали лошадкой. Да, я проехала немного подышать свежим воздухом.

— Одна?

— Совершенно одна! Одна-одинешенька!

— Благоразумно ли это, сестра?

— А почему бы и нет? Я часто езжу одна. Чего мне бояться? Волков и пантер вы уже всех застрелили, а от медведя или аллигатора Белая Лисичка всегда меня умчит.

— В лесу могут встретиться существа более опасные, чем дикие звери.

Говоря это, я наблюдал за ней, но не заметил на ее лице ни малейшего волнения.

— Какие же это существа, Джордж? — с расстановкой продолжала она, видно передразнивая меня.

— Индейцы, краснокожие! — резко ответил я.

— Пустяки, братец. У нас по соседству нет индейцев, по крайней мере таких, которых нам пришлось бы опасаться... (Это она добавила уже несколько нерешительно.) Разве я не писала тебе об этом? Ты приехал из таких мест, где за каждым кустом притаился индеец. Но помни, Джордж, что ты проделал длинный путь, и если ты не привез индейцев с собой, то здесь их не найдешь. Поэтому, джентльмены, здесь вы оба можете спать совершенно спокойно, не боясь услышать военный клич «ио-хо-эхи».

— Вы так уверены в этом, мисс Рэндольф? — спросил Галлахер, на этот раз без своего ирландского акцента. — Я и ваш брат полагаем — и на это есть причины, — что некоторые индейцы, издающие военный клич, находятся не так уж далеко от Суони.

— Мисс Рэндольф? — засмеялась сестра. — Где это вы научились такому почтительному тону, мистер Галлахер? Это обращение длинное — сразу видно, что вы привезли его издалека. Раньше я была для вас «Виргинией» или даже просто «Джини», за что я могла даже на вас рассердиться, «мистер» Галлахер. И рассердилась бы, если бы вы не перестали меня так называть. Что же случилось? Ведь с вами, «мистер» Галлахер, мы не виделись только три месяца, а с Джорджем всего два. И вот вы оба снова здесь — и один произносит фразы торжественно, как Солон¹, а другой выражается рассудительно, как Сократ². Чего доброго, и Джордж, после новой отлучки, станет называть меня «мисс Рэндольф». Вероятно, так принято у вас в форте? Ну-с, ребятки, — добавила она, ударив хлыстом по перилам веранды, — говорите откровенно! Извольте-ка объяснить причины этого удивительного «превращения». А до тех пор, даю честное слово, вы не получите ни крошки еды!

Надо сказать несколько слов об отношениях между Виргинией и Галлахером. Он давно был знаком с матерью и сестрой. Они встречались с ним во время путешествия на север. Виргиния и мой товарищ так подружились, что стали даже называть друг друга по имени. Понятно было, почему сестра считает, что «мисс Рэндольф» звучит слишком официально. Однако я догадывался, почему Галлахер обратился к ней таким образом.

Одно время, в начале их знакомства, мне казалось, что Галлахер влюблен в Виргинию, но потом я отказался от этой мысли. По их поведению незаметно было, что они влюблены друг в друга. Отношения их были слишком дружескими, чтобы в них можно было заподозрить любовь. Обычно они болтали о разных пустяках, смеялись, читали веселые книжки, давали друг другу смешные прозвища, придумывали разные шалости; они редко бывали серьезны, когда встречались. Все это так расходилось с моим представлением о том, как ведут себя влюбленные, — сам-то я вел бы себя иначе, — что я отказался от своих подозрений и стал смотреть на них не как на влюбленных, а просто как на друзей.

Еще одно обстоятельство укрепляло меня в этом убеждении. Я заметил, что моя сестра в отсутствие Галлахера утра-

¹ Солон (ок. 638—559 гг. до н. э.) — политический деятель древних Афин, крупный законодатель.

² Сократ (469—399 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист.

чивала ту легкомысленную веселость, которой она отличалась в детстве. Но стоило ему появиться, как с ней происходила внезапная перемена, и она мгновенно настраивалась снова на беспечный лад.

«Любовь,— думал я,— так себя не проявляет. Если сестра и влюблена, то не в Галлахера. Нет, не он избранник ее сердца! А игра, которую они ведут,— просто дружеские отношения. В их привязанности нет ни малейшей искры настоящей любви».

Смутное подозрение, зародившееся в душе Галлахера, очевидно, огорчило его. Но он страдал не от ревности, а как верный и преданный друг из сочувствия ко мне. Обращение его с сестрой, хотя он и держался в границах строгого приличия, совершенно изменилось. Неудивительно, что она заметила это и потребовала объяснений.

— Ну, живей! — говорила она, сбивая хлыстиком виноградные листья. — Вы шутите или серьезно? Говорите всё без утайки — или, клянусь, оба останетесь без обеда! Я сама сбегу на кухню и отменю его.

Ее манера выражаться и забавные угрозы заставили Галлахера засмеяться, хотя настроение у него было мрачное. Но на этот раз он смеялся не так весело и искренне, как бывало. Я тоже невольно улыбнулся и, считая, что не следует выказывать свое недовольство, пробормотал что-то вроде объяснения — сейчас было не время для откровенного разговора.

— Право же, сестренка, — сказал я, — мы слишком устали и слишком голодны, чтобы веселиться. Подумай только, какой долгий путь мы совершили под жгучим солнцем! У нас не было и маковой росинки во рту с тех пор, как мы выехали из форта. А позавтракали мы не бог весть как роскошно — кукурузные лепешки, кусок свинины да жидкий кофе. О Виргиния, как мне хочется полакомиться цыплятами и пирожными, которые готовит наша старая кухарка, тетюшка Шеба! Прошу тебя, позволь нам пообедать, и затем ты увидишь, что мы станем совсем другими. Мы оба будем веселыми, как два зайчика.

Удовлетворенная этим объяснением или сделав вид, что она удовлетворена, Виргиния обещала покормить нас и, весело смеясь, пошла переодеваться к обеду. А мы с Галлахером тоже пошли к себе.

За обедом и после него я приложил все усилия, чтобы казаться веселым и довольным. Я видел, что Галлахер тоже

пытается развеселиться. Быть может, нам удалось обмануть мать, но Виргиния не поддавалась обману. Я заметил, что она в чем-то подозревает и меня и Галлахера. Она решила, что мы от нее что-то скрываем, и, желая досадить нам, в свою очередь стала разговаривать с нами обиженным тоном.

Глава LIII

НАСТРОЕНИЕ СЕСТРЫ

Так продолжалось весь этот и следующий день, и все трое — Галлахер, сестра и я — обращались друг с другом сдержанно-вежливо. Я ни о чем не рассказал Галлахеру и предоставил ему самому строить всевозможные догадки. Он был истинным джентльменом и даже не намекнул, что разделяет мои опасения. Я думал излить перед ним душу и просить его дружеского совета, но только тогда, когда Виргиния сама мне во всем признается.

Я ждал удобного случая, чтоб потребовать у сестры объяснений. Несколько раз мне удавалось остаться с ней наедине, но я все как-то не решался вызвать ее на откровенность. Однако я сознавал, что как брат и единственный мужчина в доме я обязан хранить честь семьи.

Пока же я уклонялся от выполнения этого, в сущности, отцовского долга отчасти из чувства деликатности, отчасти потому, что боялся узнать правду. Я отлично понимал, что между сестрой и индейским вождем установились особые отношения, что, по всей вероятности, они продолжались, что у них бывали тайные встречи — и не один раз. Но до чего все это могло дойти? Насколько моя бедная сестра уже могла скомпрометировать себя? Вот на эти проклятые вопросы я и боялся получить ответ.

Я надеялся, что сестра скажет мне всю правду, если я буду умолять ее признаться. При ее гордом характере принуждением от нее ничего нельзя было добиться. Если оказать на нее давление, то она могла заупрямиться и стать непреклонной. Вообще Виргиния мало что унаследовала от отца, она все заимствовала у матери. Между ними существовало и внешнее и внутреннее сходство. Виргиния была одной из тех женщин, которые, не испытав никогда в жизни строгой дисциплины, вырастают в уверенности, что выше их нет никого на свете. Поэтому она и чувствовала себя совер-

шенно независимой, как это присуще большинству американонок. В других же странах независимость является достоянием только женщин из привилегированных классов. Ни родители, ни опекуны, ни наставники — так как последним ни в коем случае не разрешалось прибегать к строгим мерам — не имели влияния на сестру, и она с малых лет вела себя как королева на троне.

Она была независима еще и в другом отношении. У нее имелось собственное состояние, которое ей завещал отец, и это обстоятельство еще больше усиливало непреклонность ее характера.

Мой отец в свое время последовал велению сердца и разделил свое состояние между детьми поровну. Поэтому моя сестра была так же богата, как и я. Конечно, отец позаботился и о матери, но основная часть отцовского наследства — плантация — принадлежала сестре и мне. Моя сестра была богатой наследницей и обязана была подчиняться матери или мне только в той мере, в какой ей это подсказывало родственное чувство.

Я остановился так подробно на этом вопросе, чтобы объяснить, какой сложной и деликатной задачей было потребовать от сестры отчета в ее действиях. Как это ни странно, но мне совершенно не приходило в голову, что и мое положение не совсем обычно.

Я был обручен с сестрой Оцеолы и искренне желал, чтобы она стала моей женой. В союзе с индианкой я не видел для себя ничего унижительного, зная, что общество не будет отрицательно относиться к этому браку. Такие случаи уже бывали. Например, Рольф женился на девушке более темнокожей и менее красивой и культурной, чем Маюми. Позднее сотни других мужчин последовали его примеру и сохранили и прежнее положение в обществе и были по-прежнему уважаемы. Почему бы и мне не поступить так? По правде говоря, этот вопрос даже и не приходил мне тогда в голову. Я считал, что мои намерения в отношении индианки были в совершенном соответствии с правилами хорошего тона.

Совсем другое дело, если бы в жилах моей избранницы текла хоть небольшая примесь африканской крови. Тогда я действительно мог бы опасаться осуждения общества, ибо в Америке человек подвергается унижению не столько за цвет кожи, сколько за расу. Белый джентльмен может жениться на индианке, и она без особых возражений полу-

чает доступ в общество; а если она при этом еще и хороша собой, то может даже рассчитывать на успех.

Все это я знал и тем не менее сам был рабом чудовищного и дикого предрассудка: если смешение рас происходило другим путем, то есть если белая женщина выходила замуж за индейца, то тогда это считалось неравенством и позором. Дружья ее рассматривали такой брак как несчастье, как падение. А если эта леди вдобавок принадлежала к высокопоставленным кругам — ну, тогда уж, леди... пеняйте на себя!

Несмотря на расхождение своих взглядов с господствовавшими воззрениями на различие рас и цвета кожи, я сам не был свободен от влияния этого предрассудка.

Если моя сестра любит индейца, значит, она потерянная, падшая женщина! Независимо от того, какое положение занимает этот индеец среди своего народа, независимо от его храбрости, от его достоинств. Даже если бы это был сам Оцеола!

Глава LIV

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Неизвестность мучила меня, и я решил поговорить с сестрой, как только застаю ее одну.

Такой случай скоро представился. Я увидел ее на лужайке у озера и подошел к ней. Я заметил, что она необычайно весела.

«Увы! — подумал я. — Ты улыбаешься! Скоро твоя улыбка сменится слезами».

— Сестра!

Она что-то говорила своим любимцам — золотым рыбкам — и не слышала меня или притворялась, что не слышит.

— Сестра! — повторил я громче.

— Ну, что такое? — сухо спросила Виргиния, не глядя на меня.

— Послушай, Виргиния, брось свои игрушки! Мне надо поговорить с тобой.

— Вот как! Значит, это принуждение! В последнее время ты так редко раскрывал рот при мне, что я должна быть особенно благодарна за твою любезность. А почему с тобой нет твоего друга? Пусть бы и он побеседовал со мной в том же духе! Я думаю, что вам обоим уже надоело

изображать бессловесных близнецов. Ну, ты можешь продолжать игру, если тебе нравится. Уверю тебя, что меня это не волнует! — И она стала напевать:

У янки — фрегат, и янки — моряк!
Мы в бой по волнам летим!
И видит враг наш звездный флаг
Под небом голубым.

Затем она обратилась к своей любимице — маленькой лани:

— Ну, иди сюда, мой маленький! Ты смотри не подходи слишком близко к берегу, а то можешь кувыркнуться в воду. Слышишь?

— Прошу тебя, Виргиния, оставь эти шутки! Мне надо поговорить с тобой о важном деле.

— О важном деле? Уж не думаешь ли ты жениться? Нет, что-то не похоже. У тебя слишком торжественное и мрачное выражение... точно тебя собираются повесить... ха-ха-ха!

— Послушай, сестра, я говорю с тобой серьезно.

— О, конечно серьезно! Я тебе верю, дорогой.

— Послушай, Виргиния, у меня важное дело — очень важное! Я хотел поговорить с тобой уже с самого дня приезда.

— За чем же дело стало? У тебя было много удобных случаев. Разве я от тебя пряталась?

— Нет... но... дело в том, что...

— Ну, выкладывай, братец, сейчас удобный момент. По твоему лицу я вижу, что у тебя ко мне есть какая-то просьба. Если это так, то я разрешаю тебе изложить ее.

— Нет, Виргиния, не то! Вопрос, о котором я хочу поговорить...

— Ну, какой же это вопрос, выкладывай!

Мне надоели уклончивые речи, я даже немного обиделся и решил положить этому конец, сказав то слово, которое могло заставить сестру сразу сбавить тон и повести разговор серьезно:

— Оцеола!

Я ожидал, что она изменится в лице, вспыхнет и побледнеет, но ошибся. К моему изумлению, в ней не произошло никакой перемены: ни во взгляде ее, ни в поведении не было ни малейших признаков волнения! Она ответила почти сразу, без колебаний:

— Что? Молодой вожьд семиолов? Пауэлл, наш товарищ детства? Ты хочешь говорить о нем? Что ж, самая интересная для меня тема. Я готова целый день говорить об этом храбром человеке.

Я был так поражен, что даже не знал, как вести себя дальше.

— Ну, что же ты хотел мне сказать о нем, братец Джордж? — продолжала сестра, спокойно глядя мне в глаза. — Надеюсь, что с ним ничего худого не случилось?

— С ним-то ничего. Но кое-что случилось с кем-то другим, кто мне еще ближе и дороже, чем он.

— Я не понимаю твоих загадок, брат.

— Сейчас поймешь. Я задам тебе один вопрос и попрошу тебя ответить на него прямо. Этим ты докажешь, что ценишь мою любовь и дружбу.

— Задавайте свой вопрос, сэр, без этих хитросплетений! Я полагаю, что могу говорить правду без запугиваний и угроз.

— Тогда скажи мне правду, Виргиния. Признайся, ты любишь молодого Пауэлла — Оцеолу?

В ответ Виргиния залилась звонким смехом.

— Но, Виргиния, в моем вопросе нет ничего смешного.

— Да это просто шутка... Забавная шутка. Ха-ха-ха!

— Мне не до шуток, Виргиния. Отвечай.

— Не будет тебе никакого ответа на такой нелепый вопрос!

— Он вовсе не такой нелепый, Виргиния. У меня есть основания...

— Какие еще там основания?

— Но ты не станешь отрицать, что между вами что-то происходит? Ты не можешь отрицать, что назначила ему свидание в лесу? Но смотри подумай, прежде чем отвечать, потому что у меня есть доказательства. Мы встретили его, когда он возвращался. Он, конечно, постарался скрыться от нас, но мы заметили его след и рядом с отпечатком копыт его коня увидели след пони. Вы встречались, это ясно!

— Ха-ха-ха! Вот так искусные следопыты — ты и твой друг. Ловкие ребята! Вы неоценимое приобретение для армии в военное время, и скоро вас назначат главными разведчиками! Ха-ха-ха! Так вот в чем заключался ваш великий секрет! Теперь понятны ваши потупленные взоры и старомодные манеры. А я-то недоумевала! Значит, вы изволили тревожиться за мою честь? Вот о чем вы заботились!

Как мне благодарить судьбу за то, что она послала мне двух таких благородных рыцарей!

В Британии сад красоты стережет
Дракон добродетели, грозный дракон!
Но часто бывает, что сторож заснет,
И сад оставляет в опасности он!

Итак, раз у меня нет дракона, охраняющего мою добродетель, то я должна довольствоваться двумя драконами — в лице твоём и твоего друга. Ха-ха-ха!

— Виргиния, ты выводишь меня из терпения! Это не ответ. Ты встречалась с Оцеолой?

— Ну что ж, перед таким искусным шпионом отпираться бесполезно. Да, я виделась с ним.

— А зачем? Это было любовное свидание?

— Что за дерзкий вопрос! Я не буду отвечать на него.

— Виргиния, умоляю тебя!

— Неужели два человека не могут встретиться в лесу без того, чтобы их не обвинили, будто они назначили любовное свидание? Да разве мы не могли встретиться случайно? Разве у меня не могло быть какого-нибудь дела к вождю семинолов? Ты не знаешь всех моих тайн и не узнаешь их...

— Это была не случайная встреча, а любовное свидание. Никаких других дел у тебя с ним нет.

— Вполне естественно, что ты так думаешь — ведь ты сам потихоньку распеваешь любовные дуэты. А позволь спросить: давно ли ты виделся со своей возлюбленной, прелестной Маюми? Ну-ка, признавайся, милый братец!

Я вздрогнул, как будто меня ужалили. Откуда сестра могла узнать о нашей встрече? Или она сказала это просто так, наугад, и попала прямо в цель? На мгновение я настолько растерялся, что не мог найти ответа. А затем еще настоятельнее стал допрашивать сестру:

— Я должен получить объяснение! Я настаиваю на этом! Я требую!

— Требуешь? Ах, вот каким тоном ты заговорил со мной! Ну так ты от меня ничего не добьешься! Минуту назад, когда ты начал умолять меня, я уже почти сжалилась над тобой и решила рассказать тебе все. Но ты требуешь! На требования я не отвечаю и сейчас же докажу тебе это. Я ухожу и запрюсь у себя в комнате. Итак, дорогой мой, ты меня больше не увидишь ни сегодня, ни завтра, пока ты не одумаетесь. Прощай, Джордж! Или до свидания — но только

при том условии, что ты будешь вести себя как джентльмен.

И она снова запела:

У янки — фрегат, и янки — моряк!
Мы в бой по волнам летим!
И видит враг наш звездный флаг
Под небом голубым...

Она прошла через цветник, поднялась на веранду и исчезла за дверью.

Я стоял разочарованный, оскорбленный, огорченный. Я застыл на месте в полной растерянности, не зная, что мне делать дальше.

Глава LV

ДОБРОВОЛЬЦЫ

Сестра сдержала слово. В течение всего дня и до полудня следующего я ее не видел. Затем она вышла из своей комнаты в амазонке, приказала оседлать Белую Лисичку и уехала одна.

Я чувствовал, что не имею никакого влияния на свою нравственную девушку и что нечего и пытаться наставлять ее. Она не считается с авторитетом брата, сама себе хозяйка и всегда будет поступать по-своему. После вчерашнего разговора у меня пропала охота вмешиваться в дела Виргинии. Она знала мою тайну, и поэтому любой мой совет будет ею отвергнут. Я решил держаться в стороне, пока не наступит решительный момент.

В течение нескольких дней наши отношения были весьма прохладными, что очень удивило мать, но она ни о чем не спрашивала. Мне показалось, что мать стала относиться ко мне не так сердечно, как прежде. Она рассердилась на меня за дуэль с Ринггольдом. Узнав о ней, она очень огорчилась и, когда я вернулся домой, упрекала меня за это, считая, что я один виноват в этой истории. Почему я так грубо поступил с Аренсом Ринггольдом? Из-за какой-то чепухи! Из-за негодницы индианки! Почему я так близко принял к сердцу все, что говорилось об этой девушке? Ведь то, что сказал о ней Ринггольд, может быть и правдой. Мне следовало вести себя более благоразумно.

Очевидно, мать что-то слышала краем уха обо всем этом деле, но не знала, кто была красавица-индианка. Ей не при-

ходило раньше слышать имя Маюми. Поэтому я довольно спокойно выслушал ее язвительные замечания. Раздраженный упреками матери, я несколько раз собирался рассказать ей о причинах дуэли, но пока воздерживался. Она все равно бы мне не поверила.

Я узнал, что в положении Ринггольда за последнее время произошли большие перемены. Отец его умер в ту самую минуту, когда в приступе ярости наказывал одного из рабов. У старика произошло кровоизлияние, и он упал на месте, как будто над ним свершился божий суд. Арнс был теперь единственным наследником большого состояния, несправедливо нажитого: это была плантация с тремястами рабов. Тем не менее говорили, что теперь он стал еще скупее. Как и старый Ринггольд, он поставил себе целью быть властителем всех и всего в окрестности, стать крупным магнатом.

Некоторое время он притворялся больным и ходил с перевязанной рукой, гордясь тем, что дрался на дуэли. Так, по крайней мере, рассказывали люди. Однако те, кто знал, как окончилось дело, считали, что у него нет особых оснований хвастаться этой дуэлью.

Моя стычка с ним, по-видимому, не изменила его отношения к нашей семье. Мне говорили, что он часто бывал у нас и его даже считали женихом Виргинии. С того времени, как возросли его богатство и влияние, моя тщеславная мать стала относиться к нему еще благосклоннее. Я наблюдал за всем этим с глубоким сожалением.

Вообще в нашей семье чувствовалась какая-то перемена. В отношениях между нами постепенно исчезали прежняя искренность и теплота. Мне очень не хватало моего доброго, благородного отца. Мать держалась со мной надменно и холодно, как будто считала, что я непослушный и непочтительный сын. Дядя, ее брат, во всем следовал ее примеру, и даже любимая сестра иногда казалась мне чужой.

Я чувствовал себя неловко в собственной семье и старался как можно меньше бывать дома. Большую часть дня я проводил с Галлахером, который, конечно, гостил у меня, пока мы находились в Суони. У нас было довольно много дел в связи с нашей командировкой, а в свободное время мы развлекались охотой на оленей и лисиц. Правда, охота не доставляла мне теперь такого удовольствия, как прежде, да и Галлахер уже, видимо, не так увлекался ею.

Наши служебные обязанности обычно заканчивались к полудню. Нам было поручено не столько набрать добро-

вольцев, сколько наладить занятия с записавшимися и «подготовить их к службе». Отряд добровольцев уже сформировался. Они выбрали себе офицеров из тех лиц, которые раньше служили в армии. На нашей обязанности было обучать их и следить за порядком в отряде.

Маленькая церковь в центре поселка была превращена в штаб. Там и происходило обучение.

Большинство добровольцев принадлежали к беднейшей части населения — мелким плантаторам и скваттерам, которые жили на окраинах болот и едва сводили концы с концами, существуя на скромный заработок, добываемый ими с помощью топоров и винтовок. Среди них был и старый Хикмэн. Я удивился, узнав, что в отряд записались такие «достойные личности», как Спенс и Уильямс. Последних двух я решил взять под особое наблюдение, но держаться от них подальше.

Многие из рядовых принадлежали к аристократическим кругам. Угроза войны нависла над всеми и объединила всех. Офицерами были обычно богатые и влиятельные плантаторы. Впрочем, в результате столь демократических выборов среди офицеров оказались и такие, которые были слабо подготовлены к тому, чтобы носить эполеты. Некоторые из этих джентльменов были в более высоких чинах, чем я и Галлахер. Полковников и майоров оказалось почти столько же, сколько и простых солдат. Но все они были обязаны подчиняться нам. В военное время часто случается, что лейтенант регулярной армии или даже младший офицер оказывается начальником полковника народного ополчения. Среди них встречались очень своеобразные люди, которые раньше «тянули лямку» в Уэст-Пойнте или имели за плечами месяцы военной службы под начальством «старого Хикори». Они считали себя специалистами в военном искусстве. И с ними было не так-то легко иметь дело. По временам Галлахеру приходилось призывать на помощь всю свою волю, чтобы доказать, что командует в Суони именно он. Репутация моего друга — отчаянного рубаки и дуэлиста — так же утверждала его авторитет, как и поручение, которое он привез с собой из главного штаба.

А в остальном мы жили с нашими добровольцами довольно мирно. Большинство из них стремились изучить военное дело и охотно подчинялись нашим указаниям. В шампанском, виски и сигарах недостатка не было, многие окрестные плантаторы оказались очень гостеприимными

хозяевами. И если бы мы с Галлахером были склонны к развлечениям и выпивке, то, пожалуй, нигде бы не нашли лучших условий. Но мы не слишком поддавались таким соблазнам и благодаря этому пользовались уважением, что значительно облегчало нам исполнение наших обязанностей. Вообще нашу новую жизнь нельзя было бы назвать неприятной, если бы... не мои домашние нелады. Мой дом теперь — тут-то и была вся беда! — уже больше не был для меня родным домом.

Глава *LVI*

ТАИНСТВЕННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Прошло несколько дней, и я заметил внезапную перемену в поведении Галлахера; это относилось не ко мне и не к матери, а к Виргинии.

Я впервые обратил на это внимание через день после объяснения с ней; ее отношение к нему тоже изменилось.

Ледяная вежливость между ними словно растаяла, и прежняя задушевная дружба воскресла. Они снова вместе играли, пели, смеялись, читали книжки и болтали о пустяках, как и раньше.

«Ему-то легко все это забыть, — думал я, — он только друг и, конечно, не может испытывать такие же чувства, как брат. Что ему за дело до того, с кем она тайно встречается? Какое ему дело до того, что Виргиния поступает вразрез с нормами общепринятого поведения? Ему приятно ее общество, ее милое обращение заставило его отбросить все подозрения, и поэтому он забыл, простил или нашел какое-нибудь подходящее объяснение ее поведению». Мне казалось, что он стал более холоден со мной, тогда как ей полностью вернул свое доверие и дружбу.

Сначала я был удивлен этой новой фазой отношений в нашем семейном кругу, а потом просто стал в тупик.

Я был слишком горд и слишком уязвлен, чтобы потребовать у Галлахера объяснений, а сам он не считал нужным объясниться со мной, и я вынужден был оставаться в неведении. Я заметил, что и мать удивлена такой переменой и относится к ней несколько подозрительно. Я понимал ее. Она боялась, как бы блестящий военный, который, впрочем, не имел никакого состояния, кроме своего офицерского жа-

лованья, не увлек Виргинию. А вдруг она изберет его себе в мужа! Конечно, мать мечтала о совсем другом муже для Виргинии. Она не могла спокойно примириться с тем, что ее дочь избрала себе такую судьбу, и ревнивым оком взирала на близость молодых людей.

Я был бы рад, если бы ее подозрения оказались основательными, и счастлив, если бы сестра остановила свой выбор на моем друге. Я был бы рад, если бы мой друг назвал меня братом, и не возражал бы против их брака, хотя у Галлахера и не было состояния.

Но мне и в голову не приходило, что между ними могло быть нечто большее, чем старая дружба. Любовь проявляется совсем иначе. Если речь шла о капитане Галлахере, то я мог заверить мать, что ей не о чем беспокоиться.

Однако посторонние могли принять их за влюбленных. Галлахер почти не расставался с сестрой: они вместе проводили половину дня и засиживались до поздней ночи, вместе ездили в лес и надолго куда-то исчезали из дому. Я заметил, что мой товарищ все больше стал тяготиться моим обществом. Удивительнее всего то, что и охота больше не увлекала его. Он стал пренебрегать службой, и если бы «лейтенант» не лез из кожи, то вряд ли наш отряд чему-нибудь бы научился.

Дни шли, и я заметил, что Галлахер помрачнел. Когда сестры не было, он становился задумчивым. Все теперь было по-иному. Он действительно походил на влюбленного. Он вздрагивал, когда слышал ее голос. Он жадно ловил каждое ее слово, и его глаза блистали восторгом, когда она входила в комнату. Раз или два я заметил, что он смотрел на нее такими глазами, в которых светилась не только дружба. Во мне пробудились прежние подозрения. Конечно, Виргиния была достаточно красива, чтобы произвести впечатление на твердое, как алмаз, сердце солдата. Но, вообще говоря, Галлахер не был дамским кавалером. О его победах над женщинами что-то не было слышно; наоборот, в их обществе он чувствовал себя неловко. Сестра была единственная женщина, с которой он разговаривал открыто и непринужденно. Но, в конце концов, мог же он все-таки влюбиться в Виргинию!

Я был доволен этим, но только мог ли я обещать ему взаимность Виргинии? Увы, это было не в моих силах.

Мне очень хотелось знать, любит ли она его. Но нет, этого быть не могло, если она мечтала о...

И все же она иногда вела себя с Галлахером так, что человек, незнакомый с ее дикими выходками, мог бы и вправду подумать, будто она влюблена в него. Даже я, наблюдая за ней, стал в тупик. Или она действительно питала к нему чувство более серьезное, чем дружба, или попросту притворялась. Если она знала, что он ее любит, то поступала очень жестоко.

Я часто предавался этим размышлениям и никак не мог от них отделаться. Они были неприятны, порой прямо тягостны.

Смущенный и ошеломленный тем, что происходило вокруг меня, я запутался в своих сомнениях... Но в это время в нашей семейной жизни произошло событие, затмившее по своей таинственности все остальное. Собственно говоря, это было даже не событие, а новая глава в истории нашей семьи. До меня дошли странные слухи, и если они были верны, то нужно отбросить прочь все мои предположения.

Я узнал, что моя сестра влюбилась в Аренса Ринггольда или, во всяком случае, благосклонно относится к его ухаживаниям!

Глава LVII

КТО ОТКРЫЛ МНЕ ТАЙНУ

Все это я узнал от своего верного Черного Джека. Я мог бы усомниться в словах кого-нибудь другого, но его свидетельство было непогрешимо. Черный Джек был необычайно проникновенен, и все его сообщения основывались на подлинных фактах.

У него были серьезные доводы, и он изложил их. Вот как это произошло. Однажды я сидел один на берегу водоема и читал книгу. Вдруг меня окликнул Джек:

— Масса Джордж!

— Ну, что тебе? — спросил я, не отрываясь от книги.

— Масса Джордж, все утро я стараюсь застать вас одного. Хочу поговорить с вами, масса Джордж!

Я обратил внимание, что Джек сказал это необычайно торжественно. Машинально я закрыл книгу и взглянул на Джека; выражение лица его было таким же торжественным, как его речь.

— Поговорить со мной, Джек?

— Да, масса Джордж, если вы не заняты.

— Я не занят, Джек. Говори, я слушаю.

«Бедняга,— думал я,— и у него есть свои горести. Должно быть, он хочет пожаловаться мне на Виолу. Злая девчонка всегда заставляет его мучиться ревностью. Но чем же я могу помочь ему? Не могу же я заставить ее полюбить его. Нет! Привести лошадь на водопой может один человек, но и сорок человек не смогут заставить ее пить! Взбалмошная девчонка будет поступать так, как ей взбредет в голову, и никакие увещевания тут не помогут...»

— Так в чем же дело, Джек?

— Вы сами знаете, масса Джордж, что я не люблю вмешиваться в семейные дела, но, видите ли, тут совсем не ладно...

— В каком смысле?

— Да наша барышня... молодая леди...

«Как это вежливо со стороны Джека называть Виолу «барышней!» — подумал я.

— А что, тебе кажется — она обманывает тебя?

— Не меня одного, масса Джордж.

— Ах, вот какая злая девчонка! Но, Джек, может быть, ты все это только воображаешь? Разве у тебя есть доказательства ее неверности? Разве кто-нибудь за ней ухаживает?

— Да, сейчас особенно, и больше, чем раньше.

— И это белый?

— Ах, боже мой! — воскликнул Джек. — Удивительные вы вещи говорите! Конечно, белый! Кто же, как не белый, смеет ухаживать за молодой леди?

Я не мог не улыбнуться при мысли о том, что Джек считает свою красавицу неприступной для кавалеров его племени. Я как-то раз даже слышал его хвастливые слова, что он единственный негр, который осмеливается ухаживать за Виолой.

«Ага,— подумал я,— значит, виновник его бедствий белый!»

— Кто же это, Джек? — спросил я.

— Ах, масса, этот дьявол, Аренс Ринггольд!

— Что? Аренс Ринггольд ухаживает за Виолой?

— За Виолой? Господи, масса Джордж! — воскликнул негр, закатив глаза. — Я и не думал говорить о Виоле!

— О ком же ты говоришь?

— Да разве вы не слышали, что я сказал «барышня»? Я говорю о барышне, о молодой леди, о мисс Виргинии.

— О сестре? Ну, Джек, это старая история. Аренс Ринггольд уже много лет ухаживает за сестрой. Да только она не любит его. В этом отношении можешь быть спокоен, мой преданный друг. Она за него не пойдет. Он ей противен, Джек, да и всем на свете тоже. А если бы даже он ей и нравился, то уж я ни за что не допустил бы этого брака. Можешь быть совершенно спокоен.

Мои слова, по-видимому, не удовлетворили негра. Он стоял, почесывая затылок, как будто хотел еще что-то сообщить мне. Я ждал, пока он заговорит.

— Простите меня, масса Джордж, за смелость, но вы ошибаетесь. Правда, было время, когда мисс Виргиния не обращала внимания на эту змею в траве. Но теперь все по-иному: отец его, старый мошенник и вор, умер, и молодой хозяин разбогател. Он теперь крупный плантатор, самый богатый из всех разбойников. Старая леди довольна его ухаживаниями за мисс Виргинией и приглашает в гости, потому что он богатый.

— Я знаю, Джек. Матушка всегда желала этого брака, но это ничего не значит: сестра — девушка своевольная и сделает обязательно по-своему. Она ни за что не согласится выйти за Аренса Ринггольда.

— Извините, но вы ошибаетесь. Она согласна.

— Кто вбил тебе это в голову, мой милый?

— Виола, квартеронка. Она рассказала мне все.

— Значит, вы опять друзья с Виолой?

— Да, масса Джордж, мы с ней теперь дружим. Это я был виноват перед нею. Теперь я уж больше не ревную ее. Она хорошая девушка, ей можно верить. Я ее больше не подозреваю ни в чем.

— Рад слышать это. Но скажи, что она говорила об Аренсе Ринггольде и моей сестре?

— Виола сказала мне, что мисс Виргиния видится с ним каждый день.

— Каждый день! Да ведь Аренс Ринггольд уже давно не бывает у нас.

— Вот вы и опять ошибаетесь, масса Джордж. Масса Аренс приезжает почти каждый день. Но тогда, когда вы и масса Галлахер уходите на охоту или учите добровольцев...

— Ты удивляешь меня, Джек!

— Еще не все, масса. Виола говорит, что мисс Виргиния стала совсем другая. Она уже не сердится на него, а внимательно слушает, когда он говорит. Виола думает, что она со-

гласится выйти за него. Это будет ужасно! Очень, очень ужасно!

— Послушай, Джек,— сказал я,— когда я буду уезжать, всегда оставайся дома и наблюдай за теми, кто придет. Как только появится Ринггольд, немедленно скачи за мной.

— Хорошо, масса Джордж. Не беспокойтесь, домчусь стрелой! Как зигзаг молнии, смазанный салом!

И, дав такое обещание, негр удалился.

* * * * *

Несмотря на свою недоверчивость, я не мог пренебречь сообщением негра. В нем, несомненно, была какая-то доля истины. Негр был весьма преданный слуга и вряд ли обманул бы меня. И он слишком пронизателен, чтобы его самого можно было обмануть.

Виола имела возможность наблюдать за всем, что происходило в нашей семье. Что же могло заставить ее выдумать подобную историю? Сам Джек видел Ринггольда у нас в доме, а мне об этом никто не говорил. Что же делать? Теперь у Виргинии оказалось сразу три поклонника: индейский вождь, Галлахер и Аренс Ринггольд! Неужели она кокетничает со всеми без разбора? Неужели она имеет виды на Ринггольда? Нет, это невозможно! Я готов был допустить любовь к солдату, романтическое увлечение храбрым и красивым вождем, но Аренс Ринггольд, пискливый, напыщенный сноб¹, у которого не было никаких иных достоинств, кроме богатства,— неужели это возможно? Конечно, тут не обошлось без влияния матери. Но мне никогда не приходило в голову, чтобы Виргиния могла уступить. А если Виола говорила правду, то Виргиния уступила или готова уступить! «Ах, матушка, матушка! Ты и не догадываешься, кого хочешь ввести в свой дом и любить, как родного сына!»

Глава LVIII

СТАРЫЙ ХИКМЭН

На следующее утро я, как обычно, отправился в лагерь добровольцев. На этот раз Галлахер поехал со мной, так как

¹ Сноб — прозвище людей, которые раболепствуют перед высшими, презирают низших и слепо преклоняются перед всем модным.

нужно было привести отряд к присяге¹ и наше присутствие было совершенно необходимо.

В отряде собралась довольно приятная компания, хотя он производил более внушительное впечатление своим количеством, нежели внешним видом. Отряд был конный, но так как каждый экипировался как мог, то оружие и лошади у всех были разные. Почти у всех имелись винтовки, но у некоторых еще сохранились старинные фамильные мушкетеры — память о войнах времен американской революции. У иных были простые охотничьи двустволки. Заряженные тяжелой дробью, они, конечно, не могли представлять собой грозное оружие в схватках с индейцами. Были и пистолеты всех видов, начиная от огромных, оправленных в медь, до маленьких карманных — одноствольных и двуствольных. Револьверов ни у кого не было, так как знаменитые кольты² еще не появились в пограничных с индейской резервацией районах.

У каждого добровольца был нож, обычно большой, с широким острым лезвием, вроде тех, какие носят мясники. У иных были кинжалы со старинными орнаментами. У многих за поясом торчали небольшие секиры, наподобие индейских томагавков. Эти секиры могли сослужить владельцу двойную службу: прорубить дорогу в лесу или раскроить врагу череп.

Амуниция состояла из мешочков с порохом, патронташей с пулями и дробью. Короче говоря, это было обычное боевое снаряжение жителя пограничной местности или охотника-любителя, мирно охотившегося за оленями.

Кавалерия нашего отряда была столь же разнообразна, как оружие и снаряжение.

Здесь были и высокие костлявые клячи, и коренастые верховые лошадки, пригодные для дальних поездок, и креп-

¹ В Соединенных Штатах Америки отряды добровольцев формируются самостоятельно. Когда состав отряда укомплектован и офицеры избраны, правительство должно дать согласие принять отряд на военную службу. Тогда офицеры и солдаты приносят присягу служить в течение определенного времени на точно таких же условиях, как и регулярные войска.

² Впервые револьвером Кольта был вооружен полк техасских стрелков. Первым испытанием кольта в военных действиях явилась стычка с партизанским отрядом (герилья) падре Харанта. 125 герильясов были выведены из строя этим эффективным оружием примерно в течение 15 минут. (Примеч. автора.)

кие, выносливые туземные кони андалузской породы¹, и худые, заезженные кобылы, верхом на которых ехал какой-нибудь оборванный скваттер, бок о бок с великолепным арабским боевым конем — мечтой лихих юнцов, плантаторских сынков, которые любили гордо красоваться на этих замечательных скакунах. Многие были верхом на мулах. Американские и испанские мулы, привыкшие к седлу, хотя и не могут сравниться с конями в атаке, но могут смело потягаться с ними в военном походе против индейцев. В зарослях, в непроходимых лесных дебрях, где земля представляет собой болото или завалена рухнувшими стволами и буреломом и устлана сплетающимися и извивающимися растениями-паразитами, мул легко прокладывает себе путь там, где лошадь на каждом шагу спотыкается или проваливается в трясины. Многие опытные охотники, преследуя зверя, предпочитают мула породистому арабскому скакуну.

Не менее пестрым было и обмундирование отряда. Офицеры были полностью или частично все же облачены в военную форму, а солдаты одеты как попало: красные, синие и зеленые шерстяные куртки, грубошерстные свитеры, серые и коричневые; красные фланелевые рубашки, коричневые, белые, желтые полотняные или нанковые пиджаки. У некоторых пиджаки были даже небесно-голубого цвета! Охотничьи куртки из выделанной оленьей кожи, такие же мокасины и гетры, высокие и низкие сапоги из лошадиной кожи или шкуры аллигатора — короче говоря, все виды обуви, которую носят в Штатах. Головные уборы были также разнообразны и фантастичны. Высоких и твердых касок и кепи не встречалось, зато было много фуражек и шляп из шерсти и войлока, а также шляп, сделанных из соломы и пальмовых листьев, с широкими полями, обтрепанных и надвинутых на самый лоб. На некоторых были форменные фуражки из синего сукна. Только они и придавали военный вид их владельцу.

Но было нечто общее у всех добровольцев этого отряда — это неукротимая жажда схватки с противником, желание помериться силами с ненавистными дикарями, которые устраивали такие бесчинства во всей стране. «Когда же нас поведут в бой?» — вот вопрос, который постоянно задавали добровольцы.

¹ Лошади впервые были привезены во Флориду испанцами; отсюда возникло название этой породы. (Примеч. автора.)

Старый Хикмэн оказался весьма деятельным. Благодаря своему возрасту и опыту он получил звание сержанта, единодушно присужденное ему на выборах. Мне пришлось несколько раз разговаривать с ним. Охотник за аллигаторами по-прежнему оставался моим верным другом и был очень предан всей нашей семье. В этот день он еще раз доказал свою преданность, начав со мной разговор, которого я никак от него не ожидал.

— Пусть индейцы скальпируют меня, лейтенант, — сказал он, — но я даже и мысли не допускаю о том, что этот осел женится на вашей сестре.

— Кто женится? — спросил я с удивлением, полагая, что старик имеет в виду Галлахера.

— Да тот, что постоянно шляется к вам. Эта тварь, проклятый хорек — Аренс Ринггольд!

— А, вот вы о ком! Разве об этом идут разговоры?

— Да во всей округе только об этом и толкуют. Черт меня жеberi, Джордж Рэндольф, если бы я это ему позволил! Ваша сестра — милая девушка, самая что ни на есть красавица в наших краях, и отдать ее замуж за такого мерзкого негодяя, как он!.. Да я и слышать об этом не хочу, несмотря на все его доллары! Запомните мои слова, Джордж: он сделает бедняжку несчастной на всю жизнь. Это уж как пить дать, черт бы его побрал!

— Я очень благодарен вам за совет, Хикмэн, только я думаю, что ваши опасения напрасны. Ничего из этого не выйдет.

— Ну, а почему же все кругом только об этом и болтают? Не будь я старым другом вашего отца, я не позволил бы себе такую вольность. Но я был его другом, а теперь я ваш друг и потому решил поговорить с вами. Мы все кричим тут об индейцах и называем их ворами. Да во всей Флориде, среди всех индейских племен не найти таких воров и мошенников, как Ринггольды! И отец такой был, и сын, и вся ихняя проклятая порода. Старик убрался отсюда, а куда попал, неизвестно. Наверно, дьявол держит его в лапах, и думаю, что будет держать долго за все те пакости, которые он творил с людьми на этом свете. Ему сторицей отплатится и за то, как он обращался с бедными метисами, что живут по ту сторону реки.

— Вы говорите о семье Пауэллов?

— Да, это была величайшая несправедливость на свете.

Я никогда и не слыхивал такого в своей жизни. Клянусь дьяволом!

— Стало быть, вы знаете, что там произошло?

— Конечно, я знаю все их подлые плутни. Это было самое гнусное дело, когда-либо совершённое человеком, и притом белым, который к тому же называет себя джентльменом. Клянусь сатаной, так оно и есть!

По моей просьбе Хикмэн подробно рассказал мне, как была ограблена несчастная семья. Я узнал, что Пауэллы покинули свою плантацию отнюдь не добровольно. Наоборот, для бедной вдовы переселение в чужие места было самым тяжелым испытанием в ее жизни. Дело не только в том, что эта усадьба считалась лучшей во всей округе и высоко ценилась, но с ней были связаны все светлые воспоминания о счастливой жизни, о добром муже... И только неумолимый закон в лице шерифа с дубинкой мог заставить ее покинуть родные места.

Хикмэну пришлось присутствовать при сцене расставания. Он описал ее простыми, но проникновенными словами. Он рассказал мне, как неохотно и с какой грустью вся семья разлучалась со своим родным домом. Он слышал негодующие упреки сына, видел слезы и мольбы матери и дочери, слышал, как несчастная вдова предлагала все, что у нее осталось, — свои личные вещи, даже драгоценности — подарки ее покойного мужа, лишь бы негодяи позволили ей остаться под священным кровом дома, где прошло столько счастливых лет. Но мольбы ее были напрасны. Безжалостные преследователи не ведали сострадания, и вдову выгнали из ее дома.

Обо всем этом старый охотник говорил взволнованно. Хотя внешность его была неприглядной, а речь простонародной, зато сердце у него было отзывчивое и он не выносил несправедливости.

Он неприязненно относился ко всем, кто участвовал в этом преступном деле, и от всей души ненавидел Ринггольдов. Его рассказ о бедствиях, постигших семью Оцеолы, вызвал во мне сильнейшее возмущение этой чудовищной жестокостью и пробудил прежнее теплое чувство к Оцеоле, которое несколько померкло, когда сомнения одолели меня.

СПЕШНЫЙ ГОНЕЦ

Мы с Хикмэном отъехали немного в сторону, чтобы побеседовать на свободе. Старый охотник разгорячился и начал говорить более откровенно. Я ожидал, что он сообщит мне новые интересные подробности. Будучи твердо уверен в том, что он предан нашей семье, а лично ко мне питает самые дружеские чувства, я уже совсем было решился довериться ему и рассказать о своих несчастьях. Хикмэн был человек простой, но умудренный житейским опытом, и вряд ли кто мог дать мне лучший совет, чем он: ведь охотник не всегда жил среди аллигаторов. Наоборот, ему пришлось многое испытать в жизни. Я смело мог рассчитывать на его преданность и вполне довериться его опыту и мудрости.

Убежденный в этом, я охотно поделился бы с ним тайной, тяжелым камнем лежавшей у меня на сердце, или, по крайней мере, открыл бы ему хотя бы часть этой тайны, если бы не думал, что он уже кое-что знает об этом. Я был уверен, что Хикмэну известно о воскрешении из мертвых Желтого Джека. Он еще раньше намекал мне, что сомневается в гибели мулата. Но я думал не о мулате, а о замыслах Аренса Ринггольда. Может быть, Хикмэн что-нибудь знает и о них? Я обратил внимание на то, что, когда имя мулата было упомянуто в связи с именами Спенса и Уильямса, старый охотник так многозначительно взглянул на меня, как будто хотел сообщить мне что-то об этих негодях.

Я уже собирался открыть Хикмэну свою тайну, как вдруг услышал конский топот.

Вглядевшись, я увидел всадника, который мчался по берегу реки с такой быстротой, как будто участвовал в гонке на приз. Конь был белый, а всадник черный; я сразу догадался, что это Джек.

Я вышел из-за деревьев, чтобы он увидел меня и не помчался к церкви, которая находилась немного поодаль. Когда Джек приблизился, я окликнул его; он услышал и, резко повернув коня, направился к нам. Очевидно, Джек приехал с каким-то поручением, но в присутствии Хикмэна он стеснялся говорить и шепнул мне то, что я и ожидал услышать: приехал Аренс Ринггольд!

«И этот проклятый черномазый тут как тут, масса Джордж!» — вот буквальные слова, которые прошептал мне на ухо Джек.

Выслушав это известие, я постарался сохранить полное спокойствие. Мне совсем не хотелось, чтобы Хикмэн узнал или даже мог заподозрить, будто у нас в доме произошло что-то необычайное. Отпустив негра домой, я вернулся с охотником к отряду добровольцев, затем постарался незаметно отстать от Хикмэна и затеряться в толпе.

Вскоре после этого я отвязал коня и, не сказав ни слова никому, даже Галлахеру, вскочил в седло и поспешно уехал. Я направился не по прямой дороге, которая вела к нашей плантации, а решил сделать небольшой крюк через лес, примыкавший к церкви. Я сделал это для того, чтобы ввести в заблуждение старого Хикмэна и всех других, кто мог бы заметить прибытие гонца. Если бы я уехал с Джеком, они могли бы догадаться, что дома у меня не все в порядке. Я показался в отряде для отвода глаз, чтобы любопытные думали, что я уехал не домой, а совсем в другом направлении. Пробравшись через кусты, я выехал на главную дорогу, идущую вдоль реки, а затем, пришпорив коня, поскакал таким галопом, как будто бы решался вопрос о моей жизни или смерти. Я мчался с такой быстротой потому, что хотел добраться до дому прежде, чем тайный посетитель — желанный гость матери и сестры — успеет распрощаться и уехать.

У меня были серьезные причины ненавидеть Ринггольда, но я не таил никаких кровожадных замыслов. Я не собирался убивать его, хотя это был бы самый верный способ избавиться от подлого и опасного негодяя. В эту минуту, возбужденный рассказом Хикмэна о жестокости Ринггольда, я мог бы уничтожить его без всякого страха и угрызений совести. Но хотя я весь кипел от ярости, я все же не был ни сумасшедшим, ни безрассудным человеком. Благоразумие — обычный инстинкт самосохранения — еще не покинуло меня, и я вовсе не собирался разыграть последний акт трагедии о жизни Самсона¹. План действий, который я себе наметил, был гораздо практичнее.

Он состоял в том, чтобы по возможности незаметно добраться до дома, неожиданно войти в гостиную, где наверняка сидел гость, захватить врасплох и гостя и хозяев, потребовать от всех троих объяснения и окончательно разобраться в этой таинственной путанице наших семейных отношений.

¹ Согласно библейскому преданию, богатырь Самсон, взятый в плен филистимлянами, разрушил колонны в храме, где собрались враги, и погиб вместе с ними под обломками здания.

Я должен поговорить с глазу на глаз с матерью, сестрой и ее поклонником и заставить всех троих признаться во всем.

«Да! — говорил я сам себе, яростно вонзая шпоры в бока коня.— Да, они должны признаться во всем! Каждый из них и все вместе, или...»

Я не мог решить, что же мне делать с матерью и сестрой. Впрочем, темные замыслы, вспыхнувшие на пепле гаснущей сыновней и братской любви, уже зловеще гнездились в моем сердце.

Если же Ринггольд откажется сказать мне правду, я отхлещу его арапником, а затем вышвырну вон и навсегда запрещу ему появляться в том доме, где отныне я буду хозяином. Что касается приличий, то об этом не могло быть и речи. Сейчас мне было совсем не до того. С человеком, который пытался убить меня, никакое обращение не могло быть слишком грубым.

Глава LX

ДАР ВЛЮБЛЕННОГО

Я уже говорил, что намеревался войти в дом незамеченным. Поэтому, из осторожности, подъезжая к плантации, я свернул с дорсги на тропинку, идущую вдоль водоема и апельсиновой рощи. Я надеялся, что если подъеду к дому сзади, то меня никто не заметит. Рабы, работавшие внутри ограды, могли увидеть меня, когда я ехал по полю, но это были полевые рабочие. Я больше всего опасался, чтобы меня не заметил кто-нибудь из домашней прислуги.

Черный Джек домой не поехал; я велел ему ждать меня в условленном месте, там я его и нашел. Приказав ему следовать за собой, я помчался дальше. Миновав поля, мы въехали в лес и здесь спешили. Отсюда я отправился один.

Как охотник, подстерегающий дичь, или как дикарь, который крадется к спящему врагу,— так подкрадывался я к дому, к моему дому, к дому моего отца, к дому моей матери и сестры. Странное поведение для сына и брата!

Ноги у меня дрожали, колени подгибались, грудь вздымалась от волнения и от неистового гнева. На одно мгновение я остановился. Мне вдруг ясно представилась неприятная, недостойная сцена, в которой я собирался принять участие. С минуту я колебался. Может быть, я даже вернулся бы и подождал другого подходящего случая, чтобы выполнить

свое намерение не столь насильственным образом, но как раз в эту минуту до меня донеслись голоса, сразу укрепившие мою решимость. Я услышал веселый, звонкий смех сестры и... другой голос. Я сразу узнал скрипучий тенорок ее презренного вздыхателя. Эти голоса привели меня в ярость, словно они ужалили меня. Мне показалось, что в них звучит какая-то насмешка надо мной. Как могла сестра так вести себя? Смеяться, когда я изнемогал под гнетом самых мрачных подозрений?

И тут все мысли об ином, более достойном образе действий сразу исчезли. Я решил привести свой план в исполнение, но прежде всего выяснить, о чем они там говорят.

Я подошел ближе и прислушался. Они были не в доме, а прогуливались по опушке апельсиновой рощи. Неслышно ступая, осторожно раздвигая кусты, то сгибаясь, то выпрямляясь, я вдруг оказался в каких-нибудь шести шагах от них. Сквозь листву я ясно видел платье сестры и отчетливо слышал каждое их слово.

Очень скоро я убедился, что их разговор как раз подошел к решительному моменту. По-видимому, Ринггольд только что впервые сделал официальное предложение сестре, и именно это и вызвало у нее смех.

— Так, значит, вы в самом деле желаете назвать меня своей женой? Вы говорите это серьезно?

— Да, мисс Рэндольф. Не смейтесь надо мной! Вы знаете, сколько лет уже я люблю вас самой преданной любовью.

— Нет, не знаю. Откуда мне это знать?

— Ведь я говорил вам об этом. Разве я не повторял вам это сотни раз?

— Слова! Я не очень ценю слова в делах такого рода. Десятки мужчин уже говорили мне то же самое, хотя, как я полагаю, они мало интересовались мной. Язык — великий обманщик, мистер Арнс!

— Но мое отношение к вам свидетельствует об искренности моих чувств. Я предлагаю вам свою руку и все состояние. Разве это не достаточное доказательство моей преданности?

— Конечно, нет, глупец вы этакий! Да если б я вышла за вас, состояние все-таки осталось бы вашим. А кроме того, у меня самой есть небольшое состояние, и оно перешло бы под ваш контроль. Вот видите, все складывается, несомненно, в вашу пользу.

И она снова расхохоталась.

— Нет, мисс Рэндольф, что вы! Я и не подумал бы притронуться к вашему состоянию. Если вы примете мою руку...

— Вашу руку, сэр? Когда хотят добиться от женщины согласия, ей предлагают не руку, а сердце! Да, сердце!

— Что ж, вам известно, что и сердце мое уже давно принадлежит вам. Об этом знает весь свет.

— Ах, значит, вы всем об этом рассказали? Вот это уж мне совсем не нравится!

— Вы слишком жестоки ко мне! У вас было довольно доказательств моей долгой и преданной любви. Я давно объяснился бы с вами и попросил стать моей женой, если бы...— Тут он вдруг запнулся.

— Если бы не что?

— По правде сказать, я не мог полностью распорядиться собой, пока был жив мой отец.

— Ах, вот как?

— Но теперь я сам себе хозяин, и, если, дорогая мисс Рэндольф, вы сообразовали принять мою руку...

— Опять руку! Кстати, говорят, что эта рука не особенно-то щедра. Если бы я приняла ваше предложение, то вряд ли я имела бы деньги даже на карманные расходы — на шпильки да булавки, ха-ха-ха!

— На меня клеветают враги, мисс Рэндольф. Но клянусь, что в этом отношении вам никогда не придется на меня жаловаться.

— А я в этом не вполне уверена, несмотря на ваши клятвы. Обещания, данные до свадьбы, часто потом забываются. Я не могу доверять вам, любезный друг, нет, нет!

— Уверю вас, что я заслуживаю доверия!

— Не уверяйте! У меня нет никакого доказательства вашей щедрости. Послушайте, мистер Ринггольд, вы еще ни разу в жизни не сделали мне ни одного подарка.

Тут она снова расхохоталась.

— О, если бы я знал, что вы его примете! Я отдал бы вам все, что у меня есть!

— Ну хорошо. Я испытаю вас. Вы должны сделать мне подарок.

— Назовите только, что вы хотите, и любое ваше желание будет исполнено!

— Вы думаете, что я попрошу у вас какой-нибудь

пустячок — лошадь, пуделя или какую-нибудь блестящую безделушку? Уверю вас, ничего такого не будет.

— Мне все равно — ведь я предложил вам все свое состояние. Стоит ли говорить о какой-нибудь его части! Вам достаточно только высказать свое желание, и оно будет исполнено.

— Ах, какая щедрость! Ну хорошо. У вас есть одна вещь, которую мне очень бы хотелось иметь, очень! Вы знаете, я даже собиралась попросить вас, чтобы вы мне ее продали.

— Что же вы имеете в виду, мисс Рэндольф?

— Плантацию.

— Плантацию?

— Совершенно верно. Но не вашу, а одну из тех, которыми вы владеете. Это плантация, некогда принадлежавшая семье метисов на Тупело-Крик. Кажется, ваш отец купил ее у них?

Я обратил внимание на особое ударение, которое Виргиния сделала на слове «купил». Я заметил также, что Аренс явно смутился, когда отвечал ей.

— Да, да... Это верно... Но вы удивляете меня, мисс Рэндольф. Почему вам захотелось сейчас получить эту плантацию, раз вы можете стать хозяйкой всего моего состояния?

— Это уж мое дело. Мне так хочется. На это у меня есть особые причины. Я люблю это место... Оно очень красиво, и я часто гуляю там. Не забывайте, что наш старый дом переходит к брату. Не всегда же он будет жить холостяком! А мама захочет жить только в собственном доме... Но нет, я не стану объяснять вам причины. Делайте подарок или нет — как вам угодно.

— Ну хорошо. А если я подарю вам эту плантацию, тогда вы...

— Никаких условий, слышите? Иначе я совсем не приму от вас никакого подарка, хоть на коленях просите.

При этом последовал новый взрыв смеха.

— В таком случае, я не буду ставить никаких условий, если вы согласны принять от меня плантацию. Она ваша!

— Но это еще не все, мистер Аренс. Ведь вы можете так же легко отнять ее у меня, как и подарили. Как я могу быть уверена, что вы этого не сделаете? Мне необходимы официальные документы.

— Вы их получите.

— Когда?

— Когда вам будет угодно. Хоть через час.

— Да, да, пожалуйста. Идите и привезите их, но помните, что я не признаю никаких условий... Помните это!

— О, я и не думаю их предлагать! — воскликнул Ринггольд в полном восторге. — У меня нет никаких опасений. Я во всем полагаюсь на вас. Через час вы получите все документы. До свидания!

И, сказав это, он тут же удалился.

Этот разговор и особенно его странная заключительная часть так ошеломили меня, что я прямо окаменел. Я опомнился, только когда Ринггольд уже ушел далеко. Теперь я вовсе не знал, что мне делать: то ли догонять Ринггольда, то ли предоставить ему уехать безнаказанно.

Между тем Виргиния тихо направилась к дому. Я был возмущен ею еще больше, чем Ринггольдом. Поэтому я и дал ему возможность уйти, а сам решил немедленно поговорить с сестрой. Произошла бурная сцена. Я застал сестру и мать в гостиной и напрямик, без всяких обиняков, не слушая ни опровержений, ни уговоров, обрисовал им характер человека, который только что покинул наш дом и который собирался убить меня.

— Виргиния, сестра моя, неужели ты и теперь согласишься выйти за него замуж?

— Никогда, Джордж! Я и не думала об этом. Никогда! — в волнении воскликнула она, опускаясь на диван и закрывая лицо руками.

Однако мать слушала меня недоверчиво. Я уже собирался привести ей дальнейшие доказательства своей правоты, как вдруг услышал, что за окном кто-то громко окликнул меня. Я выбежал на веранду. Оказалось, что к дому подскочил всадник в голубом мундире с желтыми отворотами. Это был драгун, посланный из форта. Он был весь в пыли, а лошадь его — в пене. Видно было, что он долго мчался без отдыха. Драгун протянул мне лист бумаги. Это был наскоро написанный приказ мне и Галлахеру. Я развернул бумагу и прочел:

«Немедленно направьте своих людей в форт Кинг. Гоните лошадей во весь опор. Многочисленный неприятель окружает нас. Нам дорога каждая винтовка. Не теряйте ни одной минуты!

Клинч»

ПОХОД

Приказ надо было выполнять немедленно. К счастью, моя лошадь еще была не расседлана, и через пять минут я уже скакал в лагерь добровольцев. Среди наших бойцов, жаждавших военных подвигов, весть о походе вызвала радостное волнение и была встречена громким «ура». Энтузиазм возместил недостаток дисциплины, и менее чем в полчаса отряд в полном боевом порядке был готов к выступлению. Никаких причин для задержки не оказалось. Была подана команда двигаться вперед, фанфары протрубили сигнал, и добровольцы, выстроившись по двое, длинной, несколько нестройной линией выступили к форту Кинг.

Я поскакал обратно, чтобы проститься с матерью и сестрой. Времени на прощанье было мало, но уезжал я с более спокойным сердцем. Я знал, что сестра предупреждена, и теперь не боялся, что она выйдет за Рингольда.

Драгун, который привез приказ, поехал с нами. По дороге мы узнали все новости из форта. Произошло много событий. Оказывается, индейцы ушли из своих поселений, забрав с собой жен, детей, скот и все домашнее имущество. Несколько своих деревень они сожгли сами, так что их бледнолицым врагам уже нечего было уничтожать. Это говорило об их решимости начать войну по-настоящему. Куда они ушли, не могли выяснить даже наши лазутчики. Одни полагали, что индейцы направились на юг, в более отдаленную часть полуострова. Другие думали, что они скрылись в болотах, тянувшихся на много миль в верховьях реки Амазуры, известных под названием «болота Уитлакучи».

Это было наиболее вероятной догадкой. Но индейцы так искусно замаскировали свое передвижение, что нельзя было обнаружить ни малейшего следа. Лазутчики дружественных индейцев — даже самые проникательные из них — не могли определить путь их отступления. Многие считали, что индейцы ограничатся оборонительной войной и станут нападать только на те селения, где не окажется американских войск, а затем будут укрываться с добычей в болотных дебрях. Это казалось весьма вероятным. В таком случае, войну нелегко будет закончить. Другими словами, «регулярной» войны вовсе не будет, будут только бесплодные походы и

преследования. Ясно, что, если индейцы не захотят вступить с нами в открытый бой, у нас будет мало шансов догнать отступающего врага.

Солдаты боялись, что противник скроется в чаще леса, где найти его будет трудно и даже невозможно. Однако такое положение не могло продолжаться долго. Индейцы не смогут вечно жить грабежом. Их добыча с каждым днем будет все уменьшаться. Притом их слишком много для простой разбойничьей шайки. Впрочем, об их точном количестве белые имели весьма смутное представление. Одни говорили, что их от одной до пяти тысяч, включая и беглых негров, но даже наиболее осведомленные жители пограничных районов могли назвать только приблизительную цифру. По моим расчетам, у индейцев было более тысячи воинов, даже без тех кланов, которые отпали. Так же думал и старый Хикмэн, хорошо знавший индейцев. Как же могли индейцы найти средства к существованию среди болот? Неужели они были настолько предусмотрительны, что смогли сделать там большие запасы еды? Нет, на этот вопрос можно было смело дать отрицательный ответ.

Все знали, что именно в этом году у семинолов не было даже их обычных запасов. Вопрос о переселении был решен еще весной, и так как будущее представлялось неопределенным, многие семьи засеяли очень мало, а некоторые почти ничего. Урожай был поэтому меньше, чем в прежние годы, и перед последним советом в форте Кинг некоторые уже покупали еду или просили милостыню у пограничных жителей. Какова же была вероятность того, что они смогут продержаться в течение длительной кампании? Голод заставит их выйти из своих укреплений. Им придется или вступить в бой, или просить мира. Так думали все.

Эта тема оживленно обсуждалась и во время похода. Она представляла особый интерес для многих молодых воинов, жаждущих славы. Если противник изберет такую бесславную систему военных действий, кому же достанутся лавры? Участники похода в убийственном климате болот, кишящих миазмами, скорее могли бы быть «увенчаны кипарисами», то есть остаться там навеки. Но большинство надеялись, что индейцы вскоре начнут голодать и вынуждены будут принять открытый бой. Относительно того, смогут ли индейцы продержаться длительное время, мнения разделились. Те, кто лучше всего знал местные условия, считали, что смогут. Так же думал старый охотник за аллигаторами.

— У них есть,— говорил он,— этот проклятый куст с большими корнями, который они называют «контги». Он растет по всему болоту. В некоторых местах он толст, как сахарный тростник. Он годится для еды, а кроме того, индейцы делают из него напиток «конте». Дубовые желуди — тоже не плохая пища, особенно если их хорошо поджарить в золе. Их можно собрать очень много — сотни бушелей¹. А потом есть еще пальмовая капуста, которая заменяет им зелень. А насчет мяса — тут к их услугам олени, медведи-гризли... А в болотах есть аллигаторы и много всякой прочей мерзкой живности, не говоря уже о черепахах, индейках, белках, змеях и крысах! Черт побери этих краснокожих! Они могут жрать что хотите — от птицы до хорька. Что, не верите, ребята? Эти индейцы не так-то легко помрут с голоду, как вы думаете. Они будут держаться зубами и когтями, пока в этом проклятом болоте есть хоть что-нибудь съедобное. Вот что они будут делать!

Эта мудрая речь произвела сильное впечатление на слушателей. В конце концов, презренный враг не так беспомощен, как думали сначала.

Добровольцев нельзя было вести в строгом военном порядке. Вначале такие попытки делались, но скоро офицерам пришлось отказаться от этой идеи. Участники отряда, особенно молодежь, поминутно отбивались от строя, скакали в глубь леса в надежде подстрелить оленя или индейку, мелькнувшую в кустах, или в тишине и уединении приложиться к заветной фляжке. Убеждать их было потерей времени, а строгое замечание часто вызывало лишь дерзкий ответ.

Сержант Хикмэн был страшно возмущен поведением добровольцев.

— Мальчишки! — восклицал он. — Проклятые молокососы, пусть они только попробуют! Пусть меня сожрет аллигатор, если они не научатся потом вести себя по-другому! Я готов прозакладывать свою кобылу против любого жеребца в роте, что некоторых ребят скальпируют еще до заката солнца! Клянусь честью!

Никто не рискнул побиться с ним об заклад, но так и вышло: его слова оказались пророческими.

Один молодой плантатор, воображая, что находится в полной безопасности, как на своей сахарной плантации,

¹ Буш е л ь — мера объема, равная 36,35 литра.

вздумал погнаться за оленем и отбился от отряда. Не прошло и пяти минут после того, как он исчез из виду как в лесу раздались два выстрела, и в следующий момент из кустов выбежала лошадь без всадника.

Отряд остановился.

Группа добровольцев направилась в ту сторону, откуда слышались выстрелы, но никаких следов врага обнаружить не удалось, нашли только тело молодого плантатора, простреленное двумя пулями. Это послужило уроком — хотя и тяжелым — для всех его товарищей, и теперь никто уже больше не пытался охотиться на оленей.

Убитого похоронили на том месте, где его нашли, а затем отряд, к великому облегчению офицеров, в полном порядке продолжал поход и без особых приключений прибыл в форт Кинг перед заходом солнца.

Глава LXII

УДАР ПО ГОЛОВЕ

За исключением одного короткого часа, у меня не было связано с фортом Кинг никаких приятных воспоминаний. Пока я отсутствовал, сюда прибыло несколько новых офицеров, но между ними не нашлось ни одного, с кем стоило бы познакомиться. В форте стало еще теснее. Устроиться было нелегко; маркитант и торговцы быстро наживались. Они вместе с квартирмейстером, комиссаром¹ и торговцем скотом одни только, по-видимому, и преуспевали.

«Красавец» Скотт все еще числился адъютантом и был, как всегда, щегольски одет. Но я почти перестал думать о нем. Как только я приехал, мне сразу же пришлось приступить к своим обязанностям — обычно не очень приятным. Мне не дали даже отдохнуть после долгой поездки, не дали смахнуть дорожную пыль, а тут же вызвали к генералу. Зачем я ему так спешно понадобился? Может быть, открылись какие-либо подробности, относящиеся к дуэли? Может быть, мне припомнили какие-нибудь старые грехи?

Когда я шел к генералу, на душе у меня было далеко

¹ В армии Соединенных Штатов эти две офицерские должности совершенно различны. Комиссару поручено наблюдение за моральным состоянием войск, а на обязанности квартирмейстера лежит забота о жилище, обмундировании, оружии и снаряжении. (Примеч. автора.)

не спокойно. Но оказалось, что мне нечего тревожиться за прошлое. Когда я узнал, по какому делу меня вызвал генерал, то даже пожалел, что это не выговор.

Генерал беседовал с агентом. Оказывается, намечалась еще одна встреча с Оматлой и Черной Глиной, и я понадобился как переводчик. Все происходило в моем присутствии. На совещании обсуждался план совместных действий правительственных войск и дружественных индейцев. Последние, как союзники, должны были выступить против своих же соплеменников, засевших в болотах реки Амазуры. Точное их местонахождение было неизвестно, но его надеялись установить с помощью мирных вождей и их разведчиков, которые уже принялись за розыски.

Встреча была заранее условлена. Вожди, обосновавшиеся со своими племенами в форте Брук, должны были тайком прибыть на обычное место свидания у озера в лесу и встретить агента и генерала. Свидание было назначено на тот же вечер, после наступления темноты, чтобы скрыть от любопытных глаз как искусителей, так и изменников. Когда солнце зашло, уже достаточно стемнело. Луна была на ущербе, в третьей четверти, и сразу после заката ее не было видно на небе.

Едва наступили сумерки, генерал, агент и переводчик вышли из форта, так же как и в прошлый раз. Вождей на месте свидания не оказалось, и это нас несколько удивило. Мы знали, что индейцы обычно были очень аккуратны.

— Что могло задержать их? — спрашивали друг у друга генерал и агент.

Ответ не заставил себя долго ждать. Издали с ночным ветерком к нам донесся звук выстрелов — резкий треск винтовок и пистолетов. Мы услышали пронзительный военный клич: «Ю-хо-эхи!» Он доносился из глубины леса. Ясно было, что там идет ожесточенный бой. Это не был маневр для отвлечения внимания противника или ложная тревога, чтобы выманить солдат из форта или запугать часового. По резким и диким выкрикам чувствовалось, что в лесу льется человеческая кровь.

Мои спутники не знали, что и подумать. Я заметил, что оба они не отличались особым мужеством. Впрочем, оно вовсе и не требуется для того, чтобы стать генералом. Во время военных действий мне часто приходилось наблюдать, как американские офицеры и генералы трусливо прятались за дерево или обломок стены. Один из них, который

потом был избран вождем двадцатимиллионного народа, как-то в одной из стычек спрятался в придорожной канаве, спасаясь от случайных выстрелов, тогда как покинутая им бригада в полумиле от него доблестно сражалась под начальством младшего лейтенанта. Но почему я говорю здесь об этом? Мир полон таких героев.

— Это они, черт возьми! — воскликнул агент. — Их подстерегли, на них напали. Вероятно, это мерзавец Пауэлл!

— Похоже на то, — ответил генерал, у которого, видимо, нервы были крепче и говорил он более хладнокровно. — Да, это, должно быть, они. В том направлении нет наших войск — ни одного белого солдата. Это дерутся между собой индейцы. На дружественных нам вождей совершенно нападение. Вы, правы, Томпсон, это ясно.

— А если так, генерал, то нам незачем здесь оставаться. Если они подстерегли Оматлу, то, конечно, на их стороне численный перевес. Они должны победить. Мы не можем больше ждать его.

— Да, по-видимому, ни Оматла, ни Луста Хаджо не придут. Я думаю, что мы можем вернуться в форт.

Они как будто колебались, не зная, как им поступить. Я понял, что оба генерала решали в уме вопрос, удобно ли им вдруг бросить начатое дело и удалиться.

— А если они придут... — заговорил достойный воин. Тут я взял на себя смелость вмешаться.

— Генерал, — предложил я, — с вашего позволения, я могу остаться здесь. Если они придут, я немедленно вернусь в форт и дам вам знать об этом.

Трудно было придумать что-нибудь более приятное для обоих генералов. Мое предложение было немедленно принято, и два героя удалились. Я остался один.

Но вскоре мне пришлось пожалеть о своем опрометчивом благородстве. Генералы, наверное, не успели еще дойти до форта, как шум битвы смолк и раздался возглас: «Кахакуине!» — победный клич семинолов. Я еще прислушивался к этим резким крикам, как вдруг несколько индейцев выскочили из кустов и окружили меня.

Даже при слабом свете звезд я мог различить блистающие лезвия, винтовки, пистолеты и томагавки. Оружие было слишком близко от моих глаз, чтобы я мог ошибиться и принять его за светлячков, мерцающих над моей головой. Кроме того, я слышал звон стальных клинков. Индейцы на-

пали на меня молча, вероятно, потому, что поблизости находился форт. А когда я закричал, меня оглушили ударом, от которого я потерял сознание и рухнул на землю.

Глава LXIII

ВОЗМЕЗДИЕ ИНДЕЙЦА

Через некоторое время я очнулся и увидел, что меня окружают индейцы. Но теперь они не угрожали мне, а, наоборот, старались выказать мне участие. Голова моя лежала на коленях у одного из них, а другой пытался остановить кровь, сочившуюся из раны на виске. Кругом стояли воины, сочувственно смотревшие на меня. По-видимому, им хотелось, чтобы я пришел в сознание. Я удивился, так как был уверен, что они собираются меня убить. Когда меня ударили томагавком, я вообразил, что смертельно ранен. Такое ощущение часто бывает у тех, кого внезапно оглушают ударом.

Приятно было сознавать, что я еще жив и только легко ранен и что люди, окружающие меня, не стараются причинить мне зло.

Индейцы тихо переговаривались между собой, рассуждая о том, смертельна ли моя рана, и, видимо радуясь, что я не убит.

— Мы пролили твою кровь, но рана не опасна,— сказал один из них, обращаясь ко мне на своем родном языке.— Это я нанес тебе удар. Было темно. Друг Восходящего Солнца, мы не узнали тебя! Мы думали, что ты ятикаклуко¹. Мы думали, что застанем его здесь, и хотели пролить его кровь. Он был здесь. Куда он ушел?

Я указал на форт.

— Хулвак! — воскликнули несколько индейцев одновременно.

Было ясно, что они разочарованы. Некоторое время они, видимо встревоженные, совещались между собой, а затем индеец, который первым заговорил со мной, снова обратился ко мне:

— Друг Восходящего Солнца, не бойся ничего. Мы не

¹ Я т и к а к л у к к о — красноречивый оратор. Здесь имеется в виду правительственный агент.

тронею тебя, но ты должен отправиться с нами к вождям. Это недалеко. Пойдем!

Я вскочил на ноги. Если бы я сделал отчаянное усилие, может быть, мне и удалось бы ускользнуть от них. Однако эта попытка могла мне дорого обойтись — меня еще раз стукнули бы по голове, а может быть, и убили бы. Кроме того, вежливость моих противников успокоила меня. Я чувствовал, что мне нечего их бояться, и потому без колебания последовал за ними.

Индейцы построились линией, один за другим, и, поместив меня в середину, сразу же отправились в лес. Насколько я мог определить, мы шли в том направлении, где происходила битва. Теперь все было тихо, воины перестали издавать свой победный клич. При свете луны я узнал лица индейцев, которых видел раньше на совете. Это были воины племени микосоков, приверженцев Оцеолы. Из этого я заключил, что он и был одним из вождей, к которым меня вели. Мои предположения оказались правильными. Вскоре мы вышли на поляну, где расположились индейские воины; их было примерно около сотни. Я увидел нескольких вождей, среди них был и Оцеола.

Все кругом было залито кровью — зрелище поистине необычайное. В беспорядке лежали трупы, покрытые ранами; свежая кровь запеклась на них, выражение ужаса застыло в глазах, обращенных к луне. Люди падали в тех позах, в которых их застигла смерть. Скальпировальный нож уже закончил свою страшную работу: на висках виднелись малиново-красные рубцы, венцом окаймлявшие черепа, лишенные волосяного покрова. Возле убитых бродили индейцы со свежими скальпами в руках. У некоторых скальпы болтались на дулах винтовок.

Ничего сверхъестественного тут не произошло. Все было понятно. Павшие воины принадлежали к племенам изменников — сторонников Луста Хаджо и Оматлы. По соглашению с агентом вожди-изменники вышли из форта Брук в сопровождении избранной свиты. Их план стал известен патриотам. Изменников выследили, напали на них по пути и после короткой стычки одолели. Большинство пали в сражении, лишь немногим, во главе с вождем Луста Хаджо, удалось спастись. Некоторые вместе с самим Оматлой попали в плен и были еще живы. Их не убили сразу только для того, чтобы предать смерти в более торжественной обстановке.

Оцеола поверг Омаглу на землю.

Я увидел пленников, крепко привязанных к деревьям. Среди них находился и тот, кто милостью агента Томпсона был возведен в сан короля семинолов. Однако его подданные не оказывали ему ни малейшего почтения. Около него толпились воины, стремившиеся выступить в роли царевубийцы. Но вожди удерживали их от насилия, желая, согласно обычаю и законам своего народа, предать Оматлу суду. Когда мы прибыли, они как раз вершили этот суд и совещались между собой. Один из воинов, захвативших меня в плен, сообщил о нашем прибытии. Я заметил, что вожди разочарованы. Как видно, я оказался не тем пленником, который был им нужен. Поэтому на меня не обратили внимания, и я мог свободно располагать собой и наблюдать, как они вершили правосудие.

Судьи выполнили свой долг. Много спорить не приходилось, все слишком хорошо знали, что Оматла — изменник. Конечно, его признали виновным, и он должен был заплатить жизнью за свои преступления. Приговор объявили во всеуслышание: изменник должен умереть! Возник вопрос кто будет его казнить? Желающих нашлось много, ибо, по принципам индейской морали, покарать изменника считается делом чести. Таким образом, найти палача было бы нетрудно. Многие выражали готовность, но совет вождей отклонил их услуги. Такое дело надо было решать голосованием.

Все знали клятву, данную Оцеолой. Его сторонники хотели, чтобы он ее выполнил, поэтому его избрали единодушно, и Оцеола принял это как должное.

С ножом в руке подошел он к связанному пленнику. Все столпились вокруг них, чтобы увидеть роковой удар. Побуждаемый каким-то смутным чувством, я невольно приблизился. Мы стояли затаив дыхание, ожидая, что вот-вот нож вонзится в сердце изменника.

Мы видели, как поднялась рука Оцеолы, чтобы нанести удар, но не видели ни раны, ни крови. Лезвие ножа перерезало только ремни, которыми был связан пленник. Оматла стоял освобожденный от пут. Среди индейцев слышался ропот неодобрения. Зачем же Оцеола это сделал? Неужели он хотел дать Оматле возможность бежать?

— Оматла! — проговорил Оцеола, сурово глядя в лицо своему врагу. — Когда-то тебя считали храбрым человеком. Тебя уважали все племена, весь народ семинолов. Белые подкупили тебя и заставили изменить родине и нашему

общему делу. И все-таки ты не умрешь собачьей смертью! Я уничтожу тебя, но не хочу быть убийцей. Я не могу поднять руку на беспомощного и безоружного человека и вызываю тебя на честный поединок. Тогда все увидят, что правда победила... Отдайте ему оружие! Пусть он защищается, если может.

Этот неожиданный вызов был встречен криками неодобрения. Среди индейцев нашлись такие, которые, негодуя на измену Омаклы и еще пылая яростью после недавней схватки, закололи бы его тут же на месте, связанного по рукам и ногам. Но все видели, что Оцеола полон решимости сдержать свое слово, и поэтому никто не возражал. Один из воинов подал Омакле томагавк и нож. Так же был вооружен и Оцеола. Затем люди молчаливо расступились, и противники остались в центре круга.

Схватка была короткая и кровопролитная. Почти сразу же Оцеола выбил томагавк из рук противника, а затем мгновенным ударом поверг его на землю. Победитель склонился над побежденным, в его руках сверкнул нож.

Когда он выпрямился, лезвие ножа уже не сверкало в лунном свете: оно потускнело от крови.

Оцеола сдержал клятву — он пронзил сердце изменника. С Омаклой было покончено.

* * * * *

Впоследствии белые называли этот поступок Оцеолы убийством. Но это неверно. Такой же смертью погибли Карл I, Калигула и Тарквиний¹ и сотни других тиранов, которые угнетали свой народ или изменили своей стране.

Общественное мнение, обсуждая такие деяния, не всегда бывает справедливым. Оно подобно хамелеону, меняющему окраску: меняется согласно лицемерному духу своего времени.

Это чистое ханжество, позорная и постыдная бесприн-

¹ Карл I — английский король, правивший в 1625—1649 годах. Проводил реакционную феодально-абсолютистскую политику, вызвавшую недовольство буржуазии и протест широких масс населения. Во время английской буржуазной революции XVII века был свергнут и казнен 30 января 1649 года. Калигула Гай Цезарь, римский император в 37—41 гг. н. э. — сумасбродный деспот, жестокий тиран. Был убит заговорщиками. Тарквиний — имя двух легендарных царей Древнего Рима. Майн Рид, вероятно, имеет в виду Тарквиния Гордого — последнего царя Рима (534—509 гг. до н. э.), который после тиранического правления был изгнан, а власть царей сменилась республикой.

ципность! Только того можно назвать убийцей, кто убивает из низменных, корыстных целей. Оцеола же был человек иного склада.

* * * * *

Я оказался в странном положении. Вожди не обращали на меня внимания, и все же, несмотря на вежливость индейцев, взявших меня в плен, я не мог отделаться от беспокойства за свою дальнейшую судьбу. Индейцам, которые были возбуждены всем тем, что произошло, и находились фактически в состоянии войны с моей страной, могла прийти в голову мысль уготовить и для меня участь, выпавшую на долю Оматлы. Таким образом, ожидание было не из приятных.

Но вскоре у меня отлегло от сердца. Как только с изменником Оматлой было покончено, Оцеола подошел ко мне и дружески протянул мне руку. Я был счастлив вновь обрести его дружбу. Он выразил сожаление, сказав, что я был ранен и взят в плен по ошибке. Затем подозвал одного из воинов и приказал ему проводить меня в форт.

У меня не было никакого желания оставаться на месте трагедии. Простившись с Оцеолой, я последовал за своим проводником. У озера мы расстались, и я без дальнейших приключений вернулся в форт.

Глава LXIV

НЕУДАВШИЙСЯ БАНКЕТ

По долгу службы я написал рапорт обо всем, чему был невольным свидетелем. Мой рассказ вызвал в форте возмущение. Немедленно отрядили солдат в погоню за врагом, а проводником назначили меня.

Это была явная нелепость. Преследование, как и можно было ожидать, оказалось бесцельным. Мы, конечно, нашли место сражения и тела убитых, вокруг которых уже рыскали волки. Но мы не обнаружили ни одного живого индейца, не могли даже отыскать тропинку, по которой они скрылись. Наш отряд состоял из нескольких сот человек — фактически это был почти весь гарнизон форта. Будь нас меньше, я уверен, что неприятель, так или иначе, дал бы о себе знать.

Смерть Омата была значительным событием. Во всяком случае, весьма важным по своим последствиям. Белые назначили Омату главным вождем, «королем» племени. Поэтому, казнив его, индейцы открыто объявили о своем презрении к власти, давшей Оматле этот сан, а также о своем твердом решении и впредь оказывать сопротивление, когда белые будут вмешиваться в их дела. Омата находился под покровительством белых. Они гарантировали ему безопасность, а такое обещание равносильно договору. Поэтому его убийство было ударом по его покровителям. Теперь правительство вынуждено было отомстить за его смерть.

Особенно важные последствия этот случай имел для подданных Омата. Напуганные его смертью и боясь подобного же возмездия, многие из младших вождей и воинов покинули ряды изменников и присоединились к патриотам. Многие племена, которые до сих пор еще не приняли окончательного решения, теперь объявили, что они будут бороться вместе со всем народом, и, не колеблясь, взялись за оружие.

Смерть Омата была не только актом сурового правосудия, но также и тонким политическим маневром со стороны индейцев, враждебно настроенных к белым. Все это убедительно свидетельствовало о высоком уме того, кто задумал и осуществил этот маневр.

Оцеола поклялся мстить, и Омата был первой жертвой его мести. Вскоре последовала и вторая. Трагедию смерти изменника вскоре затмила новая трагедия, еще более волнующая, страшная и значительная. Одно из главных действующих лиц этого повествования отныне сошло со сцены.

После того как мы прибыли в форт, продовольствие стало быстро исчезать. Заранее не запасли провианта в количестве, достаточном для такого большого отряда войск, а доставить его в форт Кинг в скором времени было нельзя. Мы должны были стать жертвой обычной непредусмотрительности правительств, не привыкших вести военные действия. Пришлось урезать пайки до последних пределов. Нам предстояла чуть ли не голодная смерть.

Положение создалось критическое, и тут наш главнокомандующий совершил акт высокого патриотизма. Генерал Клинч, уроженец Флориды, помимо того, что занимал

высокий военный пост, был еще владельцем прекрасной, обширной плантации, расположенной неподалеку от форта Кинг. Его маисовые поля занимали сотни акров, и как раз в это время на них поспевал урожай. Генерал безоговорочно отдал зерно для снабжения войска. Но вместо того чтобы подвезти урожай в армию, поступили наоборот: направили войска на поля, чтобы они сами собрали зерно для своего пропитания. Таким образом, четыре пятых состава маленькой армии покинуло форт, и на месте остался довольно слабый гарнизон. На плантации же возникло новое укрепление, названное фортом Дрейн.

Нашлись клеветники, которые стали распространять слухи, что в этом необычайном деле добродушный старый генерал руководствовался отнюдь не чувством патриотизма. Пошли толки о том, что «Дядюшка Сэм»¹ хорошо известен как платежеспособный и щедрый покупатель и что он даст генералу хорошую цену за его зерно. Кроме того, пока армия стояла на плантации, можно было не бояться нападения индейцев. Впрочем, возможно, все это было просто выдумкой лагерных острословов.

Меня не назначили на плантацию. Я не принадлежал к числу любимцев генерала и не был офицером его штаба. Мы с агентом остались в форте Кинг.

Дни за днями протекали однообразно. Проходили целые недели. Редким развлечением для нас были поездки в форт Дрейн. Часто отлучаться не приходилось — в форте Кинг оставалось слишком мало войск. Нам хорошо было известно, что индейцы вооружены. Их следы все время обнаруживались около укрепления. И выезды на охоту или даже романтические прогулки в окрестных лесах — обычные походы для пополнения припасов — все это теперь было опасно.

Я заметил, что агент стал очень осторожен. Он редко выходил за ограду форта, а за линией караулов не появлялся никогда. Каждый раз, когда он смотрел на леса и далекие саванны, на его лице появлялось озабоченное выражение, как будто его томило предчувствие опасности. Это было после смерти изменника-вождя. Агент слышал угрозу Оцеолы убить Оматлу и, быть может, даже понимал, что клятва вождя касалась и его самого. Вероятно, он предчувствовал свою судьбу.

¹ «Дядюшка Сэм» — ироническое прозвище США.

Наступило рождество. В это время всюду — среди ледяных айсбергов севера, в жарких, тропических равнинах, на борту корабля, в крепости, даже в тюрьме — людям хочется провести праздник как можно веселее. И в нашей крепости, как и всюду, справляли праздник. Солдаты были освобождены от учебных занятий, и только часовые несли дозорную службу. В эти дни ежедневный рацион питания был увеличен, и меню старались сделать как можно более разнообразным. Рождественская неделя, таким образом, проходила весело.

В американской армии маркитантом обычно бывает какой-нибудь удачливый искатель приключений, щедро оказывающий кредит офицерам и дающий им в долг деньги. В празднествах и пирах он становится их товарищем и собутыльником. Таков был и маркитант форта Кинг.

В один из этих рождественских дней маркитант решил угостить нас роскошным обедом — в форте никто не мог бы устроить такой банкет. Были приглашены все офицеры, среди них самым почтенным гостем являлся агент.

Банкет устроили в доме маркитанта. Этот дом стоял за оградой форта, ярдах в ста от него, на краю леса. Когда кончили обедать, уже почти стемнело. Большинство офицеров решили вернуться в форт и там продолжать кутеж.

Агент и человек десять гостей — офицеров и штатских — задержались ненадолго распить бутылочку-другую под гостеприимной крышей маркитанта. Я же вместе с другими офицерами вернулся в форт.

Едва мы сели за стол, как вдруг с удивлением услышали шум и хорошо знакомый звук — резкую пальбу винтовок. Вслед за выстрелами до нас донеслись дикие выкрики. Это был военный клич индейцев. Мы сразу поняли, что означают эти звуки, и вообразили, что неприятель напал на форт. Наскоро вооружившись кто чем мог, мы все немедленно выскочили из казармы.

Только тут мы догадались, что это нападение не на форт, а на дом маркитанта. Его окружила толпа индейцев в полной боевой раскраске, с перьями в волосах и воинских нарядах. Они металась во все стороны и потрясали оружием с пронзительным криком: «Ю-хо-эхи!» Время от времени раздавались отдельные выстрелы, и роковая пуля настигала жертву, тщетно пытавшуюся спастись. Ворота форта были широко распахнуты, и солдаты, гулявшие за частоколом, с воплями ужаса бежали в крепость. Часовые пытались

открыть огонь, но расстояние до дома маркитанта было слишком велико, и ни одна пуля в индейцев не попала.

Артиллеристы бросились было к орудиям. Но выяснилось, что прочные бревенчатые конюшни, находившиеся между фортом и домом маркитанта, служили надежным укрытием для врага.

Внезапно крики смолкли, и толпа смуглых воинов бросилась к лесу. Через несколько секунд они скрылись в чаще, исчезнув из наших глаз, как по волшебству.

Комендант форта оказался нераспорядительным офицером. Только теперь он собрал свой гарнизон и отважился на вылазку. Когда мы подошли к дому маркитанта, нам представилось страшное зрелище. Сам хозяин, два молодых офицера, несколько солдат и штатских лежали на полу мертвые, их тела были покрыты многочисленными ранами. Мы сразу увидели труп агента. Он лежал навзничь, мундир его был разорван и окровавлен, кровь запеклась на его лице. Шестнадцать пуль пробили его тело, а самая страшная рана зияла на груди слева. Как видно, ему вонзили нож в сердце. Я догадался бы, кто нанес эту рану, даже если бы в доме не нашлось живого свидетеля. Но свидетель был — негритянка-кухарка; она спряталась за шкаф и только теперь вышла из своего укрытия. Она видела всю эту резню, знала Оцеола и видела, как он нанес последний удар агенту. Так Оцеола выполнил и эту клятву.

После краткого совещания было решено начать погоню, приняв все меры предосторожности. Но, как и в прошлый раз, это ни к чему не привело: мы не обнаружили даже следов врага.

Глава LXV

РАЗГРОМ ДЭЙДА

Как ни печален был финал рождественских праздников, но вскоре еще более печальные вести дошли до форта Кинг. Мы услышали о событии, которое впоследствии стали называть «Разгром Дэйда».

Это известие нам принес посланец от дружественных нам индейских племен. Оно так ошеломило нас, что вначале никто не хотел ему верить.

Затем пришли другие индейцы и полностью подтвердили

свидетельство первого посланца. Происшествие было настолько трагично, что казалось маловероятным и почти неправдоподобным. При всей своей романтической окраске эта история оказалась истинной — истинной по своим кровавым последствиям, истинной во всех подробностях. Теперь война началась всерьез. Ее преддверием послужило столкновение совершенно необычайное — и по своему характеру и по результатам.

Отчет об этом сражении, пожалуй, представляет некоторый интерес.

В своем повествовании я уже говорил, что один из офицеров армии Соединенных Штатов Америки хвастливо заявил, будто он «пройдет через всю землю семинолов с одним лишь сержантом вместо конвоя». Этот офицер был майор Дэйд.

Вышло так, что майору Дэйду представился случай показать свою воинскую доблесть, хотя под его командой находился не только один сержант. Однако на деле вышло совсем не то, что сулили его необдуманные, хвастливые речи.

Чтобы понять, как случилось это злополучное происшествие, надо немного познакомиться с картой местности.

На западном берегу полуострова Флорида есть бухта, которую индейцы называют «Тампа», а испанцы — «Эспириту Санто». Возле этой бухты англичанами был когда-то построен форт Брук. Эта крепость похожа на форт Кинг и расположена на девяносто миль южнее последнего.

Форт Брук был вторым из военных укреплений, построенных вблизи индейской резервации; в нем сосредоточивались войска и боеприпасы. Он также служил пересыльным пунктом для тех войск, которые прибывали из портов Мексиканского залива. В форте Брук к моменту начала военных действий находилось около двухсот солдат, главным образом артиллеристов. Пехоты там было очень немного.

Вскоре после бесплодного совещания в форте Кинг эти войска, или, вернее, часть их по приказу генерала Клинча должна была присоединиться к главному корпусу.

Выполняя этот приказ, сто солдат с соответственным количеством офицеров двинулись к форту Кинг. Отрядом командовал майор Дэйд.

В сочельник перед рождеством 1835 года отряд выступил из форта Брук в приподнятом настроении, воодушевленный надеждой стяжать победные лавры в битвах с

противником. Солдаты надеялись, что это будет первая боевая схватка в этой войне и поэтому победа принесет им большую славу. О поражении они и не думали.

Развевались знамена, лихо били барабаны, гремели фанфары и трубы, возвещая наступление. Сопровождаемый салютом из орудий и одобрительными возгласами товарищей, отряд выступил в поход — в роковой поход, из которого ему не суждено было вернуться.

Ровно через неделю после этого, 31 декабря, к воротам форта Брук на четвереньках еле подполз человек. Одежда его была изодрана в клочья, промокла в ручьях, запачкалась грязью болот, покрылась пылью и кровью, и с трудом удалось определить, что это мундир рядового из отряда Дэйда. У солдата было пять ран — на правом бедре, на голове, возле виска, на левой руке и спине. Он был бледен, истощен, изнурен и похож на скелет. Его старые товарищи с трудом узнали его, когда он слабым и дрожащим голосом назвал себя: «рядовой Кларк, 2-го артиллерийского полка». Вскоре после этого два других солдата, рядовые Спрэг и Томас, появились в таком же плачевном виде. Они рассказали то же самое, что и Кларк. Отряд Дэйда был атакован индейцами, разгромлен и уничтожен почти до последнего человека. Только трое остались в живых из всех тех, кто выступил в поход, гордясь собственной мощью и надеясь на победу и славу. Их рассказ был верен до последнего слова. Из всего отряда уцелели только эти люди. Остальные сто шесть человек нашли себе могилу на берегах Амазуры. Вместо лавров они получили в награду могильный крест.

Трое уцелевших упали под ударами томагавков, и им удалось притвориться мертвыми. Благодаря этому после боя им удалось уползти и добраться до форта. Кларк прополз на четвереньках более шестидесяти миль, делая по миле в час.

Глава LXVI

ПОЛЕ БИТВЫ

Разгром отряда Дэйда не имеет себе равного во всей истории войн с индейцами. Никогда ни одно столкновение не оказывалось столь роковым для белых, участвовавших в нем.

Отряд Дэйда был уничтожен целиком — даже из трех солдат, доползших до форта, впоследствии двое умерли от ран.

И, однако, индейцы вовсе не имели решающего превосходства в силах над своим противником. Но они оказались гораздо хитрее и искуснее в военной тактике.

Отряд майора Дэйда подвергся нападению при переходе через реку Амазуру¹. Это была открытая местность, где росли тонкие и редкие сосны, так что индейцы не имели большого преимущества в позиции или в укрытиях. По количеству их было не больше, чем два на одного белого, а среди участников войн против индейцев это считалось «нормальным соотношением сил». К незначительному превосходству индейцев белые всегда относились пренебрежительно.

Многие из индейцев примчались верхом, но всадники держались вдали от оружейного огня, и только пехота принимала участие в битве. Победа индейцев была столь мгновенной, что помощь всадников даже не понадобилась.

Первый залп был настолько убийственным, что отряд Дэйда пришел в полное расстройство. Солдаты не могли отступить — конные индейцы обошли их с фланга и отрезали им путь к отступлению.

Сам Дейд и большинство его офицеров были убиты первым залпом, а оставшимся в живых не оставалось ничего другого, как отстреливаться. Они попытались построить бруствер в виде треугольника из поваленных стволов, но жестокий огонь индейцев вскоре прекратил начатую работу, и укрепление удалось возвести лишь до половины. В это ненадежное укрытие отступили уцелевшие от первой атаки, но и они один за другим быстро пали под меткими выстрелами врагов. Скоро был убит последний солдат, и побоище закончилось.

Когда немного позже войска прибыли к этому месту, треугольное укрепление было сплошь завалено мертвыми телами. Солдаты лежали один на другом, вдоль и поперек, застывшие в страшных позах.

Впоследствии много кричали о том, что индейцы бесчеловечно пытали раненых и увечили убитых. Это неверно. Раненых не пытали, потому что их не было. Кроме трех бежавших, никто не остался в живых. А несколько трупов изувечили беглые негры, которыми руководило чувство личной мести.

¹ Река Амазура у семинолов называется Уитлакучи. (Примеч. автора.)

Правда, некоторые трупы оказались скальпированными, но таков уж военный обычай у индейцев. А белые потом переняли у них этот обычай и часто делали то же самое, особенно в минуты яростного ожесточения.

По приказанию генерала я вместе с несколькими офицерами посетил место сражения. Официальный отчет об этом посещении будет лучшим свидетельством поведения победителей:

«Отряд майора Дэйда был уничтожен утром 28 декабря в четырех милях от лагеря, где он провел ночь. Он следовал походной колонной по дороге, когда был внезапно атакован многочисленными силами противника. Индейцы поднялись из пальметто и высокой травы и мгновенно оказались в непосредственной близости от отряда. В ход были пущены мушкеты, ножи и штыки, и завязался смертельный бой. При вторичной атаке индейцы уже пользовались мушкетами наших раненых и убитых солдат. Все артиллеристы погибли под перекрестным огнем врага, орудия были захвачены, лафеты сломаны и сожжены, а сами орудия сброшены в пруд. В схватке принимало участие много негров. Индейцы не сняли ни одного скальпа. Негры же, напротив, с дьявольской жестокостью перерезали горло тем, чьи крики и стоны показывали, что жизнь еще теплится в них».

А вот другое официальное донесение:

«Мы подошли к месту сражения с тыла. Наш авангард уже было миновал его, как вдруг командир и офицеры штаба увидели самую страшную картину, какую только можно себе представить. Сначала мы заметили несколько сломанных и разбросанных ящиков, затем повозку и двух мертвых волов, которые как будто спали под ярмом. Правее, в стороне, лежали две-три лошади. Через несколько шагов мы увидели нечто вроде треугольного бруствера. Внутри этого треугольника — с северной и западной стороны — находилось около тридцати трупов. Это были уже почти скелеты, хотя на них еще болтались мундиры. Они лежали в тех позах, в каких их застигла смерть во время сражения. Умирая, некоторые падали на тела убитых товарищей, но большинство лежали возле самых бревен, головой к брустверу, из-за которого они вели огонь; их распростертые тела с ужасающей правильностью образовывали параллельные прямые. Индейцы, по-видимому, не трогали убитых, лишь с нескольких человек были сняты скальпы. Как указывалось, это

было делом рук союзников индейцев — негров. Офицеров легко можно было различить: дорогие булавки в галстуках, золотые кольца на пальцах и деньги в карманах остались в целости. Мы похоронили восемь офицеров и девяносто восемь солдат.

Следует отметить, что нападение было совершено не из-за скал, но на местности, поросшей редким лесом, где индейцы скрывались в пальметто и высокой траве».

Из этих донесений видно, что индейцы напали на отряд Дэйда не с целью грабежа или коварной мести. Нет, ими руководило более возвышенное и бескорыстное побуждение — защита своей земли, своих очагов и домов.

Преимущество, которое у них было перед отрядом Дэйда, заключалось лишь в том, что они скрывались в засаде и сумели напасть неожиданно. Майор был, несомненно, храбрый офицер, но ему недоставало качеств, необходимых хорошему командиру, особенно в борьбе против такого неприятеля. Он знал войну только теоретически, по книгам, как и большинство американских офицеров. Майор был лишен способности, которой обладают великие военные полководцы, — быстро применяться к обстоятельствам боя. Он вел свой отряд как будто на парад. Тем самым он подверг отряд страшной опасности и в конце концов привел его к гибели.

Но если у командира белых в этом роковом бою недоставало качеств, необходимых полководцу, то вождь индейцев обладал ими в полной мере. Вскоре стало известно, что засада, план атаки и успешное выполнение ее — все это было делом молодого вождя племени Красные Палки — Оцеолы.

Он не мог долго оставаться на месте сражения, наслаждаясь своим торжеством. В тот же самый вечер в форте Кинг, в сорока милях от места разгрома отряда Дэйда, правительственный агент Томпсон пал жертвой мести Оцеолы.

Глава LXVII

БИТВА ПРИ УИТЛАКУТЧИ

Убийство правительственного агента требовало немедленного отмщения. Сразу же несколько гонцов были отправлены в форт Дрэйн. Некоторые из них попали в руки врагов, но остальным удалось благополучно достичь места

назначения. На следующее утро на рассвете войско, насчитывающее более тысячи человек, выступило в поход по направлению к реке Амазуре. Было решено напасть на семейства индейцев — на их отцов, матерей, жен, сестер, детей... Они ютились на огромных пространствах флоридских лагун и болот, и это стало известно генералу. Он хотел захватить их в плен и держать заложниками до тех пор, пока индейцы не покорятся.

Все войска, какие только можно было освободить от защиты форта, были отправлены в поход. Я получил приказ сопровождать экспедицию. Из разговоров, которые я слышал, я вскоре понял настроение солдат. Их ожесточили события в форте Кинг, а разгром отряда Дэйда вызвал еще большую ярость. Я понимал, что они не собираются брать пленников: старики и молодые, женщины и дети — все должны быть убиты. Никакой пощады ни одному индейцу!

С тяжелым чувством думал я о возможности массового истребления невинных. Места, где скрывались несчастные семьи, были теперь точно установлены, наши проводники прекрасно знали, как попасть туда; казалось, неудачи быть не могло. Однако нас ожидало разочарование. Разведчики донесли нам, что большинство индейских воинов ушли далеко, в неизвестном направлении, во всяком случае, туда, где мы никак не могли с ними встретиться. Нам предстояло напасть на гнездо, когда орлов там не было. Поэтому войска получили распоряжение двигаться в глубоком молчании по тайным тропинкам.

За день до этого наша экспедиция могла бы показаться многим просто развлекательной прогулкой, где нам не грозила ни малейшая опасность. Но весть о разгроме отряда Дэйда произвела на солдат чуть ли не магическое впечатление. С одной стороны, она разъярила их, с другой — заставила насторожиться. В первый раз в жизни они начали смотреть на индейцев с чувством уважения и даже страха. Значит, индейцы умели сражаться и уничтожать врага. Это чувство укрепилось, когда еще прибыли вестники с места гибели Дэйда, рассказавшие нам новые подробности этого кровавого события. И поэтому теперь солдаты не без опасения вступали в самое сердце страны, занятой неприятелем. Даже отчаянные добровольцы не нарушали строевого порядка, и солдаты молча двигались вперед.

К полудню мы достигли берегов Амазурь. Чтобы про-

никнуть в район обширной сети лагун и болот, надо было перебраться через реку. Проводники пытались найти брод, но никак не могли его отыскать. Река текла перед нами широкая, черная и глубокая. Переправиться через нее вплавь, даже на лошадях, не было никакой возможности.

Не изменили ли нам проводники? Нет, этого не могло быть! Хотя проводники были индейцами, но они доказали свою преданность белым. Кроме того, они уже были опорочены в глазах своих соплеменников и обречены на смерть устами собственного народа. Наше поражение для них было бы равносильно гибели.

Как выяснилось впоследствии, наши подозрения не имели оснований: измены тут не было. Проводники сами сбились с пути. И это оказалось счастьем для нас. Не будь этой ошибки, с войском генерала Клинча могла бы повториться та же трагедия, которая произошла с отрядом майора Дэйда, только в более широких масштабах.

Если бы мы нашли брод, который был в двух милях ниже по течению, то мы как раз наткнулись бы на засаду, искусно устроенную молодым вождем. Он превосходно знал тактику лесного боя. Слух о том, что индейцы отправились в дальний поход, был просто военной хитростью, прелюдией к ряду стратегических маневров, задуманных Оцеолой.

В это время индейцы находились там, куда мы должны были бы прийти, если бы проводники не сбились с дороги. Индейцы заняли обе стороны брода. Воины притаились в траве, как змеи, и были готовы ринуться на нас в тот момент, когда мы подошли бы к переправе. Большое счастье для войск генерала Клинча, что у него оказались такие негодные проводники!

Генерал не знал этих обстоятельств. Если бы он получил сообщение об опасной близости врага, то, вероятно, стал бы действовать иначе. Теперь последовал приказ остановиться. Было решено переправиться через реку в этом месте.

В тростниках нашлось несколько старых лодок и индейских челноков. На них легко могли переправиться пехотинцы, а кавалеристы должны были переплыть реку на лошадях.

Были сколочены плоты из бревен, и началась переправа. Этот маневр мы провели довольно ловко, так что менее чем через час половина солдат была уже на том берегу. Я находился в их числе, но не радовался нашим удачам. Мне

было тяжело принимать участие в избииении беззащитных женщин и детей. И я почувствовал настоящее облегчение, чуть ли не радость, когда услышал из глубины леса военный клич семинолов: «Ю-хо-эхи!» Вслед за тем загремели ружейные залпы, пули засвистели в воздухе, ломая ветки на ближних деревьях. Мы увидели, что нас осаждают многочисленные войска индейцев.

Часть отряда, успевшая переправиться, укрылась между большими деревьями на берегу реки, и поэтому первый залп индейцев не причинил нам особого вреда. Все же некоторые солдаты упали, а остальным угрожала серьезная опасность.

Наши войска дали ответный залп, индейцы снова ответили нам, и солдаты не остались в долгу, то ведя непрерывный огонь, то давая беспорядочные залпы или отдельные выстрелы. Иногда мы совсем прекращали стрельбу.

В течение некоторого времени ни одна из сторон не понесла серьезного ущерба. Однако было ясно, что индейцы, укывшиеся в перелеске, заняли более выгодную позицию и окружают нас. Мы не могли тронуться с места, пока не переправится как можно больше наших солдат, и только тогда собирались перейти в штыковую атаку, чтобы заставить противника принять открытый бой.

Итак, переправа продолжалась под защитой нашего огня. Но скоро положение ухудшилось. Как раз против нашей позиции в реку врезалась узкая отмель, образуя небольшой полуостров. Он находился ниже береговой отмели, кроме той своей оконечности, где образовался маленький островок. Этот островок густо порос вечнозелеными деревьями — пальмами, дубами и магнолиями.

С нашей стороны было бы весьма благо разумно захватить его во время переправы, но генерал упустил из виду такую возможность. Индейцы сразу это сообразили, и, прежде чем мы спохватились, они уже перемахнули через перешеек и заняли островок. Последствия этого искусного маневра сказались незамедлительно. Индейцы начали обстреливать лодки, переправлявшиеся через реку. Лодки сносило течением вниз, как раз напротив лесистого островка. Из зеленой тени деревьев непрерывно струился синеватый огненный дымок, а свинцовые пули делали свою разрушительную работу. Люди падали с плотов или тяжело опрокидывались через борта лодок в воду раненые и мертвые. А частый огонь наших мушкетов, направленный на островок,

никак не мог выбить дерзких врагов, которые притаились в густой листве.

Там было не очень много индейцев. Когда они перебирались туда по перешейку, мы могли их всех пересчитать. Но, по-видимому, это были лучшие воины и самые меткие стрелки: ни один их выстрел не пропададал даром. Это был момент наивысшего напряжения боя. В других местах схватка шла с более равным соотношением сил. Обе стороны дрались под прикрытием деревьев и не несли больших потерь. Но засевшие на острове несколько индейцев причиняли нам бóльший урон, чем все остальные силы неприятеля.

Единственным средством заставить индейцев отступить с островка была штыковая атака.

Таков был замысел генерала. Это казалось безнадежным предприятием. Тот, кто решился бы двинуться вперед под убийственным огнем скрытого противника, безусловно подверг бы свою жизнь серьезному риску.

К моему удивлению, выполнить этот долг предназначалось мне. Признаюсь, я никогда не проявлял особой храбрости или пыла во время сражения. Но приказ исходил непосредственно от генерала, и действовать надо было немедленно. Я приготовился выполнить его, хотя и без особого энтузиазма.

При мне находилось несколько человек, вооруженных винтовками. Их было не больше, чем индейцев. Вместе с ними я направился к полуострову.

Я сознавал, что иду на верную смерть. Вероятно, то же самое чувствовали и солдаты, которые шли со мной. Но, даже зная это, мы не могли отступить. Глаза всех были устремлены на нас: мы должны идти вперед и победить или умереть!

Через несколько секунд мы были уже на перешейке и стремительно двинулись к острову.

Мы надеялись, что индейцы не заметят нас и нам удастся обойти их.

Напрасная надежда! Враги с самого начала внимательно следили за нашим маневром и, зарядив винтовки, были готовы встретить нас.

Едва сознавая всю опасность своего положения, мы продолжали идти вперед и наконец оказались на расстоянии двадцати ярдов от рощи.

Вдруг из-за деревьев взвился голубой дымок и мелькну-

ло красное пламя. Над головой у меня просвистели пули. Позади раздались крики и стоны. Я оглянулся и увидел, что все мои товарищи упали — мертвые или умирающие.

В это время из чащи леса до меня донесся голос: — Вернитесь, Рэндольф! Вернитесь! Символ, который вы носите на груди, спас вас. Но мои войны в ярости, кровь в них так и кипит! Не искушайте их! Вернитесь! Назад! Назад!

Глава LXVIII

ПОБЕДА, ЗАКОНЧИВШАЯСЯ ОТСТУПЛЕНИЕМ

Я не видел человека, который говорил это, густая листва полностью скрывала его. Но я сразу узнал голос: это был Оцеола.

Не могу даже передать, что я почувствовал в эту минуту, и не помню, как я поступил. В моем уме царили хаос и смятение, удивление было смешано со страхом. Я помню только, что еще раз оглянулся на своих товарищей и заметил, что не все они убиты. Одни лежали неподвижно, но другие шевелились и стонали. Значит, они еще были живы!

С великой радостью я увидел, что некоторые поднялись и спешили скрыться, а другие пытались ползти на четвереньках.

Из рощи продолжали стрелять, и я, застыв в перешейке на месте, видел, как двое или трое упали на траву, сраженные роковой пулей.

Среди раненых, лежавших у моих ног, был один юноша, которого я хорошо знал. Пуля пробила ему обе ноги, и он был не в силах двинуться. Он умолял меня помочь ему, и это вывело меня из оцепенения. Я вспомнил, что когда-то этот юноша оказал мне большую услугу. Почти машинально я наклонился, схватил его и потащил. Стараясь выбраться с перешейка, я полз со своей ношей так быстро, как мне позволяли силы. Я остановился передохнуть только тогда, когда огонь индейских ружей уже не был опасен для меня.

Меня встретил взвод солдат, высланный для того, чтобы прикрыть наше отступление. Я оставил раненого товарища на руках солдат, а сам поспешил с печальным несением к генералу.

Мне не пришлось ничего докладывать. За нашим продви-

жением наблюдали, и весь отряд знал о постигшей нас неудаче. Генерал не сказал ни слова и без всяких объяснений отправил меня на другой фланг.

Все порицали генерала за его необдуманнный приказ захватить остров столь ничтожными силами. За мной же укрепилась репутация храброго офицера.

Перестрелка продолжалась еще около часа. Это были отдельные стычки в болотах и между деревьями. Ни нам, ни индейцам не удалось добиться здесь реального преимущества. Обе стороны по-прежнему занимали захваченные вначале позиции. Однако впереди весь лес удерживали за собой индейцы. Отступить — значило погубить весь отряд, ибо был только один путь к отступлению: обратная переправа через реку. Но нам пришлось бы переправляться под неприятельским огнем. Оставаться дальше на нашей позиции было тоже опасно. Мы не могли ничего предпринять, ибо, по существу, были осаждены на берегу реки. Мы тщетно пытались выбить индейцев из роши. Потерпев неудачу один раз, мы не могли рискнуть на вторую подобную же попытку. Это было бы губительно, но оставаться на том же месте было не менее рискованно. У войск было с собой очень мало провианта, он подходил к концу, и голод уже давал себя знать. С каждым часом наше положение ухудшалось.

Мы убедились, что враг окружил нас. Около нас полукругом толпились индейцы, причем каждый воин стоял за деревом, которое его защищало. Мы образовали оборонительную линию, такую же мощную, как линия укрепленных траншей. Прорваться через эту линию без большой потери людей не представлялось возможным.

Теперь было видно, что число наших врагов заметно увеличилось. Особый клич, знакомый старым солдатам, возвещал о прибытии всё новых и новых отрядов индейцев. Мы начинали опасаться, что теряем превосходство в силах, что нас вскоре одолеют. Всех охватило мрачное отчаяние.

Во время перестрелки мы увидели, что многие из индейцев были вооружены винтовками и мушкетами. На некоторых были военные мундиры. Особенно бросался в глаза наряд одного из главных вождей. С его плеч ниспадал большой шелковый флаг, наподобие тех плащей, которые носили испанцы времен конкистадоров¹. Были ясно

¹ Конкистадоры — испанские завоеватели Центральной и Южной Америки в XVI столетии.

видны красные и белые полосы с голубым звездным полем в углу. Взоры всех солдат устремились на флаг. В этом фантастическом одеянии, столь вызывающе подчеркнутом, все узнали любимый флаг нашей родины.

Это была выразительная примета. Однако она не смутила нас. Откуда у индейцев взялись винтовки, мушкеты и флаг, было легко объяснить — это трофей битвы с Дэйдом. Все мы смотрели на эти вещи с горьким, но бессильным негодованием. Однако час отмщения за ужасную судьбу товарищей еще не пробил.

Весьма вероятно, что и нас постигла бы та же участь, если бы мы еще задержались на этом месте. Но вдруг одному из офицеров, старому участнику войн под предводительством Хикори, хорошо знакомому с тактикой индейского боя, пришла в голову блестящая идея. Он предложил план отступления, и генерал принял этот план.

По совету офицера, добровольцы, еще не переправившиеся через реку, должны были сделать вид, что собираются совершить переправу несколько выше по течению реки. Это был превосходный стратегический маневр. Если бы подобный план осуществился, враги очутились бы между двух огней, а нам удалось бы прорвать их ряды и положить конец окружению.

Этот замысел удался. Индейцы, введенные нами в заблуждение, кинулись вверх по реке, чтобы помешать переправе. Наши осажденные войска умело воспользовались этим и быстро переправились на безопасный берег. Коварный враг был слишком осторожен, чтобы пуститься за нами в погоню. Так окончилась битва при Уитлакутчи.

Немедленно был созван совет, и все пришли к единодушному решению: не теряя времени, вернуться в форт Кинг. Мы выступили в поход и вскоре без дальнейших приключений возвратились в форт.

Глава LXXIX

ЕЩЕ ОДНО СРАЖЕНИЕ НА БОЛОТЕ

После этой битвы в настроении отряда произошла перемена. Безудержное хвастовство исчезло, и стало не так уж трудно сдерживать порывы солдат, рвавшихся в бой. Никто теперь не изъявлял особого желания повторить по-

пытку перебраться на другой берег Уитлакутчи. Таким образом, индейское «гнездо» решили не тревожить до прибытия новых подкреплений. Добровольцы были обескуражены, лагерная жизнь их уже утомила. А неожиданное сопротивление индейцев охладило их пыл. Никто не думал, что оно может оказаться таким беззаветно дерзким и сопровождаться кровопролитием. Неприятеля же, на которого до сих пор смотрели с пренебрежением, хотя его тактика возбуждала сильную ярость и желание отомстить, — этого неприятеля теперь стали уважать и бояться.

В битве при Уитлакутчи армия Соединенных Штатов потеряла около ста человек. Полагали, что семинолы потеряли гораздо больше. Но это были только предположения. Никто никогда не видал убитых семинолов. Впрочем, уверяли, что индейцы во время боя уносили своих раненых и мертвецов.

Нет сомнения, что в битве при Уитлакутчи и некоторым из наших врагов пришлось «грызть землю». Но, во всяком случае, их потери были куда менее значительны, чем наши. Несмотря на это, историки объявили это сражение великой «победой». Донесение главнокомандующего все еще хранится в архивах — любопытный образец военной литературы. В этом документе поименно перечислены все офицеры и каждый охарактеризован как несравненный герой. Редкий памятник тщеславия и хвастовства!

Если честно говорить, то краснокожие нас основательно потрепали. Уныние армии смешивалось с чувством подавленной ярости. Клинч, старый, добрый генерал, которого военные историки величали «другом солдат», теперь уже не считался великим полководцем. Его слава померкла. Если Оцеола и затаил против него злобу, то отныне он мог считать себя вполне удовлетворенным и оставить старого ветерана в покое. Клинч был еще жив, но его военная слава умерла.

* * * * *

Когда был назначен новый главнокомандующий, надежды на победу возродились. Это был генерал Гейнс, также один из ветеранов, получивший этот чин в порядке старшинства. Собственно говоря, он даже не был назначен правительством. Но так как Флорида представляла собой часть подчиненного ему округа, он решил добровольно принять

командование над расположенными там войсками. Подобно своему предшественнику, Гейнс надеялся увенчать себя лаврами. Но, так же как и Клинчу, ему пришлось испытать горькое разочарование.

Наш корпус, укрепленный новыми войсками из Луизианы и других штатов, был немедленно отправлен в поход. Было решено произвести новое нападение на индейское «гнездо».

Мы достигли берегов Амазуры, но форсировать эту заколдованную реку нам опять не удалось. Она оказалась роковой и для нашей славы и для наших жизней. На этот раз *ее перешли индейцы*.

Почти на том же самом месте, где и в первый раз — с той только разницей, что теперь это произошло ниже по течению реки, — мы подверглись атаке краснокожих воинов. После нескольких часов ожесточенной схватки мы вынуждены были отвести наши гордые батальоны под защиту специального укрепления. Мы просидели в осаде девять дней, едва осмеливаясь высунуть нос из-за ограды. Голодная смерть уже не издали смотрела нам в глаза, она подошла к нам вплотную. Если бы не лошади, мясом которых мы питались все это время, то половина армии из лагеря «Изард» погибла бы от голода.

Нам принес спасение большой отряд, своевременно посланный генералом Клинчем, который все еще командовал бригадой. Наш бывший генерал выступил из форта Кинг, и ему удалось приблизиться к неприятелю с тыла. Застав его врасплох, он выручил нас из опасного положения.

День нашего освобождения ознаменовался еще одним событием — перемирием весьма оригинального свойства.

Ранним утром, когда еще чуть светало, нас издали окликнул чей-то голос:

— Эй вы там! Хэлло!

Голос раздавался из лагеря врага. Поскольку мы были окружены, иначе и быть не могло.

Призыв повторился, и мы ответили. Мы узнали громовой голос негра Абрама, черного вождя, некогда исполнявшего обязанности переводчика на совете.

— Что вам нужно? — приказал спросить наш командир.

— Мы хотим разговаривать, — последовал ответ.

— О чем?

— Мы хотим прекратить битву.

Предложение было столь же неожиданное, сколь и приятное. Но что оно могло означать? Неужели индейцы голодали так же, как и мы? Или они устали от военных действий? Это было весьма вероятно, ибо по какой другой причине могли они так внезапно предложить перемирие? Индейцы еще до сих пор не потерпели ни одного поражения — наоборот, они оказались победителями во всех предыдущих боях.

Правда, была еще одна причина. С минуты на минуту мы ожидали прибытия бригады Клинча. До нас уже доходили слухи, что Клинч близко. С его помощью мы могли не только прорвать осаду, но и перейти в атаку против индейцев и, вероятно, даже нанести им поражение. Может быть, они узнали о приближении Клинча и спешили заключить перемирие до того момента, когда мы станем достаточно сильны, чтобы разбить их в открытом бою?

Предложение начать переговоры было принято нашим командующим, который теперь надеялся нанести решающий удар. Он опасался только одного: что противник отступит, прежде чем Клинч сумеет добраться до места сражения. А перемирие заставит индейцев задержаться на поле боя. Таким образом, мы без всяких колебаний ответили Абраму, что не возражаем против переговоров.

Встреча парламентаров была назначена сразу после рассвета. Обе стороны выслали по три представителя.

Перед укреплением простиралась небольшая поляна, поросшая травой и прилегавшая к лесу. На рассвете три человека вышли из леса на поляну. Это были вожди в полном национальном наряде. Мы узнали Абрама, Коа-хаджо и Оцсолу.

Они остановились на расстоянии ружейного выстрела и стали плечом к плечу прямо против укрепления. Навстречу им выслали трех офицеров — двое из них владели языком семинолов. Я был в числе этой делегации.

Еще через минуту мы уже стояли лицом к лицу с враждебными вождями.

ПЕРЕГОВОРЫ

Прежде чем начать переговоры, мы все шестеро обменялись дружеским рукопожатием. Оцеола крепко сжал мне руку и сказал с какой-то особой, ему одному свойственной улыбкою:

— Ах, Рэндольф! Друзья иногда встречаются во время войны, так же как и в мирное время.

Я понял, что он имеет в виду, и ответил ему только взором, полным благодарности.

В это время мы увидели, что к нам из укрепления идет вестовой, посланный командующим. В ту же минуту из лесу вышел индейский воин и подошел к нам одновременно с солдатом. Индейцы тщательно следили за тем, чтобы нас на поляне было не больше, чем их.

Как только ординарец шепотом передал нам приказ генерала, немедленно начались переговоры.

Негр Абрам говорил от имени своих товарищей на ломаном английском языке. А двое других подтверждали его слова: в случае согласия — восклицанием «Хо», а отрицательный ответ выражался возгласом «Куури».

— Желают ли белые заключить перемирие? — отрывисто спросил негр.

— На каких условиях? — спросил офицер, возглавлявший нашу делегацию.

— Условия вот какие: вы должны сложить оружие и кончить войну. Ваши солдаты должны уйти отсюда и оставаться в своих фортах. А мы, индейцы, отступим через Уитлакутчи. И пусть впредь и навсегда большая река будет между нами границей. Мы обещаем жить в мире и не ссориться с белыми соседями. Вот все, что я должен был сказать!

— Братья, — ответил наш офицер, — я боюсь, что ни белый генерал, ни Великий Отец — президент — не примут этих условий. Я уполномочен передать вам, что главнокомандующий может вести с вами переговоры только в том случае, если вы полностью подчинитесь и дадите согласие на переселение.

— Куури! Куури! *Никогда!* — в едином порыве гордо воскликнули Коа-хаджо и Оцеола. Их решительный тон подтверждал, что они и не думали сдаваться.

— Почему мы должны покориться? — с удивлением

спросил негр.— Мы не побеждены. Мы побеждаем вас в каждой битве. Мы разбили ваших солдат — один, два, три раза. Мы разбили вас. Черт возьми, мы тоже умеем хорошо убивать вас! Почему же мы должны покориться? Мы пришли предложить свои условия, а не выслушивать ваши.

— То, что произошло до сих пор, еще не решает дело,— ответил офицер.— Мы, во всяком случае, сильнее вас, и в конце концов мы вас одолеем.

И снова два вождя одновременно воскликнули:

— Куури!

— Не ошибаетесь ли вы, белые, насчет наших сил? Мы не так слабы, как вы думаете. Нет, черт возьми!

Негр вопросительно взглянул на своих товарищей, и те кивком изъявили согласие. Тогда Оцеола, взявший теперь на себя главную роль, обернулся к лесу и издал какой-то особый пронзительный звук.

Не успело эхо от его голоса замереть в воздухе, как вечнозеленые кусты зашелестели и задрожали. Из лесу выступили ряды смуглых индейских воинов. Они выступили вперед и построились в боевой порядок, так что мы легко могли их сосчитать.

— Считите наших воинов,— воскликнул Оцеола торжественным тоном,— и вы узнаете, сколько у вас врагов!

При этом ироническая усмешка мелькнула у него на губах. Несколько секунд он стоял молча и смотрел на нас.

— Ну, как вам кажется? Эти молодые воины — а их здесь полторы тысячи,— разве они выглядят изможденными и покорными? — продолжал молодой вождь.— Нет, они готовы воевать до тех пор, пока кровь последнего из них не впитается в родную землю! Если им суждено погибнуть, то они хотят погибнуть здесь, во Флориде, где они родились, где похоронены их отцы. Мы взяли за оружие потому, что вы надругались над нами и замыслили изгнать нас отсюда. За ваши притеснения мы уже отомстили. Мы убили многих ваших солдат и считаем, что мы этим удовлетворены. Мы не хотим больше убивать, но и переселяться тоже не хотим. Мы никогда не изменим своего решения! Мы сделали вам честное предложение. Примите его, и война сейчас же окончится. Отвергните его — и снова польется кровь. Клянусь Великим Духом, прольются реки крови! Красные столбы войны у наших жилищ снова и снова будут окрашены кровью бледнолицых врагов. Мир или война — выбирайте сами!

Окончив свою речь, Оцеола сделал знак рукой смуглым воинам, стоявшим у леса. И они исчезли молча, почти таинственно, так же мгновенно, как и появились.

Мы уже собирались выдвинуть некоторые возражения на пламенную речь молодого вождя, как вдруг издали раздались выстрелы и крики. Они доносились с той стороны, где расположились индейцы, и, хотя были едва слышны из-за дальности расстояния, ясно говорили о том, что началось наступление.

— Ага! Нечестная игра! Измена! — воскликнули вожди. — Бледнолицые лжецы! Вы пожалеете об этом предательстве! — И все трое, не теряя времени на дальнейшие разговоры, бросились в лес к своим воинам.

Мы вернулись в лагерь, где все тоже слышали выстрелы и решили, что бригада Клипча напала на передовые посты индейцев. Солдаты уже построились в боевой порядок и были готовы выступить. Через несколько минут был дан сигнал, и отряд двинулся вдоль берега реки.

Солдаты с нетерпением ожидали битвы. Проведя столько дней в позорном бездействии, изнуренные голодом и удрученные бесславным поражением, они видели перед собой удобный случай восстановить свою воинскую честь и жаждали наказать свирепого врага. Теперь, когда один наш отряд находился в тылу у индейцев (так заранее было условлено между генералами), а другой двигался на них прямо, как же могли индейцы избежать гибели? Они вынуждены сражаться и будут разбиты.

Так думали все — и офицеры и солдаты. Сам главнокомандующий был в отменном настроении. Его стратегический план удался полностью: неприятель был окружен, его заманили в ловушку. Генералу предстоит великая победа. Его ждут целые горы лавровых венков.

Мы шли вперед. До нас доносились звуки выстрелов, теперь уже одиночных. Знакомого индейского военного клича не было слышно. Мы бросились в атаку и ворвались на холмы, окружавшие водоем, но и в тенистых чащах мы не обнаружили противника. По-видимому, индейцы всё еще находились между нами и прибывшим подкреплением. Неужели им удалось ускользнуть?

Нет... Вот они на другой стороне луга... Показались из леса и идут к нам навстречу. Они хотят сражаться с нами... Вот...

Однако эти синие мундиры и белые пояса, эти каски

и сабли — это не индейцы! Это не враги — это солдаты из бригады Клинка!

К счастью, мы вовремя узнали их. А иначе мы могли бы в схватке уничтожить друг друга.

Глава LXXI

ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ АРМИИ

Два отряда сошлись вместе и после короткого совещания между генералами приступили к поискам неприятеля.

На это были потеряны долгие часы, но мы не нашли ни одного индейца.

Оцеола совершил неслыханный в анналах военной истории стратегический маневр: он провел полторы тысячи воинов между двумя отрядами, численный состав которых был равен его войскам и которые обстреливали его продольным огнем, и не оставил ни одного убитого. Да что там! Не оставил даже никакого следа своего отступления! Индейское войско, так недавно стоявшее перед нами в полном боевом порядке, сразу разбилось на тысячу частей и растаяло как бы по волшебству.

Враг исчез неизвестно куда, и разочарованным генералам снова пришлось увести свои войска в форт Кинг.

* * * * *

Исчезновение индейского войска было, само собой разумеется, объявлено «победой». Эта победа, однако, прикончила бедного старого Гейнса — по крайней мере, его военную славу. После этого он с радостью отказался от поста, которого раньше так добивался.

* * * * *

Теперь главнокомандующим был назначен уже третий генерал.

Этот офицер — фамилия его была Скотт — пользовался большей известностью, чем его предшественники. Удачная рана, полученная в прежних войнах с Англией, высокий чин, изрядная доза политического фиглярства, а главным образом весьма вольный перевод французской «Системы тактики», за автора которого он выдавал себя, — все это создало

генералу Скотту известность в глазах американского общественного мнения на протяжении двадцати лет¹.

Творец такой системы военного маневрирования не мог не быть великим полководцем — так рассуждали его соотечественники.

От нового генерала ждали чудес, и он дал народу щедрые и торжественные обещания. Он поступит с индейцами иначе, чем его предшественники, и скоро закончит эту ненавистную войну — так полагали военные.

Все радовались этому назначению, причем приготовления к походу осуществлялись в гораздо более широких масштабах, чем при двух предшественниках Скотта. Число солдат было удвоено, даже утроено, заготовлены были огромные запасы провианта. Все ожидали того момента, когда великий полководец соизволит принять на себя командование.

Наконец он прибыл, и армия выступила в поход.

Я не буду останавливаться на подробностях этой кампании, они не представляют особого интереса. Вся кампания состояла лишь из утомительных переходов, которые производились с пышностью и правильностью военного парада. Армия была разделена на три отряда, торжественно именуемые: «правое крыло», «левое крыло» и «центр». Все три отряда из фортов Кинг, Брук и Септ-Джонс должны были одновременно направиться к Уитлакучи — всё к тому же «роковому гнезду» — и подойти к окраине болот и лагун. Предполагалось, что каждое подразделение даст по одному выстрелу из небольших орудий как условный сигнал другим отрядам. Затем все три соединения по радиусам должны были двинуться в наступление к центру укрепленных позиций семинолов.

Этот нелепый маневр был выполнен и, как и следовало

¹ Вся политическая и военная карьера Скотта была рядом сплошных ошибок. Кампания, проведенная им в Мексике, не выдерживает никакой критики. Многочисленные промахи, которые он тогда совершил, привели бы к самым роковым последствиям, если бы они не были в какой-то мере исправлены офицерами, находящимися у него в подчинении, а также неукротимой доблестью солдат. Битва при Молина дель Рей и перемирие при Санта-Анне были военными ошибками, недостойными даже воспитанника только что выпущенного из училища. Я беру на себя смелость утверждать, что каждый бой был сражением двух неорганизованных масс, причем результат зависел от чистой случайности, или, скорее, от отчаянной храбрости войск, с одной стороны, и позорной трусости — с другой. (Примеч. автора.)

ожидать, закончился полной неудачей. Никто даже и в глаза не видел индейцев. Были найдены следы их стоянок, и больше ничего. Хитрые воины слышали сигналы и прекрасно поняли их значение. Имея такие сведения о расположении врага, они могли без особых затруднений отступить, проскользнув между правым и левым крылом.

Может быть, самым необычайным и вместе с тем самым важным событием кампании Скотта был случай, чуть не стоивший мне жизни. О нем, может быть, и не следует рассказывать подробно, но он заслуживает упоминания, как любопытный пример «покинутого отряда».

Наш великий полководец, наступая на «гнездо» семинолов, вздумал оставить «наблюдательный пост» на берегу реки Амазуры. Он состоял из сорока добровольцев из поселка Суони и нескольких офицеров. В их числе находился и я.

Нам было приказано закрепиться на месте и не трогаться до тех пор, пока нас не сменят. Когда это произойдет, весьма смутно представлял себе даже наш начальник. Отдав этот приказ, генерал во главе центрального отряда удалился, предоставив нас своей собственной судьбе.

Мы очень хорошо понимали всю опасность своего положения, поэтому мы постарались прежде всего устроиться наилучшим образом. Нарубили деревьев, построили укрепления, выкопали колодец и окружили все это оградой.

К счастью для нас, прошла целая неделя, прежде чем неприятель обнаружил наши укрепления. Иначе ни один из нас не остался бы в живых. Индейцы, вероятно, следовали за центральным отрядом и таким образом на некоторое время ушли из этой местности. Однако на шестой день противник вновь появился и предложил нам сдаться. Мы отказались и непрерывно отбивали атаки в продолжение пятидесяти дней. Многие из наших солдат были убиты и ранены. Убит был доблестный начальник нашего смелого отряда Холломэн. Он был сражен пулей, пролетевшей через щель в ограде.

Запасов продовольствия нам было оставлено на две недели, а пришлось продержаться целых семь! Тридцать дней мы питались сырыми зёрнами, водой и желудями, которые нам удавалось собрать с деревьев, росших внутри нашего укрепления.

Таким образом, мы выстояли пятьдесят дней, и ни-

кто не явился сменить нас. За все время этой страшной осады наши глаза, зорко всматривавшиеся в даль, не увидели за оградой ни одного белого, мы не услышали ни одного английского слова. Мы решили, что нас бросили — забыли! Так оно в действительности и было. Генерал Скотт, торопясь убраться прочь из Флориды, забыл сменить людей, стоявших на «наблюдательном посту». А другие решили, что нечего и пытаться спасти нас, ибо мы наверняка давно погибли.

Нам грозила голодная смерть. Но наконец храброму старому охотнику Хикмэну удалось прорваться сквозь линию осады и сообщить о нашем положении «друзьям». Его рассказ вызвал большое волнение, и, чтобы вызволить нас, направили воинскую часть, которой удалось рассеять противника и освободить нас из нашей тюрьмы.

Так окончилась кампания Скотта, а вместе с тем и его военная карьера во Флориде. Все его действия были крайне нелепы. Скотт избежал насмешек и позора лишь благодаря тому, что его быстро отозвали. Это была для него счастливая случайность. Как раз в это время вспыхнула другая война с индейцами — на юго-западе, и генерал получил приказание принять начальство над тамошними войсками. Это позволило ему вовремя убраться из Флориды. Обескураженный и пристыженный, генерал рад был такому удобному предлогу, чтобы покинуть Страну Цветов.

Таким образом, у американских генералов осталось самое мрачное воспоминание о Флориде. Не менее семи генералов были разбиты поочередно в ходе индейской войны семинолами и их хитрыми вождями. Но я не стану рассказывать об их неудачах и ошибках. После отъезда генерала Скотта я расстался с главным отрядом войск и отныне принимал участие только в небольших сражениях второстепенных отрядов. Это были более романтические эпизоды военной жизни. Здесь я расстанусь с ролью летописца больших исторических событий.

Глава LXXII

ЧТО СТАЛОСЬ С ЧЕРНЫМ ДЖЕКОМ

Мы спаслись из укрепления на лодках, проехав вниз по реке до ее устья, а оттуда морем в Сент-Маркс. После этого добровольцы разбрелись по домам, так как срок

их службы истек. Они уходили так же, как вербовались: поодиночке или группами. Одна из таких групп состояла из старого охотника Хикмэна, его товарищей, меня и моего верного оруженосца.

Черный Джек был уже не такой, как раньше. С ним произошла разительная перемена: скулы обозначились резче, щеки впали, глаза ввалились, а спутанные курчавые волосы торчали у висков густыми лохматыми кочьями. Кожа его утратила свой великолепный черный блеск, на ней появились морщины.

Бедняга питался все это время очень плохо. Три недели голодовки изменили его внешность до неузнаваемости.

Однако голод почти не повлиял на его настроение. Он по-прежнему был весел и жизнерадостен, а иногда ему даже удавалось развеселить и меня. Грызая кукурузные початки или запивая водой из тыквы сухой маис, он часто вслух мечтал о тех вкусных блюдах — маисовой каше и свинине, — которыми станет лакомиться, когда судьбе угодно будет вернуть его на родную плантацию. Эта утешительная перспектива будущего блаженства помогала ему легче переносить страшные минуты настоящего, ибо в предвкушении счастья есть своя радость. Когда же мы оказались на свободе и пустились в обратный путь, Джек уже не мог сдержать свое ликование. Он без устали болтал, с его лица не сходила радостная улыбка, а белые зубы ослепительно сверкали. Даже кожа его, казалось, снова обрела свой прежний маслянистый блеск.

В течение всего утомительного пути негр поистине был душой нашего отряда. Его веселые шутки расшевелили даже сдержанного старого охотника, который по временам раздражался взрывами громкого смеха. Что касается меня, то я только делал вид, что я так же весел, как и мои спутники. Душу мою томила печаль, которую даже сам я не мог понять.

Все должно было быть совершенно иначе. Мне надо бы радоваться возвращению домой, возможности увидеть тех, кто мне дорог, но все складывалось как-то по-другому...

После освобождения из осады я почувствовал себя веселее, но это была лишь естественная реакция на спасение от почти верной гибели. Радость моя быстро угасла, и теперь, когда я приближался к родному дому, душу мою окутали темные тени. Меня мучило предчувствие, что дома не все благополучно. Я не мог отдать себе отчета в этих

чувствах, ибо не получал еще никаких дурных известий. Вообще уже почти два месяца я ничего не слышал о доме. Во время долгой осады мы были полностью отрезаны от внешнего мира. До нас дошли лишь неясные слухи о событиях в селении Суони. Мы возвращались домой, ничего не зная о том, что случилось в наше отсутствие.

Сама по себе неизвестность могла вызвать неуверенность, сомнения, даже опасения. Но не только поэтому мной овладели мрачные предчувствия. Нашлась и другая причина. Может быть, это было воспоминание о моем внезапном отъезде, о том неопределенном состоянии неустрашенности, в котором я оставил дела семьи. Сцена прощания, запечатлевшаяся в моей памяти, воспоминания о Ринггольде, о злобном замысле этого коварного негодяя — все это, вместе взятое, порождало предчувствия, терзавшие меня.

Два месяца — большой срок. Много событий может произойти за это время, даже в узком семейном кругу. Уже давно было официально сообщено, что я погиб от руки индейцев, и, насколько мне было известно, мои домашние поверили, что меня нет на свете. Это известие могло повлечь за собой страшные последствия. Была ли сестра верна данному слову так торжественно произнесенному в час разлуки? Найду ли я, вернувшись домой, по-прежнему любящую сестру, все еще одинокую и свободную? Или она уступила материнским увещаниям и стала женой этого подлого негодяя? Неудивительно что мне было не до веселья.

Товарищи обратили внимание на мое мрачное настроение и хоть грубовато, но добродушно старались меня развеселить. Однако это им не удалось. Свинцовая тяжесть лежала у меня на сердце. Мне почему-то казалось, что дома не все благополучно. Увы, предчувствие не обмануло меня. Случилось нечто худшее, чем все то, чего я опасался. Новость, которую я услышал, не была известием о свадьбе сестры. Я узнал о смерти матери и, что еще страшнее, ничего не мог узнать о дальнейшей судьбе Виргинии.

На пути домой меня встретил посланец из дому, который и сообщил мне эту ужасную весть.

Индейцы напали на поселок, или, скорее, на мою собственную плантацию, ибо они ограничились только ею. Мать и дядя пали под ударами их ножей. А сестра, сестра? Ее похитили!

Дальше я не стал слушать; я вонзил шпоры в бока измученной лошади и галопом помчался вперед, как человек, внезапно охваченный безумием.

Глава LXXIII

СТРАШНОЕ ЗРЕЛИЩЕ

Мой бешено мчавшийся конь вскоре вынес меня к границе нашей плантации; не останавливаясь и не давая ему передохнуть, я поскакал по лесной тропинке прямо к дому. Иногда на моем пути встречались загородки для скота, но умный конь легко преодолевал их, и мы мчались дальше.

Я встретил соседа, белого, идущего от дома. Он хотел было заговорить со мной — конечно, о катастрофе, — но я не остановился. Я уже слышал достаточно, мне оставалось теперь только увидеть все своими собственными глазами. Мне был знаком каждый поворот тропинки, и я знал, откуда можно увидеть дом.

Я доскакал до этого места и взглянул. Боже милосердный! Дома не было! Ошеломленный, я остановил лошадь и напряженно всматривался в раскинувшийся передо мной ландшафт. Напрасно — дома не было! Неужели я сбился с дороги? Но нет, вот огромное тюльпановое дерево в конце тропинки. Дальше саванна, маисовые и индиговые плантации, еще дальше — поросшие лесом холмы вокруг бассейна, а дальше... дальше я уже не различал знакомых предметов.

Вся природа, казалось, изменилась. Приветливый дом с белыми стенами и зелеными ставнями исчез. Веранда, служебные постройки, хижины негров, даже изгородь — все исчезло! С того места, где они когда-то находились, поднимались густые клубы дыма и окутывали солнце, превращая его в багровый диск. Небо как бы нахмурилось при моем появлении.

После всего слышанного мне нетрудно было понять, что это значило. Сердце мое сжалось от боли и горестного изумления. Больше страдать я уже был не в силах.

Пришпорив коня, я поскакал через поля к месту разрушения.

Я увидел бродивших среди дыма людей — мне пока-

залось, что их было около сотни. В их движениях не чувствовалось особого волнения: они или спокойно расхаживали, или сидели, развалясь, как равнодушные зрители. Никто и не пытался тушить пожар. Подъехав, я увидел языки пламени, смешавшиеся с дымом. Вокруг гарцевали всадники, стараясь поймать лошадей и коров, вырвавшихся из пылающей ограды. Вначале я не мог различить, кто были эти всадники.

Посланный сообщил, что разгром усадьбы произошел только что — сегодня на рассвете. Это все, что я успел услышать, когда ринулся вперед.

Было еще рано, со времени восхода солнца прошло не больше часа. Мы двигались вперед ночью, чтобы избежать дневной жары. Неужели варвары еще там? Неужели это индейцы? В зловещем огненном свете, в клубках дыма они гонялись за лошадьми и коровами, вероятно желая угнать их с собой.

Но нам было сообщено, что они ушли. Как иначе можно было бы узнать все подробности страшного происшествия — убийство моей матери, похищение моей бедной сестры? Как могли бы узнать обо всем этом, если бы индейцы были еще здесь?

Может быть, они удалились на время, а потом вернулись, чтобы забрать добычу и поджечь дом? На мгновение эта мысль мелькнула в моей голове.

Но она не заставила меня замедлить бег коня, я и не думал о том, чтобы натянуть поводья. Правая рука была у меня тоже занята — я крепко сжимал обеими руками заряженное ружье.

Меня охватила жажда мести. Я готов был ринуться в толпу дикарей и погибнуть в борьбе с ними. Я был не одинок: мой чернокожий слуга мчался за мной по пятам. За моей спиной раздавался топот его коня.

Мы подскакали к дымящимся развалинам. Здесь я убедился в своей ошибке. Меня окружили не индейцы, не враги, а друзья. Они встретили нас зловещим, сочувственным молчанием.

Я сошел с лошади. Все собрались вокруг меня, обмениваясь многозначительными взглядами. Никто не произнес ни слова. Всем было ясно, что рассказы излишни.

Я заговорил первым. Хриплым, еле слышным голосом я спросил: «Где?»

Мы подскакали к дымящимся развалинам.

Вопрос мой сразу был понят — его ожидали. Один из соседей взял меня за руку и осторожно повел за собой мимо затухающего пожарища. Я машинально шел с ним рядом. Он молча указал мне на водоем. Здесь собралась еще более густая толпа. Люди стояли полукругом спиной ко мне и смотрели в одну точку. Я понял, что она лежала там.

При нашем приближении все молча расступились. Мой проводник провел меня через толпу. Я увидел тело матери. Рядом с ней лежали трупы дяди и нескольких негров — преданных слуг, отдавших жизнь за своих господина и госпожу.

Несчастную мать застрелили... Искололи ножом... Скальпировали... Обезобразили ее лицо...

Хотя я и был подготовлен к самому страшному, но я не мог вынести этого ужасного зрелища.

Бедная мама! Никогда больше эти остекленевшие глаза не улыбнутся мне... Никогда больше не услышу я слов нежности или упрека из этих бледных уст...

Я больше не мог сдерживать свои чувства. Рыдания душили меня. Я бросился на землю, обнял мать и целовал холодные, немые губы той, которая дала мне жизнь.

Глава LXXIV

ПОГОНЯ ПО СЛЕДУ

Горе мое не знало пределов. Воспоминание о холодности матери и особенно о том, как мы с ней расстались, еще больше увеличивало мои страдания. Если бы мы простились так же, как в прошлые годы, мне было бы легче переносить свое горе. Но нет, ее последние слова, обращенные ко мне, дышали упреком, почти гневом, и эти воспоминания наполняли мое сердце неизъяснимой горечью. Я отдал бы все на свете, лишь бы она могла узнать, что я помню о ней одно только светлое, радостное и хорошее. Я отдал бы все на свете, лишь бы она могла услышать одно только слово, знать, с какою радостью я простил бы ее...

Моя несчастная мать! Я не помнил ничего дурного. Ее недостатки были так незначительны. Единственной ее слабостью было тщеславие, что, впрочем, характерно

для всех людей ее круга. Но теперь я не помнил этого. Я помнил только ее многочисленные достоинства, помнил, что она — моя мать. Только теперь я понял, как я ее любил!

Но было некогда предаваться отчаянию. Где искать сестру? Я вскочил на ноги и в волнении начал расспрашивать всех, кто стоял кругом. Люди знаками указали мне на лес. Я понял: ее похитили индейцы.

До сих пор я не питал враждебных чувств к краснокожим. Напротив, я, скорее, стоял на их стороне и даже испытывал к ним что-то похожее на дружбу. Я знал, как несправедливо к ним относились белые, и все, что индейцы претерпели от них. Я знал, что в конце концов индейцы будут побеждены и им придется покориться, и, вспоминая об их бедствиях, испытывал к ним жалость.

Но эти чувства сменились теперь совершенно другими. Облик убитой матери вызвал в моей душе мгновенный переворот. Симпатия к индейцам превратилась в острую ненависть. Кровь матери взывала к отмщению, и я поклялся отомстить.

Я был не одинок. Старый Хикмэн, его товарищ Уэзерфорд, также охотник, и человек пятьдесят соседей обещали мне свою помощь и поддержку.

Больше всех мысль о возмездии волновала Черного Джека. Его тоже постигло горе: Виолу не могли нигде найти — очевидно, ее увели вместе с остальными слугами. Многие из них, может быть, ушли даже добровольно. Но, во всяком случае, никого из слуг не осталось. Плантация и ее население были уничтожены. Я превратился в бездомного сироту. У меня не было ни матери, ни крова.

Но не стоило терять время на бесполезные жалобы и сетования, нужно было немедленно приступить к действиям. Явились вооруженные соседи, и уже через несколько минут была организована погоня.

Мне и моим спутникам достали свежих лошадей. Наскоро закусив чем попало, мы пустились отыскивать следы индейцев. Эти следы было нетрудно обнаружить, так как дикари ехали верхом. Они переплыли через реку на индейскую сторону, немного выше по течению. Без колебания мы последовали за ними.

Я прекрасно помнил это место. Именно здесь я переправлялся через реку два месяца назад, выслеживая Оцеолу. Это была та самая тропинка, которую избрал

тогда Оцеола... Я с горечью задумался. Было все труднее различать следы, и мы двигались вперед все медленнее и медленнее. Возникали естественные вопросы: видел ли кто-нибудь дикарей? К какому племени они принадлежат? Кто был их вождь?

Двое добровольцев из нашего отряда, спрятавшись около дороги, видели, как индейцы проскакали мимо них, увозя с собой пленниц — мою сестру, Виолу и других девушек с плантации. Индейцы сидели на лошадях и крепко держали пленниц. Негры шли пешком. Они не были связаны и, казалось, шли добровольно. Индейцы принадлежали к племени Красные Палки, и ими предводительствовал Оцеола.

Трудно даже описать впечатление, произведенное на меня этими словами. Они причинили мне острую боль. Я все время сомневался в справедливости этого свидетельства. Я решил не верить ему, пока сам не добуду неопровержимых доказательств. Оцеола! Нет, он не мог совершить подобную гнусность! Не мог! Очевидцы, должно быть, ошиблись. Они видели индейцев еще до рассвета, темнота могла обмануть их. В последнее время все, что совершали индейцы — каждый налет, каждый грабеж, — все приписывалось Оцеоле. Оцеола был везде. Нет, он не мог быть здесь!

Но кто же были эти два свидетеля? Я с удивлением узнал их имена: Спенс и Уильямс. Еще с большим изумлением узнал я, что они также присоединились к тем, кто вместе со мной отправился в погоню за индейцами. Но еще более странным казалось мне отсутствие Аренса Ринггольда. Он был на пожаре и, как рассказывали мне, громче всех орал и грозил, что отомстит. Но теперь он скрылся. Во всяком случае, он не примкнул к отряду, преследовавшему индейцев.

Я подозвал Уильямса и Спенса и стал их подробно расспрашивать. Они подтвердили свое показание. Они признались, что видели индейцев, возвращавшихся после кровавой резни, в темноте ночи. Они не могли утверждать с уверенностью, были ли это воины из племени Красные Палки или из племени Длинное Болото. Им показалось, что это были Красные Палки. Что касается вождя, то сомнений не было: их вел сам Оцеола. Они узнали его по трем страусовым перьям в головном уборе, которые отличали его от других воинов.

Свидетели говорили убедительно. Что за смысл был им обманывать меня? Не все ли им равно, кто был вождем разбойничьей шайки убийц — Оцеола, Коа-хаджо или даже сам Онопа? Их слова привели меня к убеждению, которое подкрепили и другие обстоятельства, к глубокому горестному убеждению: убийца моей матери, который сжег мой дом и увел сестру в жестокий плен, — не кто иной, как Оцеола!

Чувство прежней дружбы мгновенно умерло во мне. Отныне мое сердце пылало враждой и ненавистью к тому, кого я некогда так нежно любил, кем так искренне восхищался...

Глава LXXV

БОЕВАЯ ТРЕВОГА

Однако, вдумываясь в это кровавое дело, я обратил внимание на некоторые обстоятельства, показавшиеся мне таинственными и странными. В первый момент я был настолько потрясен, что эти обстоятельства как-то ускользнули от моего внимания. Я не находил ничего удивительного в том, что во время жестокого набега мать моя была убита, а сестра увезена в плен. Индейцы не удовлетворились кровопролитием, а сожгли всю плантацию. Это была обычная месть «бледнолицым» за все перенесенные бедствия и несправедливости. Такие вещи происходили везде, почти каждый день. Почему бы им не произойти и на берегах Суони, как и в других местах Флориды? Пожалуй, скорее следовало удивляться, что наша усадьба так долго оставалась нетронутой. Другие плантации, находившиеся гораздо дальше от укрепленных пунктов семинолов, уже подвергались подобным ужасным набегам. Почему же наша плантация должна была избежать общей участи? Эта «неуязвимость», однако, была замечена жителями нашей плантации, и они успокоились в ложном сознании собственной безопасности.

Объясняли это так: главные силы индейцев были отвлечены в другие районы, где они наблюдали за движением разделенной на три части армии генерала Скотта. А так как наша плантация была укрепленным пунктом, то, конечно, небольшие отряды индейцев не дерзали напасть на нее.

Но Скотт ушел, его войска отступили в форты, на летние квартиры. Обычно во Флориде военные действия ведутся зимой. А индейцы, для которых все времена года равны, были теперь свободны и снова могли начать свои налеты и набеги на пограничные плантации. Должно быть, поэтому индейцы так долго не нападали на поселок Суони.

В первую минуту отчаяния такое объяснение показалось мне вполне вероятным. Я и мои родственники просто оказались жертвами общей волны возмездия со стороны индейцев.

Но когда я пришел в себя, другие обстоятельства приковали мое внимание. Прежде всего, почему именно наша плантация в этом районе подверглась нападению? Почему только наш дом был сожжен? Почему только наша семья была истреблена? Эти вопросы, естественно, поразили меня. Ведь на реке были и другие плантации, также слабо защищенные, и другие семьи, относившиеся к семинолам гораздо более враждебно. Но еще более загадочным было вот что: плантация Ринггольдов лежала как раз на пути индейских банд. Как показали следы, они обогнули ее, чтобы достигнуть нашего дома. Оба Ринггольда — Аренс и его отец — были известны как самые жестокие враги индейцев, как люди, самым грубым образом нарушавшие их права.

Почему же плантация Ринггольдов осталась нетронутой, а наша была уничтожена? Ясно, что наша семья стала жертвой особой, заранее обдуманной мести. Нет никакого сомнения, что это именно так. Только мстью и можно было объяснить эту тайну.

Но Пауэлл? Неужели это был он? Мой друг повинен в таком варварском злодеянии? Возможно ли это? Нет! Никогда!

Несмотря на свидетельство двух отъявленных негодяев, несмотря на то что они видели его собственными глазами, мое сердце отказывалось этому верить.

Какие мотивы могли быть у него для такого необычайного убийства? Правда, моя мать не благоволила к нему, более того — она оказалась неблагодарной. Я помнил это очень хорошо. И он тоже мог помнить. Но его благородный характер, олицетворяющий в моем представлении прекрасный героический идеал, не мог унизиться до подобного злодеяния. Нет, нет и еще раз нет!

С другой стороны, почему же Пауэлл оставил в целости усадьбу Ринггольдов, жилище Аренса Ринггольда — своего заклятого врага, одного из четырех человек, которых он поклялся уничтожить? Это обстоятельство было самым невероятным.

Ринггольд находился дома, его можно было захватить во время сна. Его черные сообщники вряд ли стали бы сопротивляться. Во всяком случае, их сопротивление легко было бы сломить.

Почему же ему была дарована жизнь? Почему его дом не предали огню?

Новое известие, которое я получил в пути, породило новое предположение. Мне сказали, что индейцы быстро отступили, так как неожиданно появился патруль добровольцев, совершавший объезд. Его внимание привлекла пылающая плантация. Полагали, что именно это и спасло другие плантации, в том числе и Ринггольда.

Такое объяснение казалось вероятным. По следам было видно, что шайка разбойников была невелика, не больше пятидесяти человек. Поэтому-то они и отступили.

Тогда все дело снова представляло в ином свете. И снова Оцеола оказывался в моих глазах виновником.

Может быть, я не постигал его индейской натуры, может быть, в конце концов, он и был чудовищем, нанесшим столь страшный удар.

Еще и еще раз я спрашивал себя: какая причина могла вызвать такой поступок?

— А, вот что! Сестра! Виргиния! Может быть, любовь... страсть...

— Индейцы! Индейцы! Индейцы!

Глава LXXVI

ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА

Это восклицание, полное страшного значения, сразу прервало мои размышления. Решив, что появились индейцы, я помчался вперед. Но вдруг всадники бросили поводья и остановились. Отбившиеся в сторону спешили вновь примкнуть к отряду. А те, кто беспечно заехал вперед, быстро поскакали обратно. Именно они-то и подняли тревогу. Некоторые из них все еще продолжали кричать: «Индейцы, индейцы!»

— Индейцы? — спросил Хикмэн с недоверчивым видом.— Где вы увидели их?

— Там! — ответил один из всадников, прискакавших назад.— Вон в той роще. Весь лес кишит ими...

— Пусть меня черти раздерут на куски, если я этому поверю! — возразил старый охотник, презрительно покачав головой.— Никогда индейцы не станут прятаться, особенно от таких желторотых птенцов, как вы. Их всегда раньше услышишь, чем увидишь.

— Да мы и слышали, как они перекликались друг с другом.

— Ба! — воскликнул охотник.— Вы бы вовсе не то услышали, если бы индейцы действительно были там. Вы слышали бы выстрелы из винтовок. Черт бы побрал ваших индейцев! Вы слышали визг енота или свист пересмешника. Я знал, что вы до смерти перепугаетесь первого попавшегося зверька, который мелькнет перед вами... Ну, теперь стойте на месте, а я посмотрю, в чем дело.

Сказав это, Хикмэн слез с лошади и накинул уздечку на ветку.

— Пойдем-ка, Джим Уэзерфорд,— добавил он, обращаясь к одному из своих товарищей-охотников.— Посмотрим, кого там увидели эти молодцы. Не приняли ли они пеньки за индейцев?

Молодой охотник уже спешил. Он и Хикмэн поставили лошадей в безопасное место и с винтовками в руках молча вошли в кусты. Остальные члены отряда, собравшись вместе и не слезая с седел, ждали. Наше терпение не подверглось долгому испытанию. Едва охотники скрылись из виду, как до нас донесся их громкий хохот. Мы осмелели и приблизились. Там, где царил такое веселье, не могло быть особенно опасно. Вскоре мы увидели их обоих. Уэзерфорд, нагнувшись, рассматривал чьи-то следы, а Хикмэн указывал рукой на качающиеся кусты. Мы взглянули туда и увидели стадо полудикого рогатого скота. Испуганное нашим появлением, оно, продираясь через чащу, обратилось в бегство.

— Вот вам ваши индейцы! — торжествующе воскликнул охотник.— Хороши дикари! Ха-ха-ха!

Все остальные тоже рассмеялись, за исключением виновников этой ложной тревоги.

— Я знал, что здесь нет никаких индейцев,— продолжал охотник на аллигаторов.— Совсем не так они появляют-

ся! Вы их слышите раньше, чем видите. И вот какой совет я дам тем зеленым юнцам, которые не умеют отличить краснокожего от рыжей коровы: те, кто поопытнее, пусть идут впереди. А остальные держитесь вместе, не разбегайтесь, а то кое-кому придется уснуть сегодня без волос на голове.

Все согласились с благоразумным советом Хикмэна. Мы попросили старого охотника и Уэзерфорда возглавить движение отряда. Остальные тесными рядами шли за ними.

Ясно было, что индейцы не могли намного опередить нас. Об этом можно было судить по времени, когда они покинули усадьбу. С момента моего приезда на плантацию мы не теряли времени даром — на наши сборы ушло не более десяти минут, так что, в общей сложности, с момента их ухода и до начала нашей погони прошло едва ли более часа. Передвигаться очень быстро они не могли, так как за ними пешком шли негры. Это было видно по их широким следам.

Вряд ли кто-нибудь из нас боялся индейцев. Все мы горели жадной мести, заглушавшей всякий страх. Кроме того, судя по следам, индейцев было не так уж много — человек пятьдесят. Без сомнения, это были искусные и опытные воины, равные нам в борьбе один на один. Но те, кто вызвался добровольно помогать мне, тоже были люди настоящей закалки — с твердым характером и выдержкой. Это были самые лучшие люди в поселке, незаменимые для такой цели. Никому даже и в голову не приходило вернуться: все твердо решили идти вперед и найти убийц даже в самом сердце индейской территории, в их собственном «гнезде».

Преданность этих людей вдохнула в меня новые силы. Я поскакал вперед с более легким сердцем, чувствуя, что час возмездия близок.

Глава LXXVII СЛЕД ТЕРЯЕТСЯ

Однако моим желаниям не суждено было так скоро осуществиться. Летя с быстротой, на которую только были способны наши кони, мы мчались по следу целых десять миль, хотя сначала предполагали, что настигнем индейцев уже на половине этого пути.

Вероятно, индейцы сообразили, что за ними началась

погоня. И, подгоняемые страхом, они во весь опор неслись вперед. После таких ужасных злодейств понятно было, что они ожидали преследования. Но они ненамного опередили нас. Хотя солнце сильно жгло, сок еще капал со сломанных ими ветвей, следы копыт их лошадей были еще свежие. Так объяснили нам наши проводники. Примятая трава еще была влажной от росы и стелилась по земле.

— И получаса не прошло, как они тут проехали. Только полчаса, черт их побери! — воскликнул Хикмэн, после того как он уже в двадцатый раз осмотрел следы.— Никогда в жизни я не видел, чтобы индейцы ехали так быстро! Они бегут, как стадо испуганных быков... Вероятно, мерзавцы здорово вспотели. А некоторые бездельники, как я полагаю, уже болтаются в седлах под углом в сорок пять градусов...

Громкий взрыв смеха был ответом на это замечание нашего проводника.

— Не так громко, ребята, не так раскатисто! — сказал он, прерывая смех повелительным жестом.— Клянусь Иерусалимом, они услышат вас! А если так, некоторые из вас расстанутся со своими скальпами еще до заката солнца. Ради спасения собственной шкуры ведите себя тихо, как мышки. У них такой же острый слух, как у наших волкодавов. Черт меня побери, если они больше чем на милю впереди нас!

Он еще раз нагнулся к следу и повторил:

— Будьте тихи, как опоссумы, и я обещаю вам, что не пройдет и часа, как мы настигнем этих негодяев.

Повинуясь его приказу, мы ехали, стараясь соблюдать тишину и держаться края дороги, поросшей травой, чтобы заглушить топот копыт. Переговаривались только шепотом, да и то лишь в случае крайней необходимости. Напряженно вглядываясь вперед, мы каждую минуту ожидали увидеть перед собой бронзовые фигуры индейцев.

Так мы проехали около полумили. Враг не показывался, видны были только его следы. Мелькнуло ясное небо, сиявшее голубизной меж стволов. Это означало, что лес начал редеть. Многие из нас обрадовались. Последние часы нам пришлось ехать по мрачному лесу, переплетенному лианами и заваленному буреломом, так что поневоле мы двигались очень медленно. Все надеялись, что теперь дорога станет лучше и мы наконец увидим неприятеля. Но на старых охотников, особенно на наших двух проводников, это произ-

вело совсем иное впечатление. Хикмэн сразу изъявил свое полное неудовольствие.

— Проклятая равнина! — воскликнул он. — Это саванна, и притом огромная. Черт возьми, дело худо!

— Почему? — спросил я.

— Очень просто! Если они проскочили через саванну, то, наверно, оставили около леса одного или двух часовых. Теперь мы уже не можем подъехать к ним незамеченными: нас будет так же легко различить, как караван верблюдов. Что же из этого следует? А вот что: если они заметят нас, то им легко будет скрыться. Они рассеются во все стороны, и тогда нищи ветра в поле!

— Что же нам теперь делать?

— Нам лучше держаться ближе к большому болоту. Вы постоите здесь несколько минут, а мы с Джимом Уэзерфордом подъедем к опушке леса и посмотрим, переехали ли они через саванну. Если да, то и мы переберемся через нее, а потом снова отыщем след. У нас нет другого выбора. Если они увидят, как мы пересекаем саванну, мы можем показать им хвост и спокойно поворачивать обратно.

Все согласились с этим и беспрекословно подчинились приказу охотника за аллигаторами. Мы все хорошо знали, насколько он опытен. Хикмэн и Уэзерфорд сошли с лошадей и стали осторожно пробираться к деревьям на опушке леса.

Прошло довольно много времени, прежде чем они вернулись. Кое-кто из нас уже начал выражать нетерпение. Послышались разговоры о том, что, остановившись, мы только зря тратим время и даем индейцам возможность уйти вперед еще дальше. Иные предлагали продолжать погоню и, будь что будет, идти вперед прямо по следу.

Как это ни согласовывалось с моими собственными чувствами, как ни горел я желанием вступить в открытый бой с ненавистным врагом, я знал, что при настоящих условиях погоня становилась бессмысленной. Проводники были правы. Наконец охотники вернулись и сообщили нам, что индейцы действительно пересекли саванну и въехали в лес, который начинался за нею. Они еще не успели скрыться, когда охотники дошли до опушки леса. Хикмэн даже ухитрился заметить хвост лошади, исчезавшей за кустами. Но зоркие следопыты выяснили еще один важный факт: дальше не было никакого следа, по которому мы могли бы идти вперед.

Вступив в саванну, индейцы ехали, очевидно, врассыпную. Об этом свидетельствовало множество следов, оставленных на траве копытами лошадей. По выражению охотников, след «расщепился на пятьдесят частей» и наконец совсем исчез в траве. Охотники установили это, ползком пробираясь к высокой траве и замечая отпечатки копыт. Оставался только один, очень странный след, который привлек их внимание. Это был след человеческой босой ноги. Поверхностный наблюдатель мог бы счесть его за отпечаток ступни одного человека. Опытные же следопыты мгновенно догадались, что это была уловка. След был широкий и бесформенный, очень глубоко вдавленный в землю; вряд ли это мог быть след одного человека. Длинная пятка, едва заметный подъем, широкие отпечатки пальцев — все это были знаки, которые охотники сразу разгадали. Хикмэн тут же определил, что это был след негра — вернее, негров, которые прибегли к этой хитрости по указанию того, кто их вел.

Эта неожиданная хитрость со стороны отступающих дикарей нас и огорчила и удивила. В первую минуту мы решили, что дикари перехитрили нас, что мы потеряли след врага и что нам не суждено отомстить.

Одни стали говорить о бесполезности дальнейшего преследования. Другие считали, что нужно вернуться. Пришлось опять взывать к чувству ненависти, чтобы вновь разжечь жажду мщения. В этот критический момент вмешался старый Хикмэн и, оживив наши гаснущие надежды, поднял у всех настроение. Я обрадовался, когда он заговорил.

— Сегодня вечером, ребята, нам их не догнать... (Он взял слово последним, когда все остальные уже высказались.) Засветло нам нельзя перебраться через эту равнину. Она слишком велика. Я бы лучше сделал крюк в двадцать миль, чем пересекать эту проклятую саванну. Но ничего, ребята, не унывайте! Подождем здесь до наступления темноты, а затем мы сможем тихонько прокрасться через саванну. И если мы с Джимом Уэзерфордом не найдем на другой стороне их следа, то, значит, я никогда в жизни не едал мяса аллигаторов. Проклятые индейцы наверняка раскинут свой лагерь где-нибудь под деревьями. Не видя нас, они будут чувствовать себя в безопасности, как медведь у дупла с медом. Вот тут-то мы и нагрянем на них!

Все согласились с предложением охотника. Оно было принято как дальнейший план действий. Мы сошли с лошадей и стали дожидаться заката солнца.

ЧЕРЕЗ САВАННУ

Мои страдания достигли наивысшего предела. Во время погони волнение не давало мне возможности углубиться в размышления о несчастье, которое обрушилось на меня. Мысль о скором возмездии как бы заглушала скорбь, и самое движение действовало успокоительно на мою взволнованную душу. Теперь же, когда погоня была приостановлена, я мог на досуге предаться воспоминаниям о событиях сегодняшнего утра, и горе с новой силой овладело мной. Я видел вновь тело убитой матери, лежащей с раскинутыми, как бы призывающими к отмщению руками. Я видел свою сестру, бледную, в слезах, с разметавшимися волосами, полную отчаяния.

Неудивительно, что, испытывая столь мучительное нетерпение, я никак не мог дожидаться заката солнца. Мне казалось, что никогда еще огромный огненный шар не спускался к горизонту так медленно. Бездействие терзало меня до безумия. Диск солнца был кроваво-красным от густого тумана, который висел над лесом. Небо казалось низким и грозным. Оно как бы отражало мои собственные мысли и чувства.

Наконец наступили сумерки. Они продолжались недолго, как обычно в южных широтах, хотя в этот вечер они казались мне долгими и медлительными. За ними наступила полная тьма. Мы снова вскочили в седла и поехали. И в движении мне как будто стало легче.

Выбравшись из леса, мы поехали через саванну. Два охотника вели нас по прямой линии. Двигаться по какому-нибудь из многочисленных следов не было смысла, так как все они расходились в разные стороны. Хикмэн предполагал, что все следы в конце концов сойдутся в одном заранее условленном месте. Поэтому нам годился любой след. Несомненно, он должен был привести нас в индейский лагерь. Самое важное для нас в настоящий момент было проехать равнину незамеченными. Наступившая тьма благоприятствовала нам. Мы двигались вперед по открытому пространству безмолвно, как призраки; ехали шагом, чтобы не слышно было топота лошадей. Наши усталые кони плохо слушались поводыев. Почва тоже благоприятствовала нам: это была мягкая трава, по которой лошади шли бесшумно. Мы

боялись только, чтобы они не почуяли индейских коней и не вздумали приветствовать их ржаньем.

К счастью, наши опасения не оправдались. Через полчаса в полном молчании мы въехали под темные своды леса на другой стороне саванны. Нас вряд ли могли заметить. Если индейцы и оставили в арьергарде разведчиков, то темнота скрыла нас от их взоров. Нас можно было бы обнаружить лишь в том случае, если бы часовые стояли как раз в том месте, где мы въезжали в лес. Но никаких следов индейцев не было, и мы решили, что за нами никто не следит.

Мы шепотом поздравили друг друга и так же тихо попытались обсудить дальнейший план действий. Мы собирались ехать дальше. Надо было снова отыскать след индейцев, но раньше рассвета этого нельзя было сделать. Мы, возможно, остались бы на месте до утра, если бы не одно обстоятельство. Лошади очень страдали от жажды, да и всадники были не в лучшем состоянии. Уже с полудня мы не встречали воды, а нескольких часов, проведенных под знойным небом Флориды, вполне достаточно, чтобы сделать жажду невыносимой. В более прохладном климате можно провести даже несколько дней без воды.

И лошади и люди очень страдали. Мы не могли ни заснуть, ни просто отдохнуть. Необходимо было найти воду до того, как будет привал. Мы страдали также и от голода, ибо для столь долгого путешествия не запаслись провизией. Но муки голода переносить было легче, на эту ночь мы могли обойтись одной водой. Поэтому мы решили ехать вперед и найти воду во что бы то ни стало.

В этом затруднительном положении опыт наших двух проводников оказал нам неоценимую услугу. Им уже приходилось охотиться в саванне. Это было еще тогда, когда индейские племена были в дружбе с нами и белые свободно могли разъезжать по их территории. Охотники помнили, что где-то недалеко был пруд, около которого они отдыхали. Несмотря на темноту, они надеялись найти его.

Мы двинулись вперед цепью по одному в ряд, каждый вел за собой свою лошадь. Только так можно было двигаться в темноте. Наш отряд растянулся в длинную линию, которая, как огромная, чудовищная змея, извивалась по тропинке между деревьями.

В ЛЕСНОЙ ТЕМНОТЕ

По временам наши проводники начинали сомневаться, верно ли мы едем, и тогда все мы останавливались и ждали, пока они тронутся дальше.

Несколько раз Хикмэн и Уэзерфорд сбивались с пути, не зная, куда ехать дальше. Они теряли направление и были в полном недоумении.

Днем в лесу всегда можно определить направление по коре деревьев. Этот прием хорошо известен лесным охотникам. Но сейчас было слишком темно, чтобы производить такие подробные наблюдения. Впрочем, Хикмэн утверждал, что даже и теперь, ночью, он безошибочно может определить, где юг и где север, и я заметил, что он ощупывает древесные стволы. Он переходил от одного дерева к другому, словно для того, чтобы подтвердить свои наблюдения, но через некоторое время вполголоса обратился к своему товарищу, и в тоне его явно звучало изумление:

— Что за чудеса, Джим? Деревья стали совсем другие с тех пор, как мы с тобой здесь были в последний раз. На них нет коры, они как будто совсем ободраны.

— Да и мне они показались странными. Но я думал, что это мне так в темноте почудилось.

— Да нет, это не то! С ними что-то случилось. Я помню эти ели. Деревья все сухие, как трут. Дай-ка я посмотрю на их иглы.

Говоря это, Хикмэн поднял руку и сорвал одну из длинных ветвей, которые нависали над нами.

— Ах, вот оно что! — воскликнул он, обламывая иглы. — Теперь я понимаю, в чем дело. Это все проклятый червяк виноват. Деревья погибли. Что теперь делать? Теперь я так же сумею найти пруд, как и любой из этих зеленых юнцов.

Это признание произвело на нас не очень приятное впечатление. Жажда все сильнее томила нас. Она казалась еще мучительнее потому, что исчезла всякая надежда утолить ее.

— Стойте! — сказал через минуту Хикмэн, ткнув свою лошадку каблуком в ребра. — Еще не все потеряно. Если уж я не могу довести вас до пруда, то нас приведет туда моя умная скотинка... Эй ты, старуха, — обратился он к своей

старой кобыле, — найди-ка нам воду! Марш вперед, да по-старайся для нас!

Сжав коленями бока своей «скотинке», Хикмэн отпустил поводья, и мы снова тронулись вперед, смутно надеясь на инстинкт бессловесного создания.

Скоро стало ясно, что лошадь почуяла воду. Хикмэн заявил, что она «чует водичку», а он знал это так же хорошо, как будто она была его собакой, напавшей на след оленя. Она вытянула морду и время от времени нюхала воздух. При этом она шла все прямо, как будто к определенной цели.

Все мы оживились, но вдруг Хикмэн остановил свою лошадь. Я подъехал к нему узнать, в чем дело. Он молчал, видимо глубоко задумавшись.

— Почему вы остановились? — спросил я.

— Всем нам надо подождать здесь.

— Зачем? — спрашивали другие добровольцы, подъехавшие к нам.

— Ехать вперед этим путем опасно. Быть может, эти злодеи у колодца. Здесь нет другой воды, а им ведь тоже пить захотелось. Если они услышат, что мы подъехали, то опять махнут в кусты, и поминай как звали! Так вот, вы стойте здесь, а мы с Джимом прокрадемся вперед и посмотрим, что и как. Я теперь знаю, где пруд: до него не очень далеко. Если индейцев там нет, мы сейчас же вернемся, и тогда можете отправляться на водопой.

С этим благоразумным планом все согласились. Оба охотника еще раз сошли с лошадей и осторожно двинулись вперед.

Я выразил желание пойти вместе с Хикмэном и его товарищем. Они не возражали — мои несчастья давали мне неоспоримое право быть во главе похода. Итак, оставив лошадь под присмотром одного товарища, я присоединился к охотникам.

Мы неслышно ступали по земле, густо усыпанной мягкой хвоей, заглушавшей шум шагов. Лес здесь был редким, и это позволяло нам двигаться довольно быстро. Через десять минут мы были уже далеко от наших друзей. Мы все время старались не потерять верного направления. Однако вдруг нам показалось, что мы потеряли его. И в этот момент, к моему удивлению, сквозь густую листву мы увидели мерцающий вдали огонь. Это было пламя костра.

Хикмэн сразу распознал, что это костер на привале индейцев.

Первым нашим движением было вернуться к товарищам и позвать их на помощь. Но, поразмыслив немного, мы решили подойти как можно ближе, чтобы удостовериться, действительно ли это лагерь неприятеля.

Теперь мы уже не шли, а пробирались ползком, стараясь держаться в тени. На поляне пылал огонь. Охотники помнили, что здесь должен быть пруд. И действительно, мы увидели сверкающую водную поверхность. Мы подошли так близко, как позволяло наше благоразумие. Теперь мы хорошо видели всю поляну. Лошади были привязаны к деревьям, а вокруг костра распростерлись человеческие фигуры. Они не шевелились — все убитые крепко спали.

У самого огня на седле сидел человек. По-видимому, он не спал, хотя его голова была опущена на колени. Огонь костра озарял его бронзовое лицо. Можно было бы различить его черты и цвет лица, если бы они не были скрыты под краской и перьями. Это лицо казалось малиново-красным, три больших черных страусовых пера свисали с головы у висков, так что их концы почти касались его щек. Эти символические перья наполнили мою душу острой болью: я знал, что это был головной убор Оцеолы.

Я стал всматриваться пристальнее. Несколько групп расположились сзади, почти все открытое пространство было заполнено простертыми телами.

Еще одна группа из трех или четырех человек, сидевших и лежавших на траве, привлекла мое внимание. Я смотрел на нее со страхом и волнением. На нее падала тень от деревьев, и я не мог рассмотреть лиц, но по белым платьям я понял, что это были женщины. Две из них сидели несколько поодаль от остальных. Одна из них положила голову на колени к другой.

Сильное волнение охватило меня, когда я смотрел на них. Теперь уже для меня не оставалось никаких сомнений, что это были моя сестра и Виола.

Глава LXXX

СИГНАЛЬНЫЕ ВЫСТРЕЛЫ

Нельзя описать, что я почувствовал в эту минуту. Перо мое бессильно изобразить эту картину. Вдумайся, читатель, в мое положение и постарайся представить его себе. Позади

меня остались убитые и изувеченные мать и дядя, мой родной дом, превращенный в пепел и прах. Передо мной была сестра, вырванная из материнских объятий, безжалостно похищенная дикими разбойниками, может быть обещенная их дьявольским вождем! И он тоже был здесь передо мной, этот лживый, вероломный убийца! Меня охватило неистовое волнение.

Я глядел на того, кому должен был отомстить, и моя ярость возрастала с каждой минутой. Я больше не в силах был сдержать ее.

Мои мускулы, казалось, вздувались на руках, кровь струилась по жилам, как поток жидкого пламени. Я почти забыл, где мы находимся. Одна мысль пылала в моем мозгу: мечь! Враг был передо мной! Он не знал о моем присутствии и как будто спал. Он был почти рядом, на расстоянии выстрела моей винтовки, стоило только протянуть руку.

Я поднял ружье на уровень ниспадающих страусовых перьев и взял на прицел их концы. Я знал, что глаза под ними. Мой палец был уже на курке...

Еще минута — и этот человек, когда-то бывший в моих глазах героем, будет лежать мертвым на траве. Но мои товарищи предотвратили выстрел. Хикмэн схватил замок моей винтовки, покрыв боёк ударника широкой ладонью, а Уэзерфорд схватился за дуло. Я не мог выстрелить.

В первую секунду я почти рассвирепел, но затем понял, что они правы. Старый охотник, нагнувшись к моему уху, шепнул:

— Рано, Джордж, рано! Ради собственной жизни, не поднимай тревогу. Что толку, если ты убьешь его? Эти мерзавцы удерут и уташат женщин с собой. Мы не сможем удержать их и только рискуем потерять свои скальпы. Лучше мы потихоньку вернемся за товарищами и окружим индейцев со всех сторон... Не так ли, Джим?

Уэзерфорд, боясь излишнего шума, только утвердительно кивнул головой.

— Пойдем! — продолжал Хикмэн шепотом. — Нельзя терять ни минуты. Назад как можно быстрее! Ползком, ползком, пониже... И тише! Ради бога, тише!

Почти распластавшись на земле, старик пополз, как аллигатор, и скоро исчез из виду. Мы с Уэзерфордом последовали за ним и поднялись только тогда, когда уже были далеко от пламени костра. Здесь мы остановились и прислу-

шались. Мы боялись, что наше отступление встревожит лагерь. Но до нас не донеслось ни единого звука. Мы только слышали, как храпят спящие дикари и как лошади жуют траву. Изредка доносился удар копытом о твердую землю.

Довольные, что нам удалось уйти незамеченными, мы возвращались назад тем же, уже знакомым, путем. Теперь мы почти бежали, но вдруг остановились как вкопанные. До нас донесся ружейный выстрел.

И, что самое удивительное, он раздался не из индейского лагеря, а с противоположной стороны, оттуда, где остались наши товарищи. Странно было, что звук показался слишком громким для того расстояния, которое, по нашим предположениям, отделяло нас от друзей. Может быть, не вытерпев мучительного ожидания, наши друзья двинулись вперед, навстречу нам? Но, разумеется, ни один из них не мог выстрелить. А если и так, то их выстрел был поступком очень неблагоприятным, даже опасным: он мог поднять на ноги весь индейский лагерь. В кого же они стреляли? Может быть, это случайно разрядилось ружье? Да, должно быть, это именно так...

Не успели мы обменяться этими соображениями (каждый обдумывал их про себя), как раздался второй выстрел, в том же направлении, что и первый. По-видимому, выстрелы были сделаны из разных винтовок, так как промежуток между ними был настолько кратким, что даже самый искусный стрелок не успел бы вторично зарядить свое оружие. Мои товарищи были озадачены не меньше, чем я. Эти два выстрела можно было объяснить только тем, что несколько индейцев, отбившихся от своей шайки, пытались подать о себе весть своим сородичам.

Но раздумывать было некогда. Весь лагерь пришел в движение. Началась тревога. Послышались голоса людей, ржанье и топот. Не раздумывая, мы бросились к нашим друзьям.

Вдруг вдаль мы увидели двух всадников. Они уходили от нас все дальше вперед, скользя между деревьями, как приведения. Несомненно, выстрелы были сделаны именно ими. Кто же они — индейцы или белые?

Рискуя выдать нас врагам, старый Хикмэн окликнул их.

Мы остановились и прислушались. Всадники не ответили. Они молча и быстро удалялись в каком-то новом направлении — ни к друзьям, ни к врагам.

В поведении этих двух всадников было что-то загадоч-

ное. Зачем они стреляли и теперь удалялись от лагеря, хотя прекрасно знали, где он находится, по шуму тревоги? Их поведение казалось мне необъяснимым. Для Хикмэна, вероятно, это дело было более ясным. Но чувствовалось, что он и удивлен и негодует.

— Пусть дьявол их утопит в болоте! Подлецы негодные, если это только они! А я уверен, что это они... Знаю я их ружья! Что ты скажешь на это, Джим? Ты узнал их?

— Я, кажется, слышал этот звук раньше, но где, не помню,— ответил младший охотник.— Пстой-ка, ведь это Нед Спенс!

— Именно, а другой — Билль Уильямс. Что им там, дьяволам, надо? Они ведь остались вместе со всеми. А между тем я уверен, что это они носятся тут по лесу да палят, чтобы нам всю игру испортить. Черт их побери! Это какой-то адский замысел... Проклятые авантюристы! Я их заставляю за это поплатиться! Скорее, ребята! Нам нужно быстро добраться туда вместе со всеми товарищами, а иначе мы опоздаем. Индейцы удерут, прежде чем мы нагрянем на них. Проклятые выстрелы! Испортили нам все дело! Быстро за мной!

Следуя указаниям старого охотника, мы помчались за ним по лесу.

Глава LXXXI ОПУСТЕВШИЙ ЛАГЕРЬ

Вскоре до нас донесся звук голосов и топот лошадиных копыт. Мы узнали голоса товарищей и окликнули их. Они ехали к нам навстречу. Они тоже слышали выстрелы и, решив, что мы столкнулись с индейцами, поспешили к нам на помощь.

— Эй, ребята! — крикнул Хикмэн, когда они подъехали.— Билль Уильямс и Нед Спенс с вами?.. Где они?

На этот вопрос ответа не последовало. Несколько секунд царило мертвое молчание. Очевидно, их обоих здесь не было, иначе бы они сами отозвались.

— Где они? Где? — заговорили в толпе.

— Теперь ясно где,— сказал Хикмэн.— Клянусь аллигатором, эти молодцы опять затеяли какую-то нечестную игру! Ну, ребята, теперь вперед! Индейцы прямо перед

нами. Дальше ползти бесполезно. Индейцы где-то здесь, и нам нужно добраться до них раньше, чем белка успеет трижды вильнуть хвостом, а то они опять удерут! Ура! Вперед за скальпами! Проверьте винтовки. А теперь вперед! И смерть негодьям!

С этим выразительным восклицанием старый охотник поскакал к лагерю индейцев.

Остальные в беспорядке последовали за ним, держась близко один от другого. У нас не было разработанного плана действий. Главное, на что мы рассчитывали, было время. Мы хотели достигнуть лагеря, прежде чем индейцы скроются, мы хотели смело ворваться в самую гущу врагов, дать залп из винтовок, держа ножи и пистолеты наготове,— таков был наспех составленный план.

Мы были уже недалеко, приблизительно в трехстах ярдах от лагеря, и знали, куда надо двигаться. Шум, доносившийся из лагеря, указывал нам направление. Но вдруг этот шум замолк: больше не слышно было ни людских голов, ни ржанья и топота лошадей. В лагере наступила мертвая тишина. Только свет костра слабо мерцал между деревьями и, как маяк, указывал нам путь.

Это заставило нас удвоить бдительность. Тишина казалась нам подозрительной, в ней было что-то зловещее. Мы опасались засады, ибо хорошо знали, как искусно вождь Красных Палок умеет проводить подобные маневры.

Ярдов за сто до поляны наш отряд остановился. Несколько человек, сойдя с лошадей, подошли к самой опушке леса, чтобы обследовать местность. Вскоре они возвратились с известием, что на поляне никого нет. Лагеря больше не существовало. Индейцы, лошади, пленники, добыча — все исчезло. Остался только догорающий костер. По нему мы определили, что индейцы отступили в спешке и беспорядке. Красные угли были разбросаны по всей поляне, в них слабо тлели последние искры пламени.

Разведчики продолжали продвигаться среди деревьев, пока не обошли всю опушку леса. Они внимательно обследовали лес ярдов на сто в окружности, но нигде не нашли никаких следов врага или засады. Мы опоздали — дикари ускользнули, уведя у нас из-под носа своих пленниц!

Преследовать индейцев во тьме было невозможно. Расстроенные, мы выехали на поляну и расположились в опустевшем лагере. Мы решили провести здесь остаток ночи, а на заре снова начать преследование.

Сначала нужно было утолить жажду и напоить лошадей. Потом мы погасили костер и почти половину отряда поставили часовыми между деревьями, окружавшими поляну. Коней стреножили и привязали к деревьям. Другая половина отряда легла отдыхать на том самом месте, где еще недавно отдыхали наши враги. Так мы дождались рассвета.

Глава LXXXII

МЕРТВЫЙ ЛЕС

Мои товарищи, утомленные долгим походом, вскоре уснули. Не спали только часовые, да я не мог найти себе покоя и большую часть ночи провел, блуждая вокруг пруда, тускло блестевшего в центре поляны. Когда я двигался, мне становилось как-то легче. Это успокаивало меня, отвлекало от мрачных мыслей. Я жалел, что мне не удалось выстрелить в тот момент, когда я увидел предводителя убийц, не удалось уложить его на месте. А сейчас чудовище снова ускользнуло из моих рук. Может быть, теперь уже невозможно будет спасти сестру...

Я негодовал на охотников за то, что они помешали мне. Если бы они могли предвидеть все, что произойдет дальше, быть может, и они поступили бы иначе. Но кто мог этого ожидать?

Двое добровольцев, поднявших тревогу, теперь снова присоединились к отряду. Их таинственное поведение заставило нас усомниться в честности их намерений. Появление Билля и Неда было встречено возгласами негодования и угрозами. Их хотели сбить выстрелами с седла и сделали бы это, если бы они не стали умолять нас дать им возможность оправдаться. Они объяснили, что отбились от отряда еще до привала. Они не знали ни того, что наши пошли в разведку, ни того, что индейцы близко; они заблудились в лесу и выстрелили, надеясь, что мы ответим им. Они признались, что видели трех пешеходов, но приняли их за индейцев и постарались избежать встречи с ними.

Большинство из нас удовлетворилось этим объяснением. Рассуждали так: какие мотивы могли побудить их обоим дать сигнал тревоги врагу? Кто мог подозревать их в такой низкой измене? Но не все были того же мнения. Я слышал, как старый Хикмэн многозначительно прошептал своему

товарищу, искоса поглядывая на этих приبلудных тварей:
— Смотри в оба, Джим! Не упускай из виду этих негодяев. Они что-то затеяли...

Так как явных улик против них все-таки не было, их снова приняли в отряд, и они вместе с другими улеглись спать.

Негодяи лежали на берегу пруда. Шагая кругом, я несколько раз проходил мимо них. В темноте я мог различить их простертые на земле тела. Я смотрел на них со странным чувством, ибо разделял подозрения Хикмэна и Уэзерфорда. Но я никак не мог поверить, что они сделали это умышленно. Трудно было представить себе, что, подстрекаемые самыми низменными побуждениями, они выстрелами предупредили индейцев о приближении нашего отряда.

Около полуночи взошла луна. Облаков не было. Проплывая над деревьями, луна струила вниз потоки яркого света.

Этот внезапный свет разбудил спящих. Многие повскакали, думая, что наступил день. Только взглянув на небо, они убедились в своей ошибке.

Шум разбудил и всех остальных. Многие предлагали начать погоню немедленно, при свете луны. Это согласовывалось и с моими желаниями. Но Хикмэн был решительно против. Он объяснил, что в лесу не так светло, как на поляне, и, значит, след нельзя будет найти. Правда, можно было зажечь факелы. Но так мы могли бы попасть в засаду к врагу. Даже просто двигаться вперед при лунном свете — значило подвергать себя опасности. И вообще обстоятельства изменились: дикари уже знали, что мы гонимся за ними. В ночном походе преследуемые находятся в более выгодном положении по отношению к преследователям, даже если их и меньше. Темнота даст им возможность напасть на нас из засады и скрыться. Так рассуждали проводники. Ни один человек не возражал и не высказался против этих доводов. Было решено не трогаться до рассвета.

Наступило время менять часовых. Отдохнувшие сменили усталых караульных, которые улеглись спать, надеясь урвать хоть несколько часов для отдыха.

Уильямс и Спенс должны были дежурить вместе с другими. Они стояли рядом, на одной стороне поляны.

Хикмэн и Уэзерфорд, отдежурив свои часы, расположились на траве, и я заметил, что они устроились недалеко от двух дружков. При свете луны они должны были ясно видеть Спенса и Уильямса. По-видимому, они вовсе и не соби-

рались спать. Время от времени я поглядывал на них. Их головы почти соприкасались, слегка приподнимаясь над травой. Охотники как будто шептались друг с другом.

Я по-прежнему продолжал бродить кругом. При свете луны я мог шагать быстрее, и мне становилось легче на душе. Трудно сказать, сколько раз обошел я вокруг пруда. Двигался я машинально, не отдавая себе отчета. Через некоторое время физическая усталость взяла верх над нравственными страданиями. Постепенно в моей душе воцарилось спокойствие. На короткое время мои горести и мстительные страсти улеглись. Я знал причину: нервная система, отражающая чувства, от которых я страдал, испытывала утомление, и все ощущения во мне как бы притупились.

Я знал, что это только временное облегчение, затишье между двумя бешеными шквалами. Но по истечении этого промежутка я снова стал восприимчивым к впечатлениям внешнего мира. Я начал внимательно присматриваться к тому, что делалось кругом. Прежде всего при ярком сиянии луны мне бросились в глаза некоторые особенности окружающей местности.

Мы остановились среди леса на поляне, которую охотники обычно называют «глэйд» или на местном жаргоне — «глид». Это была маленькая прогалина в лесу, почти не заросшая деревьями или кустарником. Она имела совершенно круглую форму, около пятидесяти ярдов в диаметре. Небольшой пруд, расположенный в середине поляны, был тоже круглый — один из причудливых естественных водоемов, разбросанных по всему полуострову: казалось, что он вырыт людьми. Он был около трех футов глубиной, и вода в нем была свежая и прохладная. Она сверкала при свете луны, как серебро.

Поляна была покрыта травой и благоухала душистыми цветами. Растоптанные людьми и конями, они пахли теперь еще сильнее.

Это был прелестный цветник, и в другом настроении я с удовольствием отдался бы созерцанию этой картины.

Но сейчас меня интересовала не сама картина, а, так сказать, ее рама.

Вокруг поляны деревья высились таким правильным полукругом, как будто кто-то нарочно их здесь насадил. А за ними, насколько взгляд мог проникнуть в глубь чащи, простирался высокий сосновый лес. Стволы деревьев были почти все одной толщины — некоторые из них достигали

двух футов в диаметре. Но это были голые стволы — ни ветки, ни листка. Днем в этом лесу можно было видеть на очень далекое расстояние, так как кустов здесь не было.

Стволы деревьев были прямые и почти цилиндрические, как у пальм. Их можно было бы принять за пальмы, если бы их широкие кроны заканчивались коническими верхушками. Но это были не пальмы, а так называемые метелковидные сосны — широко распространенная во Флориде порода деревьев.

По всей вероятности, я не обратил бы на них особенного внимания, если бы меня не поразило в них что-то необычное. Хвоя у них была не ярко-зеленого, а желто-бурого цвета. Сначала я думал, что это обман зрения или особый эффект лунного освещения. Но, подойдя поближе, я увидел, что иглы были действительно не зеленые, а сухие и увядшие, хотя они еще держались на ветках. Кроме того, я заметил, что стволы сосен казались высохшими и кора на них как будто облупилась. Этот серовато-коричневый лес тянулся на большое расстояние. Мне вспомнились слова Хикмэна: действительно, весь лес был мертвый. Это было подмечено метко! Деревья были съедены сосновым шелкопрядом¹.

Глава LXXXIII

БОЙ В КОЛЬЦЕ ВРАГОВ

Может показаться удивительным, что даже в такие тяжелые минуты мое внимание занимали подобные ботанические наблюдения. Но я сделал еще одно открытие, поразившее меня: хвоя постепенно меняла свой цвет под влиянием голубого света зари, слившегося с желтоватым отблеском луны. Скоро должно было наступить утро.

Заметив, что занимается заря, мои спутники быстро поднялись с влажного ложа, на котором сверкала роса, и стали проверять подпруги у коней.

Мы были голодны, но надеяться на завтрак не приходилось. Мы приготовились обойтись без него.

¹ Огромные тучи шелкопряда, и особенно его личинки, развиваются под корой сосен, разедают ствол и губят дерево в течение одного года. Во Флориде, встречаются огромные пространства, покрытые мертвыми деревьями, погубленными этим насекомым. (Примеч. автора.)

Заря вспыхнула лишь несколько минут назад, и небо быстро светлело. Все было готово к выступлению.

Созвали часовых, кроме четырех, которых предусмотрено оставили на посту до последней минуты. Лошади были отвязаны и взнузданы, они стояли под седлами всю ночь; винтовки были тщательно осмотрены и смазаны. Большинство моих товарищей побывали в сражениях и участвовали во многих военных кампаниях. Все меры предосторожности были приняты, чтобы обеспечить нам успех в предстоящей схватке. Мы надеялись еще до полудня достигнуть индейцев и преследовать их до самого логова. И хотя почти наверняка можно было ожидать кровопролития, все еще раз высказали твердую решимость двигаться вперед.

Несколько минут ушло на то, чтобы построиться в походном порядке. Было признано благоразумным отправить вперед несколько человек из наиболее опытных следопытов для осмотра леса, прежде чем в него вступит остальной отряд. Это избавило бы нас от внезапного нападения из засады. И снова, как и раньше, выбор пал на старых охотников.

Все приготовления были закончены, мы уже собирались тронуться. Всадники вскочили в седла, разведчики двинулись к краю леса, как вдруг на опушке послышались выстрелы и тревожные крики наших часовых. Они еще не сменились, и все четверо разрядили свои винтовки одновременно.

Выстрелы отозвались в лесу тысячами отголосков. Но это было не эхо, а настоящие выстрелы винтовок и мушкетов. Одновременно с ними раздался пронзительный воинский клич краснокожих.

Индейцы напали на нас.

Говоря точнее, они окружили нас. Все часовые выстрелили сразу — значит, все четверо видели неприятеля.

В этом нам скоро пришлось убедиться. Со всех сторон гремел свирепый неприятельский клич, и пули уже начали свистеть неподалеку от нас. Без всякого сомнения, индейцы окружали поляну. Первые выстрелы неприятеля не причинили нам большого вреда. Пули заделали двух или трех человек и ранили нескольких лошадей. По-видимому, наша позиция находилась пока еще вне досягаемости выстрелов. Большинство пуль падало прямо в пруд. Но если бы индейцы подползли ближе, их огонь мог бы стать для нас смертонос-

ным: сбившиеся в кучу на открытом месте, мы представляли для них удобную мишень.

К счастью, наши зоркие часовые заметили их приближение и своевременно дали сигнал тревоги.

Это спасло нас.

Но все это приходит в голову позже. В самый критический момент невозможно успеть что-нибудь сообразить. Характер нападения был ясен. Нас окружили, и лучшим ответом были внимательные, обдуманые действия.

Неожиданное нападение в первую минуту произвело смятение в наших рядах. Крики воинов смешались с ржаньем лошадей, взвивавшихся на дыбы. Но скоро, заглушая весь этот гул и шум, прозвучал громовой голос Хикмэна:

— Долой с лошадей! Бегите к деревьям! Долой с лошадей, скорее! К деревьям — и прячьтесь за них! Или, клянусь дьявольским землетрясением, много мамашиних сынков сегодня потеряют свои скальпы! К деревьям! К деревьям!

Эта же мысль возникла и у других. Поэтому, прежде чем старый охотник договорил, все мгновенно спешились и разбежались в разные стороны. Каждый встал за дерево, лицом к лесу. Таким образом, возник замкнутый круг. Каждый был защищен сосновым стволом. Мы стояли спиной друг к другу и лицом к врагу.

Наши лошади, предоставленные самим себе, бешено металась по поляне. Их еще больше возбуждали поводья и стремяна, которые бились об их бока. Многие из лошадей, проскакав мимо нас, ринулись в лес и там попали в руки индейцев или, прорвавшись мимо них, убежали в чащу.

Мы не пытались удержать их. Пули свистели около наших ушей. Выступить из-за стволов, служивших нам защитой, значило обречь себя на верную гибель.

Выгоды нашей позиции были очевидны уже с первого взгляда. Хорошо, что мы не сняли раньше часовых, а то индейцы застали бы нас врасплох: они подошли бы к самой окраине леса без криков и выстрелов, и мы оказались бы в их власти. Под прикрытием леса они были бы недостижимыми для наших винтовок. А мы на открытом месте попали бы под губительный огонь.

Теперь же у них не было перед нами большого преимущества. И нас и индейцев одинаково защищали стволы. Счастье наше, что все мы так быстро выполнили приказ Хикмэна!

В ответ на неприятельские выстрелы мы также не молча-

ли: через несколько секунд наши винтовки вступили в игру. То и дело слышались резкие и сухие потрескивания выстрелов. И время от времени у нас вырывался торжествующий крик, когда кто-нибудь из индейцев, неосторожно выступивший из-за дерева, падал от выстрела.

И снова спокойный, ясный, громкий голос старого охотника прозвучал над поляной:

— Цельтесь наверняка, ребята, и стреляйте без промаха! Не тратьте зря ни крупинки пороха... У нас он кончится раньше, чем мы разделаемся с этими проклятыми! Не спускайте курок, пока не увидите глаза краснокожего!

Это предупреждение заключало в себе глубокий смысл: многие из наших юношей отчаянно выпускали заряд за зарядом, увеча только стволы деревьев. Слова Хикмана произвели желаемое действие и заставили их осторожнее обращаться с запасом пороха. Выстрелы стали слышаться реже, но частые торжествующие крики показывали, что почти каждый из них попадал в цель.

Через несколько минут после начала перестрелки схватка приняла иной характер. Дикая, устрашающая клич индейцев умолк. Только время от времени, сопровождая удачный выстрел, звучало торжествующее «ура», ободряющее наших товарищей, или «ио-хо-эхи», которым какой-нибудь индейский вождь вдохновлял своих воинов на битву. Выстрелы слышались всё реже. Стреляли только тогда, когда можно было прицелиться наверняка. Каждый был занят своей целью и не мог терять время на бесплодную перестрелку и праздную болтовню.

Может быть, во всей истории флоридских войн не найдешь рассказа о схватке, которая проходила бы в такой тишине. В промежутках между выстрелами бывали минуты, когда наступало зловещее безмолвие.

Едва ли когда-нибудь битва шла при столь странном расположении воюющих сторон. Мы расположились двумя концентрическими кругами. Внешний круг — это был неприятель; внутренний, вокруг поляны, образовали мы. Расстояние между кругами было всего шагов сорок, но тем не менее ни одна сторона не рисковала вступить в рукопашный бой. Мы могли бы разговаривать с нашими противниками, не повышая голоса. Мы буквально могли целиться в белки их глаз! Вот как шел этот бой!

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ ДЖЕКА

Перестрелка продолжалась часа два, но в положении обеих сторон не произошло значительных перемен. Время от времени кто-нибудь перебегал от одного ствола к другому со скоростью снаряда, выпущенного из гаубицы, ища более надежной защиты или места, откуда можно было бы лучше прицелиться в намеченного противника.

Стволы деревьев не были достаточно толсты, чтобы защитить нас. Некоторые укрылись за ними, стараясь занять как можно меньше места. Приходилось стоять во весь рост, плотно прижавшись к стволам. Иные лежали плашмя между выступавшими корнями и в таком положении вели стрельбу.

Перестрелка началась на восходе, а теперь солнце стояло уже высоко в небе. В лесу, даже в самой чаще, было светло. Обе стороны отлично видели друг друга, хотя преимущество индейцев заключалось в том, что наш тыл был открыт. Огромные массы высушенной хвои слетели вниз с веток и толстым слоем устлали землю, а оставшиеся наверху иглы образовали над нами как бы прозрачную тюлевую завесу, смягчавшую жгучие солнечные лучи. В лесу было достаточно света, чтобы дать нашим метким стрелкам возможность поразить любую цель величиной с доллар. Рука, нога, высунувшееся из-за ствола плечо, даже край одежды — все немедленно становилось мишенью и обстреливалось с любой стороны. Если бы кто-нибудь вздумал выставить голову хотя бы на десять секунд, он наверняка получил бы пулю в лоб, ибо с обеих сторон стрелки были необычайно меткие.

Так прошло два часа. Были у нас и потери, и дело не обошлось без нескольких «инцидентов», после которых острое чувство вражды вспыхивало еще сильнее. У нас оказалось несколько раненых — два из них тяжело — и один убитый. Это был юноша, любимец всего отряда. Смерть его вызвала новый взрыв ярости.

Потери индейцев были серьезнее. Мы видели, как они один за другим падали под нашими выстрелами. В нашем отряде было несколько лучших стрелков во всей Флориде. Хикмэн говорил, что он «взял на мушку» троих, а кого Хикмэн брал на мушку, в того уж безусловно попадала пуля.

Уэзерфорд уложил одного индейца наповал. В этом не было никакого сомнения: мы видели мертвое тело дикаря

между деревьями, там, где он упал. Товарищи боялись оттащить труп, чтобы не попасть под смертоносный огонь этой ужасной винтовки.

Через некоторое время индейцы решили применить новую тактику. И тут выяснилось, что они оказались искуснее нас. Они стали по двое за каждым стволом. Один из них стрелял, а другой в это время прицеливался. Вполне естественно, что тот из нас, кому предназначался выстрел, полагал, что теперь его врагу нужно время, чтобы снова зарядить ружье. Он ослаблял бдительность и становился жертвой второго стрелка.

Этот расчет оказался верным. Прежде чем мы разгадали эту хитрость, среди нас оказалось несколько раненых, а один был убит.

Такое коварство еще сильнее разъярило наших людей, тем более что мы не могли ответить тем же. Нас было слишком мало, и, если бы мы стали по двое за одно дерево, мы очень уж разрешили бы свою цепь. Поэтому нам пришлось сохранить прежние позиции и только принять еще большие меры предосторожности.

Один раз нам удалось расплатиться с индейцами их собственной монетой. Это сделали Черный Джек и я.

Мы стояли почти рядом за двумя деревьями. Против нас было трое дикарей, стрелявших все утро особенно ожесточенно. Одна из пуль пробила рукав моего мундира, а у Джека пуля вырвала клоч волос из его косматой головы. Но, к счастью, никто из нас не был ранен.

Одного из этих индейцев моему приятелю очень хотелось «убрать». Это был рослый дикарь в уборе из перьев грифа — по-видимому, вождь. Его лицо, время от времени мелькавшее из-за дерева, имело какой-то особенный ярко-алый оттенок. Оно блистало между деревьями, как второй солнечный диск.

Он возбудил особенную ненависть моего слуги. Видимо, индеец заметил цвет кожи Джека и во время перестрелки все время поддразнивал его. Индеец говорил на своем языке, но Джек знал этот язык достаточно хорошо. Джек был раздражен, разъярен и поклялся отомстить ярко-алому вождю.

Мне удалось помочь Джеку привести в исполнение задуманный план. Укрепив на палке свою фуражку, я немного высунул ее из-за ствола. Это была старая, всем известная хитрость, но индеец, по словам Джека, «попался на удочку».

Ярко-красное лицо поднялось над зарослью пальметто, взвился дымок, и в ту же минуту пуля выбила фуражку из моих рук.

Но одновременно раздался другой, более громкий выстрел — это выстрелил Джек.

Я выглянул из-за дерева и увидел, что красное лицо, показавшееся из-за кустов, совсем побагровело. Алый цвет превратился в малиновый. Вслед за этим раскрашенный индеец тяжело рухнул на землю прямо в кусты.

Во время перестрелки индейцы не стремились приблизиться к нам, хотя, без сомнения, их было значительно больше. К группе, которую мы преследовали, присоединилась еще одна, равная ей по численности. На поляне скопилось не меньше ста индейцев — сейчас их было столько же, сколько в начале боя. Но они ограничивались тем, что осаждали нас. Быстро ринувшись вперед, они, конечно, могли бы сразу подавить нас своим численным превосходством. Но они знали, что, прежде чем им удастся подойти к нашей цепи, их ряды значительно поредеют и лучшие их воины падут. В таких случаях индейцы проявляют крайнюю осторожность. Они редко решаются напасть на противника, если тот засел даже в незначительном укреплении. Самый слабый форт, самая непрочная ограда может нередко устоять против краснокожих воинов Запада.

После того как их тактика потерпела неудачу в первой же атаке, они, казалось, не замыслили уже ничего нового и держали нас в осаде, понимая, что позиции наши сильно ослаблены. Вскоре выстрелы стали раздаваться все реже и наконец почти прекратились. Но мы знали, что это не отступление. Напротив, мы увидели, что индейцы в нескольких местах развели костры. По-видимому, они собирались готовить себе завтрак.

Между нами не было ни одного, кто бы им не позавидовал!

Глава LXXXV СКУДНЫЙ ОБЕД

Это временное перемирие не принесло нам облегчения: мы не рисковали отойти от своих деревьев. Находясь от воды буквально в двух шагах, мы умирали от жажды. Лучше

бы совсем не видеть нам этого сверкающего бассейна! Он только дразнил нас, причиняя нам муки Тантала¹.

Мы видели, как индейцы завтракали на своих боевых постах. Одни ели, а другие, ожидая своей очереди, пока что подносили им от костров пищу. Видно было, как женщины бродили взад и вперед, почти в черте досягаемости наших выстрелов.

Все мы были голодны, как отощавшие волки. Уже целые сутки, даже больше, у нас не было во рту ни крошки. А вид неприятеля, уплетающего свои запасы, еще больше возбуждал наш аппетит и разжигал нашу злобу.

Индейцы как бы издевались над тем, что мы умирали от голода.

Особенно неистовствовал Хикмэн. Он довел до всеобщего сведения, что «так голоден, что готов съесть целого индейца живьем, если только он попадется ему на зуб». И охотник выглядел достаточно свирепым, чтобы осуществить свою угрозу.

— При виде этих проклятых краснокожих,— ворчал он,— которые жрут мясо целыми тушами, тогда как у белых христиан нет даже и косточки, чтобы погрызть, любой нормальный человек может взбеситься и встать от ярости на дыбы! Клянусь аллигатором самого дьявола, что это именно так!

Нас окружало голое пространство, где даже такие люди, как Хикмэн и Уэзерфорд, не могли, казалось, добыть никакой пищи. И все же не было такого положения, из которого они не нашли бы какого-нибудь выхода. Они призвали на помощь всю свою изобретательность, и вдруг их осенила блестящая мысль. Они начали быстро разгребать сухую хвою, которая толстым слоем лежала на земле. Чего они искали? Червей? Личинок? Ящериц? Но нет, до этого еще дело не дошло. Как бы они ни были голодны, они вовсе не собирались питаться пресмыкающимися. У них возникла более светлая мысль, и скоро радостные восклицания возвестили нам, что поиски увенчались успехом.

Хикмэн держал в руке какую-то бурюю массу конической формы, несколько похожую на большой ананас. Оказалось, что это сосновая шишка — ее легко было отличить по размеру и форме. Хикмэн заорал на всю поляну:

¹ Т а н т а л — в древнегреческой мифологии преступный царь, осужденный богами на пытку: стоя по горло в воде, он не мог напиться, так как вода уходила от его губ.

— А ну-ка, друзья, соберите-ка эти древесные яйца да раскокайте их! Внутри есть зерна, или ядрышки,— это вполне подходящая закуска. Конечно, это вам не свинина и не кукурузная каша. Но у нас здесь нет поросенка с кашей. Поищите-ка в трухе вокруг себя — вы наверняка найдете целую кучу этих шишек.

Предложение было встречено с энтузиазмом, и все сразу бросились разрывать сухую хвою. Это были шишки сосен, которые нас окружали. Некоторые лежали на поверхности, прямо под рукой, а другие пришлось вырывать из-под земли с помощью шомполов и ружейных дул. Как бы там ни было, у каждого образовался порядочный запас этих «яиц». Мы с жадностью пожирали зерна. Их вкус всем нам понравился, но шишек было слишком мало, чтобы ими можно было насытить пятьдесят голодных желудков.

Некоторые остряки отпускали шуточки по поводу «завтрака всухомятку». Самые беспечные из нас весело смеялись, чистя шишки. Но, вообще говоря, нам было не до смеха — положение сложилось слишком серьезное. Пока стрельба прекратилась, у нас было достаточно времени заняться обсуждением грозящей нам опасности.

До сих пор нам как-то не приходило в голову, что нас в самом деле осаждают. Яростное напряжение боя не давало нам времени опомниться и поразмыслить о своей судьбе. Пока что мы расценивали перестрелку только как схватку, которая скоро должна была завершиться победой одной из сторон.

Но теперь нам стало ясно, что неприятель ведет правильную осаду. Мы были окружены со всех сторон, заперты как бы в крепости, но отнюдь не надежной. Единственным нашим укреплением было кольцо деревьев. У нас не было даже наскоро сколоченного блокгауза, чтобы укрыть там своих раненых. Каждый стоял часовым на бессменном посту!

Наше положение было крайне опасным. Вырваться из осады не представлялось никакой возможности. Все наши лошади умчались. Только одна валялась мертвой у пруда. Она пала от пули, но эту пулю пустили не враги, а сам Хик-мэн. Его поступок удивил меня. Но у охотника были свои особые цели, и только впоследствии я узнал о них.

Мы могли удерживать свои позиции против неприятеля в пять раз более сильного, против любого неприятеля. Но чем питаться?

Жажды мы не боялись. Ночью будет легче: под покровом темноты мы сможем пробраться к пруду.

Сосновые шишки лишь отчасти выручили нас, но близости их больше не было. Мы должны будем сдаться под угрозой голода.

Мы свободно разговаривали, не сходя с мест, как будто стояли лицом к лицу и обсуждали наши перспективы. Они были довольно мрачными.

Чем все это кончится? Как нам выйти из этого опасного положения? Вот вопросы, которые переходили из уст в уста, которыми были заняты все умы.

Нам оставалась только одна надежда на спасение: сделать попытку под покровом ночи прорваться через неприятельскую цепь.

Риск был велик — нам предстояло пройти через строй противника.

Некоторым из нас, быть может даже многим, суждено было пасть, но кое-кто мог и спастись. Оставаться там, где мы были, значило принести себя в жертву. Помощи нам ждать было неоткуда. Да мы и не питали таких несбыточных надежд: мы великолепно понимали, что стоит нам ослабеть от голода — нас перебьют всех до одного.

Не желая подвергаться подобной участи, мы решили, пока есть силы, рискнуть пробиться сквозь ряды осаждающих; темнота будет благоприятствовать нам. Все мы с нетерпением ожидали заката солнца.

Глава LXXXVI

ПУЛЯ В СПИНУ

Время тянулось для нас очень долго не потому, что нечего было делать.

В течение дня индейцы много раз возобновляли перестрелку и, несмотря на нашу крайнюю бдительность, убили у нас еще одного человека и нескольких легко ранили.

В этих стычках выяснилось, что индейцы стремились подойти ближе к линии нашего фронта, перебегая вперед от дерева к дереву. Нам был понятен их план: они вовсе не желали сойтись с нами вплотную, хотя их численность могла бы оправдать такое стремление. Теперь их было еще больше, чем в начале боя: еще одна группа индейцев подошла к месту

сражения. Мы слышали их радостные приветственные возгласы. Но, даже имея превосходство в силах, они не хотели вступать с нами в рукопашный бой. У них была иная цель наступления, и мы разгадали ее. Индейцы заметили, что, подойдя ближе, они смогут взять на мушку и тех из нас, которые находились на противоположной стороне поляны.

Теперь нам важнее всего было предотвратить этот маневр, поэтому мы решили удвоить свою бдительность. Мы стали зорко всматриваться в стволы деревьев, за которыми скрывались дикари, и наблюдали за ними, как охотник на хорьков наблюдает за их норами. Мы всеми силами мешали им подойти ближе. В попытках продвинуться вперед они не добились особого успеха: это стоило им жизни нескольких самых смелых воинов. Как только наши противники делали шаг вперед, раздавалось несколько выстрелов, и почти каждый нес кому-нибудь из них верную смерть.

Вскоре индейцам надоели попытки осуществить этот опасный маневр. С наступлением вечера они, по-видимому, отказались от своего намерения и решили продолжать осаду.

Мы обрадовались, когда зашло солнце и наступили сумерки. Они сулили нам желанную возможность вскоре подойти к пруду. Люди изнемогали, сходили с ума от жажды. Это продолжалось уже целый день. Еще днем многие из нас собирались отправиться к пруду. Но более опытные предупредили их об опасности, а еще больше нас убедил в этом случай, свидетелями которого стали все. Один из нас, более отчаянный, чем остальные, решил рискнуть. Ему удалось добраться до пруда и вдоволь напиться воды. Но когда он поспешно возвращался назад, один из дикарей уложил его наповал. Это был наш последний убитый. Его мертвое тело лежало у нас перед глазами. Несмотря на мучения, которые мы испытывали от жажды, никто больше не отважился повторить эту рискованную попытку.

Наконец долгожданная тьма опустилась на землю. Только мерцание тусклого света еще не угасло в свинцовом небе. По двое и по трое люди выходили из-за деревьев и пробирались к пруду. Они двигались, как привидения, неслышными шагами, пригнувшись и легко ступая по траве. Мы не могли сделать вылазку все вместе, хотя всем хотелось поскорее утолить жажду. Но предостережение старого охотника сдерживало даже самых нетерпеливых, и они ждали, перенося ужасные мучения, пока другие не вернутся на свои места.

И мы поступали вполне благоразумно, так как индейцы, предвидя то, что должно произойти, начали обстреливать поляну еще сильнее. Гремели ружейные залпы. Индейцы разряжали свои винтовки впустую — темнота мешала им целиться: пули свистели и жужжали вокруг нас, как осы, но летели мимо.

Вдруг кто-то отчаянно закричал, что индейцы наступают. Все мы сейчас же врассыпную бросились от воды к деревьям. Многим так и не удалось глотнуть освежающей влаги.

Я все время неподвижно стоял за своим деревом. Рядом, как верный часовой, находился мой черный слуга. Мы условились, что пойдем пить по очереди. Джек настаивал, чтобы я пошел первым. Я уже почти поддался его уговорам, как вдруг противник снова открыл огонь. Мы опасались, что индейцы возобновят атаку, и нам пришлось остаться на месте.

Я стоял, «одним глазком» выглядывая из-за своего ствола, и держал ружье наготове. Я ждал огненной вспышки из винтовки своего противника. Вдруг руку мою подбросило вверх, и я выронил ружье.

Все было ясно: мою руку навывлет пробила пуля. Я слишком далеко выставил плечо и был ранен — только и всего.

Первым делом я взглянул на рану. Я ощущал довольно сильную боль, и это позволило мне точно определить место ранения. Я увидел, что пуля прошла через верхнюю часть правой руки, чуть пониже плеча, и дальше скользнула вниз по груди, оставив след на мундире. Из раны широкой струей хлынула кровь. Было еще достаточно светло, и я заметил это.

Я начал расстегивать мундир, чтобы перевязать рану.

Черный Джек уже был около меня; он разорвал на бинты свою рубашку.

Вдруг он с удивлением воскликнул:

— Что это такое, масса Джордж? Выстрел сделан сзади.

— Сзади? — переспросил я, осматривая рану.

У меня самого мелькнуло такое же предположение: я действительно почувствовал, что болит плечо сзади.

Внимательный осмотр раны и разорванной одежды убедил нас в справедливости нашей догадки. И я невольно воскликнул:

— Это верно, Джек! Значит, индейцы подошли к опушке леса с той стороны поляны. Теперь мы погибли!

Мы оба оглянулись.

И в тот же миг, как будто в подтверждение нашей мысли,

вторая пуля, очевидно пущенная с противоположной стороны, с глухим стуком впиалась в ствол дерева, за которым мы стояли на коленях. Не оставалось никаких сомнений, откуда она была пущена. Мы видели вспышку и слышали выстрел.

Куда же девались наши товарищи на той стороне? Неужели они оставили свои посты и позволили подойти индейцам? Неужели они, пренебрегая своим долгом, отправились к пруду утолить жажду? Такова была наша первая мысль. Но, всматриваясь в темноту под тенью сосен, мы никого не увидели около пруда. Это нас удивило. Мы громко окликнули товарищей. Ответа не было, его заглушил дикий вой индейцев. И в ту же минуту мы увидели зрелище, от которого кровь застыла у нас в жилах.

Вблизи от расположения индейцев, как раз напротив того места, где стояли мы с Джеком, внезапно, как из-под земли, вырвалось яркое пламя и взметнулось вверх. Оно поднималось рывками все выше и выше, пока не достигло вершин деревьев. Похоже было, что вспыхнуло большое количество пороха, подожженного на земле. Так оно в действительности и оказалось. Индейцы пытались поджечь лес.

Их попытка почти мгновенно увенчалась успехом. Как только язык пламени достигал засохших игл сосен, они вспыхивали, как трут, с быстротой выпущенных ракет.

Пламя разгоралось, ширилось и уже плясало над кронами самых высоких деревьев.

Мы оглянулись — и повсюду наш глаз видел одну и ту же картину. Дикий вой индейцев был сигналом к началу огненной осады. Пламя приближалось к нам со всех сторон. Огонь охватывал деревья, как сухую траву, и длинными языками вздымался к небу. Поляна была охвачена стеной пламени, алого, гигантского, ревущего... Весь лес был в огне!

Нас окружали клубы дыма, с каждой минутой он становился все гуще и гуще. Жара была уже невыносимой, и мы почти задохались.

Мы смотрели прямо в лицо смерти. Отчаянные крики людей заглушались ревом бушующего огня. Невозможно было расслышать голос даже ближайшего товарища. Но мысли каждого можно было прочесть на лице, ибо, несмотря на дымовую завесу, поляна была озарена ярким светом и мы могли видеть друг друга с какой-то неестественной отчетливостью. На всех лицах, освещенных пожаром, ясно читались

ужас и отчаяние. Но я уже ничего не чувствовал. Совершенно обессилев от потери крови, я хотел было отступить от дерева на открытое место, видя, что так сделали другие. Но едва я успел отойти на два шага, как ноги подкосились и я без сознания рухнул на землю.

Глава LXXXVII СУД СРЕДИ ПЛАМЕНИ

Падая, я подумал, что настал мой конец, что через несколько минут меня охватит пламя и я погибну мучительной смертью.

Эта мысль исторгла из моей груди слабый стон, и я потерял сознание. Я не ощущал ничего, словно был уже мертв. Если бы в эту минуту меня охватило пламя, я бы этого даже не ощутил; мог бы сгореть, превратиться в золу, не почувствовав никакой боли.

Я лежал в беспамятстве — ни образы, ни видения не витали передо мной. Мне казалось, что моя душа уже покинула свое земное жилище.

Но мне еще можно было вернуть жизнь. И, к счастью, под рукой нашлось спасительное средство.

Когда я пришел в себя, я прежде всего почувствовал, что лежу по горло в воде, прислонившись головой к берегу. Около меня на коленях, также наполовину погруженный в воду, стоял мой верный Черный Джек. Он щупал мне пульс и с тревогой вглядывался в мое лицо.

Когда же сознание начало возвращаться ко мне и я наконец открыл глаза, он радостно вскрикнул:

— Боже ты мой, масса Джордж, да вы живы! Слава создателю, вы живы! Держитесь бодрее, масса, вы сумеете... ну конечно, вы сумеете справиться с этим делом!

— Надеюсь, Джек, — отвечал я едва слышно.

Но как ни был слаб мой голос, это привело моего верного слугу в несказанный восторг, и он продолжал ликовать, испуская радостные восклицания.

Мне удалось приподнять голову, и я осмотрелся вокруг. Страшная картина представилась моим глазам, а света, чтобы как следует рассмотреть ее, было более чем достаточно.

Пламя, охватившее лес, продолжало бушевать с не-

истовым ревом; стоял оглушительный грохот, похожий на гром или шум урагана, в который иногда врываются шипящие ноты и резкий треск, напоминавший стрельбу из мушкетов, — как будто стрелял целый взвод. Казалось, что это снова открыли огонь индейцы, но это было невероятно. Они, по-видимому, давно уже отступили перед все расширяющимся кольцом всепожирающего пламени.

Но теперь стало как будто меньше пламени и дыма. Сухая листва и хвоя обратились в золу, а ветки падали на землю и лежали в густом слое тлеющих углей.

Над ними поднимались высокие стволы, лишенные ветвей и охваченные огнем. Хрупкая кора быстро разгоралась, а густая смола пылала ярким пламенем. Многие деревья прогорели почти насквозь и казались огромными железными колоннами, раскаленными докрасна. Это походило на сцену в аду.

Жара стояла нестерпимая. Воздух дрожал от движения раскаленных слоев. Даже волосы на голове у меня оказались опаленными. На коже от ожогов вздулись пузыри. Воздух, который я вдыхал, напоминал пар, вылетающий из клапана паровой машины.

Я инстинктивно оглянулся кругом, ища своих товарищей. Человек двенадцать находились возле пруда, но это были далеко не все. Ведь нас было около пятидесяти... Где же остальные? Неужели они погибли в пламени? Где они?

Машинально я задал этот вопрос Джеку.

— Вон там, — отвечал он, указывая на воду. — Живы, здоровы и, кажется, все целы-целехоньки.

Я взглянул на пруд и увидел десятка три каких-то странных шаров. Это были головы моих товарищей. Как и я, они лежали по горло в воде и этим спасались от нестерпимой жары.

Но другие, там, на берегу, — почему они тоже не воспользовались этой остроумной уловкой? Почему они оставались в этой раскаленной атмосфере, задыхаясь от дыма? Тем временем дым начал рассеиваться, и очертания людских фигур стали яснее. Но они, как в тумане, приняли гигантские размеры, и такими же огромными казались их винтовки.

Казалось, что они о чем-то возбужденно спорили. Среди них я узнал главных участников нашего отряда: Хикмэна, Уэзерфорда и других. Хикмэн и Уэзерфорд — оба яростно жестикулировали, и я не нашел в этом ничего удивительного: несомненно, они обсуждали, как действовать дальше.

Так я подумал в первый момент, но, взглядевшись внимательно, я понял, что ошибся.

Это было не обсуждение плана будущих действий. В минуты затишья, между двумя залпами трескавшихся сосен, я мог различить их голоса. И убедился, что у них шел ожесточенный спор. У Хикмэна и Уэзерфорда время от времени вырывались негодующие восклицания.

В это мгновение среди дыма, который внезапно рассеялся, я увидел еще одну группу людей, несколько дальше от пруда. В этой группе было шесть человек, разбившихся на две части, по трое. Среднего крепко держали двое. Очевидно, это были пленные.

Неужели это индейцы? Два врага, которые среди хаоса пламени и дыма помчались неведь куда через поляну и были захвачены в плен?

Так я подумал сначала. Но в этот момент язык пламени, метнувшийся ввысь до самых вершин деревьев, озарил поляну потоком ослепительного света. Всю группу можно было видеть ясно как днем. Я больше не сомневался в том, кто были эти пленники. Я видел их бледные, искаженные от ужаса лица. Даже багровое пламя не могло придать им алый оттенок. Я сразу узнал этих людей: это были Спенс и Уильямс.

Глава LXXXVIII **БЫСТРАЯ РАСПРАВА**

Я обратился к негру за разъяснениями, но, прежде чем он успел ответить, я уже сам сообразил, в чем дело. Мое собственное состояние подсказывало мне правильный ответ. Я вспомнил, что пуля, ранившая меня, и другая, засевшая в стволе дерева, были выпущены сзади. Я думал, что этим мы обязаны дикарям. Но нет! Худшие злодеи — Спенс и Уильямс — выпустили эти пули!

Ужас охватывал при этой мысли. Что же это за загадка? Тут я вспомнил события предыдущей ночи: поведение этих двух молодых в лесу, подозрительные намеки старого Хикмэна и его товарища; и другие, более давние события, врезавшиеся в память, ясно встали передо мной.

Опять здесь приложил руку Аренс Ринггольд! Боже ты мой, подумать только, что это архичудовище...

— Они допрашивают двух негодяев, — сказал Джек. — Вот и все!

— Кого? — спросил я машинально, хотя уже знал, о ком шла речь.

— Масса Джордж, разве вы не видите их? Черт побери! Они белые, как облупленная гнилушка. Это ведь Спенс и Уильямс. Это они стреляли в вас, а вовсе не индейцы. Я сразу догадался и сказал масса Хикмэну. А масса Хикмэн сказал, что он и сам это видел. И масса Уэзерфорд тоже видел. Они видели, как те стреляли. Теперь они допрашивают их перед казнью — вот что они делают!

С каким-то странным интересом я снова взглянул на эту группу.

Огонь шумел уже не так сильно, смола почти вся сгорела, и легкие взрывы слышались гораздо реже. Голоса ясно доносились ко мне с поляны. Я внимательно вслушивался в импровизированный судебный процесс. Там возник спор: судьи не пришли к единогласному решению. Одни требовали немедленной казни, другие возражали против такой быстрой расправы. Они считали, что для дальнейшего расследования пока нужно сохранить преступникам жизнь.

Некоторые даже отказались верить в такое неслыханное преступление: уж слишком чудовищным и неправдоподобным оно казалось. Какие мотивы руководили ими? Как обвиняемые могли решиться на подобное злодеяние, когда их собственная жизнь была в непосредственной опасности?

— Ничуть не в опасности! — воскликнул Хикмэн, отвечая на вопросы товарищей. — Да они за весь день не выпустили ни одного заряда! Говорю вам, что между ними и индейцами заключено соглашение. Они были шпионами. Их вчерашние предательские выстрелы — лучшее доказательство этому. Это все чушь, обман, будто они заблудились! Это они-то заблудились? Да они знают этот лес лучше, чем любой зверь. Они здесь побывали сотни раз, даже слишком часто. Фу-ты, черт! Разве вы когда-нибудь слышали о заблудившемся еноте?

Кто-то стал возражать ему. Я не слышал слов, но голос охотника снова зазвучал ясно и отчетливо:

— Вы тут болтаете об их «мотивах». Я полагаю, вы имеете в виду причины, которые толкнули их на такое кровавое дело. Ладно, я и сам не совсем их понимаю, но кое-что подозреваю. За последние пять лет я много слышал о темных делишках этих молодчиков. Но говорю вам, ребята, что по-

следний поступок превзошел все, что можно было бы себе представить.

— Уверены ли вы, что действительно видели вспышку огня в этом направлении?

Этот вопрос был задан высоким пожилым человеком сурового и благообразного вида. Я узнал в нем одного из наших соседей, богатого плантатора и хорошего знакомого моего дяди. Как друг нашей семьи он считал необходимым присоединиться к нашему походу.

— Конечно,— ответил Хикмэн.— Разве мы с Джимом не видели всего этого собственными глазами? Мы за этими гадами наблюдали весь день. Мы уверены были, что они замышляют какую-нибудь пакость. Мы видели, как они стреляли через поляну и целились в молодого Рэндольфа. Да и негр видел это. Каких еще доказательств вам нужно?

В эту минуту над моим ухом раздался голос Джека.

— Масса Хикмэн,— закричал он,— если нужно еще доказательство, так негр может его дать! Одна из пуль пролетела мимо массы Джорджа и попала в дерево, в шелковицу, за которой мы стояли. Оно еще не сгорело. Джентльмены, я думаю, что вы найдете пулю. Тогда можно будет узнать, к какому ружью она подойдет.

Это предложение было немедленно принято. Несколько человек кинулись к дереву, около которого мы стояли с Джеком. Оно почему-то не загорелось, его обугленный, черный ствол все еще высился в самом центре пожарища. Джек побежал и указал точное место. Обследовали кору, нашли отверстие от пули, и свинцовый свидетель был осторожно извлечен. Пуля еще сохранила свою круглую форму и лишь слегка была поцарапана нарезками в дуле. Эта пуля годилась только для винтовки большого калибра. Все знали, что такое ружье было у Спенса. Принесли ружья всего отряда и стали поочередно примерять пулю. Она не входила ни в какую другую винтовку, кроме винтовки Спенса.

Вина была доказана. Приговор вынесли незамедлительно: все единодушно решили, что преступники должны умереть.

— Собаке — собачья смерть! — сурово произнес Хикмэн, негодуя возвысив голос и поднимая ружье.— Джим Уэзерфорд, бери их на прицел!.. А вы, ребята, отойдите прочь. Мы дадим им еще один шанс сохранить их проклятую жизнь. Пусть, если хотят, бегут к тем деревьям, а то очутятся в еще более жарком месте... Да отпустите же их,

отпустите, говорю я вам, или, черт вас всех раздери, я буду стрелять в самую середину толпы!

Видя угрожающую позу охотника и боясь, что он и вправду начнет стрелять, те, кто держал преступников, бросили их и подбежали к судьям.

Негодяи, по-видимому, были совершенно ошеломлены. Ужас отражался на их лицах, они не могли произнести ни слова, не могли сделать ни шагу, они как будто были прикованы к месту. Ни один из них не сделал попытки бежать. Вероятно, абсолютная невозможность такой попытки была очевидна им самим и убивала в них всякую волю к действию. Они не могли спастись бегством с поляны. Предложение удрать в чащу леса было только язвительной насмешкой со стороны рассвирепевшего охотника. Бежать было некуда: в десять секунд они изжарились бы среди пылающих стволов и ветвей.

На минуту все затаили дыхание. В тишине был слышен только один голос — голос Хикмэна:

— Джим, Спенса поручаю тебе, а другого беру на себя.

Эти слова были сказаны почти шепотом. Едва охотник произнес их, как одновременно прогремели два выстрела.

Когда дым рассеялся, перед взорами всех предстала картина расстрела. Казнь была совершена. Презренные изменники прекратили свое земное существование.

Глава LXXXIX

НЕОЖИДАННЫЙ ВРАГ

Как в театре после волнующей мелодрамы иногда ставится водевиль, так и за этой трагической сценой последовала сцена в высшей степени нелепая и комическая. Она вызвала у всех нас смех, который при данных обстоятельствах скорее всего походил на смех сумасшедших. Действительно, нас можно было принять за маньяков, которые предавались бурному веселью, хотя будущее наше было мрачным и угрюмым — нас ожидала почти верная смерть от руки дикарей или от голода.

Индейцев в этот момент мы, пожалуй, не боялись. Пламя, которое выгнало нас из леса, заставило и их покинуть свои позиции, и мы знали, что теперь они далеко. Опаленные ветки свалились с сосен, хвоя совершенно сгорела, и лес

просматривался на огромном расстоянии. Через просветы между алыми тлеющими стволами открывалась перспектива чуть ли не на тысячу ярдов вперед. По шипенью пламени и непрерывному треску ветвей мы могли догадаться, что уже и другие деревья были охвачены пламенем.

Этот треск все отдалялся от нас и напоминал слабые раскаты отдаленного грома. Сначала можно было подумать, что пожар прекращается. Но багровый отблеск над лесом, наоборот, свидетельствовал о том, что пламя продолжает распространяться. Шум и треск слышались слабее потому, что доносились к нам издали. Наши враги, вероятно, ушли еще дальше, за пределы зоны пожара. Они скрылись из леса, как только подожгли его, и теперь, должно быть, ожидали в саванне результатов своей деятельности.

С какой целью они подожгли лес — нам было не совсем ясно. Может быть, они надеялись, что пламя охватит весь лес и мы сгорим заживо или задохнемся в дыму. Так оно и случилось бы, если бы поблизости не оказался пруд. Мои товарищи говорили, что дым причинил им страшные мучения. Они задохнулись бы, если бы не бросились в пруд и не высунули головы из воды, уровень которой был на несколько футов ниже уровня земли. Это произошло, когда я лежал без сознания. Мой верный негр притащил меня из леса и опустил в воду, где были все наши товарищи. Он думал, что я уже умер.

Позднее, когда дым немного рассеялся, начался суд над изменниками. Беспощадный приговор был приведен в исполнение, и бывшие судьи снова кинулись в воду, чтобы спастись от невыносимой жары.

Только двое, казалось, не чувствовали жары и остались на берегу. Это были Хикмэн и Уэзерфорд.

Я увидел, как они с ножами в руках нагнулись над каким-то темным предметом. Это была лошадь, которую утром пристрелил Хикмэн. Теперь я понял, почему он ее убил: он еще раз доказал свою инстинктивную предусмотрительность, которая была его отличительной чертой.

Охотники сняли с лошади кожу и вырезали несколько кусков мяса. Затем Уэзерфорд пошел к горящим деревьям, быстро собрал несколько пылающих головней, притащил их к пруду и развел костер. Хикмэн и Уэзерфорд, усевшись на корточках, начали жарить куски конины на вертелах, сделанных из сучьев молодых деревьев. При этом они бесе-

довали так весело и хладнокровно, как будто сидели у камелька в своих собственных хижинах.

Прочие голодающие немедленно последовали примеру охотников. Муки голода одолели страх перед бушующим пламенем. Через несколько минут десятки людей, как коршуны, набросились на убитую лошадь, рубя и кромсая на куски ее тушу.

Здесь-то и произошел комический эпизод, о котором я упомянул выше. Все мы оставались в пруду, кроме тех, кто был занят варварской стряпней. Мы лежали рядом в воде у берега круглого водоема и никак не думали, что кто-нибудь может нас теперь потревожить. Мы больше не боялись огня, а индейцы были от нас далеко.

Вдруг возле нас появился новый враг. Из самой середины пруда, где было глубже всего, поднялась какая-то чудовищная масса. В тот же момент до нашего слуха донесся громкий рев, как будто на поляну выпустили целое стадо буйволов. Вода мгновенно взволновалась, вспенилась, и целый фонтан брызг обрушился нам на голову.

Хотя это появление было внезапным и фантастическим, в нем все-таки не было ничего таинственного. Огромное, отвратительное туловище, идущий из самой утробы рев, похожий на мычанье быка,— все это было нам хорошо знакомо. Это был всего-навсего аллигатор.

Вероятно, мы не обратили бы на него особенного внимания, если бы он не отличался огромными размерами. Его длина почти равнялась диаметру пруда, а в разинутой пасти виднелись страшные зубы. Он мог проглотить любого из нас одним глотком. Его рев внушал ужас даже самым смелым.

Сначала зверь буквально ошеломил нас. Испуганные взоры тех, кто укрылся от пламени в воде, суматоха, растерянность, неуклюжие попытки выбраться из воды, паника на берегу, где каждый сломя голову бросился бежать куда попало,— это было поистине смешное зрелище.

Не прошло и десяти секунд, как огромный аллигатор стал полным властителем пруда. Он продолжал реветь, колотя по воде хвостом и как бы торжествуя при виде нашего отступления.

Однако торжествовать ему пришлось недолго. Охотники взялись за винтовки, и десяток пуль сразу прикончил страшного зверя. Те, кто был на берегу, уже давились от смеха, глядя на испуганных беглецов. И сами беглецы,

оправившись от страха, вместе с остальными хохотали на весь лес. Если бы индейцы слышали нас в этот момент, они вообразили бы, что мы сошли с ума или, что еще более вероятно, мы уже погибли, а наши голоса — это голоса их умерших друзей, которые во главе с великим духом Уикомэ ликуют при виде страшной картины человеческих жертв, обреченных на сожжение.

Глава ХС

СТОЛКНОВЕНИЕ В ТЕМНОТЕ

Лес продолжал гореть всю ночь, весь следующий день и еще одну ночь. Даже на третий день многие деревья все еще горели. Только теперь они уже не пылали — так как стояла тихая погода и пламя не взвивалось бурными языками, — а тихо тлели. Во многих деревьях огонь тлел где-то внутри, постепенно угасая. Кое-где огонь совсем погас; обугленные стволы уже ничем не напоминали деревья, которые торчали, как высокие остроконечные пики, черные, обожженные, словно обильно смазанные дегтем. Хотя часть леса и выгорела, выбраться из него пока что было довольно трудно. Мы все еще находились в осаде. Огненная стихия, окружавшая поляну, замыкала нас в узкие границы этого пространства, словно враждебная армия, в двадцать раз превышавшая нас числом. Ни о каких подкреплениях не могло быть и речи. Даже враги не могли снять с нас эту осаду.

Дальновидность старого охотника оказала нам большую услугу. Если бы у нас не было лошади, мы страшно страдали бы от голода. Четыре дня мы питались только семенами сосновых шишек. Конина пришлась очень кстати. Но мы все еще были замкнуты в огненном кольце. У нас был только один выход: оставаться на месте до тех пор, «пока лес не остынет», как выразился Хикмэн.

Мы надеялись, что через день уже сможем безопасно пройти по остывшему пеплу между обуглившимися стволами. Но от этого наше будущее не становилось менее мрачным. Если страх перед огнем уменьшался, то соответственно возрастал страх перед жестоким врагом.

Вряд ли мы сможем выбраться из леса, не повстречавшись с индейцами. Они, конечно, так же как и мы, ожидали той минуты, когда можно будет войти в лес. Избежать во-

оруженного столкновения было невозможно. Мы должны были прорваться через вражеский строй!

Но теперь все мы ожесточились и стали храбрее. Самые робкие вдруг преисполнились отваги, и ни один не подал голоса за то, чтобы скрыться или отступить назад. На жизнь или на смерть, но мы решили идти все вместе, прорваться через неприятельскую цепь и победить или умереть. Это был наш старый план, с весьма незначительными изменениями.

Мы ждали только ночи, чтобы привести его в исполнение. Вряд ли можно было надеяться на то, что лес уже совершенно остынет, но голод снова начинал напоминать о себе. Лошадь мы уже съели — ведь она была не бог весть какая большая. Нелегко ублаготворить пятьдесят голодных желудков. От лошади остались только кости, обглоданные дочиста, а те, в которых нашелся костный мозг, были разломаны на куски и высосаны до последней капли. Даже от омерзительного пресмыкающегося остался только один скелет.

Ужасное зрелище представляли собой тела двух казненных преступников. От жары они раздулись до огромных размеров. Началось разложение. Воздух был насыщен отвратительными миазмами...

Тела наших павших в бою товарищей были преданы земле. Говорили, что то же самое следовало бы сделать и с казненными. Никто не возражал против этого, но и никто не хотел рыть им могилу. В таких случаях людей обычно охватывает непреодолимая апатия: главным образом поэтому тела двух изменников так и остались непохороненными.

Не сводя взоров с запада, мы с нетерпением ожидали захода солнца. Пока огненный шар еще плыл по небу, мы могли только гадать о размерах пожара. Но мы надеялись, что ночью сумеем определить точнее, какая часть леса горит и куда нам надлежит двигаться: само пламя поможет нам спастись от пожара.

Когда наступили сумерки, нетерпение наше достигло предела, и вместе с тем воскресла надежда. Потрескивание сухих, обугленных стволов почти прекратилось, и дым еле заметно поднимался вверх. Мы надеялись, что пожар заканчивается и наступает время, когда мы сможем пересечь опасную зону.

Скоро еще одно неожиданное обстоятельство превратило нашу надежду почти в уверенность. Пока мы ждали, начал накрапывать дождь. Сначала с неба падали отдельные

крупные капли, но через несколько минут пошел такой ливень, как будто разверзлись все хляби небесные. Мы радостно приветствовали этот ливень: он был для нас добрым предзнаменованием. Нам едва удалось удержать нетерпеливых юнцов, которые сразу хотели броситься в лес. Но благоразумие победило, и в непроницаемой тьме мы продолжали ждать.

По-прежнему шел проливной дождь, и тучи, окутавшие небо, как бы ускоряли наступление ночи. Когда совершенно стемнело, ни одна искра света не мерцала между деревьями.

— Уже достаточно темно, — настаивали самые нетерпеливые.

Наконец мы все двинулись вперед, в черное пространство уничтоженного пожаром леса. Мы шли в полном молчании, держа ружья наготове. В одной руке я нес ружье, а другую держал на перевязи.

Не я один был так искалечен — многие из моих товарищей оказались ранеными в руку. Впереди шли самые сильные. Возглавляли отряд два охотника, а раненые плелись сзади.

Дождь не переставал лить, и мы промокли до костей. Над нами уже не было листьев и хвои, чтобы защитить нас от дождя. Когда мы проходили под обгорелыми ветвями, на нас сверху сыпался черный пепел, но потоки воды сейчас же смывали его с наших лиц. Большинство из нас шли с обнаженной головой. Сняв фуражки, мы укрыли ими затворы винтовок, чтобы сохранить их сухими. Некоторые завернули пороховую затравку в подкладку своих курток.

Так мы прошли около полумили. Мы и сами не знали, куда идем. В таком лесу никакой проводник не смог бы отыскать дорогу. Мы только старались идти прямо и не попасть в лапы к противнику.

До сих пор нам сопутствовало счастье, и мы уже начинали надеяться, что все обойдется благополучно. Но, увы, это была недолгая радость. Мы недооценивали силу и хитрость наших врагов — индейцев.

Как выяснилось впоследствии, они все время наблюдали за нами, следили за каждым нашим шагом и шли по обе стороны от нас двумя параллельными рядами. Нам казалось, что мы в полной безопасности от индейцев, а на самом деле мы находились между ними.

Вдруг сквозь потоки ливня блеснул огонь из сотен

винтовок и кругом засвистели пули... Это были первые признаки близости врага.

Несколько человек из нашего отряда были убиты на месте, другие начали отстреливаться, кое-кто пытался спасти свою жизнь бегством.

Индейцы с громкими криками окружили нас со всех сторон. В темноте казалось, что их больше, чем деревьев в лесу. Слышались только редкие выстрелы из пистолетов. Никто уже больше не заряжал винтовок. Неприятель окружил нас, прежде чем мы успели вложить заряд. Теперь решить битву должны были ножи и томагавки.

Это была короткая, но кровопролитная схватка. Немало наших храбрецов нашли здесь свою смерть. Но каждый из них, прежде чем пал, уложил хотя бы одного врага, а многие — даже двоих или троих.

Вскоре нас разгромили. Да иначе и быть не могло при пятикратном превосходстве врагов. Все они были крепкие и свежие, а мы — измучены и истощены голодом. К тому же многие из нас были ранены. Какого же иного исхода можно было ожидать?

Я почти ничего не смог рассмотреть в этой схватке. Да и вряд ли кто-нибудь видел больше меня: борьба шла чуть ли не в полной темноте.

Я мог действовать только левой рукой и был почти беспомощен. Я наугад выстрелил из винтовки, и мне удалось вытащить пистолет. Но в этот момент удар томагавка заставил меня выронить оружие из рук, и я, потеряв сознание, упал на землю.

Удар только ошеломил меня. Когда я пришел в себя, я убедился, что бой кончен. Несмотря на мрак, я разглядел рядом с собой какие-то темные груды — это были тела убитых.

Здесь лежали и мои друзья и мои враги. Многие из них крепко обхватили друг друга в последнем объятии. Индейцы нагибались над ними и разнимали их. Над белыми они совершали свой отвратительный ритуал мести — снимали с них скальпы.

Невдалеке от меня стояла группа людей. Человек, находившийся в центре, был, по-видимому, начальником. В темноте я разглядел три колеблющихся страусовых пера у него на голове. Опять Оцеола!

Я не мог распоряжаться собой, а то сразу кинулся бы на него, даже сознавая всю бессмысленность этой попытки. Два

дикаря стояли около меня на коленях и держали, чтобы я не убежал.

Неподалеку я увидел своего верного негра, еще живого и тоже в руках двух индейцев. Почему же они не убили нас?

От группы, столпившейся вокруг предводителя, отделился человек и подошел ко мне. Оказалось, что это не вождь со страусовыми перьями, а его посланец. В руке он держал пистолет. Я понял, что наступил мой последний час.

Он нагнулся и поднес пистолет к моему уху. Но, к моему удивлению, человек выстрелил в воздух.

Я решил, что он промахнулся и сейчас же снова выстрелит. Но я ошибся: очевидно, ему необходим был свет.

При вспышке выстрела я взглянул ему в лицо. Это был индеец. Мне показалось, что я где-то раньше видел его. Очевидно, и индеец знал меня.

Он быстро отошел и приблизился к месту, где лежал пленный Джек. У пистолета, должно быть, было два дула. Я слышал, как индеец снова выстрелил, склонившись над распростертым телом негра.

Затем индеец поднялся и крикнул:

— Это они! И оба живы!

По-видимому, эта весть предназначалась для вождя в уборе из черных перьев. Услышав слова индейца, вождь что-то воскликнул — я не понял, что именно, — и отошел в сторону.

Его голос произвел на меня странное впечатление, он показался мне не похожим на голос Оцеолы. Мы недолго оставались на этом месте. Привели лошадей, нас с Джеком подняли и крепко привязали к седлам. Затем был дан сигнал к отправлению, и мы тронулись в путь через лес. По обеим сторонам, охраняя нас, ехали всадники-индейцы.

Г л а в а Х С I

Т Р И Ч Е Р Н Ы Х П Е Р А

Мы ехали всю ночь. Сожженный лес остался далеко позади. Мы пересекли саванну и вступили в другой лес — из гигантских дубов, пальм и магнолий. Я узнал это по запаху цветов магнолии. Их тонкий и освежающий аромат было приятно вдыхать после отравленной атмосферы, которой мы дышали до сих пор.

На рассвете мы выехали на поляну, где наши противники сделали привал.

Это была небольшая поляна, всего несколько акров в длину и ширину, окруженная со всех сторон тесными рядами пальм, магнолий и дубов. Их листва склонялась почти до земли, так что поляна казалась огражденной огромной и непроницаемой зеленой стеной.

При тусклом свете утра мне удалось рассмотреть лагерь индейцев. Тут были разбиты две или три палатки, рядом с ними привязаны лошади; вокруг стояли и лежали в траве несколько человек, тесно прижавшись друг к другу — очевидно, для того, чтобы согреться. Посреди поляны пылал большой костер. Вокруг него также толпились мужчины и женщины.

Нас приволокли на край лагеря. Времени для наблюдений у нас было немного, так как сразу же после прибытия нас грубо стащили с лошадей и швырнули в траву. Затем нас, связанных по рукам и ногам, растянули на спине, как две шкуры, разостланные для просушки, и крепко привязали к колышкам, вбитым в землю.

В таком положении мы, разумеется, уже не могли видеть ни лагеря, ни деревьев, ни даже земли. Мы только видели над собой голубое небо.

При любых обстоятельствах такое положение было бы мучительно. Раненая рука делала его просто невыносимым. Вокруг нас собралось почти все население лагеря. Мужчины еще раньше вышли встречать нас, а теперь женщины столпились вокруг наших распростертых тел. Среди них попадались индейские скво, но, к моему удивлению, большинство женщин были родом из Африки — мулатки, самбо и негритянки.

Они теснились вокруг нас, дразнили нас и издевались над нами. Некоторые даже мучили нас: плевали нам в лицо, вырывали волосы и втыкали в тело шипы. При этом они все время вопили в каком-то дьявольском восторге и болтали на непонятном жаргоне, который показался мне смесью испанского и языка ямасси. С Джеком обращались не лучше, чем со мной. Одинаковый цвет кожи не вызывал никакого сочувствия у этих дьяволиц в юбках: и черный и белый равно были жертвами их адской ярости.

Часть слов их жаргона мне удалось разобрать. Благодаря знакомству с испанским языком я наконец уразумел, что они собирались делать с нами.

То, что я узнал, было довольно безотрадно: нас привезли в лагерь, чтобы подвергнуть пытке. По-видимому, те мучения, которые мы перенесли до сих пор, казались им недостаточными и впереди нас ждали еще бóльшие. Нашу казнь собирались превратить в зрелище для свирепой толпы, и эти ведьмы ликовали, предвкушая наслаждение, которое им должны были доставить наши страдания. Поэтому нас не убили тут же на месте, а взяли в плен.

В чьи же страшные лапы мы попали? Неужели это были человеческие существа? Неужели это были индейцы? Неужели это были семинолы, до сих пор никогда не пытавшие своих пленников?

Как бы в ответ на мой вопрос вокруг нас раздались дикие крики. Все голоса слились в один клич, в одни и те же слова: — Мулатто-мико! Мулатто-мико! Да здравствует Мулатто-мико!

Топот копыт возвестил о прибытии конного отряда. Это были те, кто участвовал в бою, кто одолел нас и взял в плен. В ночном походе с нами находилось только несколько воинов охраны, и они доставили нас в лагерь. Вновь прибывшие оказались воинами главного отряда войск, которые оставались на поле битвы, чтобы завершить сбор трофеев и ограбление павших врагов.

Я не мог видеть их, хотя они были совсем близко; я слышал только топот их лошадей. Я лежал и слушал эти многозначительные слова:

— Мулатто-мико! Да здравствует Мулатто-мико!

Мне было хорошо известно прозвище «Мулатто-мико», и я внимал этим крикам с ужасом и отвращением. Мои опасения достигли теперь высшего предела. Меня ждала ужасная судьба. Если бы рядом со мной очутился сейчас сам дьявол, вряд ли эта мысль могла бы быть более утешительной. Мой товарищ по плену разделял все мои опасения. Мы лежали рядом и могли переговариваться между собой. Сравнив наши предположения, мы обнаружили, что они полностью совпадают.

Вскоре у нас уже не оставалось никаких сомнений. Над нашими ушами прозвучало приказание, отданное грубым голосом. Оно заставило женщин разбежаться в разные стороны. Сзади раздались тяжелые шаги, и прямо передо мной остановился человек. В следующее мгновение его тень упала на мое лицо. Я увидел, что передо мною стоит сам Желтый Джек!

Несмотря на краску, скрывавшую естественный цвет его лица, несмотря на вышитую бисером рубашку, пояс и узорчатые штаны, несмотря на три черных пера, качавшихся над его головой, я сразу узнал мулата.

Глава XIII

ЗАКОПАНЫ И СОЖЖЕНЫ

Мы оба уже были готовы к встрече с ним. Общий крик «Мулатто-мико» и затем голос, который мы услышали, предупредили нас об этой встрече. Мне казалось, что при одном взгляде на него я содрогнусь от ужаса. Но, как ни странно, произошло обратное. Я вовсе не испугался, а, напротив, почувствовал нечто похожее на радость при виде этих трех черных перьев над его хмурым лицом.

Я не слышал его злобных насмешек, не замечал его гневных взглядов. Я не спускал глаз со страусовых перьев. Они были путеводной звездой всех моих мыслей. То, что они находились на уборе короля-мулата, разъясняло многие тайны. Ложные подозрения были вырваны из моей груди. Спаситель и герой, которым я восхищался, не был изменником. Оцеола не был изменником! Думая об этом, я почти забыл об угрожавшей мне опасности. Но голос мулата снова вернул меня в реальный мир.

— Черт вас возьми! — закричал он, и в его голосе слышалось злобное торжество. — Наконец-то я отомщу! И обоим сразу, черному и белому, господину и рабу, моему мучителю и моему сопернику! Ха-ха-ха! Они привязали меня к дереву, — продолжал он с хриплым смехом, — и хотели сжечь, сжечь живьем! Но теперь настала ваша очередь! Деревьев здесь хватит. Но нет, у меня другой план. Черт побери, да! Гораздо лучший план. От костра пленники иногда убегают. Ха-ха-ха! Нет, прежде чем сжечь вас, мы вам кое-что покажем... Эй, вы, — обратился он к своим людям, — развяжите им руки, поднимите их обоих и посадите лицом к палаткам... Достаточно, достаточно, так, хорошо.. Ну, белый мерзавец и черный мерзавец, смотрите! Что вы там видите?

По его приказанию несколько человек вынули из земли колышки, отвязали наши руки, приподняли нас и посадили лицом к лагерю.

Уже совсем рассвело, и солнце ярко светило. Мы ясно видели лагерь, палатки, лошадей и пеструю толпу людей.

Но мы смотрели не туда. Только две фигуры приковали все наше внимание: это были моя сестра и Виола. Они опять застыли в той же позе, как и тогда, когда я увидел их первый раз ночью. Виола сидела с опущенной головой, а Виргиния положила ей голову на колени.

Волосы у обеих были распущены, и черные косы сплетались с золотыми локонами. Вокруг стояла охрана. Девушки, по-видимому, не замечали, что мы здесь.

Вскоре предводитель послал одного из своих слуг, чтобы сообщить пленницам о нас. Мы видели, как они вздрогнули, когда посланный подошел к ним. Глаза их обратились в нашу сторону. Раздался пронзительный крик. Они нас узнали.

Обе девушки закричали вместе. Сестра назвала меня по имени. Я ей ответил. Она вскочила, отчаянно всплеснула руками и пыталась броситься ко мне. Но стражи схватили ее и грубо оттащили в сторону. О, это было страшное зрелище! Мне легче было бы, вероятно, умереть!

Дальше нам смотреть не дали. Нас снова опрокинули на спину и привязали к колышкам. Мулат стоял над нами, осыпая нас презрительными прозвищами. Но, что еще хуже, он позволял себе мерзкие намеки на сестру и Виолу. О, как ужасно было мне выслушивать все это! Если бы нам в уши влили расплавленный свинец, мы, вероятно, не испытывали бы таких мучений.

Для нас было почти облегчением, когда он замолчал. Начались приготовления к казни. Нам была уготована какая-то ужасная смерть, но какая именно, мы еще не знали.

Мы недолго оставались в неведении. Туда, где мы лежали, подошли несколько человек с лопатами и кирками в руках. Это были негры — старые работники с плантаций; они знали, как обращаться с этими орудиями. Негры остановились около нас и начали копать яму. О, боже, неужели нас закопают живыми? Эта мысль первой мелькнула у нас. Она была ужасна, но оказалась ложной. Чудовище готовило нам еще более страшную смерть.

Молча, с серьезным и торжественным видом могильщиков негры продолжали работать. Мулат стоял рядом и давал указания. Он был полон неудержимого веселья, то издеваясь над нами, то хвастаясь тем, какое искусство он проявит, выступив в роли палача. Женщины и воины, собравшиеся

кругом, смеялись над его остроумиями и сами иногда пытались внести свой вклад в это зловещее остроумие, после чего раздавались взрывы демонического смеха. Мы легко могли представить себе, что находимся в аду, среди гримасничающих дьяволов, которые каждую минуту наклонялись над нами и ухмылялись нам прямо в лицо, как будто находили особое удовольствие в наших мучениях.

Мы заметили, что между ними мало семинолов. Здесь были индейцы с почти черным цветом кожи. Они принадлежали к племени ямасси, некогда покоренному семинолами и растворившемуся среди них. Большинство присутствующих были негры, самбо, мулаты — потомки испанских маронов¹, а также беглые с американских плантаций. Последних было, видимо, очень много, потому что теперь то и дело слышалась английская речь. Несомненно, в этой пестрой толпе были и наши рабы, но они не подходили близко, а я видел только лица тех, кто нагибался ко мне.

Менее чем в полчаса работа могильщиков была окончена. В землю вбили специальные столбы для сожжения на костре, и нас потащили к месту, где они были установлены.

Как только я сумел повернуться, я взглянул туда, где раньше видел сестру и Виолу, но их уже не было. Их увели в палатку или в кусты. Девушек пощадили — им не придется увидеть ужасное зрелище, хотя трудно было предполагать, что злодей удалил их отсюда именно по этой причине.

Перед нами зияли две черные, глубокие ямы. Но это были не могилы. А если это и могилы, то, очевидно, нас собирались похоронить в вертикальном положении. Если необычайной и странной была форма могил, то такой же была и цель, с которой их вырыли. Вскоре все стало ясно.

Нас подвели к краю могилы, схватили за плечи и опустили в землю. Ямы оказались нам как раз по горло. Негры быстро забросали ямы землей и притоптали ее. Теперь на поверхности оставались одни наши головы.

Положение было действительно нелепое. Мы сами могли бы рассмеяться, если бы не знали, что находимся в своих могилах.

Толпа дьяволов с интересом наблюдала за нами, разражаясь по временам взрывами дикого хохота.

¹ Мароны — беглые рабы, сбегавшие с плантаций и жившие в лесах, горах и болотах. Маронов было много на Кубе, Ямайке, Гаити, в Бразилии и в странах Центральной Америки. Они были активными участниками восстаний рабов.

Что же дальше? Пришел ли конец нашим пыткам и нас оставят умирать здесь ужасной, медленной смертью? Голод и жажда вскоре прикончат нас. Но, боже мой, сколько часов будут продолжаться эти страдания? Сколько дней страшных мучений нам суждено еще пережить, прежде чем последняя искра жизни угаснет в нас, — дней ужаса и отчаяния? Но нет, врагам еще и этого было мало.

Такая смерть, какой мы ожидали, казалась еще слишком легкой. Ненависть злодея, который придумал эти пытки, далско не иссякла — у него были еще для нас в запасе иные, более страшные мучения.

— Отлично! — кричал мулат, восторгаясь собственной изобретательностью. — Это лучше, чем привязывать их к дереву. Великолепная мысль, а? Отсюда они не убегут, черт их поберит! Давайте сюда огня!

Огня! Значит, нас еще будут пытать огнем! Мы услышали ужасное, леденящее душу слово. Нам суждено умереть в пламени!

Теперь наш ужас достиг крайних пределов. Что еще могло быть страшнее, когда принесли вязанки хвороста и, как кольцом, окружили ими наши головы, когда принесли факелы и подожгли хворост, когда пламя стало разгораться все ярче и ярче и нестерпимый жар охватил наши головы... Вскоре нашим черепам суждено будет сгореть дотла и превратиться в головешки, как эти разгоревшиеся ветки.

Нет, больше страдать мы уж были не в силах! Мера наших мучений переполнилась, и мы жаждали смерти, которая должна была положить конец нашим мукам. Эти муки усиливались от криков, которые доносились с противоположной стороны лагеря. Даже в этот страшный час мы узнали голоса Виргинии и Виолы. Безжалостное чудовище велело привести их сюда, чтобы они были свидетельницами нашей казни. Мы не видели их, но их дикие и жалобные вопли говорили о том, что ужасная картина предстала перед их глазами.

Все жарче и жарче разгорался огонь, все ближе и ближе подбирались и уже лизали нас языки пламени. Волосы на моей голове начали скручиваться и обгорать.

Все предметы поплыли у меня перед глазами, деревья заколебались и зашатались, весь земной шар закружился с бешеной скоростью.

От страшной боли мой череп, казалось, был готов лопнуть. Мозг как бы ссыхался... Я был почти без сознания...

ДЕМОНЫ ИЛИ АНГЕЛЫ

Неужели я уже умер и терплю муки, уготованные мне в ином мире? Неужели это дьяволы зловеще ухмыляются и лопочут вокруг меня?

Но что это? Они вдруг рассыпались и отступили. Кто-то подошел к нам и отдает им приказания. Неужели это Плутон?¹ Нет, это женщина. Женщина — здесь! Прозерпина?² Если это женщина, она сжалится надо мной.

Напрасная надежда — в аду нет милосердия! О, мой мозг! Какой ужас!

Это две женщины, и взгляды их не враждебны. Это ангелы. Быть может, ангелы милосердия? Да, это они. Вот один из них подходит к огню и поспешно разбрасывает горящий хворост. Кто же она, эта женщина?

Если бы я был жив, я назвал бы ее Хадж-Евой. Но теперь, когда я уже умер, это, должно быть, ее дух.

Рядом с ней еще одна женщина — моложе и красивее. Если существуют ангелы, это самый прекрасный ангел на небесах. Неужели это дух Маюми?

Как попала она в этот ужасный вертеп к дьяволам? Это не место для нее. Она не совершила преступлений, за которые ее могли бы сюда низвергнуть.

Где я? Не сон ли это? Только что я был весь в огне, теперь пылает только мой мозг. Мое тело овевла прохлада. Где я?

Кто ты, склонившаяся надо мной и дарующая мне прохладу? Неужели это ты, Хадж-Ева, безумная королева?

Чьи это нежные пальцы касаются моих висков? О, какое блаженство приносит мне их легкое прикосновение!.. Нагнись, чтобы я мог взглянуть в твое лицо и поблагодарить тебя... Маюми! Маюми!

* * * * *

Я не умер. Я жив. И я спасен. Сама Хадж-Ева, а не дух ее, лила на меня прохладную воду. Сама Маюми смотрела на меня своими прелестными, блестящими глазами. Неудивительно, что я принял этих женщин за ангелов.

¹ Плутон — в древнегреческой мифологии бог подземного мира.

² Прозерпина — у древних римлян богиня подземного мира, супруга Плутона, символ растительных сил.

— Проклятие! — раздался хриплый от бешенства голос.— Уведите прочь этих женщин! Разожгите снова костер!.. Сумасшедшая королева, прочь отсюда! Ступай к своему племени. Это мои пленники! Твой вождь не имеет права... К черту! Нечего тебе мстить в мои дела!.. Разожгите костер!

— Ямасси! — воскликнула Хадж-Ева, обращаясь к индейцам.— Не слушайте его! А не то страшитесь мести Уикомэ! Его дух разгневется и покарает вас. Куда бы вы ни пошли, читта-мико будет всюду преследовать вас! Шум его хвоста будет вечно звучать у вас в ушах! Он будет кусать вас за пятки, когда вы будете в лесу... Скажи, король змей, правду ли я говорю?

Говоря это, Хадж-Ева взяла гремучую змею в руки и держала так, что все могли ее видеть. Змея зашипела и зашумела хвостом, издавая резкий звук: «скирр».

Кто мог сомневаться в том, что это был утвердительный ответ? Кто хотите, только не ямасси. Скванные ужасом, они застыли под взглядом могущественной колдуньи.

— А вы, черные беглецы и изменники, у которых нет бога и которые не боятся Уикомэ, только посмейте снова разжечь костер!.. Посмейте только подбросить в огонь хоть одну хворостинку, и вы сами очутитесь на месте пленников! Сейчас здесь появится тот, кто сильнее вашего желтого чудовища,— ваш вождь!.. Вот он, Восходящее Солнце! Он идет! Он уже близко!

Она умолкла, и в ту же минуту из леса донесся лошадиный топот. Сотни голосов слились в одном крике:

— Оцеола! Оцеола!

Этот возглас был целительным бальзамом для моего слуха. Почти спасенный, я снова начал бояться, что это окажется только короткой отсрочкой казни. Наше избавление от смерти было еще далеко не решенным делом: нас защищали лишь слабые женщины. Мулат вместе со своими свирепыми приспешниками вряд ли уступил бы их требованиям. На их угрозы и мольбы не обратили бы даже внимания — снова зажгли бы костры и довели бы казнь до конца. По всей вероятности, так и случилось бы, не подоспей Оцеола вовремя.

Его появление и звук его голоса сразу ободрили меня. Под защитой Оцеолы нам нечего было больше бояться. Внутренний голос подсказал мне, что явился наш избавитель.

Вскоре его намерения стали ясны. Он остановился прямо против нас, сошел со своего великолепного черного коня, так же богато убранного, как и он сам, и, бросив поводья первому попавшемуся воину, подошел ко мне. Его осанка была величественна, его наряд — живописен и красочен. И снова я увидел, на этот раз по праву украшавшие гордую голову, три страусовых пера, которые так часто обманывали мое воображение.

Подойдя к нам, Оцеола остановился и пристально взглянул на нас. Он мог бы улыбнуться, видя нас в таком нелепом положении, но в его лице не было и тени легкомыслия. Наоборот, он был серьезен, и в его глазах светилось сострадание. Мне даже показалось, что он опечален.

Несколько минут он стоял неподвижно и безмолвно. Он переводил взгляд с меня на моего товарища, как бы стараясь различить нас. Это было нелегко: дым, пот и зола сделали нас похожими друг на друга. Нас трудно было узнать.

В эту минуту Маюми тихо приблизилась к Оцеоле и что-то шепнула ему на ухо. Затем она снова вернулась ко мне, опустилась на колени и коснулась моих висков своими нежными руками.

Никто не слышал слов Маюми, кроме молодого вождя. На него они произвели магическое действие: он весь преобразился. Его глаза гневно сверкнули, и печальный взор уступил место яростному взгляду. Обратившись к желтому вождю, он прошептал одно слово:

— Дьявол!

Затем он несколько секунд молча и в упор смотрел на мулата, как будто желая испепелить его своим взглядом. Мулат старался отвести глаза от этого пристального взгляда, дрожал, как лист, и молчал.

— Дьявол и негодяй! — продолжал Оцеола, не меняя ни тона, ни позы. — Вот как ты выполнил мое приказание? Разве этих людей я велел тебе взять в плен? Подлый изменник и раб! Кто разрешил тебе эту огненную пытку? Кто научил тебя? Уж конечно, не семинолы. Ты и твои негодяи действовали, прикрывшись их именем. Ты опозорил имя семинолов! Клянусь духом Уикомэ, мне следовало бы поставить тебя на место тех, кого ты здесь мучил, и сжечь тебя так, чтобы осталась одна зола! Но я дал себе слово никогда никого не пытаться. Убирайся прочь с моих глаз!.. Впрочем, нет, стой! Ты еще можешь мне понадобиться...

И, закончив свою речь этими неожиданными словами, молодой вождь снова повернулся ко мне.

Муллат не произнес ни слова, но в его глазах можно было ясно прочесть желание отомстить. Мне показалось, что он смотрит на своих свирепых приспешников, как будто приглашая их вмешаться. Но они знали, что Оцеола пришел не один: из леса доносился конский топот. Очевидно, там, недалеко, находились воины Оцеолы. Стоило ему крикнуть: «Йо-хо-эхи!» — и они пришли бы к нему на помощь, прежде чем смолкнет эхо.

Вероятно, сообразив все это, желтый вождь молчал. Одно слово, сказанное в это мгновение, могло бы погубить его.

Мрачный, нахмуренный, он оставался безмолвным.

— Освободить их! — приказал Оцеола, обращаясь к бывшим могильщикам. — Да смотрите действуйте лопатами осторожнее! Боюсь, что я прибыл чуть ли не в последний момент!.. Я был далеко, Рэндольф, — обратился он ко мне, — но когда узнал о том, что произошло, я мчался, как ветер. Вы тяжело ранены?

Я пытался поблагодарить его и уверить, что рана моя неопасна, но голос у меня так ослабел и охрип, что был еле слышен. Чья-то сострадательная рука подала мне прохладительное питье; я почувствовал прилив сил, отдышался и скоро мог начать говорить.

Нас быстро откопали. Наконец-то мы снова были свободны и стояли на земле!

Первым моим движением было броситься к сестре. Но, к моему удивлению, Оцеола удержал меня.

— Потерпите! — сказал он. — Потерпите немного. Маюми пойдет и скажет ей, что вы вне опасности... Смотрите, она уже знает это... Маюми, пойдя к мисс Рэндольф и подтверди, что ее брату уже больше ничего не грозит. Сейчас он придет к ней. Пусть она подождет его еще минуту... Иди же, сестра, и успокой ее! — Затем он обратился ко мне и шепотом добавил: — Ее туда нарочно посадили. Пойдемте, я покажу вам одну вещь, которая вас очень удивит. Нельзя терять ни минуты! Я слышу сигналы моих разведчиков. Еще минута — и будет уже поздно! Идем же! Идем!

Не возражая, я последовал за вождем, который быстро направился к лесу. Он вошел в лес, но не стал углубляться дальше, а остановился под прикрытием густой листвы, обратившись лицом туда, где мы только что стояли.

СМЕРТЬ АРЕНСА РИНГГОЛЬДА

Я не имел ни малейшего представления о намерениях вождя и о том, какое зрелище меня ожидало.

Сгорая от нетерпения, я спросил его об этом.

— Новый способ добывать себе возлюбленную,— ответил он с улыбкой.

— Но кто влюбленный? И кто предмет его страсти?

— Терпение, Рэндольф, и вы все увидите. О, это редкое зрелище, самый забавный и запутанный фарс!.. Он был бы просто смешон, если бы в него не была вплетена трагедия. Вы все увидите. Только благодаря верному другу я узнал об этом и сейчас сам увижу все это собственными глазами. И тем, что я здесь, и тем, что мне удалось спасти вас (теперь это стало ясно!), и, более того, спасением чести вашей сестры вы обязаны Хадж-Еве!

— Благородная женщина!

— Тсс! Они близко. Я слышу топот копыт. Раз, два, три... Да, это, должно быть, они. Взгляните-ка туда!

Я взглянул в указанном направлении. Небольшая группа всадников выехала из лесу и стремительным галопом понеслась к поляне. Пришпорив лошадей, они с громкими криками мчались вскачь прямо в середину лагеря. Домчавшись до него, они разрядили свои пистолеты в воздух и, продолжая кричать, поскакали к противоположной стороне поляны.

Это были белые, что меня крайне удивило. Но еще больше меня удивило то, что я их знал. По крайней мере, мне были знакомы их лица... Эти люди — самые отъявленные негодяи из нашего поселка. Но третий сюрприз ожидал меня, когда я пристальнее взгляделся в их предводителя. Его-то я знал очень хорошо: это был сам Аренс Ринггольд!

Не успел я оправиться от третьей неожиданности, как меня уже ожидала четвертая. Негры и индейцы ямасси, повидимому испугавшись этого нападения, разбежались и попрятались в кусты. Они громко вопили и, удирая, тоже стреляли из пистолетов в воздух.

Тайна за тайной! Что все это значило?

Я собирался уже снова обратиться с вопросом к своему другу, но заметил, что он занят и, видимо, не хочет, чтобы его отвлекали. Он осматривал ружье, как бы проверяя прицел.

Снова взглянув на поляну, я увидел, что Ринггольд подъехал к моей сестре и остановился. Я слышал, как он назвал ее по имени и произнес несколько любезных фраз. Он приготовился сойти с лошади, в то время как его спутники продолжали с криками носиться по поляне и стрелять в воздух.

— Его час пробил,— произнес Оцеола и бесшумно двинулся вперед.— Давно уж он заслуживает кары, и наконец она свершится!

С этими словами он вышел на открытое место.

Я видел, как он поднял ружье. Дуло его было направлено прямо на Ринггольда. В следующее мгновение раздался выстрел. Пронзительное восклицание «Кахакуине!» сорвалось с губ Оцеолы. Лошадь Ринггольда бросилась в сторону с пустым седлом, а сам он свалился на траву и начал судорожно биться.

Среди его спутников раздались крики ужаса. Не сказав ни слова ни своему раненому предводителю, ни человеку, стрелявшему в него, они мгновенно скрылись в кустах.

— Прицел был неточен,— холодно заметил Оцеола: — он еще жив. Я слишком многое перенес по вине этого негодяя, но все-таки я пощадил бы его, если бы не данная мною клятва. Клятву я должен сдерживать! Он умрет!

С этими словами он бросился к Ринггольду, который уже приподнялся и пытался уползти в кусты, словно еще надеясь спастись. У негодяя вырвался дикий вопль ужаса, когда он увидел, что грозный мститель настигает его. Последний раз в жизни я услышал его голос.

В несколько прыжков Оцеола очутился рядом с ним. Длинный нож сверкнул в воздухе и опустился с такой быстротой, что едва можно было различить удар.

Это был смертельный удар. Ноги Ринггольда подкошились, и он рухнул мертвым на том самом месте, где его настиг Оцеола,— его застывшее тело так и осталось скорченным.

— Это четвертый и последний из оих врагов,— промолвил вождь, возвращаясь ко мне.— Последний, кому я поклялся отомстить!

— А Скотт? — спросил я.

— Это третий, и он был убит вчера вот этой рукой... До сих пор,— продолжал Оцеола после минутного молчания,— я сражался, чтобы отомстить, и я отомстил. Я удовлетворен, и теперь...— Последовала большая пауза.

— И теперь? — машинально переспросил я.

— Теперь мне все равно, когда они убьют меня!

Произнеся эти странные слова, Оцеола опустил на упавшее дерево и закрыл лицо руками. Я понял, что он не ждет возражений.

В голосе Оцеолы звучала грусть, как будто какая-то глубокая, неодолимая скорбь таилась в его сердце. С ней нельзя было совладать, ее нельзя было смягчить словами утешения. Я уже давно заметил это. В такую минуту лучше всего было оставить его одного, и я тихо отошел в сторону.

Через несколько секунд сестра была уже в моих объятиях. А рядом Черный Джек утешал Виолу, прижимая ее к своей черной груди.

Его старого соперника нигде не было видно. Во время ложного нападения Желтый Джек последовал примеру своих подчиненных и скрылся в лесу, и, хотя теперь большая часть их возвратилась в лагерь, желтого вождя и след простыл.

Его отсутствие возбудило у Оцеолы подозрение. Энергия и решимость вернулись к нему. Он созвал своих воинов и отправил нескольких человек на поиски мулата. Но они нигде не нашли его и прискакали обратно. Один из воинов объяснил, в чем дело: у Ринггольда было пять спутников, а внимательно всматриваясь в дорогу, индеец обнаружил следы шести лошадей.

Это известие, по-видимому, произвело на Оцеолу не очень приятное впечатление. Он вновь отправил воинов на поиски и приказал во что бы то ни стало доставить к нему мулата живым или мертвым.

Строгость, с которой был отдан этот приказ, говорила о том, что Оцеола начал сомневаться в верности Желтого Джека. Воины, по-видимому, разделяли подозрения своего вождя.

Партия патриотов, много претерпевшая за последнее время, значительно уменьшилась. Несколько небольших племен, уставших от войны и доведенных голодом до отчаяния, последовали примеру племени Оматлы и прекратили сопротивление. До сих пор индейцы одерживали победы во всех схватках. Но они не понимали, что белые имеют решающее превосходство в силах и, рано или поздно, окончательная победа будет за ними. Чувство мести за долгие годы несправедливости и угнетения сначала вдохновляло

их, но они отомстили полной мерой и удовлетворились этим. Любовь к родине, привязанность к земле своих предков, чувство патриотизма — все это было брошено на одну чашу весов, а на другой был ужас перед полной и неизбежной гибелью. И вторая чаша перетянула.

Боевой пыл начал понемногу угасать. Уже шли переговоры о мире. Индейцы вынуждены были сложить оружие и согласиться на переселение в другие земли. Сам Оцеола не мог бы удержать свой народ: семинолы все равно приняли бы условия мира. Да и вряд ли он стал бы их удерживать. Одаренный исключительным даром предвидения, он знал силу и особенности своих врагов. Он предвидел все бедствия, которые могли бы обрушиться на его соотечественников и его родину. Выбора не было!

Именно это предчувствие грядущих бед и явилось подлинной причиной грусти, отпечаток которой лежал на всех его поступках, на всех словах... А может быть, к этому примешивалась и глубокая личная скорбь — мучительная и безнадежная любовь к девушке, которую он никогда не мог надеяться назвать своей женой.

Я очень волновался, когда молодой вождь подошел к моей сестре. Даже теперь я все еще был жертвой гнетущих подозрений и следил за обоими с неослабевающим вниманием.

Но мои подозрения безусловно обманули меня. Ни Оцеола, ни сестра не дали мне ни малейшего повода к беспокойству. Молодой вождь держал себя скромно и вежливо. Во взгляде сестры можно было прочесть только горячую благодарность.

— Мисс Рэндольф, я должен просить у вас прощения за сцену, свидетельницей которой вам пришлось быть. Но я не мог позволить уйти этому человеку. Госпожа, он был не только вашим, но и нашим величайшим врагом. С помощью мулата он разыграл это ложное нападение, надеясь заставить вас стать его женой. Но если бы ему это не удалось, он сбросил бы маску, и тогда... Мне не надо говорить о том, что могло бы тогда произойти с вами... Какое счастье, что я успел вовремя!

— Благородный Оцеола! — воскликнула Виргиния. — Вы дважды спасли жизнь и брату и мне. Как нам отблагодарить вас? У меня не хватает слов... Я могу предложить вам только это слабое доказательство нашей признательности.

Сказав это, она подошла к вождю и вручила ему сложенный пергамент, который хранила у себя на груди.

Оцеола сейчас же узнал этот документ: это был акт на право владения поместьем его отца.

— Спасибо! — сказал он с печальной улыбкой. — Это действительно доказательство бескорыстной дружбы. Но, увы! Теперь оно опоздало. Та, которая больше всего на свете хотела получить эти драгоценные бумаги, которая так стремилась вернуться в свой любимый дом, уже больше не существует! Моя мать умерла! Вчера ее душа улетела в вечность...

Это была страшная новость и для Маюми. В неистовом порыве горя, заливаясь слезами, она бросилась на шею к моей сестре. Объятия и слезы обеих смешались. Наступила тишина, прерываемая только рыданиями девушек. Иногда слышался голос Виргинии, шептавшей слова утешения. Сам Оцеола был настолько взволнован, что не мог вымолвить ни слова.

Но прошло несколько минут, и он овладел собой.

— Слушайте меня, Рэндольф! — сказал он. — Нам нельзя терять времени на воспоминания о прошлом, когда будущее так мрачно и неопределенно. Вам надо вернуться к себе и подумать о постройке нового дома. Вы потеряли только дом, но ваши богатые земли сохранились. Негров вам вернут — я об этом распорядился. Они уже в пути к плантации. Здесь не место для нее, — тут он указал на Виргинию, — и вам нельзя медлить с отъездом. Лошади уже готовы. Я сам провожу вас до границы, а дальше вам уже нечего бояться никаких врагов.

При этих словах он многозначительно взглянул на тело Ринггольда, лежавшее на опушке леса. Я понял его, но не ответил ни слова.

— А она? — спросил я, указывая на Маюми. — Лес — плохая защита, особенно в такое время. Вы отпустите ее с нами?

Оцеола взял мою руку и крепко пожал ее. Я обрадовался, уловив сверкнувшую в его глазах благодарность.

— Благодарю! — воскликнул он. — Благодарю за дружеское предложение! Я сам хотел просить вас об этом. Вы правы — она не может жить дольше только под защитой деревьев. Рэндольф, доверяю вам ее жизнь и ее честь! Возьмите ее к себе, в свой дом!

ПРЕДВЕСТИЕ СМЕРТИ

Солнце уже склонялось к западу, когда мы покинули индейский лагерь. Что касается меня, то я не имел ни малейшего представления о том, куда нам надо было двигаться. Но с таким проводником можно было не бояться сбиться с пути.

Мы находились далеко от поселка Суони, на расстоянии целого дня пути, и предполагали добраться домой только на исходе следующего дня. Ночь обещала быть лунной, если не набегут облака. Мы собирались ехать весь вечер, до поздней ночи, а затем сделать привал. Так мы могли значительно сократить наше завтрашнее путешествие.

Наш проводник хорошо знал эту местность, ему была знакома здесь каждая тропинка.

Долгое время дорога шла по редкому лесу, и мы могли ехать рядом. Но постепенно тропинка становилась все уже, и теперь мы были вынуждены двигаться попарно или по одному. Молодой вождь и я ехали впереди, а наши сестры следовали за нами. Далее ехали Джек и Виола. Кавалькаду замыкали шесть всадников-индейцев, телохранителей Оцеолы.

Меня удивило, что он взял с собой так мало воинов, и я даже выразил ему свое удивление. Но Оцеола относился к опасности как-то очень беззаботно. Солдаты, сказал он, прекрасно знают, что ночью им здесь лучше не показываться. Что же касается той части местности, где мы должны были проехать днем, то никакие войска там и не рисковали появляться. За последнее время там даже не производилась разведка. Мы можем встретить только индейцев. Но их, конечно, нам нечего было опасаться. С тех пор как началась война, Оцеоле часто случалось путешествовать одному по этой дороге. Он был убежден, что опасности никакой нет.

Что до меня, то я далеко не был в этом уверен. Я знал, что дорога, по которой мы ехали, проходит поблизости от форта Кинг. Я вспомнил бегство шайки Ринггольда. Весьма вероятно, что его друзья помчались прямо в форт и сообщили там о гибели плантатора, приукрасив эти сведения рассказом о своей собственной смелой атаке на индейцев. Для властей Ринггольд не был простым человеком. В лагерь могли послать отряд, и мы рисковали с ним встретиться.

Я подумал и о другом обстоятельстве — о таинственном исчезновении мулата. По-видимому, он скрылся вместе с этими людьми. Это показалось мне подозрительным. Я поделился своими соображениями с вождем.

— Бояться нечего, — сказал он в ответ, — мои следопыты идут за ними. Они вовремя сообщат мне все, что нужно. Впрочем, нет... — добавил он, как бы колеблясь и задумавшись на мгновение. — Они могут не догнать их до наступления ночи, и тогда... Вы правы, Рэндольф! Я действовал необдуманно. Я не обращал внимания на этих болванов, но мулат — совсем другое дело. Он знает все тропинки, и если он окажется изменником, если... Но мы уже тронулись в путь и должны ехать дальше. Вам нечего бояться, а что касается меня... Оцеола никогда в жизни не отступал перед опасностью. Он не сделает этого и теперь. Да и поверите ли вы, Рэндольф, я скорее ищу опасности, чем бегу от нее!

— Ищете опасности?

— Да, смерти, смерти!

— Говорите тише! Не нужно, чтобы они слышали ваши слова.

— О да! — добавил он, понижая тон и как бы говоря сам с собой. — Но, право же, я жажду ее!

Он произнес эти слова с таким волнением, что не оставалось никакого сомнения в том, что он говорит серьезно. Глубокая грусть все еще не покидала его. Что могло быть ее причиной?

Я не в силах был больше молчать. Меня побуждало не любопытство, а дружба. Я позволил себе спросить его об этом.

— Вы, значит, заметили? Но не раньше, чем мы тронулись в путь, не раньше, чем я услышал ваше дружеское предложение... Ах, Рэндольф! Теперь я спокоен и счастлив. Из-за нее одной я с ужасом думал о приближении смерти!

— Зачем вы говорите о смерти?

— Потому что она близка.

— Близка... к вам?

— Да, ко мне! У меня есть предчувствие, что я долго не проживу.

— Что за глупости, Пауэлл!

— Друг мой, это правда. Я чувствую, что скоро умру...

— Оцеола, это на вас не похоже! Вы, конечно, выше

этих глупых предрассудков. Никогда не поверю, чтобы вы могли оказаться в их власти!

— Вы думаете, что я говорю о каких-то сверхъестественных знамениях? О карканье ворон или об уханье полночной совы? Или о зловещих предзнаменованиях в воздухе, на земле и в воде? Нет, нет, я не придаю значения этим нелепым суевериям. И все-таки я знаю, что скоро должен умереть. Это реальное физическое ощущение, которое возвещает мой приближающийся конец. Оно скрыто здесь!

Говоря это, он поднял руку и указал себе на грудь. Я понял зловещее значение этого жеста.

— Я предпочел бы,— сказал он, помолчав,— умереть на поле боя. Конечно, смерть отвратительна в любом виде, но такой конец все же казался бы мне более достойным. Я выбрал бы лучше такую смерть, чем влачить жалкое существование и медленно умирать... Да, я выбрал бы ее! Десятки раз я бросал вызов смерти, был уже на полпути к ней. Но, как трус, как робкая невеста, она отказывалась встретиться со мной...

Что-то почти неземное прозвучало в смехе, которым сопровождались последние слова. Странное сравнение! Станный человек!

Мне едва удалось ободрить его. Да, впрочем, он и не нуждался в этом: он казался счастливее, чем раньше. Мой жалкий лепет о том, что он выглядит хорошо, был бы просто словами, брошенными на ветер. Он догадался бы, что это лишь притворные слова дружбы. Я и сам это подозревал. Я обратил внимание на бледную кожу, на тонкие, исхудавшие пальцы, на тусклые, впалые глаза. Страшный червь разрушал оболочку благородного духа. А я-то приписывал это совсем иным причинам!

Будущая судьба его сестры тяжким бременем лежала у него на сердце. Он поведал мне об этом, когда мы поехали дальше.

Нет необходимости повторять обещания, которые я дал ему. Не стоило даже скреплять их клятвами. Стремление к собственному счастью не позволило бы мне нарушить их.

СУДЬБА ОЦЕОЛЫ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы сидели у края небольшой прогалины, где расположился наш лагерь. Это была красивая лужайка, благоухающая ароматами множества цветов. Луна лила с высоты серебряный свет, и все вокруг было видно ясно как днем. Листья высоких пальм, восковые цветы магнолий и цветы желтодревника — все можно было ясно различить в лунном свете.

Мы сидели вместе вчетвером — братья и сестры, разговаривая непринужденно, как в былые дни. И все вокруг живо напоминало нам прошлое.

Но у нас возникали только печальные мысли, так как мы думали о будущем. Может быть, мы, четверо, больше никогда не встретимся. Глядя на друга, обреченного на смерть, я чувствовал, как в моем сердце постепенно угасают все радостные воспоминания.

Мы миновали форт Кинг благополучно, не встретив белых. Как странно, что я должен был бояться встречи с людьми своей расы! Мы больше не ожидали ни засады, ни открытой атаки. Индейская охрана вместе с Черным Джеком расположилась в центре прогалины. Воины собрались в кружок у огня и готовили себе ужин. Их вождь чувствовал себя настолько уверенно, что даже не поставил часового на тропинке. По-видимому, он был совершенно равнодушен к опасности.

Была уже поздняя ночь, и мы собирались разойтись по палаткам, которые раскинули для нас воины. В это время мы услышали в лесу странный шум. В моих ушах он звучал, как плеск воды, как ливень, как гул отдаленных водопадов.

Оцеола держался иного мнения. Он слышал непрерывный шелест и шорох листьев, вызванный огромной массой людей или животных, пробирающихся через кусты.

Мы мгновенно вскочили и стояли, напряженно прислушиваясь.

Шум продолжался. Но теперь мы уже могли различить хруст сухих ветвей и металлическое позвякивание оружия. Отступать было поздно. Шум слышался отовсюду, кольцо вооруженных людей смыкалось вокруг прогалины.

Я взглянул на Оцеолу. Я ожидал, что он кинется к своей

винтовке, лежащей рядом с ним. К моему удивлению, он не двинулся с места.

Несколько его сторонников уже были наготове и поспешили к нему, ожидая приказаний. Их слова и жесты ясно говорили о решимости защищать Оцеолу не на жизнь, а на смерть.

В ответ на их торопливые слова Оцеола сделал знак рукой, который, казалось, удивил их. Дула винтовок внезапно опустились к земле, и воины застыли в позе равнодушия и безразличия, как будто они раздумали и не желали больше пустить в ход свое оружие.

— Слишком поздно,— спокойно сказал Оцеола,— слишком поздно! Мы окружены со всех сторон. Может пролиться невинная кровь. А им нужна только моя жизнь. Пусть же они приблизятся! Я приветствую их! Прощай, сестра! Рэндольф, прощай! Прощай, Вирг...

Жалобные стоны Маюми и Виргинии и мои, теперь уже громкие, рыдания заглушили голос, который произносил эти страшные прощальные слова.

Столпившись около вождя, мы не замечали, что происходит вокруг нас. Все наше внимание было поглощено им, пока крики солдат и громкие слова команды не напомнили нам, что мы окружены. Мы увидели, что нас оцепили ряды людей в синих мундирах. Их штыки сверкали вокруг нас непреодолимой преградой. Но так как сопротивления не было, то не было и стрельбы. Слышались только голоса и звон стали.

Выстрелы раздались позднее, но это был не смертоносный огонь. Это были радостные салюты: праздновали взятие в плен такого важного противника.

Церемония сдачи в плен вскоре закончилась. Оцеолу держали два солдата. Он стоял среди своих бледнолицых врагов. Оцеола был в плену!

Его сторонники тоже были схвачены, и солдаты отошли немного в сторону, образуя более широкую цепь. Пленники остались в середине.

В этот момент около пленных перед рядами солдат появился какой-то человек. Он говорил о чем-то с офицером. По одежде его можно было принять за индейца, но желтое лицо свидетельствовало о другом. На голове у него была повязка, над которой качались три черных пера. Не оставалось сомнений в том, кто был этот человек!

Это зрелище могло свести с ума кого угодно. Оно возвра-

Оцеола стоял среди бледнолицых врагов.

тило вождю семинолов всю его яростную энергию. Отшвырнув своих стражей прочь, как игрушечных солдатиков, он вырвался из их рук и кинулся на желтолицего человека.

К счастью для мулата, Оцеола не был вооружен: у него не было ни пистолета, ни ножа. Пока он отвинчивал штык от ружья солдата, предатель успел спастись бегством. Из груди Оцеолы вырвался стон ярости, когда он увидел, что негодяй пролез сквозь сомкнутый строй солдат и вот-вот ускользнет от его мести.

Но спасение только померещилось изменнику. Смерть его была предрешена, хотя она пришла к нему не отсюда, откуда он ее ждал. Пока он стоял, издали глядя на пленников, темная фигура медленно приблизилась к нему сзади. Это была женщина, величественная женщина, чья ослепительная красота была заметна даже при лунном свете. Никто не видел ее, только пленники, стоявшие к ней лицом, заметили ее приближение.

Все дальнейшее произошло в течение нескольких секунд. Женщина подкралась к мулату сзади, и казалось, что ее руки на мгновение коснулись его шеи.

Что-то сверкнуло металлическим блеском в лунном свете. Это было живое оружие — ужасная гремучая змея кроталус!

Можно было ясно слышать громыханье чешуйчатых колец. Вслед за этим раздался дикий крик ужаса. Злодей почувствовал холодное прикосновение змеи к шее, и ее острые зубы вонзились ему в затылок.

Видно было, как женщина отняла змею от шеи мулата. Держа ее блестящее тело над головой, она громко воскликнула:

— Не горюй, Оцеола! Ты отомщен! Отомщен! Читта-мико отомстил за тебя!

Сказав это, женщина скользнула в сторону, и, прежде чем удивленные солдаты успели преградить ей путь, она юркнула в кусты и исчезла.

Мулат пошатнулся и упал на землю. Он был бледен от страха, глаза его почти вылезли из орбит. Вокруг него собрались люди. Они пытались влить ему в рот лекарство. Испробовали даже порох и табак, но никто не знал лекарственных трав, которые могли бы излечить его. Рана оказалась смертельной, и на следующий день Желтый Джек окончил свое существование.

* * * * *

С захватом в плен Оцеолы война не прекратилась, хотя я уже больше не принимал в ней участия. Она не закончилась и после его смерти, которая последовала через несколько недель. Его не казнили по приговору военно-полевого суда, ибо он не был мятежником и мог претендовать на право считаться военнопленным. Он умер от болезни, которая, как он сам знал, обрекала его на неизбежную гибель. Возможно, что плен ускорил ее наступление. Его гордый дух был сломлен долгим пребыванием в тюрьме, а вместе с ним погибла и та благородная оболочка, в которую он был заключен.

Друзья и враги стояли вокруг него в последний час, внимая его последним словам. И те и другие плакали. В этом царстве смерти не было сухих глаз. У многих солдат катились по щекам слезы, когда они слышали приглушенный звук барабана — похоронный марш над могилой благородного Оцеолы.

* * * * *

В конце концов не кто иной, как веселый и жизнерадостный капитан завоевал сердце моей капризной сестры. Прошло много времени, прежде чем я раскрыл их секрет. Он пролил свет на целый лабиринт тайн. Я так рассердился на них за скрытность, что сначала даже отказался разделить с ними право владения плантацией.

Но потом (после угроз Виргинии, а не ее поверенного в делах!) я все-таки согласился. И тогда я женился на Маюми. Я сохранил за собой старую усадьбу, на месте которой построил новый дом. Это была достойная шкатулка для бесценной жемчужины.

У меня была еще одна плантация — принадлежавший когда-то испанцам прекрасный участок земли на Тупело-Крик. Мне нужен был туда управляющий, или, скорее, «муж и жена с покладистым характером», на которых можно было бы вполне положиться. Кто, как не Черный Джек и Виола, лучше всего подходил для этой цели?

В моем распоряжении был еще один небольшой кусок земли. Он находился на краю болота, и на нем стояла бревенчатая хижина, вокруг которой простирался самый крохотный на свете участок вырубленного леса. Но он был уже занят жильцом, которого я ни за что на свете не высе-

лил бы оттуда, хотя он и не платил мне арендной платы. Это был старый Хикмэн, охотник на аллигаторов.

Другой такой же охотник, Уэзерфорд, жил поблизости, на соседней плантации. Но они почти никогда не разлучались.

В свое время оба сильно пострадали от медвежьих когтей, от челюстей и хвостов аллигаторов, от томагавков индейцев. Когда они сходились вдвоем или проводили время в кругу друзей, они любили рассказывать свои приключения, особенно такие случаи, где им только чудом удавалось ускользнуть от верной смерти. И часто можно было слышать, как они говорили: «Самые страшные испытания нам пришлось перенести в проклятом пылающем сосновом лесу, когда нас со всех сторон окружили десять тысяч краснокожих!»

Однако, как мы знаем, они благополучно выпутались и из этой беды и прожили еще долгую жизнь, с удовольствием повествуя о своих похождениях и приукрашивая их самыми фантастическими выдумками.

МАЙН РИД И ЕГО «ОЦЕОЛА»

Два человека, англичанин и американец, сидели в доме общих друзей в Филадельфии осенью 1843 года, оживленно беседуя. Американец, удивленный богатым воображением англичанина, позднее скажет о нем: «Он привирает с удивительным размахом, но с талантом подлинного художника, вот почему я слушаю его со вниманием». Англичанин, о котором идет речь, был начинающий автор Майн Рид, его собеседник-американец — Эдгар По.

И действительно, окидывая взглядом написанное Майн Ридом, нельзя не признать, что своим даром воображения он пользовался весьма удачно, восполняя им недостаток знаний или писательского опыта. Едва ли можно назвать его роман «Белый вождь» точным воспроизведением нравов юго-запада США. И все же вместе с автором мы безоглядно погружаемся в яркую атмосферу легенд мексиканского пограничья, навсегда запоминая не мелодраматический сюжет или односторонность характеров, а всадника, осадившего коня на вершине крутого утеса — на пари, которое могло стоить ему жизни. А бывает у Майн Рида и наоборот: верная деталь или характер придают убедительность почти фантастическим приключениям, в достоверность которых иначе трудно было бы поверить. Разве не способствует этому образ старого следопыта Зебулона Стумпа в истории техасского всадника без головы? И сам всадник — разве это не поразительный образ, которого достаточно для целого романа? Пусть для повседневной жизни он недостаточно «достоверен» — о нем можно рассказать с меньшей достоверностью, чем о других романтических героях, например о «последнем из могикан», о таинственном капитане Немо или о глухом уроде Квазимодо с его бессмертной любовью. Признаем, в лучших своих книгах Майн Рид умеет делать это. Благодаря ему многие читатели впервые «попробовали» вкус плодов дуриана — так убедительно они описаны на страницах романа «В дебрях Борнео»; поняли, как вести себя, окажись они одни-одинешеньки во чреве трюма («Морской волчонок»), или узнали, что есть на свете белый бизон... А главное — у читателя возникает не только эффект соучастия, но и неудержимое стремление испытать жизнь, пережить все эти удивительные приключения, путешествовать, бороться и вообще — быть впереди.

Из-под пера Майн Рида вышло двадцать семь романов, двадцать шесть книг для юношества, стихи и рассказы. В лучших из них он соединяет путешествия с приключениями, причем герои его книг, где бы ни довелось им странствовать,— это герои высоких, чистых устремлений, пусть и не слишком глубокие по натуре. Впрочем, это обвинение и не совсем справедливо, ибо приключенческий жанр решает проблему психологизма по-своему.

Многое в произведениях писателя — их сильные и слабые стороны — возникло из противоречий самой жизни и личности Майн Рида.

О начальной поре его жизни мы знаем очень мало. Томас Майн Рид родился в бедной ирландской семье в Баллирони 4 апреля 1818 года. В 1840 году в поисках приключений он уезжает в Америку и устремляется на еще не освоенные просторы Запада, охотясь, торгуя с индейцами, даже промышляя трапперством¹. Какое-то время он был учителем и репортером. В качестве корреспондента газеты «Спирит оф тайм» Майн Рид принял участие в мексиканской войне 1846—1848 гг., не очень задумываясь тогда о характере этой войны, захватнической со стороны Америки. Тяжелое ранение в ногу, полученное им в бою под Чапультепеком, беспокоило его всю жизнь.

В 1848 году в чине капитана Майн Рид выходит в отставку, но тут же спешит уехать в Европу, чтобы принять участие в революционном движении сначала в Баварии, затем в Венгрии. Но прибывает он туда слишком поздно. Майн Рид оседает в Лондоне. Испытав неудачи на коммерческом и журналистском поприще (Рид пытался основать новый журнал), он решает посвятить себя литературе.

Первый роман Майн Рида, «Вольные стрелки», вышедший в 1850 году, описывал события мексиканской войны. В течение последующего десятилетия выходят лучшие романы писателя: «Охотники за скальпами», «Квартеронка», «Оцеола, вождь семинолов» и другие. Им сопутствует бурный успех.

В тридцать три года капитан решает жениться, и брак этот выглядит не менее романтическим, чем приключения его героев: женой Майн Рида становится пятнадцатилетняя девушка из английской аристократической семьи.

¹ Т р а п п е р — охотник на пушного зверя, ставящий капканы.

Однако коммерческая непрактичность молодого писателя, экстравагантность и склонность к романтической экзотике в конце концов привели его на грань банкротства. Тогда в сорок девять лет Рид решает вторично попытаться счастья в Америке, стране, где прошла его юность. Нужно сказать, что писатель сочувственно относился к молодой республике. В 1860-е годы, в разгар Гражданской войны между северными и южными штатами Америки, он решительно выступил с осуждением расового угнетения, заявив о своей солидарности с делом северян.

Но успех не дается ему и в Америке, и спустя три года, едва собрав денег на обратный путь, Риды возвращаются в Англию — уже навсегда. В последние годы жизни Рид, переживший свою известность, сочиняет научно-популярные книги для юношества. Все это время он страдает от физического и нервного расстройства и в 1883 году умирает.

Гуманизм и сочувствие силам справедливости, мастерство сюжета и сегодня вызывают интерес к книгам Майн Рида, делают его одним из популярнейших авторов во многих странах.

Писательский талант Майн Рида, его симпатии ярче всего проявились в романах, посвященных индейцам: «Белый вождь», «Охотники за скальпами», «Полукровка» (в русском переводе «Золотой браслет»), «Отважная охотница» и «Оцеола, вождь семинолов». Прежде индейцы были у писателя только персонажами; здесь индеец становится героем и стоит в центре повествования.

В романе «Оцеола, вождь семинолов» соединены два сюжета: чуть мелодраматическая история любви с приключениями главных действующих лиц и счастливым концом и историческая трагедия, связанная с борьбой семинолов за свои исконные владения. К чести повествователя, исторический фон в романе по используемым деталям, по оценкам автора достаточно верен и правдив.

Майн Рид обращается в этом романе к весьма сложной эпохе американской истории: первой половине XIX века, когда в стране еще были живы идеалы Войны за независимость — войны за образование независимого от Англии государства, которая велась в 1775—1783 гг. Но в это же время шла энергичная колонизация новых территорий, насильственное переселение и уничтожение коренного населения страны. Такая политика проводилась президентом

США Эндрю Джексоном, упоминаемым на страницах романа.

В «Оцеоле» речь идет об освоении молодой буржуазной нацией полуострова Флорида, до 1819 года находившегося во владении Испании. Этот редкий по своим природно-климатическим условиям край еще до появления там первых испанских мореплавателей был населен индейскими племенами, в числе которых, как полагают, были и семинолы.

Рассказывая о жестоких событиях семинольских войн, Майн Рид не рисует индейцев варварами и злодеями. Напротив, он восхищается их патриотизмом, их стойкостью. Более того, есть в романе важная мысль о бесчеловечности расизма, мечта о верной дружбе двух народов (белых и индейцев), а значит — о единстве, духовном родстве всех людей и, следовательно, о необходимости расового и социального равенства. Оцеола, пусть не без идеализации, остается для Майн Рида трагическим героем, жертвой непреодолимых исторических обстоятельств, коварства и злобы белых завоевателей.

Кем же был этот человек? Отчего и до сих пор выходят о нем книги, популярные и документальные, рассказывающие его историю; отчего живет о нем память и в индейском и в американском народах?

Героем своей книги Майн Рид выбрал одного из удивительнейших людей, рожденных американской землей. То, что сказано об этой личности в романе, в основе своей правда. Автор умело воспроизводит жизненный путь Оцеолы, используя в незначительных эпизодах свое право на авторский вымысел, — насколько вообще возможно разобраться в легендах, окружающих имя семинольского вождя.

Личность исторического Оцеолы удивляет своей цельностью, патриотичностью, благородством. В ней масса неповторимого и загадочного, она, пожалуй, еще трагичнее, чем в романе Майн Рида. И поскольку эта судьба и есть тот материал, из которого писатель слагает свой образ, на ней стоит остановиться подробнее.

Оцеола (ок. 1804—1838) родился, как полагают, в Джорджии. Мать его происходила из индейцев криков, отец — английский торговец Уильям Поуэлл. Но это лишь одна из версий, ибо известно, что сам Оцеола считал себя чистокровным индейцем племени миккосуки, т. е. «соб-

ственно семинолов». Предполагают, что эта часть племени исконно обитала во Флориде, а вовсе не переселилась туда, отделившись от криков, как остальные семинолы. Кстати, и само название «семинолы», согласно одной из версий, означает не «беглецы», а «дикие».

Точно так же и имя Оцеолы происходит, как полагают, не от Хассе Ола, Восходящее Солнце, а скорее от Аси-Яхоло, Глашатай Черного Напитка. Перед тем как отправиться на войну, воины-крики выпивали особый очищающий напиток, именуемый «яхоло», и издавали при этом характерный возглас. Благодаря личным качествам Оцеола выдвинулся в народные заступники, подобно Текумсе, Секвойе и другим великим патриотам-индейцам, ставшим защитниками своего народа в тот момент, когда он сильнее всего подвергался уничтожению.

Майн Рид пишет о событиях двух семинольских войн. Первая война (1817—1818) завершилась отторжением Флориды у Испании. Вторая, с которой связаны основные события романа, длилась восемь лет, с 1835 по 1842 год, и окончилась насильственным переселением подавляющего большинства семинолов в Оклахому, на так называемую «Индийскую территорию», которая и сейчас остается самой крупной по числу индейского населения резервацией. Война эта печально известна в истории США как самая дорогостоящая из всех, что правительство вело с индейцами: она поставила под ружье 40 000 солдат против 1500 индейцев и унесла с американской стороны свыше полутора тысяч человеческих жизней. Современные летописцы той эпохи сравнивают эту позорную и бессмысленную войну с вьетнамской авантюрой США 1960-х годов, которая, как и та, прежняя, была колониалистской, беспощадно жестокой и привела, в сущности, к моральному поражению американцев.

Личная судьба Оцеолы, вступившего в эту войну тридцатилетним и уже женатым человеком, имевшим на своем попечении двух сестер, слилась с конфликтом социальных и расовых сил. Согласно одной из версий его биографии, жена Оцеолы была негритянской крови, и белые плантаторы потребовали ее выдачи как беглой. После насильственного разлучения супругов вождь поклялся мстить.

Зловещей нитью оказалась связана судьба Оцеолы с правительственным агентом генералом Уайли Томпсоном. Желая задобрить вождя, генерал и в самом деле подарил ему ружье, но Оцеола не оправдал надежд генерала —

вместо того чтобы подписать кабальный договор, он воткнул нож в его текст. Здесь нужно помнить, что в глазах индейцев любой договор об уступке или продаже земли оставался бессмысленным, поскольку в их представлениях не существовало понятия частной собственности на землю. Она не только находилась в общинном, коллективном пользовании, с ней были связаны и религиозные представления. Землю нельзя было продать, потому что она считалась плоть от плоти индейца, живым существом, частью тела — ведь она дарила средства к существованию. Чтобы достичь своих целей, белые прибегали к обману, провокациям, предательству, прямому массовому уничтожению племен. Естественно, что эти действия навсегда оттолкнули семинолов от американской «цивилизации».

Как известно и из романа Майн Рида, первым, кто поплатился за политику правительства, был сам Томпсон, убитый Оцеолой, и вождь-изменник Чарли Оматла (или Эматла). Оцеола и впрямь показал себя талантливым военачальником: ему приписывается разгром отряда Дэйда, хотя в действительности отряд был разбит вождями Прыгуном и Аллигатором. Наконец, Оцеола и в самом деле был вероломно схвачен по приказу генерала Томаса С. Джезапа во время мирных переговоров под белым флагом. Только так удалось поймать неуловимого и грозного индейского предводителя. Из немногих подлинных слов, дошедших до нас из уст Оцеолы, есть и такие: «Взять меня смогли только под белым флагом, удержать — только цепями».

Через три месяца заточения в тюрьме форта Моултри (Южная Каролина) Оцеола умер. Там же он был и похоронен. Простая надпись на его могиле гласит: «Оцеола, патриот и воин». Но со смертью этого человека не заканчивается ни его трагедия, ни его слава.

Прежде всего, нельзя умолчать о том, что доктор Фредерик Видон, наблюдавший за вождем в последние месяцы его жизни, после кончины Оцеолы, «по причинам, оставшимся неизвестными», как пишут о том историки, отделил его голову от тела и присвоил ее себе. Правда, известно и то, что он приходился зятем генералу Уайли Томпсону, будучи женатым на его сестре. «Доктор Видон был весьма своеобразный человек, — не без наивности вспоминает его праправнучка. — Он нередко подвешивал голову Оцеолы у изголовья кровати, где спали трое мальчиков, чтобы наказать их за непослушание, и оставлял ее там на ночь».

Впоследствии голова эта долгое время экспонировалась в нью-йоркской медицинской академии, а позже погибла в пожаре. Надо сказать, что подобное отношение к останкам известных индейских вождей-патриотов стало позорной традицией американской истории: примерно так же поступили с Черным Ястребом, вождем сауков и фоксов, Маленьким Вороном, вождем сиу, и другими. То, что не поддавалось купле при жизни, можно было выгодно продать, выставить на обозрение зевакам после смерти.

И еще несколько штрихов к судьбе Оцеолы. Биографы говорят, что когда он проживал вместе с дочерью близ американского форта, то сблизился с неким лейтенантом Джоном Грэхемом, выпускником Уэст-Пойнта; этот молодой человек будто бы очень нравился дочери Оцеолы. Есть и неясные свидетельства о каком-то белом друге вождя, не покинувшем его и в последние дни жизни. На основе этих легенд, несомненно, и возник образ Джорджа Рэндольфа в романе Майн Рида.

В дни заточения вождя в форте Моултри среди людей, навещавших Оцеолу, был известный американский художник Джордж Кэтлин, создатель обширной «Индийской галереи» — портретов и зарисовок из жизни индейских племен. Личность вождя произвела на него глубокое впечатление. Художник написал с него несколько портретов, в том числе и знаменитый поясной портрет крупным планом. Тот, кому довелось видеть лицо Оцеолы, изображенное на этом портрете, уже не сможет забыть его. Кэтлин писал под впечатлением тех дней: «Я глубоко убежден на основании всего, что увидел и услышал из уст Оцеолы и окружавших его вождей, что он является самым поразительным человеком, достойным лучшей участи... И когда жестокие обстоятельства войны потрясли его страну, он сразу же принял в ней заметное и решительное участие и приобрел влияние и имя, вскоре зазвучавшее до отдаленнейших пределов Соединенных Штатов, вплоть до индейских племен Скалистых Гор...»

Кэтлин оставил нам описание примечательной внешности Оцеолы: «Он среднего роста, плавен и грациозен в движениях, приятен лицом, с довольно женственной улыбкой, но столь необычен характером, что во всем мире, вероятно, не сыщется подобного ему».

Тонкие, чуть болезненные черты лица и особенно эта загадочная нежная улыбка Оцеолы, столь неожиданная в

горькие дни заточения, преследовали воображение многих авторов, писавших о нем.

Картина Кэтлина висела в рабочем кабинете известного американского поэта Уолта Уитмена. «Я уже был почти взрослый, — пишет он, — когда... мне случилось встретиться... с одним военным моряком, воротившимся из форта Моултри... Я... узнал от него о смерти Оцеолы. Во время войны во Флориде он был заключен в тюрьму и умер в форте Моултри буквально «от разбитого сердца». Его болезнь была вызвана тоской по свободе». Мужественному вождю семинолов Уитмен посвятил стихотворение «Оцеола».

С гибелью Оцеолы не заканчивается история героического сопротивления семинолов. Она, в сущности, продолжается и поныне. Бежавший из тюрьмы соратник Оцеолы вождь Коакучи (Дикий Кот) вместе с вождем Холата Мико возглавил так называемую Третью семинольскую войну, которая закончилась в пятидесятых годах выселением индейцев в Оклахому. Но от переселения микосуки, засевших в глубине болотистых дебрей Флориды, правительство пришлось отказаться.

До середины шестидесятых годов нашего столетия семинолы проживали в двух резервациях на юге Флориды. Причем это были чистокровные индейцы (сегодня редкость среди индейских племен) числом около полутора тысяч, говорившие на своем языке и считавшие себя «единственным непокоренным племенем на территории США». Однако после вторжения во Флориду крупного бизнеса, сильно нарушившего экологическое равновесие края, племя распалось на группы, живущие случайными заработками — в качестве гидов, участников аттракционов для туристов и т. д. Тем не менее они по праву считают себя потомками Оцеолы — около десятка их лидеров носят это имя. На рубеже 1970-х годов они опубликовали следующее обращение к правительству США: «Мы, вожди и знахари, единственно обладающие правом говорить от имени подлинных семинолов... желаем привлечь вниманиис к тому факту, что семинолы не находятся в состоянии мира и никогда не подписывали мирного договора с правительством Соединенных Штатов Америки... Поэтому мы желаем жить так, как жили наши отцы, посвятив свою жизнь уважению к их памяти и мужеству, ни в коем случае не поступаясь наследием, завещанным нам; всегда защищая свои права,

преследуя мирные цели, независимо от переменчивой и порочной политики белых людей».

Поэтому Майн Рид был глубоко прав, когда утверждал, что «не так-то легко будет смести с лица земли этих людей» — в них и по сей день жив боевой дух Оцеолы. В обширной литературе, созданной о нем на сегодняшний день, самым известным остается роман Майн Рида, глубоко правдивый, согретый сочувствием к свободолюбию и доблести индейского вождя. Ведь немаловажно, что, осуждая колониаторскую политику США, Майн Рид идет против собственных пристрастий к американской жизни и общественному устройству, к которым был всегда равнодушен...

Своей популярностью в нашей стране роман об Оцеоле по праву соперничает с «Последним из могикан» Купера. При всех глубоких различиях между ними и тот и другой — широкие окна в историю человечества, в величавую и горькую историю индейцев США. В своем романе Майн Рид стремился восстановить доброе имя индейского племени, очерненное американской прессой уже в те годы, когда писался роман об Оцеоле.

С образом индейского героя неразрывно связан в книге образ белого юноши, Джорджа Рэндольфа, со всеми его достоинствами и недостатками. В пределах выбранного писателем жанра этот герой тоже достаточно убедителен. Дитя своей эпохи, воплотивший ее противоречия, послушный сын, добросовестный военный, весьма заботящийся о понятиях воинской чести, любящий брат, владелец плантации и ревнитель чести своей сестры. Несмотря на заблуждения, свойственные его кругу, он честен и способен на преданность и глубокие чувства, сочувственно относится к несправедливо притесняемым индейцам и, насколько может, защищает их права, а в финале романа — уступая господствующим взглядам, Майн Рид мог бы обойти этот факт — женится на индианке, что в условиях Америки семинольских войн было шагом почти героическим. Такие люди существовали, конечно, но они были редким исключением в американской жизни, и тем важнее, что Майн Рид считает необходимым сделать Рэндольфа выразителем лучшего, что есть в стране, утверждает идеалы глубокой дружбы между индейцем и белым.

Образ Рэндольфа как повествователя, свидетеля описываемых событий, выбран писателем очень удачно: его рассказ звучит наиболее достоверно, а слабости созданного

образа менее заметны, чем его достоинства. Что же касается предрассудков Рэндольфа, осудившего увлечение Виргинии Оцсолой, здесь взгляд героя, джентльмена-южанина, вполне соответствует воззрениям его эпохи. Вообще весь «американский» фон в романе показан правдиво, насколько это возможно в изображении политической и социальной жизни в приключенческом произведении. Например, это касается проблемы рабства. Образы плантатора Аренса Ринггольда и его подручных, негодяев и мошенников Спенса и Уильямса, очень типичны, как и мельком набросанные портреты генералов Томпсона, Клинча и других реальных исторических лиц. Важно, что кругозор писателя включает и такие привлекательные фигуры «из низов», как Черный Джек и особенно старый Джон Хикмэн, грубоватый и простой, но справедливый человек, надежный товарищ во всех обстоятельствах жизни. Не случайно все эти герои собираются в конце романа на одном «островке справедливости», под крышей Джорджа Рэндольфа.

Правда, Майн Рид не коснулся многих существенных деталей индейского быта и социальных отношений описываемой эпохи; правда, он бывает порой противоречив в выражении собственных симпатий и антипатий. Но этому есть объяснения в самой личности писателя, капитана Майн Рида, страстного, романтического, увлекающегося. Даже его иллюзии в отношении Америки не позволили ему закрыть глаза на мрачные страницы истории США, и возможно, что именно крах представлений об Америке значительно повлиял на тот моральный кризис, в котором оказался писатель в последние годы своей жизни.

На русском языке этот роман, под названием «Оснола семинол», впервые появился в 1881 г., печатался в двух собраниях сочинений Майн Рида, вышедших до революции, выдержал несколько отдельных изданий. В советское время роман в переводе Б. Томашевского неоднократно перепечатывался в серийных изданиях, выходил отдельной книгой.

«Оцсолоа» — приключенческо-историческое произведение, в котором позиции рассказчика выражены просто и ясно, а симпатии отданы герою угнетенного народа, поразительного по своей культуре и судьбе. В этом и состоит непреходящее значение книги Майн Рида.

А. Ващенко

СОДЕРЖАНИЕ

ОЦЕОЛА, ВОЖДЬ СЕМИНОЛОВ	3
<i>А. Ващенко.</i> МАЙН РИД И ЕГО «ОЦЕОЛА»	358

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

Томас Майн Рид

ОЦЕОЛА, ВОЖДЬ СЕМИНОЛОВ

Повесть о Стране Цветов

Р о м а н

Ответственный редактор Л. П. СЕРЕБРЯКОВА
Художественный редактор Т. М. ТОКАРЕВА
Технический редактор Н. Ю. КРАПОТКИНА
Корректоры Л. А. ЛАЗАРЕВА и И. В. ТИЩЕНКО

ИБ № 547

Подписано к печати с готовых диапозитивов 28.12.90.
Формат 84x108¹/₃₂. Бум. тип. № 1 Гарнитура академическая. Печать высокая. Усл. печ. л. 19,32. Усл. кр.-отт. 19,58.
Уч. изд. л. 21,6. Тираж 200 000 (1-100 000) экз. Заказ 385.
Цена 3 р. 60 к.

Сибирское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Министерства печати и средств массовой информации РСФСР
630132, Новосибирск, ул. Красноярская, 112

Отпечатано с готовых диапозитивов ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» на полиграфическом предприятии «Современник» Министерства печати и средств массовой информации РСФСР 445043, Тольятти, Южное шоссе, 30

310016